ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ
II

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
под общей редакцией Д. РЯЗАНОВА

Г. В. ПЛЕХАНОВ

СОЧИНЕНИЯ

ТОМ II

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. РЯЗАНОВА

Издание 2-е

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва Петроград

Предисловие редактора.

Во второй том «Собрания сочинений» Плеханова вошли статьи и брошюры, писанные в период от 1883 до 1888 года. Если уже в 1882 году Плеханов становится вполне убежденным марксистом и, наряду с переводом Коммунистического Манифеста, собирается писать изложение «Капитала», то с начала 1883 он становится *социал-демократом.* К этому времени кристаллизуется и основное ядро будущей социал-демократической группы «Освобождение Труда», Плеханов, Засулич, Аксельрод,— как это видно из приветствия, посланного ими с'езду немецкой социал-демократии в Копенгагене (29 марта—2 апреля 1883 г.).

Бывшие чернопередельцы окончательно отказались от своего прежнего отрицательного отношения к политической борьбе, они сближаются с «Народной Волей», они соглашаются даже на союз с нею, хотя и не желают—в первую голову Плеханов—пожертвовать своей идейной самостоятельностью, опасаясь вполне справедливо, что излишнее увлечение политической борьбой приведет к другой крайности, к «забвению будущих интересов партии», к игнорированию задач организации рабочего класса.

Соглашение между бывшими чернопередельцами и настоящими народовольцами налаживалось, и, не создавая еще новой группы, Плеханов и его товарищи считали возможным работать вместе с народовольцами в одном органе. Состав редакции, в которую, кроме Плеханова и Лаврова, входил только один представитель народовольчества, Л. Тихомиров, представлял, казалось, достаточные гарантии. Лавров в споре между чернопередельцами и народовольцами стоял ближе к первым и даже принимал участие в органе первых «Черный Передел». Но вышло иначе. После окончательного разгрома Исполнительного Комитета Народной Воли в начале 1883 г. среди членов его, уехавших за границу, возобладали ткачевско-якобинские тенденции, наиболее влиятельной представительницей которых была М. Н. Полонская (Ошанина).

Разрыв произошел как раз при первой же попытке Плеханова подвергнуть, хотя и осторожной, более или менее «дипломатической», критике якобинскую теорию «захвата власти». В то время, как статья

П. Аксельрода о «Социализме и мелкой буржуазии», а также заметка Плеханова о Щапове, посвященная критике народничества, не вызвали никаких возражений, большая статья Плеханова, в которой он рассматривал вопрос об отношениях между социализмом и политической борьбой, вызвала решительный протест Тихомирова и Полонской. Попытка Лаврова добиться компромисса кончилась неудачей, и Плеханов взял обратно свою статью—в августе 1883 г. Немедленно за этим сорганизовалась новая группа, которая, в конце сентября, выпустила об'явление об издании «Библиотеки Современного Социализма». Первым выпуском этой библиотеки явилась статья Плеханова для «Вестника Народной Воли», исправленная и дополненная, под названием «Социализм и политическая борьба».

Новая группа надеялась, что, несмотря на все разногласия, у нее так много общего с «Народной Волей», что обе группы смогут «действовать, в огромном большинстве случаев, рядом, пополняя и поддерживая друг друга».

Но уже следующий номер «Вестника Народной Воли» показал, что разногласия гораздо глубже. Статья Тихомирова «Чего нам ждать от революции?» знаменовала собой новый поворот в истории «Народной Воли». Якобинские тенденции одержали полную победу, и—что всего неожиданнее было—Лавров, который еще недавно был почти целиком солидарен с Плехановым, в своей рецензии на брошюру «Социализм и политическая борьба», высказался решительно против новой группы.

Ответом на эти статьи явилась новая брошюра Плеханова «Наши разногласия». Она открывается «Письмом к П. Лаврову», из которого видно, что оно было написано под свежим впечатлением только что прочитанной рецензии, сейчас же после получения номера «Вестника Народной Воли». Сначала предполагалось, вероятно, выпустить это письмо отдельной брошюрой, но после Плеханов отказался от этого намерения. Таким образом письмо, датированное 22 июля 1884 г., превратилось в предисловие к книжке, которая писалась до конца 1884 г. и вышла в свет только весною 1885 г.

Мы перепечатываем ее со второго издания, вышедшего в Женеве в 1905 г. Новое издание отличается от первого только тем, что Плеханов разбил книжку на более мелкие главы и снабдил их особыми заголовками. Тщательное сравнение показывает, что за исключением одного полемического выпада против Тихомирова, который во время оно был Плехановым, по совету Засулич, выпущен и во втором издании вставлен, автор ограничился несколькими стилистическими измене-

ниями и примечаниями. Вопреки неоднократным заявлениям Плеханова, приходится констатировать, что взгляды, развиваемые в «Наших разногласиях», в особенности на террор и общину—вполне соответствуют его тогдашним *действительным взглядам,* что «дипломатические соображения», на которые он ссылается, имели влияние только—в брошюре «Социализм и политическая борьба» в большей степени, чем в «Наших разногласиях»—на *форму* их выражения, а не на *сущность.* И если сам Плеханов несколько раз отмечает в примечаниях, что взгляд его на русскую общину, как одну из ступеней разложения первобытного коммунизма, не соответствует действительности, то это изменение произошло значительно позже, в 90-х годах.

Два проекта программы группы «Освобождение Труда», напечатанные в этом томе, весьма важны и в том отношении, что дают возможность проследить эволюцию взглядов Плеханова и его товарищей от 1883 до 1888 г.

В перепечатываемых теперь впервые примечаниях к переводу теоретической части брошюры Геда и Лафарга «Программа рабочей партии»—она была выпущена под названием «Чего хотят социал-демократы»—читатель найдет дополнительные соображения Плеханова о теории рынков В. В., на которую он ссылается в примечании ко второму изданию «Наших разногласий».

В первый раз появляется на русском языке маленькая статейка Плеханова о Морозовской стачке, написанная им для органа французской рабочей партии «Socialiste» в 1886 г. по поводу процесса «зачинщиков» этой забастовки. В этом процессе он видит исходный пункт нового фазиса русского рабочего движения.

Д. Рязанов.

Ноябрь 1922 г.

СТАТЬИ 1883—1888 Г.Г.

ОТ ОСНОВАНИЯ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» ДО ОРГАНИЗАЦИИ «РУССКОГО СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО СОЮЗА»

Приветствие с'езду немецкой социал-демократии в Копенгагене [1]).

Дорогие товарищи!

Несколько русских социалистов, живущих в Женеве и Цюрихе, уполномочили нас выразить немецкой социал-демократии, в лице делегатов конгресса, живейшие симпатии и в то же время искреннейшие пожелания, чтобы конгресс достиг в своей работе для общего дела пролетариата самых благотворных результатов. Мы и наши братья пользуемся этим случаем, чтобы выразить нашу глубокую скорбь по поводу смерти Карла Маркса, великого учителя и наставника всмирного пролетариата. Мы целиком присоединяемся к словам глубокого уважения и почтения, которые товарищ наш Петр Лаврович Лавров сказал у могилы великого усопшего. И мы твердо убеждены, что преждевременная смерть духовного вождя международного пролетариата для русского социально-революционного движения представляет такую же незаменимую потерю, как и для рабочего движения более передовых стран. Мы позволяем себе, поэтому, выразить желание, чтобы конгресс немецкой социал-демократической партии взял на себя инициативу международного сбора для сооружения памятника, который был бы достоин великого пионера современного социализма, и свидетельствовал бы об уважении к нему социалистов всех стран, а также инициативу создания фонда для *народного издания* всех сочинений Маркса.

В заключение просим вас принять уверения, что мы с напряженнейшим вниманием следим за борьбой немецкой социал-демократии и с радостью приветствуем всякий шаг вперед в ее международном влиянии и всякий успех ее внутри самой Германии.

Да здравствует социал-демократия Германии и всех стран!

Г. Плеханов.
П. Аксельрод.
Вера Засулич.

Конгресс собрался в Копенгагене в самый разгар закона против социалистов—в 1883 г. и заседал от 29 марта по 2-е апреля.

Афанасий Прокофьевич Щапов.

Сочинение профессора Н. Я. Аристова (посмертное издание). С.-Петербург 1883 г. [1]).

Книга покойного Аристова вызвала очень мало толков в нашей «легальной» литературе. Мы прочли где-то, что это об'ясняется ее недостатками. Но такое об'яснение едва ли можно признать удовлетворительным. При всех своих недостатках, книга эта, наверное, возбудит огромный интерес в лучшей части нашей читающей публики по той простой причине, что она говорит о личности, слишком дорогой для всякого, кто не остался равнодушным к нашему освободительному движению последних десятилетий. Исторические труды А. П. Щапова оказали и продолжают оказывать большое влияние на умственное развитие нашей нарождающейся демократии. Если они и не легли в основу, то, по крайней мере, были весьма значительным вкладом в теорию народничества, которое до сих пор составляет едва ли не преобладающее направление в русской революционной и оппозиционной среде. Но до сих пор не было еще систематического и критического обзора ни самой теории народничества в ее целом, ни тех элементов ее, из которых она сложилась исторически. Уже по одному этому можно и должно было посвятить сочинению Аристова хотя бы одну статью хотя бы в одном из тех журналов, которые борются теперь против фальсифицированного народничества. Исторические труды Щапова не составляют библиографической редкости и могли бы с большою пользою пополнить пробелы, нередкие в книге Аристова; что же касается жизни Щапова, то она заключает в себе столько глубоко поучительного, что не мешало бы лишний раз напомнить о ней читателям и противопоставить ее «безмятежному житию» наших официальных ученых.

Вернее всего, что именно особенности жизни Щапова и послужили причиною молчания наших журналов о книге Аристова. Слишком трудно писать в цензурных рамках о такой нецензурной лично-

---

[1]) «Вестник Народной Воли». № 1.

сти, как автор «Земства и раскола», лишенный кафедры и потом сосланный в Иркутск за демонстрацию весьма недвусмысленного свойства.

«По нынешним временам» о нем можно писать разве лишь в духе покойного «профессора, доктора русской истории и инспектора историко-филологического института князя Безбородко в Нежине», Аристова, почти на каждой странице своей книги оплакивающего обнаружившийся в Щапове «задор судить и рядить о делах практических», развитие в нем «интереса к политике» и т. д., и видящего причину гибели Щапова лишь в его «диком нраве и непростительном упорстве». Кто не желает говорить в этом духе о нашем даровитом историке, кто припоминает его безвременную гибель не с тем, чтобы воззвать к русской молодежи:

Смотрите, вот пример для вас,
Он горд был, не ужился с нами...

тот рискует никогда не увидеть своей статьи в печати, потому что волей-неволей должен будет высказать несколько горьких истин о современном политическом положении России. Пользуясь свободой заграничного органа, мы, со своей стороны, считаем не лишним посвятить несколько страниц изложению нашего взгляда на жизнь и исторические теории Щапова.

Покойный Афанасий Прокофьевич Щапов принадлежал к числу самых типичных и самых замечательных представителей нашего мыслящего пролетариата. Сын сельского дьячка, принадлежавший, по матери, к бурятскому племени, он стоически вынес все мытарства бурсы и семинарии и отправился в Казанскую духовную академию со страстным желанием продолжать свое научное образование. Несколько лет прожил он, погруженный в свои книги и рукописи, по семнадцати часов в сутки простаивал за своей конторкой, так что от его сапог оставались углубления, и студенты прозвали эти углубления «ямами нового столпника, блаженного Афанасия»; наконец, назначен был, по окончании курса, «баккалавром» академии по кафедре русской истории. В эту пору своей жизни он еще до такой степени чужд был каких бы то ни было политических стремлений, до такой степени оставался «великим тружеником чистой науки», что решился-было итти в монахи, когда возникло сомнение в том, что его оставят при академии. Но он обладал слишком живым характером, чтобы остаться индифферентным в виду освободительного движения, охватившего наше общество после крымской войны. Он страстно любил свою науку, но еще страстнее

любил он тот народ, «многочисленные бедствия которого во все века» он часто оплакивал «навзрыд» (стр. 39). Страдания народа, «беды и напасти забитого и угнетенного крестьянства» слишком резко запечатлелись в его душе с детства, чтобы он мог на всю жизнь остаться бесстрастным кабинетным тружеником. Всеобщее возбуждение умов ускорило неизбежный перелом в характере молодого ученого. «Крестьянская реформа наэлектризировала Щапова до последней степени, и надо было ожидать если не громового удара, то сильного треска. Своим страстным увлечением и порывистой энергией, страшной силой убеждения и непреклонного характера, необычайной задушевностью и горячей любовью к народу он электризовал и студентов».

И вот тогда-то и стал обнаруживаться у него «задор судить и рядить о делах практических», как повествует не без высокомерного презрения инспектор историко-филологического института князя Безбородко. «Много я мог бы наговорить дельного, жизненного нашим деревянным правителям, да разве они снизойдут до того, чтобы выслушать,—говорил он с раздражением.—Мысль подчас так мучит, так напрягает голову, что и самых тяжелых вздохов, а за вздохами слез мало для облегчения мысленного давления. Слово, свободное слово—единственный простор мысли. Это—ее свежий воздух... Но так как этого воздуха не было, то поневоле приходилось задумываться о том, как бы очистить атмосферу русской жизни, не дожидаясь согласия на то «деревянных правителей», и припоминать историю прежде бывших попыток этого рода. Так, напр., Афанасий Прокофьевич с большою симпатиею относился к декабристам. По этому поводу Аристов сообщает в своей книге факт в высшей степени интересный и едва ли не единственный в истории наших университетов. Раз, будучи уже приглашен на кафедру русской истории в университет, Щапов заявил, что будет читать о декабристах. «Само собой разумеется, что 7-я аудитория к назначенному часу была битком набита; едва успел Щапов взойти на кафедру, растворилась дверь, вошел помощник попечителя Тихомандрицкий и занял место. Наступила мертвая тишина. Лектор при неожиданности немного растерялся: достал из кармана бумажку, на которой написан был конспект, повертел ее в руках и опять положил ее в карман, потом опять вынул конспект и тотчас заявил, что лекция его имеет предметом историю декабристов... Он начал говорить с такой свободой и о таких подробностях, как будто дело шло о самых обыкновенных вещах между близкими приятелями. Эту лекцию Щапов заключил стихами:

Иной восстанет грозный мститель,
Иной родится мощный род:
Страны своей освободитель
Проснется дремлющий народ.

«Восторженный взрыв рукоплесканий и криков пронесся, словно буря, с треском и громом, и проводил смельчака-доцента» (стр. 59).

Такая смелая и откровенная речь, такое явное сочувствие революционной попытке, о которой лишь за несколько лет до того была с высочайшего одобрения издана лживая и полная клевет книга барона Корфа,—были и до сих пор остаются «не ко двору» нашим университетам.

Молодой доцент скоро попал на замечание, и безднинская история была лишь внешним поводом для его увольнения. «Как фанатик своих убеждений,—читаем мы в книге Аристова,—он привык высказывать их не стесняясь; если бы даже грозили ему страдания за откровенность, он не посмотрел бы на них, а только закалился бы в своем стремлении» (стр. 64). Такой характер заранее обрекал Щапова на мученичество и отнимал у него возможность спокойно продолжать свою научную карьеру. Он умер не академиком, а ссыльным, лишенным не только научных пособий,—но даже средств к существованию. «Не задолго до кончины своей он иногда *приходил голодным к знакомым и просил, чтобы накормили его:* обыкновенной его домашней пищей был чай с хлебом. Отсутствие питания ускорило развязку дела и сокрушило его злополучную жизнь; *без добрых людей и раньше он мог бы умереть с голода*».

Щапов скончался 27-го февраля 1876 г.

Весьма характерно, что сообщение о его кончине не разрешено было к печатанию в газете «Сибирь», и общество иркутское узнало о его смерти, когда «уже он давно лежал в земле сырой». Так погиб этот ученый представитель русского мыслящего пролетариата, бывший, по словам Аристова, целую жизнь заступником русского народа.

Покойный инспектор также огорчается этой безвременной гибелью, но он обвиняет в ней не тех, кого следует. Мы уже сказали, что он винит в ней больше всего самого Щапова.

Упомянувши о речи, послужившей поводом к аресту Щапова, наш автор с горечью восклицает, что «минутное торжество бесцельной политики убило наповал развитие науки». Мы высоко ставим благородную и талантливую личность Щапова и не сомневаемся в том, что он мог бы вести политическую агитацию с большею целесооб-

разностью, а потому и с большим успехом. Но мы никак не можем признать вредным для науки пробуждение в ученом политических интересов. Кому же не известно, что очень многие из западно-европейских ученых принимают деятельное участие в политической жизни своей страны, в парламентских заседаниях и в избирательной агитации и в то же время делают для своей специальности не меньше, чем сделали все вместе взятые студенты Казанской духовной академии, политический индифферентизм которых с такой похвалой оттеняет в своей книге Аристов? Пора же, наконец, русским ученым понять, что наука может беспрепятственно развиваться лишь там, где ее учения свободны, и что такая свобода мыслима лишь в свободном государстве. На основании этой аксиомы можно сказать, что наши политические мученики делают для будущего развития русской науки больше, чем ученые филистеры, не видящие потребностей нашей современной действительности из-за реторт, летописей или кристаллов. Тому, кто назвал бы нашу мысль преувеличением, мы напомним следующие слова одного из величайших немецких мыслителей. «Я убежден,—говорит Фихте, обращаясь к студентам в 1813 г.,—я убежден, что царству исконного врага человеческого рода—зла вообще, в различные эпохи являющегося в самых различных видах, конец может быть положен только развитием науки в человеческом роде. Вам известно, что я разумею под этим воплощение знания, разума, мудрости в самую жизнь...

«Но эта духовная война против зла требует внешнего мира, спокойствия, тишины, неприкосновенности ведущих ее личностей. Если бы это условие было нарушено, если бы свободное развитие человеческого духа стеснялось или запрещалось, тогда *прежде всего другого* должно было бы завоевать эту свободу, ничего не щадя для нее, жертвуя даже кровью и состоянием, потому что, если она не завоевана, и пока она не завоевана, немыслимо никакое улучшение человеческих отношений, и человеческий род должен вести позорное и бесцельное существование». Мы знаем, конечно, что не все ученые мужи могут возвыситься до такой точки зрения, что сама Германия была и остается классической страной «книжных червей» всевозможных специальностей; но пора же Вагнеру понять, что он только Вагнер, и не удивляться тому, что доктор Фауст задыхается в своем ученом кабинете.

Перейдем к историческим идеям Щапова. В книге Аристова мы не находим критики этих идей. Покойный доктор русской истории ограничился лишь немногими заметками относительно «своеобразного про-

селочного пути», проложенного Щаповым в своей науке, да несколькими ворчливыми выходками против его «скороспелых выводов». Но он дает нам небезынтересные сведения о ходе развития и занятий нашего талантливого историка и об отношении его к современным ему литературным направлениям. Он рассказывает, что Н. Г. Чернышевскому сильно хотелось привлечь на свою сторону Щапова, но с тем, чтобы он изменил хоть отчасти свой исторический взгляд; с этой целью он устроил с ним свидание на масленице 1862 г. Целый вечер продолжался горячий спор между ними о коренных воззрениях на русскую историческую жизнь и современное состояние народов. Щапов узнал только при прощании, с кем он вел долгий и дельный спор—и, однако, ни на шаг не уступил из своих выработанных убеждений. С той поры участие его в «Современнике» сделалось сомнительным... (стр. 91). За две страницы перед тем мы читаем, что, «сталкиваясь с сотрудниками «Современника», Елисеевым, Пыпиным, Помяловским и другими, Щапов не мог помириться с направлением этого журнала, считая его искусственным, сочиненным и непригодным для русского народа, наметившего свой жизненный путь, по которому и следует сознательно вести его «истинно-образованным людям». Это разногласие нисколько не удивит нас, если мы припомним, что в Щапове были очень сильны славянофильские тенденции.

В основе его миросозерцания лежало, как известно, противоположение «двух опытов земского строения: 1) опыта свободного самоустройства и саморазвития, в форме земли русской, земства, земско-вечевого мира; 2) опыта единодержавно-бюрократического строительства, в форме государства, империи всероссийской». Он настолько же отрицательно относился ко второму из названных периодов, как горячо защищал первый. Эта ненависть к централизационной эпохе нашей истории коренилась, с одной стороны, в сильном сочувствии Щапова к народным массам, которые расплачивались страшною ценою за создание сильного русского государства. Всякий, знакомый с его сочинениями, помнит, вероятно, с каким сочувствием описывает Щапов борьбу «сельской России» против всепоглощающей государственности. С другой стороны, его взгляды являлись естественной реакцией против односторонности предшествовавших историков.

«Когда я изучал,—пишет он,—историю Устрялова и Карамзина, мне всегда казалось странным, отчего в их истории не видно нашей сельской Руси, истории масс так называемого простого черного народа? Разве это громадное большинство не имеет прав на просвещение, на

историческое развитие и значение? Прочитайте летописи, акты и писцовые книги, вы увидите, что строителями России были крестьяне всюду и везде, и они вынесли на своих могучих плечах светлое будущее нашего отечества». Это признание исторической самодеятельности народных масс и эта симпатия к ней заставляли его с особенной любовью останавливаться на том времени, когда Московские приказы и Петербургские канцелярии не довели еще до ничтожного минимума «излюбленного народом самоуправления», когда «жизнь русского народа слагалась во всех отношениях *естественно* свободно, без искусственного расписания русского народонаселения, «*по земле и воде*», когда «каждая область с мелкими подразделениями имела свою самобытность и самостоятельное управление, сложившееся естественно, по требованию жизни народонаселения». В своей симпатии к этому периоду Щапов, в свою очередь, доходил до крайности. Хотя он и признавал, что «законы исторического роста, воспитания и народного организма так же естественны и вечны, как законы природы», хотя он и понимал, что с этой точки зрения «самые реформы петровской эпохи централизационной системы и бюрократические учреждения его могут иметь силу жизненности и воспитательности исторической»,—но это признание не мешало ему смотреть на несколько столетий русской истории, как на одну огромную ошибку. В очерке «русского управления XVIII века» он доказывает, что сущность всего правительственного строительства в течение XVIII и первой половины XIX столетий состоит в непрерывном, последовательном отрицании предшествовавших учреждений установлениями последующими, в изменении комиссий, проектов и положений». По смыслу этих слов выходит, что государственно-централизационная эпоха русской истории привела и могла привести лишь к отрицательным результатам. И в этом случае один из родоначальников русского народничества сходится с самым блестящим представителем—если так можно выразиться—манчестерской исторической школы на Западе. Читатель помнит, что, по мнению Бокля, самые мудрые распоряжения государей заключаются в отмене законов, изданных их предшественниками.

Развиваясь далее, это воззрение Щапова на историческую роль русского государства совпало в умах наших народников с анархическим учением Прудона и Бакунина и послужило как бы его историческим об'яснением.

Взгляды Щапова на раскол и на революционные движения «сельской России» подтверждали, казалось, убеждение русских анархистов

в том, что народ наш обладает «прирожденными» антигосударственными и коммунистическими стремлениями. Здесь не место входить в оценку исторической роли государства вообще и русского государства в частности. Но не мешает обратить внимание на то интересное обстоятельство, что разногласие между Н. Г. Чернышевским и А. П. Щаповым заключалось совсем не в отношении к общине. Первый из названных писателей защищал ее энергичнее, чем кто бы то ни было до и после него. Яблоком раздора был именно вопрос о государстве, его исторической роли и желательном для демократов отношении его к народу в настоящее время. Как видно из его «Очерков политической экономии», Ник. Гавр. Чернышевский хорошо понимал, что социалистический переворот, устраняя разделение общества на классы, должен, в конце концов, уничтожить существующее ныне противоположение между обществом и государством. Но это была отдаленная цель и необходимый вывод из пересоздания общественно-экономических отношений; самое это пересоздание было, повидимому, мыслимо для него лишь под условием энергического воздействия со стороны государства. Его статья «Экономическая деятельность и законодательство» по сущности своей аргументации ровно столько же касается анархистов, как и экономистов манчестерской школы. Защищая общинное землевладение, Н. Г Чернышевский ставил его под охрану и покровительство государства, которое играло роль главного рычага во всех его реформаторских проектах. Само собой разумеется, что понятие о государстве, как факторе общественного прогресса, не совпадало у него с понятием об «единодержавно-бюрократическом государстве». Причину неудачи пресловутых «реформ прошлого царствования» он видел, как это показывают его «Письма без адреса», именно в том, что они были предприняты без активного участия общества и народа. Он придавал огромное значение созданию свободных политических учреждений, но он понимал, что желательные для него экономические реформы одинаково затрагивают интересы народа на всем пространстве России, и потому должны быть предприняты по государственной, а не местной, общинной или областной инициативе.

С своей стороны, А. П. Щапов обращал главное внимание не на экономическую, а на общественно-правовую сторону реформ, интересовавших русских демократов и социалистов того времени. Хотя эти две стороны социального строя очень тесно связаны между собой, хотя общественно-правовые реформы бывают часто необходимым условием осуществления экономических реформ, но нужно заметить, что при

выработке своей практической программы всякий общественный деятель должен прежде выяснить себе свои экономические задачи, а затем уже изыскивать подходящие для них политические средства. В противном случае, он рискует стать в противоречие с своей собственной целью и симпатизировать таким общественно-правовым реформам, которые лишат представляемый им класс возможности притти прямым путем к экономическому благосостоянию. Убежденный в том, что «экономический быт русского народа также создался естественным путем колонизации и промысловой деятельности, сообразно с местными условиями», что «внутреннее поземельное устройство и экономическое саморазвитие носило (в доцентрализационный период нашей истории) областной оттенок», покойный историк видел в возврате к федеративному строю едва ли не главное условие экономического освобождения народа. Он забывал, что, при разделении общества на классы, федеративный строй может быть, по крайней мере, таким же удобным орудием эксплоатации большинства меньшинством, как и централистический. Он забывал также, что для низшего класса народа, главная сила которого состоит в его численности, лучшею школою которого является жизнь в больших центрах, политическое раздробление равносильно ослаблению, а иногда и полному уничтожению возможности низвергнуть давящее их иго. Чтобы не ходить далеко за примером, укажем хоть на историю швейцарского фабричного законодательства, существующего в своем настоящем виде благодаря инициативе общесоюзного правительства. Отчеты фабричных инспекторов наглядно показывают, каким сильным препятствием к осуществлению даже этих далеко не идеальных законов являются местные, общинные власти, естественно находящиеся под влиянием крупных промышленников. Существующие в той же Швейцарии так называемые «communes bourgeoises», предоставляющие исключительные права коммунальным старожилам, также могли бы убедить любого из крайних последователей Щапова, что в экономическом развитии всякого цивилизованного народа рано или поздно наступает период, когда общинные рамки становятся слишком тесными для выражения и защиты интересов рабочего класса; когда права граждан находят надежное для себя обеспечение не в общинных, а в государственных учреждениях. Сам Щапов никогда не требовал, разумеется, полного уничтожения государства, как средства освобождения народных масс; этот вывод был сделан из его воззрений лишь нашими бакунистами. Но, благодаря невыясненности своих экономических понятий, он никогда не представлял себе ясно тех требований, с какими может обратиться к государству совре-

менное рабочее сословие. «Пожелаем мирским сходам больше простора, свободы в своем саморазвитии,—писал он в статье «Сельский мир и мирской сход»,—а крестьянам больше прав свободного пользования землями, лесами и другими источниками народного богатства, простора для торгово-промышленного развития, возрастания богатых сел на степень городов, без искусственного указного вмешательства».

Если мы сравним эту программу Щапова с тем, что писал и предлагал Н. Г Чернышевский,—сделавши, разумеется, поправки на неизбежные, по независящим от редакции обстоятельствам, недомолвки,—то мы увидим, что первый стоит в таком же отношении ко второму, как современный демократ к *социал-демократу*. Один желает *свободного* личного и общественного развития и считает уменьшение государственного вмешательства в экономическую жизнь общества самым главным и чуть ли не единственным условием этого развития. Его экономические требования ограничиваются предоставлением «крестьянам побольше прав свободного пользования землями, лесами и другими источниками народного богатства». Другой понимает уже, что это пользование «землями и лесами» требует не только «свободы», но и целесообразной организации, без которой «возрастание богатых сел до степени городов» поведет лишь к угнетению рабочего класса; в истории народов он видит не только борьбу, двух абстрактных принципов *федерализма и централизма,* но и те экономические условия, которые создали федералистические и централистические государства; он прослеживает борьбу классов через все пройденные ею фазисы, анализирует те политические формы, которые служили защитой для эксплоататоров; определяет те общественно-экономические задачи, которые выросли в процессе вековой борьбы общественных классов,—и приходит к тому заключению, что община сделалась слишком узким базисом для решения этих задач, и что рабочий класс должен не разрушать так дорого стоившую ему государственную машину, а видоизменять и утилизировать ее для своих целей. В то время, как русский *демократ* стремится лишь как можно более ограничить сферу государственного вмещательства, родоначальник русской *социальной* демократии ставит этому вмешательству ясные цели, определяемые экономическими задачами рабочего класса.

Едва ли нужно прибавлять, что наши симпатии лежат на стороне последнего. При всем уважении к А. П. Щапову, как честному борцу за свои убеждения и талантливому историку, пролившему новый свет на одну из интереснейших сторон русской истории, мы не можем не видеть односторонности и угловатости его воззрений. Если тот период нашей

истории, в продолжение которого жизнь русского народа «слагалась»,—как уверяет Щапов,—во всех отношениях естественно и свободно—мог привести лишь к «единодержавно-бюрократическому строю», то ясно, что русская свобода того времени носила зародыш смерти в своих собственных недрах; ясно также, что социально-политические отношения, в результате которых явилась эта свобода, заключали в себе коренные недостатки: «естественное» развитие их привело к деспотизму московского и петербургского периодов. Нам заметят, пожалуй, что деспотизм являлся следствием внешних, а не внутренних условий, что он зародился и укрепился в борьбе с иноземными завоевателями. Пусть будет так. Но тогда зачем же нам идеализировать тот печальный период народной беспомощности, который если и оставлял русскому народу какой-нибудь выбор, то лишь выбор между чужеземными или домашними поработителями. Не должны ли мы припомнить в этом случае слова Маркса, который говорит, что «социальная революция девятнадцатого столетия может черпать свою поэзию не в прошлом, а только в будущем», что «она не может начаться до тех пор, пока не уничтожатся все суеверия прошлого», что между тем как «предшествующие революции нуждались в всемирно-исторических образцах и воспоминаниях, революция девятнадцатого столетия должна предоставить мертвым хоронить своих мертвецов», и «сосредоточить свое внимание на своем собственном содержании». Мы уверены, что пришла уже пора критической оценки всех элементов нашего народничества. Между этими элементами взгляды Щапова на взаимные отношения народа и государства, на раскол и общину—занимают, как мы сказали, очень видное место и уже по одному этому заслуживают полного внимания наших социалистических писателей. Чем тверже ступят русские революционеры на точку зрения научного социализма, тем определеннее им представится созидающая экономическая роль русского народного государства; чем яснее сознают они экономические задачи социалистической революции, тем очевиднее будет для них, что старые формы народной жизни и народного миросозерцания слишком тесны для того, чтобы воплотить в себя практику и теорию нового движения. Укрепившись в этом сознании, наша социально-революционная партия начнет третий, непредвиденный Щаповым, период «земского строительства», равно-далекий как от земско-вечевого, так и от единодержавно-бюрократического «опыта»—именно *период социально-демократический*.

Об издании «Библиотеки Современного Социализма».

Борьба с абсолютизмом—историческая задача, общая русским социалистам с другими прогрессивными партиями в России—не принесет им возможного влияния в будущем, если падение абсолютной монархии застанет русский рабочий класс в неразвитом состоянии, индифферентным к общественным вопросам или не имеющим понятия о правильном решении этих вопросов в своих интересах.

Поэтому социалистическая пропаганда в среде наиболее восприимчивых к ней слоев трудящегося населения России и организация, по крайней мере, наиболее выдающихся представителей этих слоев составляет одну из серьезнейших обязанностей русской социалистической интеллигенции.

Необходимым условием такой пропаганды является создание рабочей литературы, представляющей собою простое, сжатое и толковое изложение научного социализма и выяснение важнейших социально-политических задач современной русской жизни, с точки зрения интересов рабочего класса.

Но, прежде чем взяться за создание такой литературы, наша революционная интеллигенция должна сама усвоить современное социалистическое миросозерцание, отказавшись от несогласимых с ним старых традиций. Поэтому критика господствующих в ее среде программ и учений должна занять важное место в нашей социалистической литературе.

Всякий, знакомый с современным состоянием нашей социалистической литературы, знает, как мало удовлетворяет она обоим вышеуказанным требованиям. Члены группы, впервые приступившей к изданию «Черного Передела» (в 1879—1880 г.г.), решились всеми зависящими от них средствами способствовать пополнению этих пробелов и с этой целью приступают теперь к изданию «*Библиотеки Современного Социализма*».

Вполне признавая необходимость и важность борьбы с абсолютизмом, они полагают в то же время, что русская революционная интелли-

генция слишком игнорировала до сих пор вышеуказанные задачи организации рабочего класса и пропаганды социализма в его среде; они думают, что борьба ее с правительством не сопровождалась в достаточной мере подготовлением русского рабочего класса к сознательному участию в политической жизни страны. Разрушительная работа наших революционеров не дополнялась созданием элементов для будущей рабочей социалистической партии в России.

Изменяя ныне свою программу в смысле борьбы с абсолютизмом и организации русского рабочего класса в особую партию с определенной социально-политической программой, бывшие члены группы *«Черного Передела»* образуют ныне новую группу—*«Освобождение Труда»* и окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями [1]).

Успех первого предприятия этой группы зависит, конечно, от сочувствия и поддержки со стороны действующих в России революционеров. Поэтому она и обращается ко всем кружкам и лицам в России и за границей, сочувствующим вышеизложенным взглядам, с предложением обмена услуг, организации взаимных сношений и совместной выработки более полной программы для работы на пользу общего дела.

Группа эта смотрит на «Библиотеку Современного Социализма», как на первый опыт, удача которого дала бы ей возможность расширить свое дело и приступить к изданию социалистических сборников или даже периодического обозрения.

Задача, поставленная себе издателями «Библиотеки Современного Социализма», едва ли нуждается, после всего сказанного, в более подробном об'яснении. Она сводится к двум главным пунктам:

1) Распространению идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и

[1]) Ввиду неоднократно повторявшихся слухов о состоявшемся будто бы соединении старой группы «Черн. Пер.» с «Нар. Вол.», мы считаем нужным сказать здесь несколько слов по этому поводу. В последние два года, действительно, велись между обеими группами переговоры о соединении. Но, хотя два-три члена нашей группы даже вполне примкнули к «Нар. Воле», полное слияние не могло, к сожалению, состояться. Как читатель может увидеть из брошюры «Социализм и политическая борьба», это слияние затрудняется нашим разногласием с «Нар. Вол.» по вопросу о так называемом «захвате власти», а также некоторых практических приемах тактики революционной деятельности, вытекающей из этого пункта программы. Обе группы имеют, однако, теперь так много общего, что могут действовать, в огромном большинстве случаев, рядом, пополняя и поддерживая друг друга.

оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки.

2) Критике господствующих в среде наших революционеров учений и разработке важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России.

Женева,
25 сентября 1883 г.

СОЦИАЛИЗМ

И

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Предисловие.

Предлагаемая брошюра может подать повод ко многим недоразумениям или даже неудовольствиям. Лица, сочувствующие направлению «Земли и Воли» и «Черного Передела» (органов, в редактировании которых я принимал участие), могут упрекнуть меня в том, что я отступил от теории так называемого народничества. Сторонникам других фракций нашей революционной партии может не понравиться моя критика дорогих им воззрений. Считаю нелишним, поэтому, небольшое предварительное об'яснение.

Стремление работать *в народе* и для народа, уверенность в том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса»—эта *практическая* тенденция нашего народничества дорога мне по прежнему, *Теоретические* же его положения, действительно, кажутся мне во многих отношениях ошибочными. Годы пребывания за границей и внимательного изучения социального вопроса убедили меня, что торжество стихийного народного движения, вроде бунта Ст. Разина или крестьянских войн в Германии, не может удовлетворить социально-политических нужд современной России, что старые формы нашей народной жизни носили в самих себе много зародышей своего разложения, и что они не могут «развиться в высшую коммунистическую форму» без непосредственного воздействия на них сильной и хорошо организованной *рабочей* социалистической партии. Поэтому я думаю, что рядом с борьбой против абсолютизма русские революционеры должны стремиться, по крайней мере, к выработке элементов для создания такой партии в будущем. В этой созидательной деятельности им, по необходимости, придется перейти на почву современного социализма, так как идеалы «Земли и Воли» не соответствуют положению промышленных рабочих. И это будет очень кстати теперь, когда теория русской самобытности становится синонимом застоя и реакции, а прогрессивные элементы русского общества группируются под знаменем осмысленного «западничества».

Перехожу к другому пункту моего об'яснения. Здесь, прежде всего, скажу в свою защиту, что я касался не лиц, а мнений, и что частные

разногласия мои с той или другой социалистической группой нимало не уменьшают моего уважения ко всем искренним борцам за освобождение народа.

Кроме того, так называемое террористическое движение открыло собою новую эпоху в развитии нашей революционной партии—эпоху *сознательной политической борьбы* с правительством. Эта перемена в направлении деятельности наших революционеров делает необходимым пересмотр всех взглядов, унаследованных ими от предыдущего периода. Жизнь требует внимательного пересмотра всего нашего умственного багажа при нашем вступлении на новую почву, и я смотрю на свою брошюру, как на посильный вклад в это дело критики, давно уже начавшейся в нашей революционной литературе. Читатель не забыл еще, вероятно, биографии А. И. Желябова, заключающей в себе строгую и часто весьма верную критическую оценку программы и деятельности кружка «Земли и Воли». Очень может быть, что мои критические попытки окажутся менее удачными, но едва ли было бы справедливо признать их менее своевременными.

Г. П.

Женева,
25 октября 1883 г.

Социализм и политическая борьба.

Всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Карл Маркс.

С тех пор, как русское революционное движение окончательно выступило на путь открытой борьбы с абсолютизмом, вопрос о политических задачах социалистов сделался самым насущным, самым жгучим вопросом для нашей партии. Из-за него расходились люди, связанные многими годами совместной практической деятельности, из-за него распадались целые кружки и организации. Можно даже сказать, что все русские социалисты временно разделились на два лагеря, державшиеся диаметрально-противоположных взглядов на «политику». Как и всегда бывает в подобных случаях, дело не обошлось без крайностей. Одни считали политическую борьбу чуть ли не изменой народному делу, проявлением в нашей революционной интеллигенции буржуазных инстинктов, осквернением чистоты социалистической программы. Другие не только признавали необходимость этой борьбы, но и готовы были, в ее мнимых интересах, итти на компромиссы с либерально-оппозиционными элементами нашего общества. Некоторые доходили даже до того, что считали вредным для настоящего времени всякое проявление классового антагонизма в России. Таких взглядов держался, напр., Желябов, которому «русская революция представлялась, по словам его биографа, не исключительно в виде освобождения крестьянского или даже (?) рабочего сословия, а в виде политического возрождения всего русского народа вообще» [1]). Другими словами, революционное движение против абсолютной монархии сливалось в его представлении с социально-революционным движением рабочего класса во имя своего экономического освобождения; частная, специально-русская задача настоящего времени заслоняла собою общую задачу рабочего класса всех цивилизованных стран. Далее этого разногласие итти не могло, и разрыв стал неизбежен.

---

[1]) См. брошюру «Андрей Иванович Желябов», стр. 10.

Время сгладило, однако, крайности и разрешило значительную часть спорных вопросов в удовлетворительном для обеих сторон смысле. Мало-по-малу все или почти все признали, что начатая политическая борьба должна продолжаться до тех пор, пока широкое освободительное движение в народе и обществе не разрушит здания абсолютизма, как землетрясение разрушает курятник, если можно употребить энергическое выражение Маркса. Но очень многим из наших социалистов борьба эта до сих пор представляется каким-то вынужденным компромиссом, временным торжеством «практики» над «теорией», насмешкой жизни над бессилием мысли. Сами «политики», оправдываясь от сыпавшихся на них упреков, избегали всякой апелляции к основным положениям социализма, а ссылались опять на неотразимые требования действительности. В глубине души они и сами, повидимому, верили, что им не совсем к лицу политические тенденции, но утешали себя тем соображением, что только в свободном государстве они могут предоставить мертвым хоронить своих мертвецов и, покончивши всякие счеты с политикой, всецело посвятить себя делу социализма. Это смутное убеждение приводило иногда к не лишенным курьеза недоразумениям. Разбирая речь «русского гостя» на Хурском Конгрессе и пытаясь оправдаться от мнимого упрека в политиканстве, «Народная Воля» заметила, между прочим, что ее сторонники не социалисты и не политические радикалы, а просто «народовольцы». Орган террористов полагал, что на «Западе» внимание радикалов исключительно поглощено политическими вопросами, а социалисты, наоборот, знать не хотят «политики». Всякий, знакомый с программами западно-европейских социалистов, понимает, конечно, насколько ошибочно такое представление по отношению к огромному их большинству. Известно, что социальная демократия Европы и Америки никогда не придерживалась принципа политического «воздержания». Ее сторонники не игнорируют «политики». Они только не представляют себе задач социалистической революции в виде «возрождения всего народа вообще». Они стараются организовать рабочих в особую партию, чтобы отделить таким образом *эксплоатируемых от эксплоататоров* и дать политическое выражение экономическому антагонизму. Откуда же взялась у нас уверенность в том, что социализм обусловливает собою политический индифферентизм,—уверенность, стоящая в полном противоречии с действительностью? У Шиллера Валленштейн говорит Максу Пикколомини, что человеческий ум широк, между тем как мир узок, и что поэтому мысли легко уживаются в первом, между тем как вещи резко сталкиваются между собою во втором. Должны ли

мы сказать про себя, что в нашем мозгу, наоборот, не могут ужиться рядом понятия о таких вещах, которые не только прекрасно уживаются на практике, но и вообще немыслимы вне взаимной связи? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно, прежде всего, привести в ясность те представления о социализме, которые существовали у наших революционеров в эпоху возникновения в их среде политических тенденций. Убедившись в том, что эти представления были ошибочными или отсталыми, мы посмотрим, какое место отводит политической борьбе то учение, которому даже буржуазные его противники не отказывают в названии *научного социализма*. После этого нам останется только сделать в наших общих выводах поправки, неизбежные ввиду тех или других особенностей современного положения дел в России—и наша тема будет исчерпана; политическая борьба рабочего класса с врагами, принадлежащими к той или иной исторической формации, окончательно обнаружит перед нами свою связь с общими задачами социализма.

I.

Социалистическая пропаганда оказала огромное влияние на весь ход умственного развития в цивилизованных странах. Нет почти ни одной отрасли общественной науки, на которую эта пропаганда не повлияла бы в том или ином смысле. Она частью разрушила старые, научные предрассудки, частью превратила их из наивного заблуждения в софизм. Понятно, что еще сильнее должно было отозваться влияние социалистической пропаганды на самих сторонниках нового учения. Все традиции прежних «политических» революционеров подверглись беспощадной критике, все приемы общественной деятельности были анализированы с точки зрения «нового Евангелия». Но так как дело научного обоснования социализма было закончено лишь с появлением «Капитала», то понятно, что результаты этой критики далеко не всегда были удовлетворительны. А так как, с другой стороны, в утопическом социализме существовало несколько школ, почти равносильных по своему влиянию, то мало-по-малу выработался род какого-то среднего социализма, которого и придерживались люди, не претендовавшие на основание новой школы и не принадлежавшие к числу особенно рьяных сторонников школ, прежде существовавших. «Этот эклектический социализм представляет собою,—как говорит Фр. Энгельс,—различных оттенков смесь из наиболее общепризнанных и наименее глубоких критических заме-

чаний, экономических положений и общественных идеалов различных основателей сект, смесь тем легче получаемую, чем скорее составные части ее утрачивают в потоке дебатов—как камни в ручье—свои острые углы и грани» [1]). «Этот средний социализм,—замечает тот же автор,—господствует до сих пор в головах большинства рабочих в Англии и Франции» [2]). Мы, русские могли бы прибавить, что такая же точно смесь господствовала в половине семидесятых годов в умах наших социалистов и представляла тот общий фон, на котором выделялись два крайние направления так называемых «впередовцев» и «бакунистов». Первые склонялись к немецкой социал-демократии, вторые представляли собою русское издание анархической фракции Интернационала. Расходясь между собою в очень многом, почти во всем, оба направления сходились—как это ни странно сказать—в отрицательном отношении к «политике». И нужно сознаться, что анархисты были в этом отношении последовательнее русских социал-демократов того времени.

С анархической точки зрения политический вопрос является пробным камнем всякой рабочей программы. Анархисты не только отрицают всякие сделки с современным государством, но исключают из своих представлений о «будущем обществе» все, что напоминает так или иначе государственную идею. «Автономная личность в автономной общине»—таков был и есть девиз всех последовательных сторонников этого направления. Известно, что родоначальник его, Прудон, поставил себе, в своем органе «La voix du peuple», не совсем скромную задачу «сделать по отношению к идее правительства (которую он смешивал с государственной идеей) то же, что сделал Кант по отношению к идее религиозной» [3]), и дошел в своем государственном рвении до того, что об'явил самого Аристотеля «скептиком в вопросе о государстве» [4]). Ре-

[1]) См. «Entwicklung des Sozialismus», S. 18.

[2]) Прим. ко 2-му изданию. Теперь во Франции окончательно восторжествовал марксизм, основные положения которого признаются, в более или менее искаженном виде, даже «оппортунистами» из лагеря Жореса.

[3]) См. «Confession d'un révolutionnaire», Préface, p. 4.

[4]) До какой степени Аристотель был «скептиком» в вопросе о государстве, видно из первой главы первой книги его «Политики», где он говорит, что «государство есть самая законченная форма общественности»; что цель его есть «высшее благо», и что, поэтому, оно оказывается явлением «естественным в самом высоком смысле этого слова, а человек есть животное, самой природой предназначенное к государственной форме общественности» (B. I, C. I, §§—XI немецкого издания Зюсемиля 1879 года). Автор «Политики» так же «скептично»

шение поставленной им себе задачи было очень просто и вытекало, если угодно, совершенно логично из экономических учений французского Канта. Прудон никогда не мог представить себе экономического строя будущего иначе, как в форме товарного производства, исправленного и дополненного новой, «справедливой» формой обмена на началах «конституированной стоимости». При всей «справедливости» этой новой формы обмена, она не исключает, разумеется, ни купли, ни продажи, ни долговых обязательств, сопровождающих товарное производство и обращение. Все эти сделки предполагают, конечно, различные договоры, которыми и определяются взаимные отношения обменивающихся сторон. Но в современном обществе «договоры» основываются на общих правовых нормах, обязательных для всех граждан и охраняемых государством. В «будущем обществе» дело должно будет происходить несколько иначе. *Революция должна была, по мнению Прудона, уничтожить «законы», оставляя одни «договоры».* «Не нужно законов, вотированных большинством или единогласно,—говорит он в своей «Idée générale de la Révolution au XIX siècle»,—каждый гражданин, каждая коммуна и корпорация установят свои особые законы» (p. 259). При таком взгляде на дело, политическая программа пролетариата упрощалась до последней возможности. Государство, признающее лишь общие и обязательные для всех граждан законы, не могло служить даже средством для достижения социалистических идеалов. Пользуясь им для своих целей, социалисты лишь укрепляют то зло, с искоренением которого должна начаться «социальная ликвидация». Государство должно «разложиться», открывая таким образом «каждому гражданину, каждой коммуне и корпорации» полную свободу издавать «свои собственные законы» и заключать необходимые для них «договоры». Если же анархисты не будут терять времени в период «ликвидации», то «договоры» эти будут заключены в духе «Системы экономических противоречий», и торжество «Революции» будет обеспечено.

Задача русских анархистов упрощалась еще более. «Разрушение государства» (занявшее мало-по-малу в анархической программе место рекомендованного Прудоном его «разложения») должно было расчистить путь для развития «идеалов» русского народа. А так как в этих «идеалах» общинное землевладение и артельная организация промыслов

относится к государству, как Прудон к товарному производству: первый не мог представить себе иной, высшей формы общественности, второй не подозревал, что продукты могут распределяться между членами общества, не являясь в виде товаров.

занимают очень видное место, то предполагалось, что «автономные» россияне демократического происхождения будут заключать свои «договоры» уже не в духе прудоновской взаимности, а скорее в духе аграрного коммунизма. Как «прирожденный социалист», русский народ не замедлит понять, что одно общинное владение землею и орудиями производства не гарантирует еще желанного «равенства», и вынужден будет взяться за организацию «автономных общин» на совершенно коммунистических основаниях.

Впрочем русские анархисты—по крайней мере, анархисты так называемого «бунтарского» оттенка—мало задумывались об экономических последствиях проповедуемой народной революции. Они считали своею обязанностью устранить те общественные условия, которые мешали, по их мнению, нормальному развитию народной жизни; но они не спрашивали себя о том, по какому пути пойдет это развитие, освободившись от внешних препятствий. Что эта своеобразная переделка на революционный фасон знаменитого девиза манчестерской школы: laissez faire, laissez passer, исключала всякую возможность серьезной оценки современного состояния нашей общественно-экономической жизни и уничтожала всякий критерий для определения самого понятия о «нормальном» ходе ее развития — этого также не подозревали ни «бунтари», ни появившиеся впоследствии «народники». Притом же подобная оценка была бы совершенно безнадежной попыткой до тех пор, пока исходной точкой рассуждений наших революционеров оставались учения Прудона. Слабейшею частью этих учений, пунктом их логического трехопадения, является понятие о товаре и меновой стоимости, т.-е. именно те посылки, на основании которых только и можно сделать правильное заключение о взаимных отношениях производителей в экономической организации будущего. С точки зрения прудоновских теорий не имеет никакой особенной важности то обстоятельство, что современное русское общинное землевладение отнюдь не исключает товарного производства. Прудонист понятия не имеет о «внутренней, неизбежной диалектике», превращающей товарное производство на известной стадии его развития, в—капиталистическое [1]). Его русскому кузену и в голову не приходило, поэтому, спросить себя, достаточно ли раз'единенных усилий «автономных» лиц, коммун и корпораций для борьбы с этой тенденцией товарного производства, грозящей снабдить в один прекрасный день некоторую часть «прирожденных» коммунистов «бла-

[1]) См. «Das Kapital», 2 Auflage, S.S. 607—608.

гоприобретенными» капиталами и превратить их в эксплоататоров остальной массы населения. Анархист отрицает созидающую роль государства в социалистической революции именно потому, что не понимает задач и условий этой революции.

Мы не можем вступать здесь в подробный разбор ни анархизма вообще, ни «бакунизма» в частности [1]). Мы хотим лишь обратить внимание наших читателей на то обстоятельство, что как Прудон, так и русские анархисты были, с своей точки зрения, вполне правы, возводя «политическое невмешательство» в основной догмат своей практической программы. Социально-политический склад русской жизни, казалось, в особенности оправдывал обязательное для всех анархистов отрицание «политики». Прежде чем выступить на поприще политической агитации, русский «*обыватель* должен превратиться в *гражданина,* т.-е. завоевать себе хоть какие-нибудь политические права, а прежде всего, разумеется, право думать, что хочет, и говорить, что думает. Такая задача сводится на практике к «политической революции», а опыт западной Европы ясно «показал» всем анархистам, что такие революции никакой пользы народу не принесли, не принесут и принести не могут. Соображение же о необходимости политического воспитания народа путем участия его в общественной жизни своей страны не могло иметь места уже потому, что анархисты считают, как мы видели, такое участие не воспитанием, а развращением народных масс: оно развивает в них «веру в государство», а следовательно, и тенденцию к государственности или, как сказал бы покойный М. А. Бакунин, заражает его официально-общественным ядом, и, во всяком случае, отвлекает его хоть на

---

[1]) Напомним только читателю возражение, сделанное Прудону Риттингаузеном. «Власть, правительство со всеми его формами,—говорил неутомимый пропагандист теории прямого народного законодательства,—представляют собою лишь виды того рода, который называется: Вмешательство общества в отношения людей к вещам, а через посредство вещей—и друг к другу. Я вызываю г. Прудона бросить мне в лицо, как результат его умственной работы, следующее заключение: «Нет, не нужно такого вмешательства общества в отношения людей к вещам и друг к другу!». См. «Législation directe par le peuple et ses adversaires», p. 194--195. Риттингаузен думал, что «поставить вопрос таким образом—значит решить его», так как «г. Прудон сам признает необходимость такого вмешательства». Но он не предвидел, что ученики пойдут дальше учителя, и что теория анархии выродится, наконец, в теорию «социального аморфизма». Современные анархисты не признают никакого вмешательства общества в отношения индивидуумов, как они неоднократно заявляли это на страницах некоторых своих органов.

малое время от единственно ныне полезного и спасительного дела—от бунта [1]). Притом же по философии истории наших «бунтарей» выходило, что русский народ целым рядом крупных и мелких движений доказал свои антигосударственные наклонности, а потому и может считаться достаточно зрелым в политическом отношении. Поэтому прочь всякое «политиканство»! Поможем народу в его антигосударственной борьбе, сольем в один революционный поток его разрозненные усилия—и тогда неуклюжее здание государства разлетится в прах, открывая своим падением новую эру социальной свободы и экономического равенства! В этих немногих словах выражалась вся программа нашего «бунтарства».

В этом беглом обзоре программ различных фракций русских революционеров мы не должны упускать из вида, что взгляды, с точки зрения которых «всякие конституции» являлись, по выражению старого Ф. Г Якоби, лишь более или менее невыгодной сделкой с чортом—такие взгляды, говорим мы, были свойственны не одним народникам и анархистам. Если читателю известна полемика Фр. Энгельса с П. Ткачевым [2]), то он, вероятно, помнит, что редактор «Набата», расходясь с бакунистами по вопросу о практической борьбе, совершенно сходился с ними в основных взглядах на социально-политическое положение нашего отечества. Он рассматривал его через ту же призму русской самобытности и «прирожденных коммунистических наклонностей русского народа» [3]). Как истинный бланкист, он не отрицал, разумеется, «политики», но понимал ее исключительно в форме заговора с целью захвата государственной власти. Эта цель занимала, повидимому, все поле зрения наших тогдашних бланкистов и приводила их ко многим противоречиям. Оставаясь последовательными, они должны были признать, что деятельность их может быть полезна делу прогресса лишь в том исключительном случае, когда направляемый ими удар ни на волос не минует своей цели. Если задуманный захват власти не удастся, если заговор будет открыт или революционное правительство будет низвергнуто либеральной партией, то русский народ не только ничего не выиграет, но, напротив, рискует очень много потерять. В особенности, гибелен последний из предположенных случаев. Либералы создадут сильное правительство,

[1]) См. весьма интересную и характерную брошюру М. А. Бакунина «Наука и насущное революционное дело».

[2]) См. «Offener Brief an Herrn F. Engels».

[3]) Чтобы убедиться в этом, стоит лишь сравнить названное «Письмо к Фр. Энгельсу» с цитированной выше брошюрой М. А. Бакунина.

борьба с которым будет гораздо труднее, чем борьба против современной «абсолютно-нелепой» и «нелепо-абсолютной» монархии; а «огонь экономического прогресса» разрушит коренные основы народной жизни. Под его влиянием разовьется обмен, упрочится капитализм, уничтожится самый принцип общины, словом, река времен унесет тот камень, с которого рукой подать до коммунистического неба. В случае неудачи, русские бланкисты должны были нанести страшный вред делу народного освобождения и попадали, таким образом, в трагическое положение Вильгельма Телля, рисковавшего жизнью собственного сына. Но так как они едва ли отличались ловкостью мифического швейцарского «крамольника», то русский народ не крикнул бы им:

Стреляй! я не боюсь!

если бы усвоил их взгляд на «коренные основы» своей жизни и был приглашен высказать свое мнение об их программе.

Такая узкая и безнадежная философия русской истории должна была логически вести к тому поразительному выводу, что экономическая отсталость России является надежнейшим союзником революции, а застой должен красоваться в качестве первого и единственного параграфа нашей «программы-минимум». «Каждый день приносит нам новых врагов, создает новые враждебные нам общественные факторы,—читаем мы в первом ноябрьском номере «Набата» за 1875 год.—Огонь подбирается и к нашим государственным формам. Теперь они мертвы, безжизненны. Экономический прогресс пробудит в них жизнь, вдохнет в них новый дух, даст им силу и крепость, которых пока еще в них нет» и т. д. Но если Иисусу Навину удалось, по библейскому рассказу, остановить солнце «на десять степеней», то время чудес прошло, и нет ни одной партии, которая могла бы крикнуть: «стойте, производительные силы, не шевелись, капитализм!». История так же мало обращает внимания на опасения революционеров, как и на реакционные иеремиады. «Экономический прогресс» делает свое дело, не дожидаясь того времени, когда анархисты или бланкисты осуществят свои намерения. Каждая фабрика, основанная в Петербурге, каждый лишний «работничек», принанятый ярославским кустарем, усиливает роковое будто бы для революции «пламя прогресса», а следовательно, и уменьшает вероятность народного торжества. Можно ли назвать революционным такой взгляд на взаимное отношение различных общественных сил в России? Мы думаем, что нет. Чтобы сделаться революционерами по существу, а не по названию, русские анархисты, народники и бланкисты должны

были прежде всего революционизировать свои собственные головы, а для этого им нужно было научиться понимать ход исторического развития и стать во главе его, а не упрашивать старуху-историю потоптаться на одном месте, пока они проложат для нее новые, более прямые и торные пути.

Кружок «впередовцев» понимал незрелость и ошибочность вышеизложенных воззрений, и было время, когда он мог получить преобладающее умственное влияние в нашей революционной среде. Это было именно то время, когда практический опыт порядком-таки поистрепал основы старого, анархического народничества, и все его сторонники чувствовали, что их программа нуждается в тщательном пересмотре. Тогда последовательная критика всех ее теоретических и практических положений могла сделать приближающийся перелом в движении еще более решительным и бесповоротным. За такую критику удобнее всего было взяться именно «впередовцам», которые, стоя почти целиком на точке зрения социал-демократии, были совершенно свободны от всех народнических традиций. Но, чтобы иметь успех, критика их должна была *не осуждать, а выяснять и обобщать* те насущные потребности русской жизни, которые все более и более толкали наших революционеров на путь политической борьбы. Между тем «впередовцы» отрицали «политику» так же решительно, как и анархисты. Они не думали, правда, что социализм несовместим с вмешательством в политическую жизнь буржуазного государства, и вполне оправдывали программу западноевропейской социал-демократии. Но они полагали, что возможность открытой организации рабочего класса в особую политическую партию куплена в современном «правовом» государстве слишком дорогою ценой: окончательным торжеством буржуазии и соответствующим эпохе капитализма ухудшением положения рабочих. Они забывали, что при оценке этого положения нужно принимать во внимание не только распределение национального дохода, но и *всю организацию производства* и *обмена*, не только *среднее количество* потребляемых рабочими продуктов, но и самый *вид*, который принимают эти продукты [1]), не только *степень* эксплоатации, но и—в особенности—*ее форму*, не только *факт порабощения* рабочих масс, но также и те *идеи* и *понятия*, которые зарождаются и могут зародиться в голове рабочего под влиянием этого

---

1) Т.-е. являются ли они в виде товаров или непосредственно потребляются семьею производителя, его господином или, наконец, государством, не являясь вовсе на рынке.

факта [1]). Они едва ли согласились бы с тем, что фабричный рабочий должен оказаться восприимчивее к социализму, чем временно-обязанный крестьянин; тем менее признали бы они, что переход, напр., от натурального хозяйства к денежному увеличивает возможность сознательного движения рабочих масс во имя своего экономического освобождения. Философско-историческая часть учения Маркса осталась для них непрочитанною главою любимой книги; они слишком верили во всемогущее влияние своей пропаганды, чтобы искать для нее опоры в об'ективных условиях общественной жизни. И, подобно социалистам утопического периода, они сводили к этой пропаганде всю дальнейшую историю своей страны вплоть до социального переворота. При такой постановке вопроса они могли, вместе с анархистами, сказать, пародируя известную фразу Прудона—la révolution est au dessus de la politique. Но именно потому они и не могли вывести наше движение из той мертвой точки, в которую оно попало в конце семидесятых годов, благодаря отрицанию всякой политической борьбы, с одной стороны, и невозможности создать, при современных политических условиях, сколько-нибудь сильную рабочую партию—с другой.

Честь сообщения нового размаха нашему движению бесспорно принадлежит «Народной Воле». У всех еще на памяти те нападения, которые вызвали против себя тенденции народовольцев. Пишущий эти строки сам принадлежал к числу решительных противников этого направления, и хотя совершенно признает теперь, что борьба за политическую свободу стала злобою дня современной России, но до сих пор разделяет далеко не все взгляды, высказывавшиеся в «народовольческих» изданиях. Это не мешает ему, однако, признать, что в спорах, происходивших в организации «Земли и Воли» около времени ее распадения, народовольцы были совершенно правы, пока они оставались на почве нашего практического опыта. Этот опыт и тогда уже приводил к поразительным и совершенно неожиданным выводам, хотя мы и не умели сделать их именно вследствие их неожиданности. Попытки практической борьбы «против государства» в сущности и тогда уже должны были навести на ту мысль, что русский «бунтарь» непреодолимою силою обстоятельств вынужден направлять свою агитацию не против государства вообще, а только против *абсолютного* государства, воевать не с государственной, а с бюрократической идеей, не во имя полного экономического освобождения народа, а во имя устранения тех тягостей, которыми обреме-

[1]) Просим иметь в виду, что мы говорим не о редакции журнала «Вперед», а о действовавших в России сторонниках этого органа.

няет народ самодержавное императорство. Конечно, аграрный вопрос лежал в основании всех или почти всех проявлений народного недовольства. Иначе и быть не могло в среде земледельческого населения, где «власть земли» сказывается решительно во всем складе и нуждах частной и общественной жизни. Этот аграрный вопрос настойчиво требовал своего разрешения, но он не вызывал *политического* недовольства. Крестьяне с спокойною уверенностью ожидали решения этого вопроса сверху: они «бунтовались» не во имя земельного передела, а против притеснения администрации, против непомерных тягостей податной системы, против азиатского способа взыскания недоимок и т. д., и т. д. Формулой, обобщавшей большую часть случаев активного протеста, являлось «правовое государство», а не «Земля и Воля», как нам всем казалось в то время. Но если это было так, и если революционеры считали своею обязанностью принимать участие в разрозненной и неосмысленной борьбе отдельных общин против абсолютной монархии, то не пора ли было им понять смысл своих собственных усилий и направить их с большею целесообразностью? Не пора ли им было призвать к этой борьбе все прогрессивные живые силы России и, найдя для нее наиболее общее выражение, атаковать абсолютизм в самом центре его организации? Отвечая утвердительно на эти вопросы, «народовольцы» только подводили итог революционному опыту предшествующих лет; поднимая знамя политической борьбы, они только не пугались этих итогов и сознательно продолжали итти по дороге, на которую мы выступили, имея ошибочное понятие об ее направлении. «Терроризм» совершенно логически вырос из нашего «бунтарства».

Но с появлением «Нар. Воли» логическое развитие нашего революционного движения переходило уже в тот фазис, в котором оно не могло более удовлетворяться народническими теориями доброго старого,—т.-е. чуждого политических интересов,—времени. Примеры перерастания теории практикой очень нередки в истории человеческой мысли вообще и революционной мысли в частности. Внося то или другое изменение в свою тактику, подвергая тем или другим переделкам свою программу, революционеры часто и не подозревают, какому серьезному испытанию подвергают они общепризнанные в их среде учения. Многие из них так и умирают в тюрьмах или на виселицах, вполне уверенные в том, что они действовали в духе именно тех учений, между тем как в сущности они были представителями новых тенденций, возникших на почве старых теорий, но уже переросших их и готовых найти новое теоретическое выражение. Так было и у нас с тех пор, как окрепло «народовольче-

ское» направление. С точки зрения старых народнических теорий, направление это не выдерживало критики. Народничество стояло в резком отрицательном отношении ко всякой государственной идее; народовольцы рассчитывали осуществить свои социально-реформаторские планы с помощью государственной машины. Народничество открещивалось от всякой «политики»; народовольцы видели в «демократическом политическом перевороте» самое надежное «средство социальной реформы». Народничество основывало свою программу на так называемых «идеалах» и требованиях крестьянского населения, народовольцы должны обращаться, главным образом, к городскому и промышленному населению, а следовательно, и отвести интересам этого населения несравненно более широкое место в своей программе. Словом, в действительности, «народовольство» было новым и всесторонним отрицанием народничества, и пока спорящие стороны апеллировали к основным положениям последнего, «новаторы» были совершенно неправы: их практическая деятельность стояла в непримиримом противоречии с их теоретическими взглядами. Нужен был полный пересмотр этих взглядов, чтобы придать программе «Народной Воли» характер цельности и последовательности; практическая революционная деятельность ее сторонников должна была, по крайней мере, *сопровождаться* теоретической революцией в умах наших социалистов; взрывая Зимний дворец, нужно было, вместе с тем, взорвать и наши старые анархические и народнические традиции. Но «ход идей» и здесь отстал от «хода вещей», и пока еще трудно предвидеть, когда он, наконец, его нагонит. Не решаясь разорвать с народничеством, новая фракция необходимо должна была прибегать к фикциям, приносящим с собою хоть кажущееся разрешение присущих ее программе противоречий. Идея русской самобытности получила новую переработку, и если прежде она вела к полному отрицанию политики, то теперь оказывалось, что самобытность русского общественного развития именно в том и заключается, что экономические вопросы решались и должны решаться у нас путем государственного вмешательства. Весьма распространенное у нас в России незнакомство с экономической историей Запада способствовало тому, что подобного рода «теории» никого не приводили в изумление. Период капиталистического накопления в России противопоставлялся периоду капиталистического производства на Западе, и неизбежное несходство этих двух фазисов развития экономической жизни приводилось, как убедительнейшее доказательство, во-первых, нашей самобытности, а во-вторых, обусловленной этой самобытностью целесообразности «народовольческой программы».

Нужно ли прибавлять, что наши революционные писатели, как и большинство русских писателей вообще, смотрели на «Запад» с точки зрения еврейского мальчика в известном рассказе Вейнберга? Бедному школьнику весь свет казался подразделенным на две равные части: «Россию и за-границу», при чем достойные внимания черты различия существовали для него лишь между этими «половинами» земного шара,— «за-граница» же представлялась ему совершенно однообразным целым. Русские «самобытные» писатели сделали в этой остроумной географической классификации лишь одно нововведение: они подразделили «за-границу» на Восток и Запад и, не долго думая, принялись сравнивать этот последний с нашей «громкой державой», игравшей при этом роль какой-то «Срединной Империи». Историческое развитие Италии отождествлялось, таким образом, с историческим развитием Франции, в экономической политике Англии не усматривалось никакой разницы с экономической политикой Пруссии, деятельность Кольбера валилась в одну кучу с деятельностью Ричарда Кобдена, своеобразно «патриотическая» физиономия Фридриха Листа терялась в толпе «западно-европейских» политико-экономиков, старавшихся, по совету Тюрго, «забыть, что существуют на свете государства, разделенные границами и различно организованные». Как все кошки в темноте кажутся серыми и совершенно походят друг на друга, так и общественные отношения различных государств «Запада» утрачивали всякие несходства при отраженном свете нашей самобытности. Очевидно было одно: «Франки» давно уже «обуржуазились», между тем как «храбрые Россы» сохранили невинность «первых человеков» и, в качестве избранного народа, идут самобытным путем к своему спасению. Чтобы достигнуть обетованной земли, им нужно лишь неуклонно держаться этой стези самобытности и не удивляться тому, что программы русских социалистов стоят в противоречии с научными положениями западно-европейского социализма, а иногда и со своими собственными посылками!

Типическим образчиком фикций, наскоро придуманных для соглашения практической программы «Народной Воли» с народническими теориями, было известное пророчество о том, что в будущем русском Учредительном Собрании 90% депутатов явятся сторонниками социальной революции, если только мы добьемся всеобщего избирательного права. Здесь теория нашей самобытности дошла уже до Геркулесовых столбов, за которыми ей грозила гибель со стороны самого простого здравого смысла. Народники «старой веры», твердо держась догмата «самобытности», допускали все-таки, что эта самобытность ну-

ждается еще в некоторой окончательной отделке. Одни находили, что у русского народа находится еще в слишком зачаточном состоянии бугор... виноваты!—чувство храбрости и независимости, другие стремились к тому, чтобы реализовать самобытное настроение русского народа в виде не менее самобытной революционной организации. Но все одинаково признавали необходимость предварительной работы в народе. Народовольцы пошли далее. В передовых статьях первых же №№ своего журнала они стали развивать ту мысль, что такая работа, во-первых, бесплодна («биться в народе, как рыба об лед»), а во-вторых, и излишня, потому что 90% депутатов, сочувствующих социальной революции, более чем достаточно для осуществления стремлений русских народников. Программа «Народной Воли» не могла придать себе народнического характера иначе, как доводя до абсурда все характеристические особенности народнического миросозерцания.

В этом заключается отрицательная заслуга народовольческих фикций. Они будили критическую мысль русских революционеров, представляя им в утрированном виде «самобытные» черты их народнической программы. Но едва ли можно даже заводить речь о положительной заслуге этих фикций. Они укрепляли временно энергию бойцов, нуждавшихся в теоретическом обосновании своей практической деятельности, но, сшитые на живую нитку, они не выдерживали ни малейшего прикосновения серьезной критики и своим падением компрометировали дело борьбы, которая велась под их знаменем. Нанеся своею практическою деятельностью смертельный удар всем традициям правоверного народничества и сделавши так много для развития революционного движения в России, «Народная Воля» не может найти себе оправдания, да и не должна искать его, помимо современного научного социализма. Но, чтобы стать на эту новую точку зрения, она должна подвергнуть очень серьезному пересмотру свою программу, так как теоретические промахи и пробелы этой программы не могли не придать ей известной практической односторонности.

Прежде чем говорить, в каком смысле должен быть предпринят этот пересмотр, постараемся,—согласно нашему плану,—выяснить отношение научного социализма к политическим движениям рабочего класса.

II.

Но что такое научный социализм? Под этим именем мы разумеем то коммунистическое учение, которое начало вырабатываться в начале сороковых годов из утопического социализма под сильным влиянием

гегелевской философии, с одной стороны, и классической экономии — с другой; то учение, которое впервые дало реальное об'яснение всему ходу развития человеческой культуры, безжалостно разрушило софизмы теоретиков буржуазии и «во всеоружии знания своего века» выступило на защиту пролетариата. Это учение не только с полною ясностью показало всю научную несостоятельность противников социализма, но, указывая ошибки, оно в то же время давало им историческое об'яснение и, таким образом, как сказал некогда Гайм о философии Гегеля, «привязывало к своей триумфальной колеснице каждое побежденное им мнение». Как Дарвин обогатил биологию поразительно простой и вместе с тем строго-научной теорией происхождения видов, так и основатели научного социализма показали нам в развитии производительных сил и в борьбе этих сил против отсталых «общественных условий производства» великий принцип изменения *видов общественной организации*. Едва ли нужно говорить, кого считаем мы основателями этого социализма. *Заслуга эта бесспорно принадлежит Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу*, учение которых именно так относится к современному революционному движению в цивилизованном человечестве, как относилась когда-то, по словам одного из них, передовая немецкая философия к освободительному движению в Германии: оно составляет его *голову*, между тем как пролетариат составляет его *сердце*. Но само собою разумеется, что развитие научного социализма еще не закончено и так же мало может остановиться на трудах Энгельса и Маркса, как теория происхождения видов могла считаться окончательно выработанной с выходом в свет главных сочинений английского биолога. За установлением основных положений нового учения должна последовать детальная разработка относящихся к нему вопросов, разработка, дополняющая и завершающая переворот, совершенный в науке авторами «Коммунистического Манифеста» [1]). Нет ни одной отрасли социологии, которая не приобретала бы нового и чрезвычайно обширного поля зрения, усваивая их философско-исторические взгляды. Благотворное влияние этих взглядов и теперь уже

---

[1]) Прим. ко 2-му изд. Впоследствии г.г. «критики Маркса» упрекали нас, «ортодоксов», в том, что мы восставали против всякой попытки дальнейшего развития взглядов Маркса. Читатель видит, что я не обнаруживал склонности к подобному восстанию. Но само собою разумеется, что в качестве ученика Маркса, понимавшего великое значение его теории, я должен был восстать против всякой попытки заменить некоторые положения марксизма старыми, давно отжившими буржуазными «догмами». И эту свою обязанность я исполнил, как мог.

начинает сказываться в области истории права и так называемой первобытной культуры. Но эта философско-историческая сторона современного социализма слишком еще мало известна у нас в России, и потому мы считаем не лишним сделать здесь несколько выписок, знакомящих с нею читателя словами самого Маркса.

Ведя свою родословную, между прочим, «от Канта и Гегеля», *научный социализм является тем не менее самым смертельным и решительным противником идеализма.* Он изгоняет его из его последнего убежища—социологии, в которой его принимали с таким радушием позитивисты. Научный социализм предполагает «материалистическое понимание истории», т.-е. он об'ясняет духовную историю человечества развитием его общественных отношений (между прочим, под влиянием окружающей природы). С этой точки зрения, как и с точки зрения Вико, «ход идей соответствует ходу вещей», а не наоборот. Главной же причиной того или иного направления их развития является состояние производительных сил и соответствующая им экономическая структура общества. «В своей общественной жизни люди наталкиваются, говорит Маркс [1]), на известные, необходимые, независящие от их воли отношения, именно на отношения производства, соответствующие той или другой степени развития производительных сил. Вся совокупность этих отношений производства составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка, и которому соответствуют известные формы общественного сознания. Соответствующий материальной жизни способ производства обусловливает собою процессы социальной, политической и духовной жизни вообще. Не понятия определяют общественную жизнь людей, но, наоборот, их общественная жизнь обусловливает собою их понятия... Правовые отношения, равно как и формы государственной жизни, не могут быть об'яснены ни сами собою, ни так называемым общим развитием человеческого духа, но коренятся в материальных условиях жизни, совокупность которых Гегель, по примеру англичан и французов XVIII столетия, обозначил именем гражданского общества; анатомию же гражданского общества нужно искать в его экономии. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в столкновение с существующими отношениями производства, или—говоря юридическим языком—с имущественными отношениями, внутри которых они до тех пор вращались. Из форм, способствующих

[2]) См. «Zur Kritik der Politischen Oekon.», Vorwort, S.S. IV—VI.

развитию производительных сил, эти имущественные отношения делаются его тормозами. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономического основания изменяется более или менее быстро вся возвышающаяся на нем огромная надстройка. Ни одна общественная формация не исчезает раньше, чем разовьются все производительные силы, которым она предоставляет достаточно простора; и новые высшие отношения производства никогда не занимают места старых раньше, чем выработаются в недрах старого общества материальные условия их существования. Поэтому можно сказать, что человечество всегда ставит себе лишь исполнимые задачи, ибо, при внимательном рассмотрении, всегда оказывается, что самая задача является лишь там, где материальные условия ее решения уже существуют или находятся в процессе своего возникновения».

Теперь понятно, почему Маркс и Энгельс отзывались с такой презрительной насмешкой об «истинных социалистах» Германии конца сороковых годов, ставших в отрицательное отношение к борьбе немецкой буржуазии против абсолютизма и «проповедующих народной массе, что в этом буржуазном движении она ничего не может выиграть, но рискует все потерять». Историческое учение Маркса и Энгельса представляет собою настоящую «алгебру революции», как выразился когда-то Герцен о философии Гегеля. Поэтому они сочувствовали «всякому революционному движению против существующих общественных и политических отношений»; потому же они отнеслись с горячим сочувствием и к русскому движению, сделавшему Россию, по их выражению, передовым отрядом европейской революции.

Но, несмотря на всю их ясность и недвусмысленность, взгляды Маркса подали, однако, повод ко многим недоразумениям в области революционной теории и практики. Так, например, у нас часто говорят, что теории научного социализма неприменимы к России, потому что они выросли на почве западно-европейских экономических отношений. Учению Маркса подсказывается тот смешной вывод, что Россия должна пройти совершенно те же фазы историко-экономического развития, которые были пройдены Западом. Под влиянием убеждения в неизбежности этого вывода, уже не один русский философ, незнакомый ни с Марксом, ни с историей Западной Европы, ополчался на автора «Капитала», обвиняя его в узости и шаблонности взглядов. Но, разумеется, это была борьба с ветряными мельницами. Наши дон-Кихоты не понимали, что история западно-европейских отношений положена Марксом лишь в основу *истории капиталистического производства*, которое родилось и

выросло именно в этой части света. Общие философско-исторические взгляды Маркса имеют ровно такое же отношение к современной Западной Европе, как к Греции и Риму, Индии и Египту. Они обнимают всю культурную историю человечества и могут быть неприменимы к России только в случае их общей несостоятельности. Само собою понятно, что ни автор «Капитала», ни его знаменитый друг и сотрудник не исключают из своего поля зрения экономических особенностей той или другой страны; они только ищут в них об'яснения всех ее общественно-политических и умственных движений. Что они не игнорируют значения нашей поземельной общины, видно уже из того обстоятельства, что не далее как в январе 1882 года они не считали возможным сделать решительное предсказание относительно ее будущей судьбы. В предисловии к нашему переводу «Манифеста коммунистической партии» (Женева 1882 г.) они даже прямо говорят, что русская община может, при известных обстоятельствах, «непосредственно перейти в высшую коммунистическую форму землевладения». Эти обстоятельства стоят, по их мнению, в тесной связи с ходом революционного движения на западе Европы и в России. «Если русская революция,—говорят они,—послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что обе они пополнят друг друга, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития» (Маниф. комм. партии, VIII). Едва ли хоть одному «народнику» придет в голову отрицать такого рода условность решения вопроса об общине. Едва ли кто-нибудь может утверждать, что гнет современного государства благоприятен для развития или хотя бы для сохранения поземельной общины. Точно так же, едва ли хоть один человек, понимающий значение международных отношений в экономической жизни современных цивилизованных обществ, может отрицать, что развитие русской общины «в высшую коммунистическую форму» тесно связано с судьбою рабочего движения на Западе. Оказывается, таким образом, что во взгляде Маркса на Россию нет ничего противоречащего самой очевидной действительности, и нелепый предрассудок относительно его крайнего «западничества» лишается всякой тени разумного основания.

Но существует другое недоразумение, которое непосредственно касается интересующего нас вопроса о значении политической борьбы в деле переустройства социальных отношений и коренится в ошибочном понимании взгляда Маркса на роль экономического фактора в развитии человеческой культуры. Взгляд этот часто истолковывался многими в том смысле, что автор «Капитала» придает политическому строю обще-

ства лишь самое ничтожное значение, считает его незаслуживающею внимания второстепенною частностью, которая не может служить не только целью, но даже и средством плодотворной деятельности. Нередко и до сих пор можно встретить у нас «марксистов», которые именно на этом основании игнорируют политические задачи социализма. Экономические отношения, говорят они, лежат в основании всякой общественной организации. Изменение этих отношений составляет причину всякого политического переустройства. Чтобы освободиться от ига капитала, рабочий класс должен иметь в виду не следствие, а причину, не политическую, а экономическую организацию общества. Политическая организация не приблизит рабочих к их цели, так как их политическое порабощение будет продолжаться до тех пор, пока не будет устранена экономическая зависимость их от имущих классов. Употребляемые рабочими *средства* борьбы должны быть приведены в соответствие с ее *целью*. Экономическая революция может быть достигнута только путем борьбы на экономической же почве.

При некоторой последовательности, понимаемый таким образом «марксизм» должен был бы изменить самый взгляд социалистов на цели и средства социальной революции и вернуть их к знаменитой формуле Прудона: «политическая революция—цель, экономическая революция—средство». Точно так же он должен был бы значительно сблизить, по крайней мере, в теории, социалистов-революционеров с последователями «консервативного социализма», который так решительно противится политической самодеятельности рабочего класса. Последний честный и умный представитель этого социализма, Родбертус, именно потому и не сошелся с Лассалем, что знаменитый агитатор старался выдвинуть немецких рабочих на путь самостоятельной политической деятельности. Не Маркс, а Родбертус, *не революционный, а консервативный, монархический* социализм отрицает значение «политических примесей к экономическим целям» рабочего класса. И консерваторы прекрасно понимают, почему они так делают; но те, которые хотят примирить революционное движение рабочего класса с отрицанием «политики», те, которые подсказывают Марксу практические тенденции Прудона или даже Родбертуса,—наглядно показывают, что они не понимают автора «Капитала» или сознательно извращают его учение. Мы говорим о сознательном извращении, потому что известная книга московского профессора г. Иванюкова есть не что иное, как именно такое сознательное извращение всех следствий, вытекающих из основных положений научного социализма. Книга эта показывает, что наши русские *полицей*-со-

циалисты не прочь эксплоатировать для своих реакционных целей даже такую теорию, под знаменем которой совершается самое революционное движение нашего века. Одно это обстоятельство могло бы сделать необходимым подробное выяснение *политической* программы современного социализма. Мы и приступим теперь к этому выяснению, не пускаясь, однако, ни в какую полемику с г.г. Иванюковыми, так как достаточно выяснить истинный смысл той или другой теории, чтобы тем самым опровергнуть умышленные ее искажения. Притом же нас гораздо более интересуют здесь те революционеры, которые, при всей искренности своих стремлений, слишком еще пропитаны, хотя, быть может, и бессознательно, анархическими учениями, и потому готовы видеть в сочинениях Маркса мысли, уместные только в «Общих идеях революции в XIX веке». Критика выводов, сделанных ими из философско-исторических взглядов Маркса, логически приведет нас к вопросу о так называемом *захвате власти* и покажет нам, насколько правы те, которые усматривают в этом акте какое-то преступление против идеи человеческой свободы, а равно и те, которые, наоборот, видят в нем альфу и омегу всего социально-революционного движения.

Посмотрим, прежде всего, какое значение имеют понятия о причине и следствии в применении к общественным отношениям.

Если мы толкнем рукой или кием биллиардный шар, то он придет в движение; если мы ударим сталью о кремень, то появится искра. В каждом из этих случаев очень легко определить, какое явление служит причиной и какое—следствием. Но эта легкость решения задачи обусловливается лишь крайнею ее простотою. Если вместо двух одиноко стоящих явлений мы возьмем процесс, в котором одновременно замечается несколько явлений, или даже несколько рядов явлений, то дело значительно усложнится. Так, например, горение свечи есть, относительно говоря, довольно сложный процесс, в результате которого является свет и теплота. Казалось бы поэтому, что мы, безо всякого риска ошибиться, можем назвать выделяемую пламенем теплоту одним из следствий этого химического процесса. Так оно и есть до известной степени. Но если бы каким-нибудь способом мы ухитрились лишить пламя выделяемой им теплоты, то горение тотчас прекратилось бы, так как интересующий нас процесс не может происходить при обыкновенной температуре. Поэтому оказался бы до известной степени правым и тот, кто сказал бы, что теплота есть *причина* горения. Чтобы не уклоняться от истины ни в ту, ни в другую сторону, мы должны были бы сказать, что теплота, явившаяся в данный момент ***следствием горения, в следующий за тем мо-***

мент является его *причиной*. Значит, по отношению к процессу горения в продолжение нескольких моментов, мы должны сказать, что теплота является и *следствием* его и *причиной*, или, другими словами, *ни следствием, ни причиной*, а просто одним из явлений, вызываемых этим процессом и, в свою очередь, составляющих необходимое для него условие. Возьмем другой пример. Всякому, «даже необучавшемуся в семинарии», известно, что так называемые растительные процессы человеческого организма оказывают огромное влияние на психические явления. То или другое настроение духа оказывается *следствием* того или другого физического состояния организма. Но раз существует известное настроение духа, то самые растительные процессы часто испытывают на себе его влияние, и оно делается, таким образом, *причиной* тех или других изменений в физическом состоянии организма. Чтобы и здесь не погрешить ни в ту, ни в другую сторону, мы должны сказать, что психические явления и растительная жизнь организма представляют собою два ряда сосуществующих процессов, при чем каждый из этих рядов испытывает влияние другого. И если бы какой-нибудь медик стал игнорировать психические влияния на том основании, что душевное настроение человека есть следствие физического состояния его организма, мы сказали бы, что школьная логика лишила его всякой способности к разумной медицинской практике. Общественная жизнь отличается еще большею сложностью, чем жизнь индивидуального организма. Поэтому в ней еще более заметна относительность понятий о причине и следствии. По учению классической экономии, высота заработной платы определяется, в среднем выводе, уровнем насущнейших потребностей рабочего. Значит, данная высота заработной платы есть *следствие* данного состояния потребностей рабочего. Но, с своей стороны, потребности эти могут повыситься лишь в случае повышения заработной платы, потому что иначе не было бы достаточной причины для изменения их уровня. Следовательно, данная высота заработной платы есть *причина* данного состояния потребностей рабочего. Из этого логического круга нельзя вырваться с помощью школьных категорий причины и следствия. И мы будем попадать в него на каждом шагу наших социологических рассуждений, если забудем, что «причина и следствие суть понятия, имеющие значение лишь в применении к отдельным случаям; но раз мы рассматриваем этот случай в его общей мировой связи, то причина и следствие совпадают, их противоположность исчезает при созерцании всемирного взаимодействия, в котором причина и следствие постоянно меняются ме-

стами, и то, что теперь или здесь—следствие, станет там или тогда причиной, и наоборот» (Фр. Энгельс) [1]).

Сделавши эту оговорку, постараемся определить теперь, в каком смысле нужно понимать причинную связь между экономическими отношениями и политическим строем данного общества.

Чему учит нас, в этом случае, история? Она показывает нам, что всегда и везде, где процесс экономического развития вызывал расчленение общества на классы,—противоречие интересов этих классов неизбежно приводило их к борьбе за политическое господство. Эта борьба возникала не только между различными слоями господствующих классов, но также между этими классами, с одной стороны, и народом—с другой, если только последний был поставлен в условия, хоть немного благоприятные для его умственного развития. В государствах древнего *Востока мы видим борьбу между воинами и жрецами;* весь драматизм истории античного мира заключается в борьбе аристократии и демоса, патрициев и плебеев; средние века выдвигают горожан, которые стремятся завоевать политическое господство в пределах своих коммун; наконец, современный рабочий класс ведет политическую борьбу с буржуазией, достигшей полного господства в новейшем государстве. Всегда и везде политическая власть была рычагом, с помощью которого добившийся господства класс совершал общественный переворот, необходимый для его благосостояния и дальнейшего развития. Чтобы не заходить далеко, вспомним историю «третьего сословия», этого класса, который с гордостью может смотреть на свое прошлое, полное блестящих завоеваний во всех отраслях жизни и мысли. Едва ли кому-нибудь может притти в голову упрекнуть буржуазию в отсутствии такта и уменья достигать своих целей наиболее подходящими средствами. Никто не станет также отрицать, что ее стремления имели вполне определенный экономический характер. Это не помешало ей, однако, вступить на путь политической борьбы и политических завоеваний. То с оружием в руках, то путем мирных договоров, то во имя республиканской независимости своих городов, то во имя усиления королевской власти—нарождающаяся буржуазия вела в течение целых столетий беспрерывную упорную борьбу с феодализмом, и уже задолго до французской революции могла с гордостью указывать врагам на свои успехи. «Различны были шансы, и неодинаков успех в великой борьбе горожан против феодалов, — говорит исто-

[1]) См. «Herrn Eugen Dühring's Umwälz der Wissensch»., S. 6.

рик [1]),—и не только сумма вольностей, вырванных силою или полученных путем мирного соглашения, была не повсюду одинакова, но даже и при одних и тех же политических формах города пользовались часто различною степенью свободы и независимости». Тем не менее, смысл движения был тождествен повсюду и знаменовал собою начало социальной эмансипации третьего сословия и упадка аристократии, светской и духовной [2]). В общем, это движение принесло горожанам «муниципальную независимость, право выбора всех местных властей, точную определенность в повинностях», обеспечило права личности внутри городских коммун [3]), дало буржуазии более высокое положение в сословных государствах «старого режима», и рядом постоянных завоеваний привело ее, наконец, к полному господству в современном обществе. Ставя себе совершенно определенные, хотя со временем и изменяющиеся, социально-экономические цели, почерпая средства для своей дальнейшей борьбы из приобретенных уже выгод своего материального положения, буржуазия не упустила ни одного случая дать правовое выражение достигнутым ею ступеням экономического прогресса и, наоборот, с таким же искусством пользовалась каждым своим политическим приобретением для новых завоеваний в области экономической жизни. Не далее, как в половине сороковых годов текущего столетия, английская «Лига против хлебных законов» добивалась, по остроумному плану Ричарда Кобдена, усиления своего *политического* влияния в «графствах» ради отмены ненавистной ей «монополии», имевшей, повидимому, исключительно *экономический* характер.

История есть величайший диалектик, и если, в ходе ее движения, разум превращается, по выражению Мефистофеля, в бессмыслицу, а благодеяние становится источником страданий,—то не менее часто в историческом процессе следствие становится причиной, а причина оказы-

---

[1]) См. «Essai sur l'histoire du tiers État», par Aug Thierry, p. 33—34.

[2]) Сторонники феодализма прекрасно понимали цели горожан и связь их политических и экономических требований. «Коммуна есть слово новое и гнусное—говорит аббат Гибер—и вот что оно означает—люди, обязанные нести повинности, платят своему господину должную ими ренту один только раз в год. Когда они совершают какое-нибудь преступление, они платят установленный законом штраф, а что касается денежных обложений, которым подвергаются обыкновенно крепостные, то они освобождаются от них совершенно». Laurent, «La féodalité et l'église», p. 546.

[3]) Лютихский Статут установляет принцип неприкосновенности жилища в следующем энергическом выражении: «Бедняк в своем жилище—король». Laurent, ibid, p. 540.

вается следствием. Вырастая из экономических отношений современного ему общества, политическое могущество буржуазии, в свою очередь, служило и служит незаменимым фактором дальнейшего развития этих отношений.

Теперь, когда буржуазия близится к окончанию своей исторической роли, и пролетариат становится единственным представителем прогрессивных стремлений в обществе, мы можем наблюдать явление, аналогичное вышеуказанному, хотя и совершающееся при изменившихся условиях. Во всех передовых государствах цивилизованного мира, в Европе так же, как и в Америке, рабочий класс выступает на поприще политической борьбы, и чем сознательнее относится он к своим экономическим задачам, тем решительнее выделяется он в особую политическую партию. «Так как существующие ныне политические партии всегда действовали лишь в интересах имущих для охранения их экономических привилегий,—читаем мы в программе северо-американской социалистической рабочей партии,—то рабочий класс обязан организоваться в большую рабочую партию, чтобы *добиться политической силы в государстве* и завоевать, с ее помощью, экономическую независимость, потому что освобождение рабочего класса может быть совершено лишь самими рабочими» [1]). В том же духе и вполне согласно с программой немецкой социал-демократии высказывается французская рабочая партия, которая признает, что пролетариат должен стремиться к экономической революции «всеми зависящими от него средствами, не исключая и всеобщего избирательного права, превращаемого таким образом из орудия обмана, каким оно было до сих пор, в *орудие освобождения*». Испанская рабочая партия также стремится к «завоеванию политической власти» для устранения препятствий, стоящих на пути к освобождению рабочего класса [2]).

В Англии, где, со времени прекращения чартистского движения, борьба пролетариата сосредоточивалась исключительно на экономической почве,—политические стремления рабочих начинают снова оживать в последнее время. Не далее, как несколько лет тому назад немецкий экономист Луи Брентано с торжеством констатировал в своей книге «Das Arbeitsverhältniss etc.» полное исчезновение «социал-демократических» тенденций в Англии и с истинно-буржуазным самодовольством

---

[1]) Von Studnitz, «Nordamerikanische Arbeiterverhältnisse», S. 353.

[2]) Мы цитируем эту программу по книге Б. Малона: «Le nouveau parti», t. I, p. 1.

глубокомысленно философствовал на ту тему, что «в настоящее время Англия снова образует *одну* нацию», что «современные английские рабочие снова составляют часть великой либеральной партии», а не стремятся к захвату государственной власти, чтобы с ее помощью «перестроить общество в своих интересах» (стр. 110). Опубликованный недавно манифест английской «демократической федерации» показывает, что радость буржуазного экономиста была несколько преждевременна. Демократическая федерация стремится вызвать политическое отделение эксплоатируемых от эксплоататоров и приглашает первую из этих «наций» именно к захвату государственной власти с целью переустройства общества в интересах рабочих. «Пришло время,—говорит названный манифест,—когда народная масса необходимо должна взять в свои собственные руки заведывание касающимися ее делами; политическая и социальная сила представляет собою в настоящее время монополию людей, живущих трудом своих сограждан. Землевладельцы и капиталисты, завладевшие Верхней Палатой и наполняющие Нижнюю, стремятся лишь к охранению своих собственных интересов. Возьмите свою судьбу в свои собственные руки, устраните этих богатых паразитов обеих групп и рассчитывайте только на самих себя!» Манифест требует «*полного права голосования для всех взрослых мужчин и женщин*» Соединенного Королевства и других политических реформ, осуществление которых «показало бы только, что мужчины и женщины этой страны стали господами у себя дома». Далее перечисляется — в качестве ближайших требований английской демократической федерации—целый ряд мер, необходимых для развития «здорового, независимого и серьезного образованного поколения, готового организовать труд каждого на пользу всех и *овладеть, наконец, всей социально-политической машиной государства*, в котором перестанут тогда существовать классовые различия и привилегии».

Таким образом и английский пролетариат снова выступает на тот путь, на который давно уже вышли работники других цивилизованных государств.

Но подобно тому, как буржуазия не только боролась с аристократией на почве существующих уже политических отношений, а стремилась также перестроить эти отношения в своих интересах, пролетариат не ограничивает свою политическую программу захватом современной государственной машины. В его среде все более и более распространяется убеждение в том, что «каждый порядок вещей, определяющий взаимное положение граждан и их имущественные и трудовые отношения, соответствует особой форме правления, которая служит для него средством

осуществления и сохранения в одно и то же время» [1]). Между тем как представительная (монархическая или республиканская) система была детищем буржуазии, пролетариат *требует прямого народного законодательства, как единственной политической формы,* при которой возможно осуществление его социальных стремлений. Это требование рабочего класса занимает одно из первых мест в программе социальной демократии всех стран и стоит в самой тесной связи со всеми остальными пунктами ее программы [2]). Вопреки Прудону, пролетариат продолжает смотреть на «политическую революцию», как на самое могущественное средство достижения экономического переворота.

Уже одно это свидетельство истории должно было бы предрасположить нас к той мысли, что не ошибочная теория, а верный практический инстинкт лежит в основе политических тенденций различных общественных классов. Если, несмотря на полное несходство в других отношениях, все классы, ведущие сознательную борьбу со своими противниками, начинают на известной стадии своего развития стремиться обеспечить себе политическое влияние, а затем и господство—то ясно, что политический строй общества представляет собою далеко не безразличное условие для их развития. А если мы видим, кроме того, что ни один класс, добившийся политического господства, не имеет причин раскаиваться в своем интересе к «политике»; если, напротив, каждый из них достигал высшей, кульминационной точки своего развития лишь после того, как он приобретал политическое господство, то мы должны признать, что политическая борьба представляет собою такое средство социального переустройства, годность которого доказана историей. Всякое учение, противоречащее этой исторической индукции, лишается значительной доли убедительности, и если бы современный социализм действительно осуждал политические стремления рабочего класса, как нецелесообразные, то уже по одному этому он не мог бы называться научным.

Проверим теперь наше наведение дедуктивным путем, принимая философско-исторические взгляды Маркса за посылки для наших выводов.

Представим себе общество, в котором данный класс пользуется полным господством. Он добился этого господства благодаря преимуществам

---

[1]) См. «Sozialdemocratische Abhandlungen, von M. Rittinghausen, drittes» Heft, Ueber die Nothwendigkeit der direkten Gesetzgebung durch das Volk». S. 3.

[2]) См. программы немецкой и северо-американской рабочих партий. Манифест английской демократической партии также требует «прямого голосования по всем важным вопросам».

своего экономического положения, которые открывают, согласно нашим посылкам, путь ко всем другим успехам общественной жизни. В качестве *господствующего* класса, он, разумеется, приспособляет общественную организацию к наиболее выгодным условиям своего существования и тщательно устраняет из нее все, что может так или иначе ослабить его влияние. «Господствующий класс каждого данного периода,—справедливо говорит Шеффле,—есть также и творец его права и обычаев. Его члены повинуются лишь инстинкту самосохранения, когда они стараются упрочить свое господство и удержать его на возможно более продолжительное время за своими потомками, как необходимое условие их привилегированного положения и средство эксплоатации угнетенных... Почти ни одна часть положительного права не пользуется таким почетом со стороны господствующих сословий данного времени, ни одной не приписывается в такой степени характер «вечных» институтов или даже «священных» основ общества, как той, которая упрочивает сословные права и защищает классовое господство [1]). И до тех пор, пока господствующий класс будет носителем наиболее прогрессивных общественных идеалов, созданный им строй будет удовлетворять всем требованиям социального развития. Но как только экономическая история данного общества выдвинет новые элементы поступательного движения, как только его «производительные силы придут в столкновение с существующими отношениями производства—или, говоря юридическим языком, с имущественными отношениями, внутри которых они до тех пор вращались»,—прогрессивная роль данного господствующего класса будет окончена. Из представителя прогресса он сделается заклятым его врагом и, разумеется, воспользуется государственной машиной с целью самообороны. Политическая власть сделается в его руках самым могучим орудием реакции. Чтобы открыть свободный путь развитию производительных сил общества, необходимо устранить тормозящие это развитие имущественные отношения, т.-е. произвести, как говорит Маркс, социальную революцию. Но это невозможно до тех пор, пока законодательная власть находится в руках представителей старого порядка, т.-е., говоря другими словами, пока она охраняет интересы господствующего класса. Неудивительно поэтому, что новаторы, т.-е. представители угнетенного класса или классов, будут стремиться выбить из рук своих противников и обратить против них это страшное оружие. Сама логика вещей выдвинет их на путь политической борьбы и захвата государ-

[1]) См. Шеффле, «Bau und Leben des soz. Körpers», B. III, S.S. 91 und 102.

ственной власти, хотя они и задаются целью экономического переворота. Лассаль сказал глубокую истину, когда заметил в предисловии к своей «Системе приобретенных прав», что «там, где юридические отношения, переходя в область частного права, теряют, повидимому, всякую связь с политикой, в них *оказывается гораздо более политического, чем в самой политике*, потому что они представляют собою элемент тогда *социальный*» [1]).

В практической жизни дело происходит, конечно, далеко не так скоро, как это можно было бы предположить, рассуждая a priori. Угнетенный класс лишь постепенно уясняет себе связь между своим *экономическим* положением и своею *политическою* ролью в государстве. Долгое время он не понимает во всей ее полноте даже своей экономической задачи. Составляющие его индивидуумы ведут тяжелую борьбу за свое повседневное существование, не задумываясь даже о том, каким сторонам общественной организации обязаны они своим бедственным положением. Они стараются избегать наносимых им ударов, не спрашивая себя, откуда и кем направляются в последнем счете эти удары. В них нет еще классового сознания, в их борьбе против отдельных угнетателей нет никакой руководящей идеи. Угнетенный класс еще не существует *для себя;* он *будет* со временем передовым классом общества, но он еще не *становится* им. Сознательно организованной силе господствующего класса противостоят лишь разрозненные, единичные стремления отдельных личностей или отдельных групп личностей. Так, напр., и теперь еще не редкость встретить рабочего, который ненавидит особенно энергичного эксплоататора, но не подозревает еще необходимости борьбы против целого класса эксплоататоров и устранения самой возможности эксплоатации человека человеком.

Мало-по-малу процесс обобщения делает, однако, свое дело, и угнетенные начинают сознавать себя классом. Но они еще слишком односторонне понимают особенности своего классового положения: пружины и двигатели общественного механизма в его целом остаются еще скрытыми от их умственных взоров. Класс эксплоататоров представляется им простою совокупностью отдельных предпринимателей, не связанных нитями политической *организации*. На этой ступени развития в понятиях угнетенных, как и в голове профессора Лоренца фон-Штейна,

[1]) См. «System der erworbenen Rechte», Leipzig 1880, erster Theil, Vorrede, S. VII.

не ясна еще связь между «обществом» и «государством». Предполагается, что государственная власть стоит выше антагонизма классов, ее представители кажутся естественными судьями и примирителями враждующих сторон. Угнетенный класс относится к ним с полным доверием и приходит в большое удивление, когда обращенные к ним с его стороны просьбы о помощи остаются без ответа. Не останавливаясь на частных примерах, мы заметим только, что подобная путаница понятий обнаруживалась до последнего времени английскими рабочими, которые вели весьма энергичную борьбу на экономической почве и в то же время находили возможным фигурировать в рядах той или другой буржуазной политической партии.

Только на следующей и последней ступени развития угнетенный класс всесторонне выясняет себе свое положение. *Теперь он понимает, какая связь существует между обществом и государством, и не апеллирует на притеснения своих эксплоататоров к тем, кто представляет собою политический орган той же эксплоатации.* Он знает, что государство есть крепость, служащая оплотом и защитой его притеснителям, крепость, которою можно и должно овладеть, которую можно и должно перестроить в интересах своей собственной защиты, но невозможно обойти, полагаясь на ее нейтралитет. Рассчитывая лишь на самих себя, угнетенные начинают понимать, что «*политическая* самопомощь есть, как говорит Ланге, важнейший из всех видов *социальной* самопомощи». Они стремятся тогда к политическому господству, чтобы помочь себе путем изменения существующих социальных отношений и приспособления общественного строя к условиям своего собственного развития и благосостояния. Разумеется, они тоже не вдруг достигают господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключающей в умах противников всякую мысль о сопротивлении. Долгое время добиваются они лишь уступок, требуют лишь таких реформ, которые дали бы им не господство, а только возможность расти и созревать для будущего господства; реформ, которые удовлетворили бы самые насущные, самые ближайшие их требования и хоть немного расширили бы сферу их влияния на общественную жизнь страны. Только пройдя суровую школу борьбы за отдельные клочки неприятельской территории, угнетенный класс приобретает настойчивость, смелость и развитие, необходимые для решительной битвы. Но раз приобретя эти качества, он может смотреть на своих противников, как на класс, окончательно осужденный историей; он может уже не сомневаться в своей победе. Так называемая революция есть только последний акт в длинной драме революционной

классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбою *политической* [1]).

Спрашивается теперь, целесообразно ли поступили бы социалисты, если бы они стали удерживать рабочих от «политики» на том основании, что политический строй общества обусловливается экономическими его отношениями? Конечно, нет. Они лишили бы рабочих точки опоры для их борьбы, отняли бы у них возможность сконцентрировать свои усилия и направить свои удары на созданную их эксплоататорами общественную организацию. Вместо этого рабочим пришлось бы вести партизанскую войну с отдельными эксплоататорами или, самое большее, с отдельными группами этих эксплоататоров, на стороне которых всегда стояла бы организованная сила государства. Именно такую ошибку делали русские социалисты из так называемой интеллигенции, когда они порицали (в № 4 «З. и В.») «Северно-Русский Рабочий Союз» за то, что он выставил в своей программе известные политические требования. Ту же ошибку повторило «Зерно», которое рекомендовало рабочим вести борьбу на экономической почве, добиваться сокращения рабочего дня, повышения заработной платы и т. п., даже убивать шпионов и особенно нелюбимых мастеров и предпринимателей, но ни одним словом не обмолвилось о *политических* задачах руских работников. Это отсутствие синтеза в революционных взглядах и программах наших социалистов не могло не оказать самого вредного влияния на результаты их деятельности. Охраняя политический индифферентизм рабочих, как важнейший признак радикализма их экономических требований, мы тем самым оказывали косвенную поддержку современному абсолютизму. Кроме того, обрывая наши программы именно на том пункте, где нужно было подвести политический итог социальным требованиям рабочего класса, мы уменьшали практическое значение этих программ в глазах рабочих, лучше нас понимавших, до какой степени бесплодна разрозненная борьба против отдельных эксплоататоров. К счастью, наше рабочее движение очень рано переросло эту первую фазу своего развития. Ответ «Северно-Русского Рабочего Союза» редакции «Земли и Воли» (см. № 5 этого издания) показал, что, по крайней мере, члены

---

[1]) Примечание ко 2-му изд. Эти строки были написаны за 15 лет до выступления г. Бернштейна в роли «критика Маркса». Пусть судит сам читатель, прав ли этот «критик» и его многочисленные единомышленники, упрекающие нас, «ортодоксов», в том, что мы понимаем революцию пролетариата, как простую и почти моментальную «катастрофу».

этого Союза раньше нашей «интеллигенции» поняли всю неуместность «политического невмешательства» рабочего класса.

Все это прекрасно, скажет иной читатель, но ваша аргументация не попадает в цель. Мы не отрицаем, что рабочему классу было бы *полезно* добиться политического влияния и захватить государственную власть в свои руки; мы утверждаем только, что в настоящее время это *невозможно* для него по многим причинам. Ваша ссылка на историю буржуазии недоказательна, так как положение пролетариата в буржуазном обществе вовсе не сходно с положением третьего сословия в государствах «старого режима». Сам Маркс признает это несходство и формулирует его следующим образом в «Коммунистическом манифесте». «Под гнетом лежавшего на нем ига средневековой крепостной возвысился,—говорит он,—до степени члена коммуны, подобно тому, как горожанин вырос до буржуа, несмотря на гнет феодального абсолютизма. Напротив, современный рабочий, вместо того, чтобы с прогрессом промышленности улучшать свое положение, опускается все ниже и ниже. Работник становится нищим, и нищета развивается быстрее, чем население и богатство буржуазных стран». Если каждый прогрессивный шаг буржуазии в области производства и обмена сопровождался «соответствующими политическими завоеваниями», то в этом нет ничего удивительного: всякому известно, что улучшение материального благосостояния того или другого класса сопровождается возрастанием его политического влияния. Но именно тот факт, что политические завоевания буржуазии предполагали увеличение ее богатства—именно этот факт и заставляет безнадежно смотреть на политические движения рабочего класса. Все более и более превращаясь в «нищих», рабочие должны, повидимому, утратить и ту долю влияния, которую они приобрели в борьбе за интересы буржуазии, «побивая врагов своих врагов,—остатки абсолютной монархии, землевладельцев, непромышленную буржуазию» и т. д. Политическая борьба рабочего класса нецелесообразна, потому что, в силу экономического его положения, она осуждена на неудачу.

При всей своей внутренней несостоятельности, возражение это кажется, на первый взгляд, до такой степени решительным, что его невозможно обойти молчанием. Оно является последним основанием аргументации тех сторонников теории политического невмешательства, которые считают себя последователями Маркса [1]). Поэтому, с его устране-

[1]) Примечание к 2-му изд. Это покажется парадоксом, но на самом деле теория политического невмешательства рабочего класса формулирована

нием теория невмешательства падает окончательно, и политические задачи современного социализма выступают в их истинном свете.

Доля рабочего класса в национальном продукте постоянно уменьшается,—это не подлежит ни малейшему сомнению. Он становится беднее не только относительно, но и абсолютно, его доход не только не возрастает в одинаковой прогрессии с доходом других классов общества, но он падает; реальная заработная плата современного пролетария (количество достающихся ему предметов потребления) меньше, чем была плата рабочего 500 лет тому назад—это доказано исследованиями Роджерса, Дюшатлэ и др. [1]). Но отсюда вовсе еще не следует, что в настоящее время экономические условия менее благоприятны для политического движения рабочего класса, чем были они в четырнадцатом веке. Мы говорили уже выше, что, при такого рода оценке экономических условий данной страны, нужно принимать во внимание не только распределение национального дохода, но, главным образом, организацию производства и способ обмена продуктов. Сила зарождавшейся буржуазии заключалась не столько в ее богатстве, сколько в том общественно-экономическом прогрессе, носителем которого она некогда явилась. Не увеличение ее дохода толкнуло ее на путь революционной борьбы и обеспечило возрастание ее политического влияния, а противоречие между вызванными ею к жизни производительными силами и теми условиями, в которых совершались производство и обмен продуктов в феодальном обществе. Сделавшись представительницей прогрессивных требований в этом обществе, она собрала под свое знамя все его недовольные элементы и повела их на борьбу против режима, ненавистного огромному большинству народа. Не деньги, а неразвитое состояние ра-

была Бакуниным, как вывод из материалистического об'яснения истории. Бакунин, бывший горячим сторонником этого об'яснения, рассуждал так: если политический строй всякого данного общества основывается на его экономике, то политическая революция излишня; она сама явится результатом экономической революции. Этот человек, который был когда-то учеником Гегеля, и который должен был бы, кажется, изощрить свою логику, никак не мог понять, что результатом экономики является не только всякий данный, готовый политический строй, но и всякое новое политическое движение, которое, возникнув на почве данных экономических отношений, в свою очередь, служит необходимым орудием их переустройства. На этом недоразумении до сих пор строятся все наиболее серьезные возражения анархистов против социал-демократов.

[1]) Примечание ко 2-му изданию. Это касается «теории обнищания», наделавшей столько шума во время «Бернштейниады». О ней см. в моей статье «Критика наших критиков», в 2—3-й книжке «Зари».

бочего класса создало ей руководящую роль в этом освободительном движении. Ее богатство, ее и тогда уже относительно довольно высокое общественное положение были, конечно, необходимы для исполнения этой роли. Но чем обусловливалась эта необходимость? Прежде всего невозможностью для нее вести дело разрушения старого порядка без помощи низших слоев населения. Здесь-то и помогло ей ее богатство. Оно принесло ей влияние на ту самую массу, которая должна была сражаться за ее господство. Не будучи богатой, буржуазия не была бы и влиятельной, а без влияния на народ она не победила бы и аристократии, потому что она была сильна не собственной силой, а той силой, над которой она уже господствовала и которой она повелевала, благодаря своим капиталам. Спрашивается теперь, *возможно ли* для пролетариата такое влияние на какой-нибудь другой класс населения и *нужно ли* оно для его торжества? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы услышать решительное «нет» от всякого, понимающего современное положение рабочего класса. Пролетариату *невозможно* влиять на низшие классы так, как влияла когда-то на него буржуазия, по той простой причине, что нет таких классов, которые стояли бы ниже его; он представляет собою самую последнюю экономическую формацию современного общества. Да ему и *не нужно* добиваться такого влияния, потому что он, в то же время, есть *самый многочисленный* слой этого общества, потому что, вместе с другими слоями трудящегося населения, он всегда был именно тою средою, вмешательство которой решало политические споры. Говорим—самый многочисленный класс, потому что все «прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности, пролетариат же именно ею и создается. Средние слои, мелкие купцы и промышленники, ремесленники и крестьяне—все они борются против буржуазии, чтобы отстоять свое существование, как средних слоев. Следовательно, они консервативны. Еще того более, они реакционны, они стремятся повернуть назад колесо истории. Если они имеют революционное значение, то лишь постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не современные, но будущие свои интересы, поскольку они покидают свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата».

Прежде рабочий класс побеждал, состоя под начальством буржуазии, и только наивно дивился тому странному обстоятельству, что почти все трудности борьбы падают на его долю, между тем как почти все выгоды и почести победы достаются его союзнице. Теперь он не довольствуется этой служебной ролью и обращает против буржуазии ту самую

силу, которая некогда принесла ей победу. Но теперь эта сила значительно увеличилась. Она возросла и продолжает возрастать в той же пропорции, в какой совершались и совершаются концентрация капиталов и распространение крупного производства. Она возросла, кроме того, в той самой мере, в какой умножился политический опыт рабочего класса, выведенного самой буржуазией на арену общественной деятельности. Можно ли сомневаться, что пролетариат, оказавшийся некогда достаточно сильным, чтобы разрушить феодальный абсолютизм под руководством буржуазии, будет со временем достаточно силен, чтобы сломить политическое господство буржуазии по своей собственной инициативе? Буржуазия могла победить феодализм лишь благодаря своему богатству, пролетариат победит буржуазию именно потому, что его удел—«нищета»—становится уделом все бо́льшей и бо́льшей части современного общества.

Но в истории развития буржуазии богатство оказало ей и другую и притом весьма «*производительную* услугу», как выразились бы экономисты. Оно дало ей знание, сделало ее самым передовым и образованным слоем тогдашнего общества. Может ли пролетариат приобрести это знание, может ли он быть одновременно и самым бедным, и самым развитым из всех общественных классов? Политическое господство невозможно для него вне этого условия, потому что без знания—нет силы!

Мы говорили уже, что сама буржуазия начала политическое воспитание пролетариата. Она заботилась об его образовании, поскольку это было нужно ей для борьбы с ее врагами. Она расшатала его религиозные верования там, где это было необходимо для ослабления политического значения духовенства; она расширила его правовые воззрения там, где ей нужно было противопоставить «естественное» право писанному праву сословного государства. Теперь стал на очередь экономический вопрос, и политическая экономия играет теперь—по выражению одного очень умного немца [1])—такую же важную роль, какую играло в XVIII столетии естественное право. Захочет ли буржуазия быть руководительницей рабочего класса при исследовании отношений труда к капиталу, этого вопроса из вопросов всей общественной экономии? Она неохотно берет на себя даже эту выгодную для нее роль, потому что поднимать этот вопрос, значит уже угрожать ее господству. Да и *может ли* она выполнить эту роль хотя бы так, как она выполнила ее когда-то по отношению к религии и праву? Нет! Ослепленные интере-

[1]) Примечание ко 2-му изд. Т.-е. Родбертуса.

сами своего класса, ее ученые представители давно уже утратили всякую способность к об'ективному, научному исследованию общественных вопросов. В этом и заключается вся тайна современного упадка буржуазной экономии. Рикардо был последним экономистом, который, оставаясь буржуа до конца ногтей, имел достаточно ума, чтобы понять диаметральную противоположность интересов труда и капитала. Сисмонди был последним экономистом-буржуа, у которого было достаточно чувства, чтобы нелицемерно оплакать этот антагонизм. После них *общие*, теоретические исследования буржуазных экономистов утратили, большею частью, всякое научное значение. Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить историю политической экономии со времен Рикардо и полюбоваться произведениями Бастиа, Кери, Леруа-Болье или хотя бы современных катедер-социалистов. Из мирных и об'ективных мыслителей буржуазные экономисты превратились в воинственных охранителей и стражей капитала, направляющих все свои усилия на то, чтобы перестроить с военными целями самое здание науки. Но, несмотря на эти воинственные упражнения, они отступают беспрерывно и оставляют в руках неприятелей ту научную территорию, на которой они когда-то властвовали бесконтрольно. В настоящее время люди, совершенно чуждые каких бы то ни было «демагогических» стремлений, уверяют, будто рабочие «лучше какого-нибудь Пр. Смита или Фаухера способны усваивать самые абстрактные понятия» в экономической науке. Так думал, например, человек, имя которого пользуется огромным авторитетом среди немецких экономистов, но который с своей стороны питал к ним самое глубокое презрение. «Мы смотрим на рабочих, как на детей,—прибавлял этот человек,—между тем как они переросли уже нас на целую голову [1]).

Но нет ли в его словах преувеличения? Может ли рабочий класс понимать «абстрактные» вопросы общественной экономии и социализма, не говорим уже лучше, но так же, как люди, затратившие целые десятки лет на свое образование?

На чем основываются положения современного научного социализма? Представляют ли они собою измышления какого-нибудь досужего благодетеля человеческого рода или являются обобщением тех самых явлений, с которыми мы все так или иначе сталкиваемся в своей ежедневной жизни, об'яснением тех самых законов, которыми определяется наше участие в производстве, обмене или просто в распределе-

[1]) Примечание ко 2-му изд. Я опять имею в виду Родбертуса.

нии продуктов? Кто решит этот вопрос в последнем смысле, тот согласится, что рабочий класс имеет много шансов для правильного понимания «самых абстрактных» законов общественной экономии, для усвоения самых отвлеченных положений научного социализма. Трудность понимания законов той или другой науки обусловливается неполным знакомством с данными, лежащими в основании этих законов. Там, где речь идет лишь об явлениях повседневной жизни, где научный закон обобщает лишь каждому известные случаи, там люди практического дела не только отлично понимают теоретические положения, но и могут иногда научить самих теоретиков. Спросите сельского хозяина о влиянии отдаленности рынка на цену его продуктов или плодородия почвы на высоту поземельной ренты. Спросите фабриканта о влиянии расширения сбыта на удешевление производства. Спросите рабочего, откуда берется прибыль его предпринимателя... Вы убедитесь, что все эти люди знают Рикардо, никогда не видавши даже обертки его сочинений. А ведь эти вопросы пользуются репутацией весьма сложных и «абстрактных» вопросов; ведь по поводу их пролиты целые моря чернил, написано такое огромное количество томов, что, приступая к изучению экономической науки, можно ужаснуться этих ворохов печатной бумаги. И так во всем, во всех частях общественной экономии! Возьмите хоть теорию меновой стоимости. В двух словах вы можете об'яснить рабочему, чем и как она определяется; а вот многие из г.г. буржуазных экономистов до сих пор не хотят или не могут понять этой весьма простой теории и впадают в спорах о ней в такие грубые логические ошибки, за которые ни один учитель арифметики не постеснялся бы поставить единицу ученику «младшего возраста». Поэтому мы и думаем, что цитированный нами писатель был прав, что в настоящее время единственною понятливою аудиториею по жгучим социальным вопросам может быть только аудитория, состоящая из пролетариев или людей, ставших на точку зрения пролетариата. А раз усвоены основные положения общественной экономии—понимание научного социализма не представляет уже трудности: рабочий и здесь будет следовать лишь указаниям своего практического опыта. Эта сторона дела прекрасно выяснена самим Марксом: «Если пролетариат провозглашает разложение *всего современного порядка*,—читаем мы в его «*Критике гегелевской философии права*»,—то он высказывает этим лишь тайну *своего собственного существования*, потому что оно есть *фактическое разложение* этого порядка. Если пролетариат требует *отрицания частной собственности*, то этим он только возводит на степень *общественного принципа* то, что уже возведено в

его принцип самим обществом, что воплотилось уже в нем, как отрицательный общественный результат, без всякого содействия с его стороны» [1]).

Мы видим, стало быть, что пролетариат не нуждается в материальном богатстве, чтобы развиться до понимания условий своего освобождения. Его нищета,—обусловленная *не бедностью и дикостью общества, а недостатками общественной организации*,—такая нищета не только не затрудняет, но облегчает понимание этих условий.

Законы распределения продуктов в капиталистическом обществе в высшей степени неблагоприятны для рабочего класса. Но свойственные капитализму организация производства и форма обмена впервые создают и об'ективную и суб'ективную возможность эмансипации трудящихся. Капитализм расширяет миросозерцание рабочего, уничтожает все предрассудки, унаследованные им от старого общества; он толкает его на борьбу и в то же время обеспечивает победу, увеличивая его численный состав и предоставляя в его распоряжение экономическую возможность организации царства труда. Развитие техники увеличивает власть человека над природой и поднимает производительность труда до такой степени, что обязательность его не может послужить препятствием, но, наоборот, явится необходимым условием всестороннего развития всех членов социалистического общества. В то же время характеризующая капитализм социализация *производства* прокладывает путь для обращения в общую собственность его *средств и продуктов*. Акционерные компании, эта высшая в настоящее время форма организации промышленных предприятий, устраняют капиталистов от всякой активной роли в экономической жизни общества и превращают их в трутней, исчезновение которых не может произвести ни малейшего замешательства в ходе этой жизни. «Если деятельному роду майордомов удалось некогда без труда свергнуть с престола обленившуюся королевскую династию,—говорит консерватор Родбертус,—то почему бы живая и энергичная организация рабочих (служебный персонал компаний составляют *квалифицированные работники*), почему бы такая организация не была бы в состоянии устранить со временем собственников, превратившихся в простых рантьеров?.. А между тем капитал уже не может свернуть с этой дороги! Переживши период расцвета, капитал превращается в своего собственного могильщика!»

---

[1]) См. «Deutsch-Französische Jahrbücher», 1 u. 2 Lieferung, S. S. 81—85.

Почему бы, спросим мы в свою очередь, та самая организация рабочих, которая будет в состоянии «устранить собственников, сделавшихся простыми рантьерами», почему бы такая организация не в состоянии была захватить в свои руки государственную власть и добиться таким образом политического господства? Ведь первое предполагает второе: «устранить» собственников может только такая организация, которая в состоянии преодолеть их *политическое* сопротивление.

Но и это не все; существуют другие общественные явления, которые также увеличивают вероятность *политической* победы пролетариата.

«По мере развития крупной промышленности, целые слои господствующего класса переходят в ряды пролетариата, или, по крайней мере, подвергаются опасности потерять свое общественное положение. Они также являются воспитательным элементом в среде пролетариата.

«Наконец, в те периоды, когда борьба классов близится к развязке, процесс разложения в среде господствующего класса, внутри всего старого общества, достигает такой сильной степени, что некоторая часть господствующего сословия отделяется от него и примыкает к революционному классу, несущему знамя будущего. Как часть дворянства соединилась некогда с буржуазией, так переходит теперь к пролетариату часть буржуазии, именно буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения».

У негров северной Гвинеи есть одна в высшей степени замечательная легенда. По словам этой легенды, «бог призвал к себе однажды двух сыновей первой человеческой пары. Один из них был белый, другой — чернокожий. Положивши перед ними кучу золота и книгу, бог приказал черному брату, как старшему, выбирать любой из этих предметов. Тот выбрал золото, и младший брат получил таким образом книгу. Неизвестная сила немедленно перенесла его тогда, вместе с книгой, в отдаленную и холодную страну. Но, благодаря своей книге, он сделался ученым и стал страшен и силен. Старший же брат остался на родине и прожил достаточно долго, чтобы увидеть, насколько наука выше богатства».

Буржуазия обладала когда-то и знанием, и богатством. В противоположность черному брату негритянской легенды, она вступила во владение и золотом, и книгой, потому что бог человеческих обществ, история, не признает прав несовершеннолетних классов и отдает их в опеку их старших братьев. Но настало время, когда обделенный историей рабочий класс вышел из детского возраста, и буржуазии пришлось с ними делиться. У нее осталось золото, между тем как ее младший брат получил «книгу», благодаря которой он, несмотря на мрак и холод своих

подвалов, стал теперь уже силен и страшен. Мало-по-малу научный социализм вытесняет буржуазные теории со страниц этой магической книги, и скоро пролетариат прочтет в ней, как завоевать ему материальное довольство. Тогда он сбросит с себя позорное иго капитализма и покажет буржуазии, «насколько наука выше богатств».

III.

В первой главе мы старались исторически об'яснить возникновение того убеждения, что социализм несовместим ни с какой «политикой». Мы видели, что в основе этого убеждения лежало прудоновско-бакунинское учение о государстве—с одной стороны—и некоторая непоследовательность наших социал-демократов семидесятых годов—с другой. Кроме того, оно встречало поддержку в общем колорите того фона, на котором выделялись оба вышеназванные направления. Фон этот состоял, как мы сказали словами Энгельса, из смеси различных учений различных основателей социалистических сект. Известно, что социалисты-утописты относились совершенно отрицательно к политическим движениям рабочего класса, в которых они видели «лишь слепое недоверие к новому Евангелию». Этот отрицательный взгляд на «политику» был занесен к нам вместе с учениями утопистов. Задолго до начала сколько-нибудь сильного революционного движения в России, наши социалисты готовы были—подобно «истинным» социалистам Германии конца сороковых годов (см. «Коммун. Ман.», стр. 32)—«расточать традиционные проклятия либерализму, представительному правлению, буржуазной конкуренции, буржуазной свободе слова, буржуазному праву, буржуазной свободе и равенству», совершенно забывая, что все эти нападки «имеют в виду современное буржуазное общество с соответствующими ему экономическими отношениями и политической организацией», т.-е. именно те условия, о завоевании которых только еще должна была пойти речь в нашем отечестве [1]).

В результате всех этих влияний получилась такая твердая уверенность в неуместности всякой политической борьбы, помимо борьбы революционной в узком и вульгарном значении этого слова, что мы стали с предубеждением смотреть на те социалистические партии Западной Европы, которые видели, например, в избирательной агитации могучее

[1]) Сказанное не относится, впрочем, к группе, издававшей «Народное Дело» в Женеве, группе, неоднократно заявлявшей свое отрицательное отношение к «теории политического невмешательства».

средство воспитания и организации рабочих масс. Все сделанные путем этой агитации политические и экономические приобретения казались нам непростительным оппортунизмом, гибельной сделкой с демоном буржуазного государства, равносильной отказу от блаженства в будущей социалистической жизни. Мы и сами не замечали, что наши теории завели нас в заколдованный круг неразрешимых противоречий. Мы считали поземельную общину исходной точкой социально-экономического развития России и, в то же самое время, отказываясь от политической борьбы, мы добровольно лишали себя всякой возможности предохранить эту общину, путем государственного вмешательства, от разрушительных влияний настоящего времени. Мы должны были, таким образом, оставаться равнодушными зрителями процесса, разрушающего тот самый фундамент, на котором мы хотели строить здание будущего.

Мы видели, однако, что логика событий вывела русское движение на другую дорогу и заставила русских революционеров, в лице партии «Народной Воли», добиваться политического влияния и даже господства, как одного из самых могучих факторов экономической революции. Мы видели также, что, выступая на эту дорогу, наше движение вырастало настолько, что социально-политические теории различных разновидностей прудонизма оказались для него слишком узкими и неудобными. Свойственный русской общественной жизни ход вещей пришел в столкновение с ходом господствовавших в нашей революционной среде идей, и тем вызвал новое умственное течение.

Это новое умственное течение, сказали мы далее, до тех пор не отделается от свойственных ему теперь противоречий, пока не сольется с несравненно более глубоким и широким течением современного социализма. Русские революционеры должны стать на точку зрения социальной демократии Запада и разорвать свою связь с «бунтарскими» *теориями* так же, как они уже несколько лет тому назад отказались от «бунтарской *практики,* вводя новый, *политический* элемент в свою программу. Сделать это им будет не трудно, если они постараются усвоить себе правильный взгляд на политическую сторону учения Маркса и захотят подвергнуть пересмотру приемы и ближайшие задачи своей борьбы, прилагая к ним этот новый критерий.

Мы видели уже во второй главе, к каким ложным выводам подали повод философско-исторические посылки современного социализма. Сама «Народная Воля» не замечала, повидимому, ошибочности этих выводов и склонна была «даже к защите социологической точки зрения Дюринга о преобладающем влиянии политико-юридического элемента

общественного строя на экономический», как выразился П. Л. Лавров, характеризуя новейшие направления в русском революционном движении [1]). Только этою склонностью и можно об'яснить содержащуюся во внутреннем обозрении № 6 «Народной Воли» полемику против каких-то «непосредственных толкователей» исторической теории Маркса, основывающих свой взгляд, по словам автора, «главным образом, на известной триаде Гегеля», неимеющих «иного индуктивного материала» для своих выводов и об'ясняющих «Гегелев закон» в том смысле, что дурное просто в своем крайнем развитии приведет к хорошему [2]). Достаточно познакомиться с программой немецких социал-демократов или французских коллективистов, чтобы видеть, как понимают «историческую теорию Маркса» его западно-европейские последователи и, если угодно, «непосредственные толкователи». Со своей стороны, мы можем уверить наших русских товарищей, что эти «толкователи» понимают «Гегелев закон» вовсе не «в том смысле, что дурное, просто в своем крайнем развитии, приведет к хорошему», и к тому же пользуются им как «*индуктивным* материалом» лишь при изучении истории немецкой философии, в которой этот закон занимает весьма видное место и из которой его, *во всяком случае,* не выкинешь, как не выкинешь, по народному выражению, слова из песни. Цитированное нами место есть почти буквальное повторение слов Дюринга, упрекавшего Маркса в том, что в его исторической схеме «гегелевское отрицание отрицания играет, за недостатком лучших и более ясных средств, роль повивальной бабки, при помощи которой будущее выйдет из недр настоящего» [3]). Но эта выходка понесла уже заслуженную кару со стороны Энгельса, разоблачившего все научное ничтожество произведений бывшего берлинского доцента. Зачем же повторять чужие ошибки и становиться, на таком шатком основании, в отрицательное отношение к величайшей и самой революционной обще-

[1]) См. статью «Взгляд на прошедшее и настоящее русского социализма», «Календарь Н. В.», стр. 109.

[2]) Примечание ко 2-му изд. Впоследствии этот вздор на разные лады повторяли наши «легальные» критики,—Н. Михайловский и братия. Вообще, надо заметить, что эти господа в спорах с нами не могли придумать ровно ничего нового сравнительно с тем, что писалось против нас в нелегальной литературе. Кто хочет убедиться в этом, пусть прочтет статью г. Тихомирова во 2-й книжке «Вестника Народной Воли» («Чего нам ждать от революции?») и сравнить с теми доводами, которые пришлось, долго спустя, опровергать Бельтову в своей книге. «Нелегальная» мысль давно опередила у нас «легальную».

[3]) См. «Kritische Geschichte der Nationaloekonomie und des Sozialismus», dritte Auflage, S 438.

ственной теории XIX века? Ведь без революционной теории нет революционного движения, в истинном смысле этого слова. Всякий класс, стремящийся к своему освобождению, всякая политическая партия, добивающаяся господства,—революционны лишь постольку, поскольку они представляют собою наиболее прогрессивные общественные течения, а, следовательно, являются носителями наиболее передовых идей своего времени. Революционная, по своему внутреннему содержанию, идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире. И пока наше движение будет происходить под знаменем отсталых или ошибочных теорий, оно будет иметь революционное значение лишь *некоторыми,* но далеко не всеми своими сторонами. В то же время оно, без ведома своих участников, будет носить в себе зародыши реакции, которые лишат его и этой доли значения в более или менее близком будущем, потому что, как сказал еще Гейне, всякому

Новому времени новый костюм
Потребен для нового дела.

А ведь настанет же, наконец, оно, это действительно новое время, и для нашего отечества.

Впрочем, неверное понимание тех или других положений современного социализма не составляет еще главного препятствия для окончательного выхода нашего революционного движения на путь, проложенный рабочим классом Запада. Ближайшее знакомство с литературой «марксизма» покажет нашим социалистам, какого могучего оружия лишали они себя, отказываясь понять и усвоить теорию великого учителя «пролетариев всех стран». Они убедятся тогда, что наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции, которые правы, каждая по своему, потому, что, при всей своей односторонности, каждая из них выражает известную насущную потребность русской общественной жизни.

Есть другое препятствие для развития нашего движения в только что указанном направлении. Оно заключается в том отсутствии у нас политического глазомера, которое с самого начала движения мешало нашим революционерам привести свои ближайшие задачи в соответствие со своими силами, и которое обусловливается ни чем другим, как недостатком политического опыта у русских общественных деятелей. Отправлялись ли мы в народ с целью распространения социалистиче-

ских изданий, селились ли мы в деревнях для организации протестующих элементов нашего крестьянства, вступали ли мы в непосредственную борьбу с представителями абсолютизма, мы везде повторяли одну и ту же ошибку. Мы всегда преувеличивали свои силы, никогда не принимали в расчет, во всей его полноте, ожидающего нас сопротивления общественной среды, и торопились возвести временно благоприятствуемый обстоятельствами способ действия в универсальный принцип, исключающий все другие способы и приемы. Все наши программы находились, благодаря этому, в совершенно неустойчивом равновесии, из которого их могла вывести самая незначительная перемена в окружающей обстановке. Чуть не каждые два года меняли мы эти программы, и не могли остановиться на чем-либо *прочном*, потому что всегда останавливались на чем-нибудь *узком* и *одностороннем*. Подобно тому, как, по словам Белинского, русское общество, не имея еще литературы, пережило уже все литературные направления, русское социалистическое движение, не сделавшись еще движением нашего рабочего класса, успело уже перепробовать всевозможные оттенки западно-европейского социализма.

Предпринятая «Народной Волей» борьба с абсолютизмом,—выдвигая наших революционеров на более широкий путь деятельности, заставляя их стремиться к созданию действительной *партии*,—будет, без всякого сомнения, сильно содействовать устранению односторонности *кружков*. Но, чтобы прекратить эту постоянную смену программ, чтобы отделаться от этих привычек политических номадов и приобрести, наконец, умственную оседлость, русские революционеры должны довести до конца дело критики, начавшееся с возникновением в их среде сознательных политических тенденций. Они должны стать в критическое отношение к той самой программе, которая сделала необходимой критику *всех* прежних программ и теорий. «Партия Народной Воли» есть дитя переходного времени. Ее программа есть последняя программа, родившаяся в тех условиях, которые делали нашу односторонность неизбежным и потому законным явлением. Расширяя политический горизонт русских социалистов, программа эта сама не свободна еще от односторонности. В ней также заметно отсутствие политического глазомера, способности сообразовать ближайшие цели партии с ее действительными или возможными силами. Партия Народной Воли напоминает человека, идущего по настоящей дороге, но еще не имеющего понятия о расстояниях и потому уверенного в том, что он тотчас же может «верст сто тысяч отмахать и нигде не отдыхать». Практика разрушит, разумеется, его иллюзию, но это разрушение может стоить ему очень

дорого. Лучше ему самому спросить себя, не принадлежат ли семимильные шаги к области фантазии.

Под хождением семимильными шагами мы разумеем упомянутый уже фантастический элемент в интересующей нас программе, который во втором нумере «Народной Воли» выразился в уверенности относительно социально-революционного (мы не говорим *социалистического)* большинства в будущем русском Учредительном Собрании, а в № 8—9 проявил себя в рассуждениях о «захвате власти временным революционным правительством». Мы глубоко убеждены, что этот фантастический элемент в высшей степени вреден для самой партии «Народной Воли». Как партии социалистической, он вреден ей тем, что отвлекает ее от ее непосредственных задач в среде рабочего класса в России; как партии, взявшей на себя инициативу нашего освободительного движения,—он вреден ей тем, что всегда будет отталкивать от нее очень много средств и сил, которые могли бы, при других условиях, притекать к ней из среды так называемого общества. Об'яснимся подробнее.

К кому обращается, к кому *может* и должна обращаться «Народная Воля» в своей борьбе с абсолютизмом? «Привлечение в организацию (Народной Воли) *отдельных лиц из среды крестьянства,*—способных к ней примкнуть, — читаем мы в «Календаре Народной Воли» [1]),—конечно, всегда признавалось очень желательным... Но что касается организации в настоящее время *в массе* крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы совершенной фантазией, и, если не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов». Быть может, партия «Народной Воли» рассчитывает опереться на более передовой слой нашего трудящегося населения, т.-е. на городских рабочих? Она, действительно, придает весьма большое значение делу пропаганды и организации в их среде, она считает, что «городское рабочее население должно обратить на себя серьезное внимание партии». Но уже самая мотивировка необходимости этого дела показывает, что, по ее понятиям, городские рабочие должны быть лишь одним из элементов нашего революционного движения. Они «имеют особенно важное значение *для революции* как по своему положению, так и по относительно большей развитости,—поясняет нам тот же документ,—успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска». Значит, пред-

[1]) «Подготовительная работа партии», стр. 129 в примечании.

стоящая революция не будет рабочей революцией в полном смысле этого слова, но рабочие должны принять в ней участие, так как они «имеют *для нее* особенно важное значение». Какие же другие элементы войдут в это движение? Мы видели уже, что войдет, между прочим, «войско», а в войске «при настоящих условиях пропаганда между солдатами затруднена в такой степени, что на нее едва ли можно возлагать много надежд. Гораздо удобнее воздействие на *офицерство:* более развитое, более свободное, оно более доступно влиянию!». Это, конечно, совершенно справедливо, но не будем пока останавливаться на этом и пойдем далее. Кроме рабочих и «офицерства», партия Народной Воли имеет в виду также либералов и «Европу», по отношению к которой «политика партии должна стремиться к тому, чтобы обеспечить русской революции сочувствие *народов,* вызвать к этой революции симпатии европейского общественного мнения». Для достижения этой цели «партия должна знакомить Европу со всем пагубным значением русского абсолютизма для самой европейской цивилизации, с истинными целями партии, со значением нашего революционного движения, как выражения всенародного протеста». Что же касается «либералов», то в отношении к ним «следует, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что, при современной постановке партионных задач, интересы наши и их заставляют совместно действовать против правительства».

Мы видим таким образом, что партия «Народной Воли» рассчитывает не на один только рабочий и крестьянский классы и даже не главным образом на эти классы. Она имеет в виду также и общество, и офицерство, которое, в сущности, есть «плоть от плоти и кость от костей» того же общества. Она хочет убедить либеральную часть этого общества, что «при современной постановке партионных задач» интересы русского либерализма сходятся с интересами русской социально революционной партии. Что же она делает, чтобы вселить в русских либералах это убеждение? Она издает, во-первых, программу «Исполнительного Комитета», в которой говорится, что «*народная воля* была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным Собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей». В известном «Письме к Александру III» Исполнительный Комитет также требует «созыва представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями». Такая программа, действительно, совпадает с интересами русских либералов, и для ее осуществления они, пожалуй, примирились бы и со всеобщим избира-

тельным правом, которого не может не требовать «Исполнительный Комитет». Во всем этом программа названного «Комитета» обнаруживает гораздо большую зрелость, чем все предшествовавшие ей программы. Но, не говоря уже о таком крупном промахе, как требование свободы сходок, слова, печати и избирательных программ лишь «в виде временной меры» [1]), припомним другие заявления партии «Народной Воли». Орган этой партии поспешил предупредить читающую публику, что большинство депутатов Учредительного Собрания будет состоять из сторонников радикального экономического переворота. Мы уже говорили выше, что эта уверенность была не более, как фикцией, придуманной для соглашения несогласимых между собою элементов народовольческой программы. Взглянем теперь на печатное выражение такой уверенности с точки зрения тактики. Спрашивается, разве экономический переворот входит в интересы русского либерализма? Разве наше либеральное общество сочувствует аграрной революции, которой, по словам «Народной Воли», будут добиваться крестьянские депутаты? Западно-европейская история говорит нам весьма убедительно, что там, где «красный призрак» принимал хоть сколько-нибудь грозные формы, «либералы» готовы были искать защиты в об'ятиях самой бесцеремонной военной диктатуры. Думал ли террористический орган, что наши русские либералы составят исключение из этого общего правила? Если так, то на чем основывал он свое убеждение? Думал ли он также, что современное «общественное мнение Европы» до такой степени проникнуто социалистическими идеями, что будет сочувствовать созыву социально-революционного Учредительного Собрания? Или он думал, что, трепеща красного призрака у себя дома, европейская буржуазия будет аплодировать появлению его в России? Само собою разумеется, что ничего подобного он не думал и ничего подобного не забывал. Но зачем же, в таком случае, было делать это рискованное заявление? Или орган партии «Народной Воли» был до такой степени убежден в неминуемом осуществлении своего пророчества, что считал нужным побудить членов организации к принятию мер, соответствующих важности ожидаемого события? Но ввиду того, что в том же органе деятельность в народе об'являлась бесплодною, мы думаем, что заявление это имело, скорее, успокоительный, чем побудительный характер: социально-революционное большинство в Учредительном Собрании ожидалось, *несмотря* на то, что названная дея-

[1]) См. «Письмо к Александру III», «Календарь Народной Воли», стр. 14.

тельность, напоминает собою теперь «наполнение бездонных бочек Данаид».

Само по себе, заявление это могло бы считаться неважным, тем более, что «Народная Воля» сама, повидимому, рассталась с преувеличенно-радужными надеждами на состав будущей русской конституанты. Мы думаем так потому, что передовая статья № 8—9 говорит об экономическом перевороте, который, в случае отсутствия социально-революционной инициативы в самом народе, должен быть совершен «временным революционным правительством» ранее созыва Учредительного Собрания. Автор статьи совершенно справедливо видит лишь в таком перевороте гарантию того, что «на созванный Земский Собор явятся истинные представители народа». Прежняя иллюзия «Народной Воли» рассеялась, таким образом, окончательно. Но, к сожалению, она исчезла лишь затем, чтобы уступить место новой, еще более вредной для дела самой партии «Народной Воли». Фантастический элемент программы не уничтожился, он принял только новый вид и называется теперь тем самым ***«захватом власти временным революционным правительством»,*** который должен доставить партии возможность совершить упомянутый экономический переворот. Само собою понятно, что эта новая «постановка партионных задач» ни в коем случае не может внушить ни русским либералам, ни буржуазной Европе мысли о солидарности их интересов с интересами русского революционного движения. Как ни забито, как ни задавлено русское общество, но оно вовсе не лишено инстинкта самосохранения и ни в каком случае не пойдет добровольно навстречу «красному призраку»; указывать ему на такую «постановку» задач партии—значит лишать себя его поддержки и рассчитывать лишь на свои собственные силы. Но настолько ли велики эти силы, чтобы не рискованно было отталкивать от себя такого союзника? Могут ли наши революционеры действительно захватить в свои руки власть и удержать ее хоть на короткое время, или все толки об этом представляют собою не что иное, как выкраивание шкуры зверя, не только еще не убитого, но, по обстоятельствам дела, и не подлежащего убиению? Вот вопрос, который становится в последнее время злобою дня революционной России...

Спешим оговориться. Предыдущие страницы должны были уже убедить читателя, что мы не принадлежим к числу принципиальных противников такого акта, как захват власти революционной партией. По нашему мнению, он представляет собою последний и притом совершенно неизбежный вывод из той политической борьбы, которую, на известной ступени общественного развития, должен начать всякий класс, стремя-

шийся к своему освобождению. Достигший политического господства, революционный класс только тогда и сохранит за собою это господство, только тогда и будет в сравнительной безопасности от ударов реакции, когда он направит против нее могучее орудие государственной власти. Den Teufel halte, wer ihn hält! говорит Фауст.

Но диктатура класса, как небо от земли, далека от диктатуры группы революционеров-разночинцев. Это в особенности можно сказать о диктатуре рабочего класса, задачей которого является, в настоящее время, не только разрушение политического господства непроизводительных классов общества, но и устранение существующей ныне анархии производства, сознательная организация всех функций социально-экономической жизни. Одно *понимание* этой задачи предполагает развитой рабочий класс, обладающий политическим опытом и воспитанием, освободившийся от буржуазных предрассудков и умеющий самостоятельно обсуждать свое положение. *Решение* же ее предполагает, кроме всего сказанного, еще и распространение социалистических идей в среде пролетариата, сознание им своей силы и уверенность в победе. Но *такой* пролетариат и *не позволит* захватить власть даже самым искренним благожелателям. Не позволит по той простой причине, что он проходил школу своего политического воспитания с твердым намерением окончить когда-нибудь эту школу и выступить самостоятельным деятелем на арену исторической жизни, а не переходить вечно от одного опекуна к другому; не позволит потому, что такая опека была бы излишней, так как он и сам мог бы тогда решить задачу социалистической революции; не позволит, наконец, потому, что такая опека была бы вредной, так как сознательного участия производителей в деле организации производства не заменит никакая конспираторская сноровка, никакая отвага и самоотвержение заговорщиков. Одна мысль о том, что социальный вопрос может быть на практике решен кем-либо, помимо самих рабочих, указывает на полное непонимание этого вопроса, без всякого отношения к тому, держится ли ее «железный канцлер» или революционная организация. Понявший условия своего освобождения и созревший для него пролетариат возьмет государственную власть в свои собственные руки, с тем, чтобы, покончивши с своими врагами, устроить общественную жизнь на началах не *анархии,* конечно, которая принесла бы ему новые бедствия, но *пан*-архии, которая дала бы возможность непосредственного участия в обсуждении и решении общественных дел всем взрослым членам общества. До тех же пор, пока рабочий класс не развился еще до решения своей великой исторической задачи, обязанность

его сторонников заключается в ускорении процесса его развития, в устранении препятствий, мешающих росту его силы и сознания, а не в придумывании социальных экспериментов и вивисекций, исход которых всегда более чем сомнителен.

Так понимаем мы вопрос о захвате власти в социалистической революции. Применяя эту точку зрения к русской действительности, мы должны сознаться, что отнюдь не верим в близкую возможность социалистического правительства в России.

«Народная Воля» считает современное соотношение политических и экономических факторов на русской почве особенно «выгодным» для социалистов. Мы согласны, что оно более выгодно для них в России, чем в Индии, Персии или Египте, но его, конечно, невозможно и сравнивать с западно-европейскими общественными отношениями. И если «Народная Воля» пришла к своему убеждению, противопоставляя наши порядки не египетским или персидским, а французским или английским, то она впала в очень крупную ошибку. Современное «соотношение общественных факторов на русской почве» обусловливает собою невежество и индифферентизм народной массы; когда же такие свойства были выгодны для дела ее освобождения? «Народная Воля» полагает, повидимому, что индифферентизм этот начинает исчезать, так как в народе все более и более «пробуждается ненависть к привилегированным, правящим сословиям и настойчивое стремление к радикальному изменению экономических отношений». Но что же выходит из этого стремления? «Ненависть к привилегированным сословиям» еще ровно ничего не доказывает: она не сопровождается часто ни одним лучем политического сознания. Притом же в настоящее время нам нужно строго различать *сословное* сознание от сознания *классового,* так как старые сословные подразделения не соответствуют более экономическим отношениям России и готовятся уступить свое место формальному равенству граждан в «правовом государстве». Если «Народная Воля» взглянет на современное миросозерцание нашего крестьянства с точки зрения развития в нем *классового и политического* сознания, то она едва ли будет настаивать на выгодности соотношения наших общественных факторов для дела социального переворота. Ведь не может же она считать «выгодными» для этого дела хотя бы те толки, которые идут в среде крестьянства по поводу ее собственной борьбы с правительством. Как ни сильно сказывается в этих толках «ненависть к правящим классам», но ввиду того, что самое революционное движение приписывается крестьянами крепостническим проискам дворян и чиновников, «временное революцион-

ное правительство» будет находиться в большой опасности, когда народ начнет «отвоевывать экономическое равенство у своих вековых угнетателей и эксплоататоров». Тогда нынешнее соотношение интересующих нас факторов обнаружит, пожалуй, свойства, весьма *невыгодные* для временно восторжествовавших заговорщиков. Да и что значит «отвоевать экономическое равенство»?

Достаточно ли для этого экспроприировать крупных землевладельцев, капиталистов и предпринимателей? Не нужно ли для этого организовать, известным образом, и самое производство? А если да, то благоприятны ли ей современные экономические отношения России, иначе говоря, много ли шансов на ее успех обещает нам экономический фактор? Мы думаем, что нет, и думаем так по следующей причине. Всякая организация предполагает известные, определяемые ее целью и характером, свойства организуемого. Социалистическая организация производства предполагает такой характер экономических отношений, который делал бы эту организацию логическим выводом из всего предыдущего развития страны, и, следовательно, отличался бы весьма значительной определенностью. Другими словами, социалистическая, как и всякая другая, организация требует соответствующей ей основы. Этой-то основы и нет в современной России. Старые устои народной жизни слишком узки, разнородны и односторонни и, кроме того, слишком уже расшатаны, а новые—только еще вырабатываются. Об'ективные общественные условия производства не созрели еще для социалистической организации, а потому и в самих производителях нет еще ни стремления, ни способности к такой организации: наше крестьянство не может еще ни понять, ни решить этой задачи. Поэтому «временному правительству» придется не «санкционировать», а совершать «экономический переворот», если его не снесет волной народного движения, если только оно встретит достаточно повиновения со стороны производителей.

Но декретами не создашь условий, чуждых самому характеру современных экономических отношений. «Временному правительству» придется мириться с тем, что есть, брать то, что даст ему современная русская действительность в качестве основы его реформаторской деятельности. И на этой-то узкой и шаткой основе здание социалистической организации будет строиться руками правительства, в которое войдут: во-первых, городские рабочие, пока еще мало подготовленные к такой трудной деятельности; во-вторых, представители нашей революционной молодежи, всегда оставшейся чуждой практической жизни, и, в-третьих, «офицерство», в экономических познаниях которых весьма

позволительно усомниться. Мы не хотим делать весьма вероятного предположения относительно того, что, рядом со всеми этими элементами, во временное правительство проникнут и либералы, которые будут не сочувствовать, а мешать социально-революционной «постановке партионных задач». Мы предлагаем читателю взвесить лишь выше перечисленные обстоятельства и затем спросить себя: много ли вероятности успеха имеет «экономический переворот», начавшийся при этих обстоятельствах? Точно ли выгодно для дела социалистической революции существующее ныне «соотношение политических и экономических факторов на русской почве»? И не принадлежит ли уверенность в выгодности этого соотношения к числу фикций, заимствованных из анархически-бунтарского миросозерцания и доведенных в программе новой, *политической* партии до совершенно уже невозможной крайности? А ведь этой фикцией определяются ближайшие «непосредственные задачи» партии, на ней основывается стремление к немедленному «захвату власти», стремление, пугающее наше общество и придающее односторонний характер всей деятельности наших революционеров!

Нам возразят, быть может, что «Народная Воля» и не думает приступать к социалистической организации общества тотчас же после захвата ею власти, что проектируемый ею «экономический переворот» имеет целью лишь воспитание народа для будущей социалистической революции. Посмотрим, возможно ли такое предположение, и если—да, то какие следуют из него выводы?

Передовая статья № 8—9 «Народной Воли» говорит об экономическом равенстве, которое будет «отвоевано» самим народом, а в случае недостатка в нем инициативы, создано временным правительством. Мы говорили уже, что это так называемое экономическое равенство возможно лишь при социалистической организации производства. Но допустим, что «Народная Воля» считает его возможным и при других условиях, что экономическое равенство будет, по ее мнению, достаточно обеспечено переходом земли и орудий производства в собственность трудящихся. Такое мнение было бы ничем другим, как возвратом к старым народническим идеалам «Земли и Воли» и, с экономической точки зрения, обнаруживало бы те же самые слабые стороны, которые свойственны были этим идеалам. Взаимные отношения отдельных общин друг к другу, превращение продуктов труда общинников в товары и связанное с ним капиталистическое накопление грозили бы сделать это «равенство» весьма неустойчивым! При самостоятельности мира, «как экономической и административной единицы», при «широком областном са-

моуправлении, обеспеченном выборностью всех должностей и принадлежности земли народу»,— которых требует программа Исполнительного Комитета, центральное правительство не *могло бы* принять никаких мер для упрочения этого равенства; если даже и предположить, что оно придумало бы такие меры, которые упразднили бы не только писаные законы Российской империи, но и законы самого товарного производства. Да оно и не захотело бы принимать таких мер, так как оно состояло бы из представителей того «освобожденного экономически и политически народа», идеалы которого, в лучшем случае, выражались бы словами «Земля и Воля» и не оставляли бы места для какой-либо организации национального производства (мы не говорим уже об *интернациональном*).

Предположим, что ввиду этой опасности «временное правительство» «Народной Воли» не передаст захваченной им власти народным представителям и превратится в постоянное. Тогда ему будет предстоять такая альтернатива: или оно должно будет оставаться равнодушным зрителем медленного разложения созданного им «экономического равенства», или оно вынуждено будет *организовать* национальное производство. Решить эту трудную задачу оно должно будет или в духе современного социализма, чему помешают как его собственная непрактичность, так и современная степень развития национального труда и привычки самих трудящихся, или же оно должно будет искать спасения в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что, вместо перувианских «сынов солнца» и их чиновников, национальным производством будет заведывать социалистическая каста. Но русский народ и теперь уже слишком развит, чтобы можно было льстить себя надеждою на счастливый исход таких опытов над ним. Несомненно, кроме того, что при такой опеке народ не только не воспитался бы для социализма, но или окончательно утратил бы всякую способность к дальнейшему прогрессу, или сохранил бы эту способность, лишь благодаря возникновению того самого экономического *не*равенства, устранение которого было бы непосредственной целью революционного правительства. Мы не говорим уже о влиянии международных отношений и о невозможности перувианского коммунизма даже на востоке Европы XIX или XX столетия.

Впрочем, зачем так много говорить о *результатах* захвата власти нашими революционерами. Вероятен ли, возможен ли самый захват? По нашему мнению, очень, очень мало вероятен; так мало вероятен, что его можно считать совсем невозможным. Наш «мыслящий пролетариат» сделал уже очень много для освобождения своей родины. Он расшатал абсо-

лютизм, пробудил политический интерес в обществе, занес семя социалистической пропаганды в среду нашего рабочего класса. Он составляет переход от высших классов общества к низшему, обладает образованием первых и демократическими инстинктами второго. Это положение облегчало ему разностороннюю работу агитации и пропаганды. Но то же самое положение дает ему очень мало надежды на успех заговора с целью захвата власти. Для такого заговора недостаточно талантов, энергии и образования: нужны связи, богатство и влиятельное общественное положение заговорщиков. Именно этого-то и недостает нашей революционной интеллигенции. Пополнить этот недостаток она может, лишь вступая в союз с другими недовольными элементами русского общества. Допустим, что ее планы встретят сочувствие со стороны этих элементов, допустим, что к заговору примкнут богатые землевладельцы, капиталисты, чиновники, штаб- и обер-офицеры. Успех заговора станет тогда вероятнее, хотя вероятность эта будет еще очень невелика: припомним только исход большей части известных в истории заговоров. Но главная опасность будет грозить *социалистическому* заговору не со стороны существующего правительства, а со стороны его собственных участников. Вошедшие в него влиятельные и высокопоставленные лица могут быть искренними социалистами лишь в виде «счастливой случайности». Относительно же большей части этих лиц не может быть никаких гарантий в том, что они не пожелают воспользоваться захваченною ими властью для целей, не имеющих ничего общего с интересами рабочего класса. А раз заговорщики отклонятся от социалистической цели заговора, его можно считать не только бесполезным, но даже вредным для социального развития страны; ведь нельзя же из ненависти к абсолютизму сочувствовать успехам «новейших Сэянов»—как выражается Степняк в своей известной книге,—которые захотели бы воспользоваться заговором в своих собственных интересах. Таким образом результаты заговора социалистической интеллигенции с целью захвата власти в ближайшем будущем станут тем более сомнительными, чем более сочувствия встретит он во влиятельных сферах, т.-е. чем вероятнее будет его внешний успех; и наоборот, результаты такого заговора, поскольку речь идет о намерениях его участников, будут тем несомненнее, чем более его сфера ограничится нашей социалистической «интеллигенцией», т.-е. чем невероятнее будет его счастливый исход. Все заставляет думать, что в настоящее время русскому социалистическому заговору грозила бы неудача скорее второго, чем первого рода.

Ввиду всего сказанного, мы думаем, что единственною нефантастическою целью русских социалистов может быть теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей *рабочей социалистической партии* России—с другой. Они должны выставить требование демократической конституции, которая, вместе с «правами человека», обеспечила бы рабочим «права гражданина» и дала бы им, путем всеобщего избирательного права, возможность активного участия в политической жизни страны. Не пугая никого далеким пока «красным призраком», такая политическая программа вызывала бы к нашей революционной партии сочувствие всех, не принадлежащих к систематическим противникам демократии; вместе с социалистами под ней могли бы подписаться очень многие представители нашего либерализма [1]). И между тем как захват власти той или другой тайной революционной организацией всегда останется лишь делом этой организации и лиц, посвященных в ее планы, агитация в пользу названной программы была бы делом всего русского общества, в котором она усиливала бы сознательное стремление к политическому освобождению. Тогда интересы либералов действительно «заставили» бы их «вместе с социалистами действовать против правительства», потому что либералы перестали бы встречать в революционных изданиях уверения в том, что ниспровержение абсолютизма будет сигналом социальной революции в России. Вместе с тем, другая, менее пугливая и более трезвая, часть либерального общества перестала бы видеть в революционерах непрактичных юношей, задающихся несбыточными и фантастическими планами. Этот невыгодный для революционеров взгляд уступил бы место уважению общества не только к их героизму, но и к их политической зрелости. Постепенно это сочувствие перешло бы в активную поддержку или, что вероятнее, в самостоятельное общественное движение, и тогда пробил бы, наконец, час падения абсолютизма. Социалистическая партия играла бы в этом освободительном движении весьма почетную и выгодную роль. Ее славное прошлое,

---

[1]) Примечание ко 2-му изданию. Сочувствие «общества» для нас очень важно, и мы можем,—точнее: у нас было много шансов,—приобрести его, ни на иоту не изменяя своей программе. Но, разумеется, для перехода этой возможности в действительность необходим такт, которым мы не всегда обладаем. Вот, например, мы иногда пускаемся ругать «капитал» как раз по тому поводу,—хотя, конечно, и не за то,—что он «бунтует». Маркс никогда не сделал бы такой грубой тактической ошибки. Он нашел бы, что она достойна Карла Грюна и других «истинных социалистов».

ее самоотвержение и энергия придали бы вес ее требованиям, и она имела бы, по крайней мере, шансы завоевать таким образом *народу* возможность политического развития и воспитания, а *себе*—право открытого обращения к нему со своею проповедью и открытой организации его в особую партию.

Но этого мало. Вернее, это недостижимо без одновременной деятельности другого рода и в другой сфере. Без силы нет и права. Всякая конституция—по прекрасному выражению Лассаля—соответствует или стремится притти в соответствие с «*реальными, фактическими отношениями силы, существующими в стране*». Поэтому наша социалистическая интеллигенция должна позаботиться о том, чтобы еще в до-конституционный период изменить эти фактические отношения русских общественных сил в пользу рабочего класса. В противном случае, падение абсолютизма далеко не оправдает надежд, возлагаемых на него русскими социалистами или даже демократами. Требования народа и в конституционной России могут быть оставлены совсем без внимания или удовлетворены лишь настолько, насколько это необходимо для усиления его податной способности, ныне почти совершенно истощенной хищническим характером государственного хозяйства. Сама социалистическая партия, завоевавши либеральной буржуазии свободу слова и действия, может очутиться «в исключительном» положении, подобном положению современной немецкой социал-демократии. В политике на благодарность вчерашних союзников и нынешних врагов может рассчитывать лишь тот, кому невозможно рассчитывать на что-либо более серьезное.

К счастью, русские социалисты могут строить свои надежды на более прочном основании. Они могут и должны надеяться прежде всего на рабочий класс. Сила рабочего, как и всякого другого класса, зависит, между прочим, от ясности его политического сознания, от его сплоченности и организованности. Именно эти элементы его силы и подлежат воздействию нашей социалистической интеллигенции. Она должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и экономические интересы, равно как и взаимную связь этих интересов, должна подготовить его к самостоятельной роли в общественной жизни России. Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы, в первый же период конституционной жизни России, наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой. Подробная выработка этой программы, конечно, должна быть предоставлена самим рабочим, но интеллигенция должна выяснить им главнейшие ее пункты,

как, например, радикальный пересмотр современных аграрных отношений, податной системы и фабричного законодательства, государственная помощь производительным ассоциациям и т. п. Все это может быть достигнуто лишь путем усиленной работы в среде, по крайней мере, наиболее передовых слоев нашего рабочего класса, путем устной и печатной пропаганды и организации рабочих социалистических кружков. Эти задачи всегда занимали, правда, более или менее видное место в программах наших социалистов, а «Календарь Народной Воли» может убедить нас в том, что они не были забыты даже в пылу самой ожесточенной борьбы с правительством (смотри «Подготовительную работу партии», рубрику—В, *Городские рабочие).* Но мы предлагаем всякому, знакомому с нашим революционным движением, припомнить и сравнить, сколько сил и средств поглотила разрушительная работа и сколько пошло их на подготовление элементов для будущей *рабочей социалистической партии.* Не виня никого, мы думаем, однако, что распределение революционных сил было слишком односторонне. А между тем мы напрасно стали бы об'яснять это свойством самих революционных сил или той рабочей среды, на которую им нужно было воздействовать, согласно их собственной программе. Появление и успех таких изданий, как «Зерно» и «Рабочая Газета», показывают, что наши революционеры не утратили склонности к пропаганде, а наши рабочие не остались к ней равнодушны. Названные издания не избежали, конечно, ошибок, иногда весьма существенных, но не ошибается только тот, кто ничего не делает. Главная беда в том, что в издании этих листков не видно той энергии, с какой ведется литературная пропаганда в «интеллигентных» слоях общества, что арестованная типография не заменяется новой, что за невозможностью вести дело издания в России оно не переносится за границу и т. д. Из всех заграничных журналов, а их было у нас немало, только «Работник» и имел в виду читателей из народа, и в этом величайшая заслуга его издателей. Но «Работник» давно уже прекратился, а мы ничего не слыхали о новых попытках в этом роде, хотя бы и с другою программою, более подходящей к изменившимся взглядам русских социалистов. А что издано у нас для рабочих в России, кроме «Зерна» и «Рабочей Газеты»? Ровно ничего. Ни одной книжки, ни одной брошюры! [1]). И это

[1]) Примечание ко 2-му изд. Отсюда видно, что идея популярного органа совсем не новость в нашей литературе. Но это обстоятельство, разумеется, не помешало ей казаться опасным новшеством многим товарищам не далее, как накануне нашего второго с'езда, когда я являлся между «искровцами» едва ли не единственным ее сторонником. Теперь эта

в то время, когда революционное движение обратило на себя всеобщее внимание, и народ, с жадностью ловя все слухи и толки, в недоумении спрашивал себя: чего хотят эти люди? Можно ли после этого удивляться тем нелепым ответам на этот вопрос, которыми он довольствуется иногда, за неимением лучших. Повторяем, мы не виним *никого*, но *всем* советуем обратить внимание на эту сторону дела, чтобы вовремя наверстать упущенное [1]).

Таким образом борьба за политическую свободу, с одной стороны, и подготовка рабочего класса к его будущей самостоятельной и наступательной роли—с другой, такова, по нашему мнению, «постановка партийных задач», единственно возможная в настоящее время. Связывать в одно два таких существенно-различных дела, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти моменты общественного развития *совпадут* в истории нашего отечества—*значит отдалять наступление и того, и другого*. Но от нас зависит *сблизить* эти два момента. Мы должны последовать прекрасному примеру немецких коммунистов, которые шли, по словам *Манифеста*, «рядом с буржуазией, поскольку она являлась революционной в борьбе своей против абсолютной монархии», и, в то же время, ни на минуту не переставали вырабатывать в умах рабочих возможно более ясное сознание враждебной противоположности интересов буржуазии и пролетариата». Поступая таким образом, коммунисты хотели, чтобы «немецкая буржуазная революция послужила лишь непосредственным прологом революции рабочей».

Современное положение буржуазных обществ и влияние международных отношений на социальное развитие каждой цивилизованной страны дают право надеяться, что социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма. Если немецкая буржуазия «*пришла слишком поздно*», то русская запоздала еще более, и господство ее не может быть продолжительным. Нужно только, чтобы русские революционеры, в свою очередь, не «слишком поздно» начали дело подготовки рабочего класса, дело, теперь уже ставшее вполне современным и насущным.

идея получила уже практическое,—более или менее удачное,—осуществление. Лучше поздно, чем никогда. Но если бы вы слышали, читатель, какие изумительные выводы приводились против этой идеи в только что указанное, еще недалекое от нас, время, вы воскликнули бы, как Фауст: Wie weh, wie weh, wie weh!

[1]) «В истекшем году—читаем мы в Прибавлении к «Листку Н. В.» № 1 (1883 г., стр. 61)—был целый ряд стачек которые, благодаря отсутствию организации рабочих, кончались большею частью неудачей».

Во избежание недоразумений оговоримся. Мы не держимся того взгляда—скорее, как мы видели, навязанного школе Маркса, чем существовавшего в действительности,—взгляда, по которому социалистическое движение не может будто бы встретить поддержки в нашей крестьянской среде до тех пор, пока крестьянин не превратится в безземельного пролетария, а сельская община не разложится под влиянием капитализма. Мы думаем, что—в общем—русское крестьянство отнеслось бы с большой симпатией ко всякой мере, имеющей в виду так называемую «национализацию земли». При возможности сколько-нибудь свободной агитации в его среде [1]) оно отнеслось бы с сочувствием и к социалистам, которые не замедлили бы, разумеется, внести требование такого рода мер в свою программу. Но мы не преувеличиваем сил наших социалистов и не игнорируем тех препятствий, того сопротивления среды, с которыми им неизбежно придется считаться в своей деятельности. Поэтому, *и только поэтому*, мы думаем, что им следует, на первое время, сосредоточить главное свое внимание на промышленных центрах. Современное сельское население, живущее при отсталых социальных условиях, не только менее промышленных рабочих способно к сознательной политической *инициативе,* но и менее их *восприимчиво* к движению, начатому нашей революционной интеллигенцией. Ему труднее усвоить социалистические учения, потому что условия его жизни слишком непохожи на условия, породившие эти учения. К тому же, крестьянство переживает теперь тяжелый, критический период. Прежние «старо-дедовские устои» его хозяйства рушатся, «сама несчастная община дискредитируется в его глазах», по признанию даже таких «стáродедовски» народнических органов, как «Неделя» (см. 39 №, статью г. N. Z. *«В родных местах»);* новые же формы труда и жизни еще только складываются, и этот созидательный процесс обнаруживает наибольшую интенсивность именно в промышленных центрах. Как вода, размывая и разрушая одну часть почвы, образует в других местах новые осадки и отложения, так процесс русского социального развития образует новые общественные формации, разрушая вековые формы отношения крестьян к земле и друг к другу. Эти новые общественные формации носят в себе зародыши нового общественного движения, которое одно только и может положить конец эксплоатации трудящегося населения России. Промышленные рабочие, обладающие бóльшим развитием, более высокими потребностями и более широким кругозором, чем крестьянство.

[1]) Примечание ко 2-му изданию. Т.-е. при конституции.

примкнут к нашей революционной интеллигенции в ее борьбе с абсолютизмом и затем, добившись политической свободы, организуются в рабочую социалистическую партию, которая и должна будет начать систематическую пропаганду социализма в среде крестьянства. Говорим *о систематической пропаганде* потому, что отдельные случаи пропаганды и агитации в крестьянстве, конечно, не должны быть упускаемы и в настоящее время. Едва ли нужно прибавлять, что наши социалисты должны были бы изменить распределение своих сил в народе, если бы в среде крестьянства обнаружилось сильное самостоятельное движение.

Такова «программа», которая самою жизнью подсказывается русской революционной социалистической партии. Сумеет ли она выполнить эту программу? Захочет ли она покинуть фантастические планы и замыслы, которые, надо сознаться, очень много говорят чувству и воображению? Пока еще трудно отвечать на это с уверенностью. «Об'явление об издании «Вестника Народной Воли» говорит о политических задачах революционной партии лишь в самых общих выражениях. Редакция «Вестника» называет эти цели «совершенно определенными» и не считает, повидимому, нужным снова определять их в своем об'явлении. Можно опасаться поэтому, что она не сочтет также нужным спросить себя, соответствуют ли «совершенно определенные условия» современной русской действительности «совершенно определенным целям» партии Народной Воли? В таком случае, новый орган оставит неудовлетворенной самую насущную потребность нашей революционной литературы, потребность в критическом пересмотре устаревших программ и традиционных способов действия. Но мы надеемся, что будущее рассеет наши опасения. Нам хочется думать, что новый орган трезво взглянет на те задачи нашей революционной партии, от решения которых зависит ее будущее. Общественная жизнь отнесется к ее современным иллюзиям с тою же беспощадностью, с какой отнеслась она к иллюзиям наших «бунтарей» и пропагандистов. *Лучше теперь же последовать ее указаниям, чем оплачивать, впоследствии, ее суровые уроки новыми расколами и новыми разочарованиями.*

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ

Письмо к П. Л. Лаврову.

(Вместо предисловия.)

Многоуважаемый Петр Лаврович!

Вы недовольны группой «Освобождение Труда». В № 2 «Вестника Народной Воли» Вы посвятили ее изданиям особую заметку, и хотя заметка эта очень невелика, но заключающихся в ней двух с половиной страниц было достаточно для выражения Вашего несогласия с ее программой и Вашего неудовольствия по поводу ее отношения к «партии Народной Воли».

Привыкши издавна уважать Ваши мнения, зная, кроме того, с каким вниманием прислушивается к ним наша революционная молодежь всех оттенков и направлений, я позволю себе сказать несколько слов в защиту группы, к которой Вы отнеслись, как мне кажется, не совсем справедливо.

Я тем более считаю себя в праве сделать это, что в своей заметке Вы говорите, главным образом, о моей брошюре «Социализм и политическая борьба». Ею вызваны Ваши упреки, ее автору удобнее всего и отвечать на них.

Вы находите, что эта брошюра может быть разделена на две части, «к которым», по Вашему мнению, «Вам приходится отнестись различно» Одна часть этой брошюры, «именно вторая глава, заслуживает такое же внимание, как все серьезные труды по вопросам социализма». Другая, значительная доля ее—говорите Вы—посвящена полемике против прежней и настоящей деятельности партии Народной Воли, заграничным органом которой имеет в виду быть Ваш журнал. И Вы не только не согласны с мнениями, высказанными мною в этой части моей брошюры, но самый факт «полемики против Народной Воли» кажется Вам заслуживающим строгого порицания. Вы думаете, что «не особенно трудно было бы доказать г. Плеханову, что его нападения могут быть встречены весьма вескими возражениями, тем более, что—может быть, вследствие поспешности — он цитирует неточно». Вы убеждены также, что моя «собственная программа действия заключает в себе, может быть, гораздо

большие недостатки и непрактичности, чем те, в которых я обвиняю партию Народной Воли». Но для указания этих недостатков и непрактичностей Вы, к величайшему моему сожалению, не имеете свободного времени. По Вашим словам, «орган партии Народной Воли» посвящен борьбе против политических и социальных врагов русского народа; эта борьба так сложна, что требует от Вас «*всего* Вашего времени, *всех* Ваших трудов». Вам «нет ни досуга, ни охоты» посвящать долю Вашего издания «на полемику против фракций русского революционного социализма, считающих, что для них полемика с Народной Волей более своевременна, чем борьба с русским правительством и с другими эксплоататорами русского народа». Надеясь, что само время разрешит спорные вопросы в Вашу пользу, Вы не считаете полезным «подчеркивать не особенно значительное разногласие» Ваше с Освободителями труда—как Вам угодно называть нас [1])—прямыми ударами, направленными на фракцию, большинство членов которой может быть не сегодня-завтра в рядах Народной Воли. Это превращение «Освободителей труда» в народовольцев кажется Вам тем более вероятным, что, по Вашим словам, «сам г. Плеханов, как он указал в предисловии к своей брошюре, совершил уже достаточно значительную эволюцию в своих политико-социальных убеждениях», и Вы «имеете основание надеяться—на новые шаги» с моей стороны «в том же направлении». Дойдя до этого пункта в своей «эволюции», пункта, который кажется Вам, повидимому, апогеем возможного в настоящее время развития русского социализма, я сознаю, быть может,—надеетесь Вы—и еще одну сторону практической задачи всякой группы общественной армии, действующей против общего врага: именно, что расстраивать организацию этой армии—даже если в ней видишь или предполагаешь некоторые недостатки—дозволительно только или врагам *дела* этой армии (из числа которых Вы меня исключаете), или группе, которая сама своею деятельностью, своею силою и организациею способна стать общественною армией в данную

[1]) По поводу этого придуманного Вами названия я позволю себе, мимоходом, заметить следующее: «Освобождение Труда» есть девиз и название нашей группы. Но называть группу «Освобождение Труда» группой «Освободителей труда»—значит грешить против этимологии. Поясню это примером. Ваши сотрудники очень много говорят о «народоправлении»; при некоторой логической последовательности они должны были бы согласиться, что самое название их «партии»—Народная Воля—является ничем иным, как девизом, выражением стремления к такому политическому строю, представление о котором связывается со словом народоправление. Но значит ли это, что они могут претендовать на титул народоправителей?

историческую минуту». Но такая роль «находится, по Вашему мнению, в далеком, да, пожалуй, и несколько сомнительном будущем» для «Освободителей труда» как таковых, т.-е. не завершивших еще цикла своих превращений и изображающих собою в настоящее время нечто вроде народовольческих личинок или куколок.

Таково, многоуважаемый Петр Лаврович, содержание всего сказанного Вами о моей брошюре, переданное почти дословно. Я, быть может, утомил Вас обилием цитат из Вашей собственной заметки, но, с одной стороны, я боялся нового обвинения в том, что я—«не точно цитирую», а кроме того я считал нелишним напомнить читателю Ваши слова во всей их полноте, чтобы таким образом облегчить ему произнесение окончательного приговора по нашему делу. Вы знаете, что читающая публика есть главный, верховный судья во всех спорах, возникающих в свободной «республике слова». Неудивительно поэтому, что каждая из сторон должна принимать все меры для выяснения этой публике истинного характера спорного вопроса.

Изложивши Ваши замечания на мою брошюру и Ваши соображения о принятой группою «Освобождение Труда» тактике по отношению к «партии Народной Воли», я перехожу теперь, многоуважаемый Петр Лаврович, к тем об'яснениям, без которых невозможно правильное понимание мотивов, побудивших меня и моих товарищей поступать именно так, а не иначе.

Собственно говоря, я мог бы признать всякий разговор о таких мотивах совершенно излишним, а читатель может найти его очень малоинтересным. Как? Разве вопрос о ближайших задачах, тактике и научном обосновании всей деятельности наших революционеров не составляет для нас самого важного, самого насущного вопроса русской общественной жизни? Разве вопрос этот может уже считаться решенным окончательно и безапелляционно? И разве не обязан всякий революционный писатель способствовать выяснению его всеми силами, какими он только обладает, со всем вниманием, на какое он только способен? Или выяснение это может быть признано полезным лишь в том случае, когда в результате его получается то убеждение, что, не обладая непогрешимостью папы, русские революционеры не сделали, однако, ни одной ошибки в своей практической деятельности, ни одного промаха в своих теоретических рассуждениях, что «все обстоит благополучно» как в том, так и в другом отношении. Или люди, не разделяющие этой приятной уверенности, должны быть осуждены на молчание, и чистота их намерений может быть заподозрена всякий раз, когда они берутся за

перо, чтобы обратить внимание революционеров на то, как ведется и как должно быть ведено, по их крайнему разумению, революционное дело? Если Спиноза еще в XVII столетии говорил, что в свободном государстве каждому должно быть предоставлено право думать, что он хочет, и говорить, что он думает, то возможно ли, чтобы это право могло быть подвергнуто сомнению в конце XIX века, в среде социалистической партии хотя бы и самого отсталого государства Европы? Признавая право свободной речи в принципе, занося требование его в свои программы, русские социалисты не могут предоставить *пользование* этим правом лишь той фракции или «партии», которая претендует на гегемонию в данный период революционного движения. Я думаю, что теперь, когда наша легальная литература подвергается самому беспощадному гонению, когда в нашем отечестве, в области мысли, как и во всех других сферах деятельности, «все живое, все честное косится»,— я думаю, что в такое время от революционного писателя можно скорее потребовать об'яснения его *молчания*, чем *факта появления* того или другого из его произведений. И если Вы согласитесь с этим,—а не согласиться едва ли возможно,—то Вы согласитесь также и с тем, что нельзя же осуждать на лицемерие писателя-революционера, который очень и очень многим должен пожертвовать, по прекрасному выражению Герцена, «человеческому достоинству свободной речи». А если и это так, то можно ли винить его, если он прямо, без обиняков и недомолвок, высказывает то, что думает о тех или других программах революционной деятельности. Я уверен, уважаемый Петр Лаврович, что Вы ответите на этот вопрос отрицательно. За это мне ручается, помимо всего другого, Ваша подпись под «Об'явлением об издании Вестника Народной Воли», где, на странице VIII, мы читаем следующее: «Социализм, как всякая жизненная историческая идея, вызывает многочисленные, хотя не особенно существенные, разногласия между своими приверженцами, и много как теоретических, так и практических вопросов в нем остаются спорными. Вследствие бо́льшей сложности, бо́льших затруднений и меньшей давности в развитии русского социализма, более или менее заметные расхождения во взглядах между русскими социалистами могут быть еще многочисленнее. Но это, повторяем, именно доказывает, что русская социалистическая партия есть партия живая, вызывающая энергическую работу мысли, энергические убеждения среди своих сторонников, партия, не успокоившаяся на догматическом верованнии в заученные формулы».

Я не понимаю, каким образом редактор, подписавший это об'явление, может встречать с неудовольствием литературные произведения группы, разногласия которой с Народной Волей он именно считает «не особенно значительными» («В. Н. В.» № 2, отд. II, стр. 65, строка 10 снизу); я не могу допустить, чтобы журнал, напечатавший это об'явление, мог относиться враждебно к людям, «не успокоившимся на догматическом веровании в заученные формулы». Ведь нельзя же думать, что вышеприведенные строки были написаны лишь для того, чтобы об'яснить читателю, почему «программа, поставленная «Вестником Народной Воли», охватывает взгляды, в некоторой мере нетожественные между собою» («Об'явл. об изд. В. Н. В.», стр. VII). Нельзя также предполагать, что, поставив себе такую «определенную программу», «В. Н. В.» признает жизненное значение «более или менее заметных расхождений между русскими социалистами» лишь в том случае, когда они «не выходят из пределов» этой программы, «охватывающей взгляды, в некоторой мере нетожественные между собою». Это значило бы быть терпимым лишь по отношению к членам своей собственной церкви, признавать с героями Щедрина, что оппозиция невредна лишь в том случае, если она не вредит. Такой либерализм, такая терпимость немного отрадного заключали бы в себе для всех русских социалистов-«нонконформистов», которых теперь, повидимому, не мало, так как Вы в своей заметке говорите о «фракциях, считающих, что для них полемика против Народной Воли своевременнее» и т. д. Из этих слов явствует, что таких фракций, по крайней мере, две и что «В. Н. В.», «имеющий в виду быть органом об'единения всех русских социалистов-революционеров», до сих пор далеко не достиг еще своей цели. Я думаю, что такая неудача должна была бы расширить, а не суживать пределы свойственной его редакции терпимости.

Вы советуете мне не «расстраивать организацию» нашей революционной армии. Но, прежде всего, позвольте мне спросить Вас, о какой «общественной армии» говорите Вы? Если под этой метафорой Вы понимаете организацию «партии Народной Воли»,—то я никогда не думал, что моя брошюра окажет на нее разрушительное действие, и убежден, что первый спрошенный Вами народоволец успокоит Вас на этот счет. Если же под «расстраиванием организации общественной армии» Вы понимаете привлечение к нашей группе людей, по тем или другим причинам стоявших вне «партии Народной Воли», то от такого привлечения «организация общественной армии» может только выиграть, так как в ее среде появится новая группа, составленная, так сказать, из новобран-

цев. Кроме того, с каких это пор обсуждение пути, по которому идет та или другая армия, выражение уверенности в том, что существует другой путь, который вернее и скорее приведет ее к победе—стало считаться «расстраиванием организации этой армии»? Я думаю, что такое смешение понятий возможно только в диких полчищах азиатских деспотий, а никак не в армиях современных цивилизованных государств. Кому же не известно, что критика тактики, принятой той или другой армией, может повредить разве лишь военной репутации генералов этой армии, которые, пожалуй, не прочь будут «наложить палец молчания» на нескромные уста. Но при чем же здесь «организация армии», да и кто ее предводители? Вы знаете, что такие предводители могут быть или выбранными самими рядовыми, или назначенными сверху. Допустим на минуту, что Исполнительный Комитет играет роль предводителя нашей революционной армии. Спрашивается, обязаны ли повиноваться ему даже те, которые не участвовали в его избрании, а если он назначен сверху, то кто и какую имел власть для этого назначения?

Вы относите нашу группу к «фракциям русского революционного социализма, считающим, что для них полемика с «Народной Волей» более своевременна, чем борьба с русским правительством и с другими эксплоататорами русского народа». Позвольте мне спросить Вас, думаете ли Вы, что к числу особенностей русского народа и «данной исторической минуты» относится и то обстоятельство, что борьба «против его эксплоататоров» может быть ведена без распространения идей, в которых выражались бы смысл и тенденция этой борьбы. Мне ли, бывшему бунтарю, доказывать Вам, бывшему редактору журнала «Вперед», что рост революционного движения не мыслим без распространения наиболее передовых, наиболее здравых, словом, наиболее революционных идей и понятий в соответствующем слое общества? Ваше ли внимание нужно обращать на то обстоятельство, что социализм—как он выразился в сочинениях Маркса и Энгельса—представляет собою самое могучее духовное оружие в борьбе со всевозможными эксплоататорами народа? В распространении же учений названных писателей именно и заключается цель моих товарищей, как это ясно высказано в об'явлении об издании «Библиотеки Современного Социализма». Что социализм школы Маркса во многом расходится с «русским социализмом, как он выразился» в нашем революционном движении вообще и в «партии Народной Воли» в частности—это не подлежит ни малейшему сомнению, так как «русский социализм» до сих пор еще носит очень длинную бакунистскую косу за своей спиною Что русским марксистам нередко

приходится, поэтому, становиться в отрицательное отношение к некоторым «заученным формулам» русского социализма—это также вполне понятно и естественно; но отсюда еще никоим образом не следует, что они борьбу против революционеров предпочитают борьбе против правительства. В «Вестнике Народной Воли» некто г. Тарасов усиливается опровергнуть одно из основных положений исторической теории Маркса [1]). Статья г. Тарасова занимает первое место, так сказать, передний угол во 2 № «В. Н. В.». Значит ли это обстоятельство, что г. Тарасов находит, что для него полемика против Маркса «своевременнее, чем борьба с русским правительством и с другими эксплоататорами русского народа»? Или полемика, уместная и «своевременная» под пером дюрингианцев, бакунистов и бланкистов, становится оскорблением величества русской революции, как только возвышают свой голос марксисты? Справедливо ли, скажу больше, об'яснимо ли такое отношение со стороны писателя, столько раз заявлявшего о своем согласии с теориями Маркса?

Я хорошо знаю, что решение вопроса о задачах нашей революционной партии с точки зрения названных теорий представляет собою далеко не легкую задачу. Основные положения этих теорий составляют, собственно говоря, лишь «большую посылку» силлогизма, так что люди, одинаково признающие правильность и великое научное значение этой первой посылки, могут соглашаться или расходиться между собою в выводе, смотря по тому, как понимают они вторую, «малую» посылку, роль которой должна играть та или иная оценка современной русской действительности. Я нисколько не удивляюсь, поэтому, Вашему несогла-

---

[1]) С г. Тарасовым я еще надеюсь побеседовать особо, по окончании его статьи. Теперь же замечу, что г. Тарасов совсем не понял ни Маркса, ни его «эпигонов» и в своей святой простоте полемизирует, в сущности, против маленького буржуа Жоржа Молинари, а отнюдь не против великого социалиста Карла Маркса. Точно так же «метод» г. Тарасова приводит меня в большое смущение. Почтенный автор очевидно заимствовал его из той же самой буржуазной науки, «банкротство» которой он так неопровержимо доказал в первом № «Вестника». Как буржуазные писатели для доказательства своих «естественных законов» имели обыкновение изобретать «дикарей», которые, разумеется, ни о чем так не мечтали, как о «сбережении и накоплении капитала», так и г. Тарасов, сознательно уже игнорируя данные современной этнологии, изобретает «дикарей», которые оказываются явными бланкистами и стремятся лишь к «захвату власти» над своими соседями. Этот своеобразно-индуктивный метод грозит привести к полному «банкротству» социалистическо дюрингианскую «науку» г. Тарасова.

сию с нашей программой, хотя и думаю, что, оставаясь марксистом, Вы не в состоянии были бы «доказать» мне, что «моя» программа заключает в себе «гораздо большие недостатки и непрактичности», чем те, в которых я «обвиняю партию Народной Воли». Но никакие разногласия в оценке современной русской действительности не об'яснят мне и моим товарищам того несправедливого отношения, в какое Вы стали к нам в своей заметке.

Я обращаюсь к беспристрастию читателя. На письменном столе редактора «Вестн. Народн. Воли» лежат две брошюры, изданные группой «Освобождение Труда». Одна из этих брошюр представляет собою перевод того сочинения Энгельса, которое уважаемый редактор называет «самым замечательным произведением социалистической литературы за последние годы».

Вторая из этих брошюр, по словам того же редактора, одною своею частью заслуживает «такое же внимание, как и все серьезные труды по вопросам социализма». Другая часть этой брошюры заключает в себе «полемику против прежней и настоящей деятельности «Народной Воли», полемику, которая имеет целью доказать этой партии, что, «нанеся своею практическою деятельностью смертельный удар всем традициям правоверного народничества и сделав так много для развития революционного движения в России, партия Народной Воли не может найти оправдания, да и не должна искать его, помимо современного научного социализма» [1]). И эта-то *одна часть одной части* изданий группы «Освобождение Труда» доказывает, по мнению нашего редактора, что названная группа задается чуть ли не исключительною целью «полемики против Народной Воли» и ради этой цели готова отказаться от борьбы с правительством. При самой незначительной доле беспристрастия, читатель согласится, что такое умозаключение от части к целому не оправдывается характером других частей этого целого.

Я не отрицаю полемического или, вернее, критического характера «одной части» своей брошюры. Но что полемика против Народной Воли не являлась исключительной целью даже этой, инкриминированной, ее части,—видно уже из того, упущенного Вами, Петр Лаврович, из виду обстоятельства, что моя критика не ограничивалась одним народовольческим периодом русского движения. Я критиковал там и другие его формации. И если уже из факта печатного и притом *мотивированного*

---

[1]) См. бр. «Социализм и политическая борьба», стр. 20 (стр. 43 этого тома собр. соч.).

выражения моего несогласия с той или другой революционной программой следует, что полемика против этой программы составляет главную цель моей литературной деятельности, то в интересах истины нужно было бы значительно расширить выдвинутое против меня обвинение. Следовало сказать, что главною целью моей литературной деятельности является полемика против анархистов, бакунистов, народников старого толка, народовольцев и, наконец, «марксистов—не понимающих значения политической борьбы в деле эмансипации пролетариата». Кроме того, нужно было бы принять в соображение еще и то обстоятельство, что «другая доля брошюры г. Плеханова посвящена изложению и подтверждению философско-исторической стороны учения Маркса и Энгельса». Тогда было бы ясно, что я виновен в распространении тех революционных взглядов, которые я разделяю, и в полемике против тех, которые кажутся мне ошибочными. Но и это не все. При внимательном рассмотрении всех обстоятельств дела из него явствовало бы, что мое преступление совершено «по заранее обдуманному намерению», так как еще в «Об'явлении об издании Библиотеки Современного Социализма» я и П. Аксельрод прямо заявляем, что задача наших изданий сводится:

1) К распространению идей научного социализма, путем перевода на русский язык важнейших произведений школы Маркса и Энгельса и оригинальных сочинений, имеющих в виду читателей различных степеней подготовки.

2) К критике господствующих в среде наших революционеров учений и разработке важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России.

Таков истинный характер вызвавшего Ваше неудовольствие «деяния». Чтобы сделать хоть один упрек человеку, его совершившему, нужно прежде всего доказать, что теперь не представляется никакой надобности в критике господствующих в нашей революционной среде программ и учений, или что эта критика должна превратиться, как выражался когда-то Белинский по другому, конечно, поводу, в «скромную служительницу авторитета, льстивую повторяльщицу избитых общих мест». Но я уже говорил, что едва ли найдется писатель, который решился бы поддерживать такое неслыханное положение, и уж ни в каком случае не Вы, многоуважаемый Петр Лаврович, станете утверждать, что нашей революционной партии пора «успокоиться на догматическом верования в заученные формулы». А если это так, то

Впрочем, не решаясь вполне отрицать значение критики в нашей революционной литературе, многие думают, повидимому, что не всякая отдельная личность и не всякая группа личностей имеет право критиковать учения и тактику «действующей партии».

После выхода в свет моей брошюры мне не раз приходилось слышать замечания в этом смысле. «Партия действия», «традиция Народной Воли», «героическая борьба»—вот фразы, которыми прикрывалась боязнь самомалейшего прикосновения к «заученным формулам» нашего революционного катехизиса. Мое право на выражение моих несогласий с «партией Народной Воли», или, вернее, с ее литературными произведениями, подвергалось оспариванию совершенно независимо от вопроса о том, кто прав,—я или публицисты нашей «партии действия». Прислушиваясь к этим нападкам на мою брошюру, я невольно вспоминал аргументацию «Саламанкского баккалавра» дона Иниго-и-Медрозо-и-Комодиос-и-Папаламиендо в знаменитой controverse des mais. «Mais, monsieur, malgré toutes les belles choses que vous venez de me dire,—говорил этот диалектик,—vous m'avouerez que votre église anglicane, si respectable, n'existait pas avant dom Luther et avant dom Eccolampade; vous êtes tout nouveaux: donc vous n'êtes pas de la maison!»

И я спрашивал себя: неужели аргументация, подсказанная великим сатириком своим злейшим врагам, может быть серьезно употреблена в дело русскими революционерами, и карикатура католического «баккалавра» станет точным изображением русских диалектиков из революционной среды? Согласитесь, многоуважаемый Петр Лаврович, что нет ничего печальнее такого рода перспективы и что никакие опасения за целость «организации» ровно ничего не значат в сравнении с опасением такого ужасного умственного упадка.

В интересах Народной Воли лежит самое решительное противодействие вырождению нашей революционной литературы в революционную схоластику. А между тем Ваша заметка, многоуважаемый Петр Лаврович, может скорее поддержать, чем ослабить рвение наших революционных «баккалавров». Высказанное Вами убеждение в том, что «расстраивать организацию революционной армии» дозволительно или врагам *дела* этой армии, или группе, которая сама, своею деятельностью, своею силою и организациею способна стать общественною армиею в данную историческую минуту», Ваше указание на то обстоятельство, что для нашей группы «эта роль находится еще в далеком, да, пожалуй, и несколько сомнительном будущем»,—все это может подать повод к тому выводу, будто, по Вашему мнению, наша группа «в свои лета» хотя и

может «сметь свое суждение иметь», но должна старательно припрятывать его каждый раз, когда оно противоречит мнениям редакции того или другого из периодических изданий «партии Народной Воли». Разумеется, такой вывод из сказанного Вами был бы неправильным; но не нужно забывать того обстоятельства, что люди не всегда рассуждают по всем правилам строгой логики.

Самый принцип, высказанный Вами в только что цитированных строках, может вызвать много печальных недоразумений. Эти строки могут послужить совершенно «несвоевременным» avis для читателей-нонконформистов. Они могут навести их на такие, приблизительно, размышления. Группе, способной стать «общественной армией в данную историческую минуту», *дозволительно* «расстраивать организацию» нашей революционной армии. Тем более «дозволительно» этой последней, в качестве заслуженного и испытанного войска, «расстраивать организацию» тех «несогласномыслящих» групп, гегемония которых кажется ей делом очень далеким, «да, пожалуй, и несколько сомнительным». Какую же революционную фракцию считает «общественной армией» редакция «Вестника Народной Воли»? Вероятно — «партию Народной Воли». Значит... но вывод ясен, и вывод в высшей степени печальный для групп, которые, подобно нам, полагали до сих пор, что можно критиковать чужие воззрения, но нельзя «расстраивать» чужие организации, а лучше итти с ними «рядом», поддерживая и пополняя друг друга» [1]).

Будущее нашей группы кажется Вам сомнительным. Я сам готов сомневаться в нем, поскольку речь идет о нашей группе, как таковой, а не о тех воззрениях, которые она представляет [2]).

Дело вот в чем.

Ни для кого не тайна, что наше революционное движение находится теперь в критическом периоде. Террористическая тактика Народной Воли поставила перед нашей партией целый ряд в высшей степени жизненных и важных вопросов. Но, к сожалению, они до сих пор остаются неразрешенными. Находившийся у нас в обращении запас бакунистских и прудонистских теорий оказался недостаточным даже для правильной *постановки* этих вопросов. Выгнутая прежде в одну сторону

---

[1]) См. об'явление об издании «Библиотеки Совр. Социализма», стр. 22 в примечании.

[2]) Примеч. ко второму изданию. Теперь странно даже и читать эти споры о будущности социал-демократии в России. Теперь она господствует между революционерами и, конечно, была бы еще сильнее, если бы не раздоры в ее собственной среде.

палка перегнулась теперь в другую. Прежнее, лишенное всякого основания отрицание «политики» уступило место столь же мало основательной уверенности во всемогуществе конспираторского «политиканства». Программа петербургской «Нар. Воли» была поставленным на голову бакунизмом, с его славянофильским противопоставлением России Западу, с его идеализацией первобытных форм народной жизни, с его верой в социальное чудотворство революционных организаций нашей интеллигенции. Исходные теоретические положения программы остались неизмененными, и только практические выводы оказались диаметрально-противоположными прежним. Отрекшийся от политического воздержания бакунизм описал дугу в 180 градусов и возродился в виде русской разновидности бланкизма, основывающей свои революционные надежды на экономической отсталости России.

Этот бланкизм пытается теперь создать свою особую теорию, и в последнее время нашел довольно полное выражение в статье г. Тихомирова «Чего нам ждать от революции»? В этой статье употреблен в дело весь арсенал, каким только располагают русские бланкисты для защиты своей программы. Г. Тихомирову нельзя отказать в умении владеть оружием: он ловко группирует говорящие в его пользу факты, осторожно обходит явления противоположного характера и не без успеха апеллирует к чувствам читателя там, где не надеется подействовать на его логику. Оружие его подновлено, подчищено, подточено. Но присмотритесь к нему внимательнее, и вы увидите, что оружие это есть не что иное, как старомодная шпага бакунизма, ткачевизма, украшенная новым клеймом: реакционных теорий мастер В. В. в Петербурге. Ниже я сделаю некоторые выписки из «*Открытого письма к Фр. Энгельсу*» П. Н. Ткачева, и Вы сами увидите, многоуважаемый Петр Лаврович, что товарищ Ваш повторяет лишь то, что десять лет тому назад было высказано редактором «Набата» и что вызвало резкий ответ Энгельса в небезызвестной Вам брошюре «Soziales aus Russland». Неужели же десять лет движения не научили ничему лучшему наших писателей? Неужели «партия Народной Воли» не хочет понять исторический смысл понесенных ею жертв, политического значения своей, поистине, геройской борьбы с абсолютизмом? Находясь вне России, ни я, ни вы не можем сказать ничего определенного о настроении, господствующем в настоящее время среди народовольцев. Но насколько можно судить по явлениям, происходящим вне организации «Народной Воли»— несомненно, что не под ткачевским знаменем суждено возродиться революционному движению. Наша революционная молодежь находится в

нерешительном, колеблющемся состоянии, она изверилась в старые способы действия, а множество возникающих в ее среде новых программ и теорий показывает, что ни одна из них в частности не в состоянии охватить всех действительных интересов и всех насущных задач нашего движения. Скептицизм вступает в свои права, Народная Воля утрачивает свое прежнее обаяние. Три с лишним года, протекшие со времени дела 1-го марта, характеризуются упадком революционной энергии в России. Нельзя оспаривать это печальное явление. Но многие и многие об'ясняют его, как мне кажется, слишком поверхностным образом. Говорят, что наше движение ослабело под влиянием правительственных преследований. Я слишком верю в «своевременность» русской революции, чтобы удовольствоваться таким шаблонным об'яснением. Я думаю, что потенциальная энергия русской революции огромна, непобедима, и что если реакция и поднимает голову, то лишь потому, что мы не умеем перевести эту потенциальную энергию в кинетическую. Общественные задачи современной России не могут найти удовлетворительное решение в традиционной, заговорщицкой программе бланкизма. Мало-по-малу эта избитая программа превратится в Прокрустово ложе русской революции. Ее призрачным, фантастическим целям будут один за другим принесены в жертву все те способы действия, все те элементы движения, которые составляли его силу, обусловливали его влияние. Террористическая борьба, агитация в народе и в обществе, возбуждение и развитие народной самодеятельности—все это имеет для бланкиста лишь второстепенное, подчиненное значение. Его внимание сосредоточено прежде всего на заговоре с целью захвата власти. Он не заботится о развитии общественных сил, о создании таких учреждений, в результате которых явилась бы невозможность возврата к старому режиму. Он старается лишь скомбинировать готовые уже общественные силы. Он не считается с историей, не стремится понять ее законы и направить сообразно с ними свою революционную деятельность; он просто заменяет историческое развитие своей конспираторской сноровкой [1]). А так как рост революционных сил России еще далеко не закончен, так как они находятся еще в процессе des Werdens, то это насильственное прекращение их развития должно иметь очень вредные последствия, упрочивать существование реакции, вместо того, чтобы служить делу прогресса. В этом слу-

[1]) Наглядный пример: один из параграфов устава так называемых нечаевцев прямо говорит, что общий принцип организаций—не убеждать, т.-е. **не вырабатывать, а сплачивать те силы, которые уже есть на-лицо.**

чае может произойти одно из двух. Или будущее русской революции окажется поставленным на карту самого несбыточного из всех—«социально-революционного»—заговора, или из недр оппозиционной и революционной России выдвинется новая сила, которая, отодвинув на задний план «партию Народной Воли», возьмет в свои руки дело нашего движения.

Для социалистов было бы очень невыгодно, если бы руководство борьбой перешло в руки наших либералов. Это сразу лишило бы их всего прежнего влияния и на долгие годы отсрочило бы создание социалистической партии в передовых слоях народа. Вот почему мы и указываем нашей социалистической молодежи на марксизм, эту алгебру революции, как я назвал его в своей брошюре, эту «программу», научающую своих приверженцев пользоваться каждым шагом общественного развития в интересах революционного воспитания рабочего класса. И я уверен, что рано или поздно наша молодежь и наши рабочие кружки усвоят эту единственно революционную программу. В этом смысле «будущее» нашей группы вовсе не «сомнительно», и я не понимаю, откуда берется в этом случае скептицизм у Вас, у писателя, не далее, как в том же втором № «Вестника», называющего Маркса «великим учителем, который ввел социализм в его научный фазис, доказал его историческую правомерность и в то же время положил начало организационному единству рабочей революционной партии». Ведь нельзя же признавать теоретические положения «великого учителя» и умозаключать от них к бакунизму или бланкизму на практике.

Повторяю, между самыми последовательными марксистами возможно разногласие по вопросу об оценке современной русской действительности. Поэтому мы ни в каком случае не хотим прикрывать свою программу авторитетом великого имени [1]). К тому же мы наперед готовы признать, что она заключает в себе многие «недостатки и непрактичности», как всякий первый опыт применения данной научной теории к анализу весьма сложных и запутанных общественных отношений. Но дело в том, что ни я, ни мои товарищи не имеем пока окончательно выработанной и законченной от первого до последнего параграфа программы. Мы только указываем нашим товарищам *направление,* в кото-

---

[1]) Прим. ко второму изданию. Очень недавно, совсем на-днях, такое же мое заявление было понято социал-демократической газетой «Пролетарий» за выражение неуверенности в правильности моего мнения. Но дело об'ясняется иначе. Я никогда не хотел jurare in verba magistri.

ром нужно искать решения интересных им революционных вопросов; мы только отстаиваем верный и безошибочный критерий, с помощью которого они смогут, наконец, сорвать с себя лохмотья революционной метафизики, почти безраздельно господствовавшей до сих пер над нашими умами; мы только доказываем, что «наше революционное движение не только ничего не потеряет, но, напротив, очень много выиграет, если русские народники и русские народовольцы сделаются, наконец, русскими марксистами, и новая, высшая точка зрения примирит все существующие у нас фракции» [1]). Наша программа еще должна быть закончена и закончена там, на месте, теми самыми кружками рабочих и революционной молодежи, которые станут бороться за ее осуществление. Поправки, дополнения, улучшения этой программы совершенно естественны, неизбежны, необходимы. Мы не боимся критики, а ожидаем ее с нетерпением, и уж, конечно, не станем, как Фамусов, затыкать перед нею уши. Представляя действующим в России товарищам этот первый опыт программы русских марксистов, мы не только не желаем соперничать с Народной Волей, но ничего не желаем так сильно, как полного и окончательного соглашения с этой партией. Мы думаем, что партия Народной Воли *обязана* стать марксистской, если только хочет остаться верной своим революционным традициям и желает вывести русское движение из того застоя, в котором оно находится в настоящее время.

Говоря о революционных традициях Народной Воли, я имею в виду не одну только террористическую борьбу, не одни аттентаты и политические убийства. Я говорю о том расширении русла русского движения, которое было необходимым следствием этой борьбы и которое показало нам, до какой степени узки, абстрактны и односторонни были исповедуемые нами в то время теории. Вместе с Александром II динамит убил и эти теории. Но как русский абсолютизм, так и бакунизм, во всех его разновидностях, только убиты, а не похоронены. Они уже не живут, не развиваются, но они еще продолжают разлагаться и своим разложением заражают всю Россию, от самых консервативных до самых революционных ее слоев. Только здоровая атмосфера марксизма может помочь Народной Воле закончить так блистательно начатое ею дело, потому что, как говорил Лассаль, «с высоких вершин науки можно раньше увидеть зарю рассвета, чем среди обыденной сумятицы». Марксизм укажет нашим «народовольцам», каким образом, привлекая к движению новые,

---

[1]) «Социализм и политическая борьба», стр. 56 (см. стр. 71 настоящего тома собр. соч.).

почти еще не затронутые им слои, они могут вместе с тем обойти подводные камни гибельных односторонностей, каким образом, утилизируя прогрессивные стороны назревающей либеральной революции, они могут, тем не менее, до конца остаться верными делу рабочего класса и социализма. Совершенно чуждые узкого духа сектантства, мы желаем Народной Воле не неудач, а дальнейших успехов, и если мы протягиваем ей *только одну* руку для примирения, то это происходит потому, что другою рукою мы указываем ей на теории современного научного социализма со словами—«*сим победишь*».

К сожалению, Спенсер совершенно верно замечает, что консерватизм всякой организации прямо пропорционален ее совершенству. Суровая практика борьбы с абсолютизмом выработала крепкую и сильную организацию Народной Воли. Совершенно необходимая и в высшей степени полезная организация эта не составляет исключения из общего правила и препятствует теоретическим успехам партии Народной Воли, стремясь возвести в догмат и увековечить ту программу и те учения, которые могли иметь лишь временное, переходное значение. В конце своей брошюры «*Социализм и политическая борьба*» я выражал надежду, что «*Вестник Народной Воли*» сумеет критически отнестись к теоретическим промахам в программе и практическим пробелам в деятельности Народной Воли. «Нам хочется думать, говорил я, что новый орган трезво взглянет на те задачи нашей революционной партии, от решения которых зависит ее будущее». Я ожидал, что женевский «Вестник» пойдет дальше петербургской «Народной Воли». Но если вы, многоуважаемый Петр Лаврович, прочтете внимательно статью г. Тихомирова, то Вы сами убедитесь, что высказанные в ней взгляды представляют собою огромный шаг назад даже по отношению к «Народной Воле». И это совершенно естественно. Теоретические посылки старой программы «Народной Воли» так шатки и противоречивы, что итти вперед, опираясь на них,—значит опускаться вниз. Остается ожидать, что другие прогрессивные элементы «партии Народной Воли» возвысят, наконец, свой голос и что революционное движение внутри этой партии пойдет, как шло оно всегда и везде, то есть—*снизу*.

А до тех пор, пока этого не случится, мы не перестанем будить общественное мнение наших революционеров, сколько бы ни вызывала наша литературная деятельность нападок, упреков и обвинений, как бы ни было нам тяжело то обстоятельство, что даже Вы, многоуважаемый Петр Лаврович, встречаете эту деятельность с неудовольствием, Вы, на одобрение и сочувствие которого мы еще так недавно могли, ка-

залось нам, рассчитывать. Мы спорим с народовольцами в интересах их собственного дела и надеемся, что они согласятся с нами рано или поздно. Если же искренность наша будет заподозрена, если в нас увидят врагов, а не друзей—мы утешимся сознанием правоты своего дела. Убежденные марксисты, мы останемся верны девизу нашего учителя и пойдем своей дорогой, предоставив людям говорить, что им вздумается.

Крепко жму Вашу руку.

Искренно уважающий Вас

Г. Плеханов.

Женева,
22 июля 1884 года.

Введение.

1. В чем нас упрекают.

Сказанное мною выше о нападках, упреках и обвинениях—не пустая фраза. Группа «Освобождение Труда» существует еще очень недавно, а, между тем, как много пришлось нам услышать возражений, порожденных лишь упорным нежеланием вдуматься в сущность нашей программы; как много недоразумений вызвано было одним желанием подсказать нам мысли и намерения, никогда не приходившие нам в голову! Одни прямо, другие косвенно, намеками и полунамеками, избегая наносить нам «прямые удары», не называя наших имен, но употребляя наши выражения и истолковывая вкривь и вкось наши мысли,—изображали нас сухими книжниками, доктринерами, готовыми пожертвовать счастьем и благосостоянием народа в интересах стройности и гармоничности своих, высиженных в кабинете, теорий. Сами теории эти об'являлись каким-то заморским товаром, распространение которого в России было бы так же вредно для нее, как ввоз английского опия вреден для Китая. Давно уже пора положить конец этой путанице понятий, давно пора выяснить эти, более или менее искренние, недоразумения.

Я начинаю с самого важного.

В первой главе своей брошюры «Социализм и политическая борьба» я сказал несколько насмешливых слов по адресу революционеров, боящихся «буржуазного» экономического прогресса и неизбежно приходящих «к тому поразительному выводу, что экономическая отсталость России является надежнейшим союзником революции, а застой должен красоваться в качестве первого и единственного параграфа нашей программы-минимум». Я говорил там, что русские анархисты, народники и бланкисты могут сделаться «революционерами по существу, а не по названию», лишь «революционизируя свои собственные головы, учась понимать ход исторического развития и становясь в его главе, а не упраще-

вая старуху-историю потоптаться на одном месте, пока они проложат для нее новые, более прямые и торные пути» [1]).

В конце третьей главы той же брошюры я старался убедить своих читателей в том, что «связывать в одно два таких существенно различных момента, как низвержение абсолютизма и социалистическая революция, вести революционную борьбу с расчетом на то, что эти два момента *совпадут* в истории нашего отечества—*значит отдалять наступление и того, и другого*» [2]). Я выражал далее, ту мысль, что «современное сельское население, живущее при отсталых социальных условиях, не только менее промышленных рабочих способно к сознательной политической *инициативе*, но и менее их *восприимчиво* к движению, начатому нашей революционной интеллигенцией... «К тому же—продолжал я—крестьянство переживает теперь тяжелый критический период. Прежние «стародедовские устои» его хозяйства рушатся, сама несчастная община дискредитируется в его глазах, по признанию даже таких «стародедовски»-народнических органов, как «Неделя», новые же формы труда и жизни еще только складываются, и этот созидательный процесс обнаруживает наибольшую интенсивность именно в промышленных центрах».

Эти—и другие, подобные им—места подали повод к тому умозаключению, будто я и мои товарищи, убедившись, что ближайшее будущее принадлежит у нас капитализму, готовы толкать трудящееся население России в железные об'ятия капитала, и считаем «несвоевременной» всякую борьбу народа за свое экономическое освобождение.

В статье «Чего нам ждать от революции?» г. Тихомиров, описывая «курьезную роль» тех общественных деятелей, программы которых «лишены связи с жизнью», особенно подробно изображает «трагическое положение» социалистов, думающих, «что для выработки материальных условий, необходимых для возможности социалистического строя, Россия обязательно должна пройти через стадию капитализма». В изображении г. Тихомирова положение это оказывается просто отчаянным, в нем

Что ни шаг, то—ужас!

Нашим социалистам приходится «хлопотать о создании класса, во имя которого они хотят действовать, а для этого приходится желать скорейшей раскассировки тех миллионов рабочего люда, которые суще-

[1]) «Социализм и политическая борьба», стр. 12—13 (см. стр. 37—38 настоящего тома собр. соч.).

[2]) Ibid., стр. 76 (см. стр. 86 настоящего тома собр. соч.).

ствуют в действительности, но, не будучи по несчастью пролетариями, не имеют роли в научной схеме социального прогресса». Но грехопадение этих педантов социализма не может ограничиться сферой «хлопот» и «желаний». Wer A sagt, muss auch B sagen! «Будучи последовательным и ставя интересы революции выше своей личной нравственной чистоплотности, социалист тут должен был бы прямо вступить в союз с рыцарями *первоначального накопления*, у которых не дрогнет сердце и рука развивать разные «прибавочные стоимости» и об'единять рабочих в единоспасающем положении нищего пролетария». Революционер превращается, таким образом, в сторонника эксплоатации труда, и г. Тихомиров вполне «своевременно» спрашивает—«где же тогда различие между социалистом и буржуа?».

Я не знаю, каких именно «социалистов» имел, в данном случае, в виду почтенный автор. Он вообще, как заметно, не любит «прямых ударов» и, не указывая своих противников, просто сообщает читателям, что, дескать, «прочие-другие» думают так-то и так-то. Читатель остается в полной неизвестности относительно того, кто же эти *прочие-другие* и точно ли они *думают* то, что *говорит* за них г. Тихомиров? Я не знаю также, разделяют ли читатели его ужас перед положением критикуемых им социалистов. Но затронутый им предмет так интересен, обвинения, выставленные им против *некоторых* социалистов, так сходны с обвинениями, не раз выдвигавшимися против нас самих, отрицательное решение вопроса о капитализме до такой степени определяет собою всю программу г. Тихомирова, все его «ожидания от революции»,—что именно его статья должна послужить *поводом* для возможно более полного и всестороннего выяснения этого вопроса.

Итак, «должна» или не «должна» Россия пройти через «школу» капитализма?

Решение этого вопроса имеет огромную важность для правильной постановки задач нашей социалистической партии. Неудивительно поэтому, что на него давно уже было обращено внимание русских революционеров. До самого последнего времени огромное большинство их склонно было категорически решать его в отрицательном смысле. Я также отдал дань общему увлечению, и в передовой статье 3 № «*Земли и Воли*» я старался доказать, что «история вовсе не есть однообразный механический процесс», что капитализм был необходимым предшественником социализма лишь «на Западе, где поземельная община разрушилась еще в борьбе с средневековым феодализмом»; что у нас,—где эта община «составляет самую характерную черту в отношениях нашего

крестьянства к земле»,—торжество социализма может быть достигнуто совсем другим путем; коллективное владение землею может послужить исходным пунктом для организации всех сторон экономической жизни народа на социалистических началах. «Поэтому, умозаключал я, главная задача наша заключается в создании боевой народно-революционной организации для осуществления народно-революционного переворота в возможно более близком будущем».

Я поддерживал, таким образом, еще в январе 1879 года то же положение, которое отстаивает г. Тихомиров, правда

Mit ein bischen anderen Worten,

теперь, в 1884 г., говоря, что за той «таинственной чертой, где бурлят и пенятся волны исторического потока», т.-е., выражаясь проще, за падением современного социально-политического строя, «нас ждет» не царство капитализма, как утверждают «некоторые», а «начало социалистической организации России». Необходимость создания «боевой народно-революционной организации» отходит у г. Тихомирова на второй план и уступает место конспираторской организации нашей интеллигенции, которая должна захватить власть и тем дать сигнал народной революции. В этом случае его взгляды расходятся с моими прежними взглядами ровно настолько, насколько программа «Народной Воли» отличается от программы «Земли и Воли». Но ошибки, сделанные г. Тихомировым, по отношению к экономической стороне вопроса, почти «тождественны» с ошибками, сделанными мною в названной статье. Вследствие этого, возражая г. Тихомирову, я должен буду часто делать поправки в той аргументации, которая казалась мне когда-то совершенно убедительной и безапелляционной.

Уже по одному тому, что точка зрения г. Тихомирова не отличается свежестью и новизною,—я не могу ограничиться критикой его доводов, а должен рассмотреть по возможности полно все, что говорилось ранее его в пользу отрицательного решения интересующего нас вопроса. Русская литература предшествующих десятилетий дает нам гораздо более ценный критический материал, чем статья «Чего нам ждать от революции?».

2. Постановка вопроса.

В самом деле, г. Тихомиров не сумел даже правильно поставить этот вопрос.

Вместо того, чтобы сказать все, что мог он сказать в пользу возможности положить «начало социалистической организации» на разва-

линах современного социально-политического строя России, г. Тихомиров посвящает в своей статье чуть не целую главу на критику того «утешения», которое остается у людей, верящих в «историческую неизбежность русского капитализма». Он вообще как-то слишком быстро и неожиданно, даже не перешел, а соскочил с той об'ективной точки зрения, на которой стоял в начале первой главы, где он доказывал, что «логика истории, исторический ход событий и так далее» есть «сила стихийная, своротить которую с выбранного ею пути не может никто, именно потому, что самый путь выбирается ею не произвольно, а выражает равнодействующую линию, слагающуюся из комбинации тех сил, вне которых общество не заключает в себе ничего реального, способного производить какое-нибудь действие». Спрашивается, остановится ли эта «сила стихийная» перед соображением о *безутешности* русских социалистов? Очевидно, нет. Значит, прежде чем толковать о том, что было бы с русскими социалистами в случае торжества капитализма, нужно было постараться составить себе «правильное представление об этой силе и ее направлении», представление, «обязательное для каждого общественного деятеля, потому что без соответствия с нею, политическая программа не может иметь никакого значения», как в этом нас убеждает тот же г. Тихомиров. Но он предпочитает обратный метод. Он старается прежде всего запугать своих читателей, а потом уже, в «последующих главах», намечает «в общих чертах» те «цели и средства нашей революции», которые позволяют нам верить в возможность отклонить от уст России чашу капитализма. Не говоря пока ничего о том, насколько удачна была его попытка запугивания своих читателей-социалистов, я замечу только, что такой прием аргументации не должен был бы употребляться при решении серьезных общественных вопросов.

По причинам, в рассмотрение которых здесь неуместно было бы вдаваться, русскому интеллигентному человеку пришлось сильно интересоваться «ролью личности в истории». Много писали об этом «проклятом» вопросе, еще больше толковали о нем в разных кружках, а между тем и до сих пор русские общественные деятели часто не умеют даже ограничить сферу *необходимого* от сферы *желательного*, и готовы, по временам, спорить с историей почти так же, как спорил Хлестаков с трактирным слугою. «Ведь нужно же мне что-нибудь есть, ведь этак я могу совсем отощать!» говорил бессмертный Иван Александрович.— «Ведь какой же я после этого буду социалист? Ведь этак мне придется прямо вступить в союз с рыцарями первоначального накопления!»— воскликнет, пожалуй, иной читатель под влиянием тихомировских запу-

гиваний. Но нужно надеяться, что рассуждение г. Тихомирова о непреодолимой силе «логики истории» будет значительно способствовать устранению этого крупного «промаха незрелой мысли».

Точка зрения группы «Освобождение Труда» с своей стороны ведет, как мне кажется, к устранению такого рода злоупотреблений «суб'ективным методом в социологии». Для нас желательное вырастает из необходимого и ни в каком случае не заменяет его в наших рассуждениях. Для нас свобода личности заключается в знании законов природы,—т.-е., между прочим, и истории,—и в умении *подчиняться* этим законам, т.-е., между прочим, *и комбинировать их наивыгоднейшим образом*. Мы убеждены, что, когда «общество ступило на след естественного закона своего движения, оно не может ни перескочить естественные фазы своего развития, ни устранить их декретами». «*Но оно может сократить и облегчить мучения родов*». В этом «сокращении и облегчении мучений родов» и состоит, по нашему мнению, одна из важнейших задач социалистов, убедившихся в «исторической неизбежности капитализма в России». В *возможности* облегчения этих мучений и должно заключаться их утешение. *Последовательность,* навязываемая им г. Тихомировым, есть, как мы увидим ниже, последовательность метафизика, не имеющего ни малейшего понятия о диалектике общественного развития.

Но не будем уклоняться от нашего предмета.

3. А. И. Герцен.

Еще в начале пятидесятых годов А. И. Герцен, доказывая неизбежность социалистической революции на Западе, уже ставил перед нарождающейся русской демократией тот

Вечно тревожный и новый вопрос,

который с тех пор

Столько голов беспокойных томил...
Столько им муки принес...

и который послужил поводом, между прочим, и для нашей «полемики против партии Народной Воли».

«Должна ли Россия пройти всеми фазами европейского развития, или ее жизнь пойдет по иным законам?» [1]) спрашивал он в своих «Письмах к Линтону».

«Я совершенно отрицаю необходимость этих повторений,—спешил ответить знаменитый писатель.—Мы, пожалуй, должны пройти труд-

[1]) Искандер. «Старый мир и Россия», стр. 31—32.

ными и скорбными испытаниями исторического развития наших предшественников: но так, как зародыш проходит до рождения все низшие ступени зоологического существования. Оконченный труд и добытый результат входят в общее достояние всех понимающих—это круговая порука прогресса, майорат человечества... Всякий школьник должен сам найти решение Евклидовых предложений—но какая огромная разница между трудом Евклида, открывшего их, и трудом ученика нашего времени!»... «Россия проделала свою эмбриогению в европейском классе. Дворянство с правительством представляют у нас европейское государство в славянском. Мы прошли все фазисы политического воспитания, начиная от немецкого конституционализма, от английского канцелярского монархизма до поклонения 93 году... Народу русскому не нужно начинать снова этот тяжкий труд... Зачем ему проливать кровь свою для достижения тех полурешений, до которых мы дошли и которых вся важность состояла только в том, что мы через них дошли до иных вопросов, до новых стремлений. Мы за народ отбыли эту тяжелую работу—мы поплатились за нее виселицами, казематами, ссылкою, разорением и нестерпимою жизнью, в которой живем!»

Связующее звено, мост, по которому русский народ может перейти к социализму, Герцен видел, конечно, в общине и связанных с нею особенностях народного быта. «Русский народ собственно стали узнавать—говорит он—только после революции 1830 года. С удивлением увидели, что русский человек, равнодушный, неспособный ко всем политическим вопросам—бытом своим ближе всех европейских народов подходит к новому социальному устройству»... «Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное self-government по городам и всему государству, сохраняя народное единство—вот в чем состоит вопрос о будущем России, т.-е. вопрос той же социальной антиномии, которой решение занимает и волнует умы Запада» [1]).

В его уме по временам возникало, правда, сомнение относительно этой исключительной близости русского народа «к новому социальному устройству». В том же «Письме» он спрашивает Линтона—«может, вы скажете на это, что в этом русский народ походит на некоторые азиатские народы, и укажете на сельские общины у индусов, довольно схожие с нашими?». Но, не отвергая нелестного сходства русского народа с «некоторыми азиатскими», он усматривал, однако, между ними весьма, казалось ему, существенные различия. «Не общинное устройство держит

[1]) Ibid., стр. 37.

азиатские народы в неподвижности, а их исключительная народность, их невозможность выйти из патриархализма, освободиться от рода;— мы не в таком положении. Славянские народы... имеют большую удобовпечатляемость; они легко усваивают себе языки, нравы, обычаи, искусство и технику других народов. Они равно обживаются у Ледовитого океана и на берегах Черного моря». Эта «большая удобовпечатляемость», дающая славянам возможность «выйти из патриархализма, освободиться от рода», и решала весь вопрос, по мнению Герцена. Авторитет его был так велик, предлагаемое им сокращение пути к социализму было так соблазнительно, что русская интеллигенция начала шестидесятых годов мало была склонна скептически относиться к найденному им решению «социальной антиномии» и вовсе, повидимому, не задумывалась над вопросом о том,— через какие именно местности пролегает этот исторический проселок и кто же именно поведет им русский народ, «равнодушный, неспособный ко всем политическим вопросам»? Для нее важно было прежде всего найти хоть какую-нибудь философскую санкцию своим радикальным стремлениям, и она довольствовалась на первый раз тем отвлеченным соображением, что никакая философия в мире не может заставить ее примириться с буржуазными «полурешениями».

Но этого отвлеченного соображения было, конечно, недостаточно для начертания практического способа действия, для выработки сколько-нибудь целесообразных приемов борьбы с окружающею обстановкой Данных для решения этой новой задачи нужно было искать вне философии истории, хотя бы и более строгой и научной, чем философия Герцена. Между ее абстрактными формулами и конкретными нуждами общественной жизни лежала целая пропасть, которую можно было заполнить лишь целым рядом новых, все более и более частных формул, требовавших знакомства опять-таки с целым рядом все более и более сложных явлений. Впрочем, философия оказала в этом случае русской мысли косвенную услугу, познакомив ее с диалектическим методом и научивши ее той, столько раз забытой потом истине, что в общественной жизни «все течет», «все изменяется», и что явления этой жизни могут быть поняты лишь в движении, в процессе своего возникновения, развития и исчезновения.

4. Н. Г. Чернышевский.

«*Критика философских предубеждений против общинного землевладения*» была и остается самым блестящим в нашей литературе опытом приложения диалектики к анализу общественных явлений. Известно,

какое огромное влияние имела статья эта на развитие нашей революционной интеллигенции. Она укрепила ее веру в общину, *доказавши,* что этот вид землевладения может, при известных условиях, прямо перейти в коммунистическую форму развития. Но, строго говоря, как сам Н. Г. Чернышевский, так и его последователи делали из «критики философских предубеждений» выводы более широкие, чем это допускалось характером посылок. Найденное Чернышевским решение вопроса о судьбе общины было, в сущности, чисто алгебраическим, да и не могло быть иным, так как он противопоставлял его чисто алгебраическим формулам своих противников. Русские манчестерцы доказывали, что общинное землевладение необходимо и везде должно уступить мало-по-малу место частной поземельной собственности. Такова была выставленная ими схема развития имущественных отношений. Н. Г. Чернышевский доказал, во-первых, что схема эта не охватывает всего процесса развития так как на известной его стадии общественная собственность снова должна стать господствующей формой; кроме того, он совершенно основательно указывал на то обстоятельство, что нет никаких оснований приписывать неизменную, раз-на-всегда определенную продолжительность тому историческому промежутку, который отделяет эпоху первобытного коммунизма от времени сознательного переустройства общества на коммунистических началах. Говоря вообще, этот промежуток есть *x,* который в каждой отдельной стране приобретает особое арифметическое значение в зависимости от комбинации внешних и внутренних сил, определяющих ее историческое развитие. Так как эта комбинация сил необходимо должна быть очень разнообразна, то неудивительно, что интересующий нас *x,*—т.-е. продолжительность господства частной собственности,—становится в известных случаях бесконечно-малой величиной, т.-е. может, без большой ошибки, быть приравнен *нулю.* Таким образом была доказана *абстрактная возможность* непосредственного перехода первобытной общины в «высшую, коммунистическую форму». Но именно, благодаря абстрактному характеру *аргументации,* этот общий результат философско-исторической диалектики был одинаково применим ко всем странам и народам, сохранившим общинное землевладение,—от России до Новой Зеландии, от сербской задруги до того или другого племени краснокожих индийцев [1]). Поэтому

[1]) Прим. ко второму изд. В то время еще не было окончательно выяснено, что русская сельская община не имеет ничего общего с первобытным коммунизмом. Теперь это стоит вне сомнения.

он оказывался недостаточным для приблизительного хотя бы предсказания будущей судьбы общины в каждой из этих стран, взятой в отдельности. Абстрактная *возможность* еще не есть конкретная *вероятность;* тем менее можно считать ее окончательным доводом там, где речь идет об *исторической необходимости.* Чтобы сколько-нибудь серьезно говорить об этой последней, нужно было бы перейти от алгебры к арифметике и доказать, что в интересующем нас случае,—все равно, в России или в государстве ашантиев, в Сербии или на Ванкуверовом острове,— *x* действительно будет равняться нулю, т.-е. частная собственность должна погибнуть еще в зародыше. Для этого необходимо было бы обратиться к статистике, к оценке внутреннего хода развития данной страны или данного племени и внешних влияний на них, иметь дело уже не с *родом,* а с *видом* или даже с *разновидностью,* не с первобытно-коллективной недвижимой собственностью вообще, а с русской, или сербской, или ново-зеландской поземельной общиной в частности, принимая в соображение как все враждебные или благоприятные ей влияния, так и то состояние, в которое она пришла в данное время, благодаря этим влияниям.

Но на такое исследование мы не находим даже намека в «Критике философских предубеждений против общинного землевладения», в которой Н. Г. Чернышевский имел дело с «философствующими мудрецами». В других же случаях, в которых ему пришлось спорить с «экономизирующими мудрецами», разрушать предубеждения, которые «вытекают из непонимания, забвения или незнания *общих* истин, относящихся к материальной деятельности человека, к производству, труду и общим его законам»—в этих статьях он также говорил лишь о выгодах коллективного землевладения вообще и получал, таким образом, в результате опять-таки лишь алгебраические формулы, лишь общие экономические теоремы [1]).

Впрочем, с его стороны это нисколько не удивительно. Критик Милля мог иметь в виду лишь дореформенную общину, еще не вышедшую из условий натурального хозяйства и приведенную к одному знаменателю нивеллирующим влиянием крепостного права. Это влияние не устраняло, конечно, свойственных сельской общине «экономических противоречий», но оно держало их в скрытом состоянии, и тем доводило их практическое значение до ничтожного минимума. Поэтому Н. Г. Чернышевский мог довольствоваться тем соображением, что у нас «масса народа до сих пор понимает землю, как общинное достояние», что

[1]) Примеч. к новому изд. Ср. мою статью «Н. Г. Чернышевский» в № 1 журнала «Социал-Демократ», Женева 1890 года.

«каждый русский имеет и родную землю, и право на участок ее. И если он сам откажется от этого участка или потеряет его, то за детьми его остается право, в качестве членов общины, самостоятельно требовать себе участка». Хорошо понимая, что освобождение крестьян поставит их в совершенно новые экономическе условия, что «Россия, доселе мало участвовавшая в экономическом движении, быстро вовлекается в него, и наш быт, доселе остававшийся почти чуждым влиянию тех экономических законов, которые обнаруживают свое могущество только при усилении экономической и торговой деятельности, начинает быстро подчиняться их силе», что «скоро и мы, может быть, вовлечемся в сферу полного действия закона конкуренции», он заботился лишь о сохранении той формы землевладения, которая помогла бы крестьянину начать новую экономическую жизнь при наиболее выгодных условиях. «Каковы бы ни были ожидающие Россию преобразования,—писал он еще в апреле 1857 года,—да не дерзнем мы коснуться священного, спасительного обычая, оставленного нам нашею прошедшею жизнью, бедность которой с избытком искупается одним этим драгоценным наследием,—да не дерзнем мы посягнуть на общинное пользование землею,—на это благо, от приобретения которого теперь зависит благоденствие земледельческих классов Западной Европы. Их пример да будет нам уроком».

Мы не пишем здесь разбора всех взглядов Н. Г. Чернышевского на общинное землевладение, а только стараемся оттенить их наиболее характерные черты. Не вступая в неуместные здесь детали, мы скажем только, что выгоды, ожидаемые им от общинного землевладения, могут быть сведены к двум главным пунктам, из которых один относится к области права, а другой—к области сельско-хозяйственной техники.

ad. I. «Русское общинное устройство, говорит он словами Гакстгаузена, бесконечно важно для России, особенно в настоящее время, в государственном отношении. Все западно-европейские государства страдают одною болезнью, исцеление которой доселе остается *неразрешенной задачей* [1])—они страдают пауперизмом, пролетариатством. Россия не знает этого бедствия; она предохранена от него своим общинным устройством. Каждый русский имеет и родную землю, и право на участок ее. И если он сам лично откажется от этого участка, или потеряет его, то за детьми его остается право, в качестве членов общины, самостоятельно требовать себе участка» [2]).

[1]) Курсив принадлежит мне.

[2]) Сочинения Н. Г. Чернышевского, т. V. Genève 1879. Об общинном владении землею, стр. 135.

ad. II. Описавши, по тому же Гакстгаузену, быт уральских казаков, «вся область которых составляет одну общину и в хозяйственном, и в военном, и в гражданском отношениях», Н. Г. Чернышевский замечает: «Если уральцы доживут в нынешнем своем устройстве до того времени, когда введены будут в хлебопашество машины, то уральцы будут тогда очень рады, что сохранилось у них устройство, допускающее потребление таких машин, требующих хозяйства в огромных размерах, на сотнях десятин». При этом он замечает, впрочем, что рассуждает только для примера о том, «как будут думать уральские казаки в будущее время, которое еще неизвестно когда придет (хотя успехи механики и технологии несомненно доказывают, что такое время придет)—до слишком отдаленного будущего времени нам нет дела: наши пра-пра-правнуки, вероятно, сумеют прожить на свете и своим умом, без наших забот,— довольно будет того, если мы станем заботиться о себе и своих детях».

Читатель, знакомый с сочинениями Чернышевского, знает, конечно, что такого рода оговорки не мешали ему очень много думать и «заботиться» о будущем времени. Один из снов Веры Павловны наглядно показывает нам, в каком виде рисовались в его воображении социальные отношения «очень отдаленного будущего», так же как практическая деятельность его героини дает нам некоторое понятие о тех способах, которыми можно было содействовать приближению этой счастливой эпохи. Странно было бы поэтому, если бы автор «Что делать?» не поставил дорогой ему формы современного крестьянского землевладения в связь с идеалами будущего, хотя и далекого, но желательного и, главное, неизбежного. И действительно, он не один раз возвращается к этому предмету в своих статьях об общинном землевладении, рассматривая влияние этой формы имущественных отношений на характер и привычки крестьян. Он несогласен, разумеется, с тем мнением, что «община убивает энергию в человеке». Мысль эта «решительно противоречит всем известным фактам истории и психологии», доказывающим, напротив, что «в союзе укрепляется ум и воля человека». Но главное преимущество общинного землевладения заключается в поддержании и воспитании того духа ассоциации, без которого немыслима рациональная экономия будущего. «Введение лучшего порядка дел чрезвычайно затрудняется в Западной Европе безграничным расширением прав отдельной личности... не легко отказываться хотя бы от незначительной части того, чем привык уже пользоваться, а на Западе отдельная личность привыкла уже к безграничности частных прав. Пользе и необходимости

взаимных уступок может научить только горький опыт и продолжительное размышление. На Западе лучший порядок экономических отношений соединен с пожертвованиями, и потому его учреждение очень затруднено. Он противен привычкам английского и французского поселянина». Но «то, что представляется утопией в одной стране, существует в другой, как факт... те привычки, проведение которых в народную жизнь кажется делом неизмеримой трудности англичанину и французу, существуют у русского, как факт его народной жизни... Порядок дел, к которому столь трудным и долгим путем стремится теперь Запад, еще существует у нас в могущественном народном обычае нашего сельского быта... Мы видим, какие печальные последствия породила на Западе утрата общинной поземельной собственности и как тяжело *возвратить западным народам свою утрату*. Пример Запада не должен быть потерян для нас» [1]).

Такова сделанная Чернышевским оценка значения общинного землевладения в настоящей и будущей экономической жизни русского народа. При всем нашем уважении к великому писателю, мы не можем не видеть в ней некоторых промахов и односторонностей. Так, например, «исцеление» западно-европейских государств от «язвы пролетариатства» едва ли можно было признать «неразрешенной задачей» в конце пятидесятых годов, через много лет после появления «Манифеста Коммунистической партии», «Нищеты философии» и «Положения рабочего класса в Англии». Не только «исцеление», но все историческое значение пугавшей Н. Г. Чернышевского «болезни» было указано в трудах Карла Маркса и Фридриха Энгельса с полнотою и доказательностью, остающимися до сих пор образцовыми. Но русский экономист, как это видно по всему, не был знаком с названными сочинениями, а социалистические утопии предшествующего им периода, конечно, оставляли очень много теоретических и практических вопросов без сколько-нибудь удовлетворительного ответа. Главный же пробел в миросозерцании утопистов обусловливался тем обстоятельством, что «они не видели в пролетариате никакой исторической самодеятельности, никакого свойственного ему политического движения», что они не становились еще на точку зрения борьбы классов, и что пролетариат существовал для них «лишь в качестве более других страдающего класса» [2]). Заменяя «постепено подвигающуюся вперед классовую организацию пролетариата—

---

[1]) Сочинения, том V, стр. 16—19.

[2]) «Манифест Коммунистической партии», стр. 36—37.

общественной организацией своего собственного изобретения», и в то же время расходясь между собою по вопросу об основах и характере этой организации будущего, они, естественно, приводили своих русских читателей к той мысли, что самые передовые умы Запада не справились еще с социальным вопросом. К тому же, «сводя дальнейшую историю мира к пропаганде и практическому выполнению своих реформаторских планов», они не могли удовлетворить своими учениями человека такого сильного критического ума, как Чернышевский. Он должен был самостоятельно искать реальных «исторических условий» освобождения западно-европейского рабочего класса и нашел их, повидимому, в возврате к общинному землевладению. Мы знаем уже, что, по его мнению, «от приобретения этого блага теперь зависит благоденствие земледельческих классов Западной Европы». Но как бы кто ни смотрел на историческое значение *русской* общины, едва ли не для всех социалистов очевидно, что на Западе ее роль безвозвратно покончена и что для западных народов путь к социализму лежал и лежит *от общины через частную собственность*, а не наоборот, не от частной собственности через общину. Мне кажется, что если бы Н. Г. Чернышевский лучше выяснил себе тот «трудный и долгий путь», по которому идет Запад к «лучшему порядку экономических отношений», если бы он, кроме того, точнее определил экономические условия этого «лучшего порядка», то он увидел бы, во-первых, что «Запад» стремится к обращению средств производства в государственную, а не в общинную собственность, а, во-вторых, понял бы, что «язва пролетариатства» сама из себя создает свое лекарство. Он лучше оценил бы тогда историческую роль пролетариата, а это, в свою очередь, дало бы ему возможность шире взглянуть на социально-политическое значение русской общины. Об'яснимся.

Известно, что всякую форму общественных отношений можно рассматривать с весьма различных точек зрения. Можно рассматривать ее с точки зрения тех выгод, которые она приносит данному поколению; можно, не довольствуясь этими выгодами, заинтересоваться способностью ее к переходу в другую, высшую форму, более благоприятную экономическому благосостоянию, умственному и нравственному развитию людей; можно, наконец, в самой этой способности к переходу в высшие формы различать две стороны: пассивную и активную, *отсутствие препятствий для перехода* и присутствие живой, внутренней силы, не только *могущей* совершить этот переход, но и вызывающей его, как необходимое следствие своего существования. В первом из этих случаев мы рассматриваем данную общественную форму с точки зрения *сопротивления*

приносимому извне прогрессу, во втором—с точки зрения *полезной исторической работы*. Для философии истории, равно как и для практического деятеля-революционера, имеют значение лишь те формы, которые способны к бо́льшему или меньшему количеству этой полезной работы. Каждая ступень исторического развития человечества интересна именно постольку, поскольку стоящие на ней общества сами из себя, путем внутренней своей самодеятельности, вырабатывают силу, способную разрушить старые формы социальных отношений и построить на их развалинах новое, лучшее общественное здание. Говоря вообще, самое количество препятствий для перехода на высшую ступень развития находится в тесной связи с величиной этой живой силы, потому что она есть не что иное, как результат разложения старых форм общежития. Чем энергичнее процесс разложения, тем бо́льшее количество силы им освобождается, тем менее устойчивости сохраняют отжившие социальные отношения. Другими словами, как историка, так и практического революционера интересуют не статика, а динамика, не консервативная, а революционная сторона, не гармония, а противоречия общественных отношений, потому что дух этих противоречий есть именно тот дух, который

Stets das Böse will und stets das Gute schafft.

Так было до сих пор! Само собою понятно, что так не должно быть всегда и что весь смысл социалистической революции заключается в устранении того «железного и жестокого» закона, по которому противоречия общественных отношений находили лишь временное разрешение, в свою очередь, становившееся источником новой безурядицы и новых противоречий. Но совершение этого величайшего из переворотов, этой революции, которая должна сделать, наконец, людей «господами их общественных отношений»—немыслимо без «наличности» необходимой и достаточной для него исторической силы, порождаемой противоречиями нынешнего буржуазного строя. В передовых странах современного цивилизованного мира сила эта не только находится в наличности, но возрастает ежечасно и ежеминутно. История является, следовательно, в этих странах союзницей социалистов и с постоянно возрастающей быстротою приближает их к преследуемой ими цели. Таким образом еще один—будем надеяться, *последний*—раз мы видим, что «сладкое» могло выйти лишь из «горького», что для совершения *хорошего* «дела» история должна была, если можно так выразиться, обнаружить *злую* «волю». Экономия буржуазных обществ, совершенно «ненормальная и несправедливая» в области распределения, оказывается го-

раздо более «нормальной» в сфере развития производительных сил, и еще более «нормальной» в сфере производства людей, желающих и способных, говоря словами поэта, «здесь на земле основать царство небесное». Буржуазия «не только выковала оружие, которое нанесет ей смертельный удар», т.-е. не только довела производительные силы передовых стран до такой степени развития, на которой они не могут уже примириться с капиталистической формой производства, «она породила также людей, которые направят это оружие—современных работников, *пролетариев*».

Из этого следует, что для полной оценки политического значения данной общественной формы необходимо принимать в соображение не только те экономические выгоды, которые она может принести одному или нескольким поколениям, не только пассивную способность ее к усовершенствованию под влиянием какой-нибудь благодетельной внешней силы, но и, главным образом, ее внутреннюю способность к дальнейшему самостоятельному развитию в желательном направлении. Без такой всесторонней оценки анализ общественных отношений всегда останется неполным и потому ошибочным; данная социальная форма может оказаться вполне рациональной с одной из этих точек зрения, будучи в то же время совершенно неудовлетворительной с другой. И это будет каждый раз, когда нам придется иметь дело с неразвитым населением, не ставшим еще «господином своих общественных отношений». Только об'ективная революционность самих этих отношений может вывести отсталых суб'ектов на путь прогресса. Если же данная форма общежития не обнаруживает этой революционности, если, более или менее «справедливая» с точки зрения права и распределения продуктов, она отличается в то же время большою косностью, отсутствием внутреннего стремления к самоусовершенствованию в данном направлении, то социальному реформатору приходится или проститься со своими планами, или апеллировать к иной, внешней силе, которая могла бы пополнить недостаток внутренней самодеятельности в данном обществе и реформировать его, хотя и не против воли его членов, но во всяком случае без их активного и сознательного участия.

Что касается Н. Г. Чернышевского, то он, как кажется, упустил из виду революционное значение западно-европейской «болезни»—пауперизма. Ни мало не удивительно, что, напр., Гакстгаузен, о котором так часто приходилось говорить ему в статьях об общинном землевладении, видел в «пауперизме-пролетариатстве» одну только отрицательную сторону. *Политические* его взгляды были таковы, что революцион-

ное значение пролетариата в истории западно-европейских обществ никак не могло быть отнесено им к положительным, выгодным сторонам этой «язвы». Понятно поэтому, что он с восторгом описывал те учреждения, которые могут «предупредить пролетариатство». Но взгляды, вполне понятные и последовательные в сочинениях одного писателя, часто ставят читателя в затруднение, встречаясь в статьях другого. Признаемся, мы не понимаем, какой смысл должны мы вложить в следующие слова Чернышевского о Гакстгаузене. «Как человек практический, он очень верно предугадывал в 1847 году близость страшного взрыва со стороны пролетариев Западной Европы; и нельзя не согласиться с ним, что благодетелен принцип общинного землевладения, который ограждает нас от страшной язвы пролетариатства в сельском населении» [1]). Здесь речь идет уже не об экономических бедствиях пролетариата, которым, впрочем, ни в чем не уступают бедствия русского крестьянства; не говорится также ничего и о социальных привычках русского крестьянина, с которыми во всяком случае еще поспорит западно-европейский промышленный рабочий своей привычкой к коллективному труду и всевозможным ассоциациям. Нет, здесь речь идет о «страшном взрыве со стороны пролетариев», и Н. Г. Чернышевский даже в этом отношении считает «благодетельным» принцип общинного землевладения, «который ограждает нас от страшной язвы пролетариатства». Нельзя допустить, что отец русского социализма с таким же ужасом относился к политическим движениям рабочего класса, как барон фон-Гакстгаузен. Нельзя думать, что его мог испугать самый факт восстания пролетариата. Остается предположить, что его смущало поражение, понесенное в 1848 году рабочим классом, что его сочувствие к политическим движениям этого класса отравлялось мыслью о безрезультатности политических революций, о бесплодности буржуазного режима. Такое об'яснение кажется, если не достоверным, то, по крайней мере, вероятным, при чтении некоторых страниц из его статьи «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X», именно тех страниц, на которых он выясняет различие демократических стремлений от либеральных. «У либералов и демократов существенно различны коренные желания, основные побуждения,—говорит он.—Демократы имеют в виду по возможности уничтожить преобладание высших классов над низшими в государственном устройстве, с одной стороны, уменьшить силу и богатство высших сословий, с другой—дать более веса и благосостояния низ-

[1]) Ibid., стр. 100.

шим сословиям. Каким путем изменить в этом смысле законы и поддержать новое устройство общества, *для них почти все равно* [1]). Напротив того, либералы никак не согласятся предоставить перевес в обществе низшим сословиям, потому что эти сословия, по своей необразованности и материальной скудости, *равнодушны* к интересам, которые выше всего для либеральной партии, именно *к праву свободной речи и конституционному устройству. Для демократа—наша Сибирь, в которой простонародье пользуется благосостоянием, гораздо выше Англии, в которой большинство народа терпит сильную нужду.* Демократ из всех политических учреждений непримиримо *враждебен только одному*—аристократии; либерал почти всегда находит, что только при известной степени аристократизма общество может достичь либерального устройства. Потому либералы питают к демократам смертельную неприязнь... либерализм понимает свободу очень узким, чисто формальным образом. Она для него состоит в отвлеченном праве, в разрешении на бумаге, в отсутствии юридического запрещения. Он не хочет понять, что юридическое разрешение для человека имеет цену только тогда, когда у человека есть материальные средства пользоваться этим разрешением. Ни мне, ни вам, читатель, не запрещено обедать на золотом сервизе; к сожалению, ни у вас, ни у меня нет и, вероятно, никогда не будет средств для удовлетворения этой изящной идеи, потому я откровенно говорю, что ни мало не дорожу своим правом иметь золотой сервиз, и готов продать это право за один рубль серебром или даже дешевле. *Точно таковы для народа все те права, о которых хлопочут либералы.* Народ невежествен, и почти во всех странах большинство его безграмотно; не имея денег, чтобы получить образование, не имея денег, чтобы дать образование своим детям, каким образом станет он дорожить правом свободной речи? Нужда и невежество отнимают у народа всякую возможность понимать государственные дела и заниматься ими—скажите, будет ли дорожить, может ли он пользоваться правом парламентских прений?.. Нет такой европейской страны, в которой огромное большинство народа не было бы совершенно равнодушно к правам, составляющим предмет желаний и хлопот либерализма. Поэтому либерализм обречен повсюду на бессилие: как ни рассуждать, а сильны только те стремления, прочны только те учреждения, которые поддерживаются массою народа» [2]).

[1]) В этих выписках курсив повсюду принадлежит мне.

[2]) «Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X». Русская социально-демократическая библиотека, выпуск третий, стр. 5—8.

Не прошло и десяти лет после появления только-что цитированной статьи Н. Г. Чернышевского, как европейский пролетариат, в лице передовых своих представителей об'явил, что средство достижения своей великой экономической цели он видит в своих политических движениях и что «социальное освобождение рабочего класса немыслимо без политического его освобождения». Необходимость постоянного расширения политических прав рабочего класса и окончательного завоевания им политического господства признана была Международным Товариществом Рабочих. «Первый долг рабочего класса заключается в завоевании себе политического могущества»—говорит первый Манифест этого Товарищества. Само собою понятно, что рабочее население Англии ближе и способнее к политическому могуществу, чем сибирское «простонародье», и по этому одному никто, кроме прудонистов, не сказал бы в шестидесятых годах, что «Сибирь выше Англии». Но и в то время, когда Н. Г. Чернышевский писал свою статью, т.-е. в конце пятидесятых годов, можно было заметить, что в среде «невежественного и безграмотного народа» «почти всех» западно-европейских стран был целый слой,—т.-е. опять-таки тот же пролетариат,—который не пользовался «правом свободной речи и правом парламентских прений» вовсе не по равнодушию своему к ним, а лишь благодаря реакции, воцарившейся после 1848 г. во всей Европе и озаботившейся прежде всего устранением народа от обладания этими «отвлеченными правами». Разбитый, так сказать, по всей линии, оглушенный ударами реакции, разочаровавшийся в своих радикальных и «демократических» союзниках из среды буржуазных партий, он действительно впал как бы во временную летаргию и мало интересовался общественными вопросами. Но поскольку он интересовался ими, он не переставал видеть в приобретении политических прав и в рациональном пользовании ими могучего средства своего освобождения. Даже многие из тех социалистических сект, которые прежде были совершенно равнодушны к политике, стали обнаруживать большой интерес к ней именно в начале пятидесятых годов. Так, например, во Франции фурьеристы сошлись с Риттингаузеном и весьма энергично проповедывали принцип прямого народного законодательства. Что касается Германии, то ни «демократ» Иоганн Якоби со своими приверженцами, ни коммунисты школы Маркса и Энгельса не сказали бы, что для них «почти все равно, каким бы путем ни изменить законы» в смысле уменьшения силы и богатства высших сословий и обеспечения благосостояния низших классов. У них была вполне определенная *политическая* программа, «непримиримо враждебная» далеко не «одной аристократии».

Западно-европейское крестьянство действительно оставалось часто равнодушным ко всяким «отвлеченным правам» и готово было, пожалуй, по временам предпочесть сибирские порядки английским. Но в том-то и дело, что истинные, не буржуазные демократы, т.-е. демократы-*социалисты,* обращаются не к крестьянству, а к пролетариату. Западно-европейский крестьянин, как собственник, относится ими к «средним слоям» населения, слоям, которые «имеют революционное значение лишь постольку, поскольму им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не современные, а будущие свои интересы, *поскольку они покидают свою точку зрения и становятся на точку зрения пролетариата*» [1]). Это различие очень существенно. Западно-европейские «демократы» только тогда и вышли из бесплодной области политической метафизики, когда научились анализировать понятие о «народе», и стали отличать революционные его слои от консервативных.

Для полноты исследования вопроса об общинном землевладении Н. Г. Чернышевскому нужно было бы взглянуть на дело именно с этой последней, социально-*политической,* точки зрения. Ему нужно было показать, что общинное землевладение не только способно предохранить нас от «язвы пролетариатства», не только представляет много выгодных условий для развития сельско-хозяйственной техники (т.-е. для машинной обработки больших пространств земли), но и способно создать в России такое же подвижное, такое же восприимчивое и впечатлительное, такое же энергичное и революционное население, как западно-европейские пролетарии. Но этому-то и мешал его взгляд на «народ» «почти всех стран» Западной Европы, как на «невежественную» и в большинстве случаев «безграмотную» массу, равнодушную к «отвлеченным» политическим правам. Недостаточно оттененная в его представлении, политическая роль западно-европейского пролетариата не могла напрашиваться на сравнение с политическим будущим русских крестьян-общинников. Пассивность и политический индифферентизм русского крестьянства не могли смущать того, кто не ожидал большой политической самодеятельности от рабочего класса Запада. В этом обстоятельстве лежит одна из причин того, что Н. Г. Чернышевский ограничил свое исследование об общинном землевладении соображениями, относящимися к области права, распределения продуктов, агрономии, но не задался вопросом о политическом влиянии общины на государство и государства на общину.

[1]) См. «Манифест Коммунистической партии», стр. 14 моего перевода.

Этот вопрос так и остался невыясненным. А вследствие этого остался невыясненным и вопрос о способах перехода от общинного *землевладения* к общинной *обработке* и—главное—к окончательному торжеству социализма. Каким образом современная сельская община перейдет в коммунистическую общину или растворится в коммунистическом государстве? Как может содействовать этому революционная интеллигенция? «Что делать» этой интеллигенции? Отстаивать общинное землевладение и вести коммунистическую пропаганду, заводить производительные ассоциации, вроде швейных мастерских Веры Павловны надеясь, что со временем как эти мастерские, так и сельские общины поймут выгоды социалистического строя и возьмутся за его осуществление? Допустим, что так; но путь этот долог, можно ли поручиться, что он на всем своем протяжении будет прям и гладок, что на нем не встретится непредвиденных препятствий и неожиданных поворотов? А что если правительство будет преследовать социалистическую пропаганду, запрещать ассоциации, отдавать под полицейский надзор и ссылать их членов? Бороться с правительством, завоевать свободу речи, сходок и ассоциаций? Но тогда нужно будет признать, что Сибирь не выше Англии, что «отвлеченные права», о которых «хлопочут либералы», составляют необходимое условие народного развития, нужно, словом, начать политическую борьбу. Но можно ли рассчитывать на ее благоприятный исход, можно ли завоевать сколько-нибудь прочную политическую свободу? Ведь «как ни рассуждать, а сильны только те стремления, прочны только те учреждения, которые поддерживаются массою народа», а эта масса, если не в других странах, то в России не придает никакого значения «праву свободной речи» и ровно ничего не понимает в вопросе о «праве парламентских прений». Если либерализм именно «поэтому обречен на бессилие», то откуда возьмутся силы у социалистов, которые станут бороться за «права, составляющие предмет желаний и хлопот либерализма»? Как выйти из этого затруднения? Занести в свою программу вместе с «отвлеченными правами» политической свободы конкретные требования экономических реформ? Но нужно ознакомить народ с этой программой, т.-е. нужно опять вести пропаганду, а, ведя пропаганду, мы опять встречаемся с правительственными преследованиями, а правительственные преследования опять толкают нас на путь политической борьбы, безнадежной вследствие равнодушия народа и т. д., и т. д.

С другой стороны, очень вероятно, что «уральцы, если доживут в нынешнем своем устройстве до того времени, когда будут введены очень сильные машины для хлебопашества, будут очень рады, что сохранилось

у них устройство, допускающее употребление таких машин, требующих хозяйства в огромных размерах, на сотнях десятин». Очень вероятно также, что «будут рады» и те крестьянские общества, которые «*доживут* в нынешнем своем устройстве» до введения земледельческих машин. Ну, а чему могут быть рады те земледельцы, которые *не доживут* до этого времени «в нынешнем своем устройстве»? Чему будут рады сельские пролетарии, попавшие в батраки к общинникам? Эти последние сумеют довести эксплоатацию рабочей силы до той же степени интенсивности, на какой она будет стоять в частных хозяйствах. Русский «народ» разделится, таким образом, на два класса: эксплоататоров—*общин* и эксплоатируемых—*личностей*. Какая судьба ожидает эту новую касту париев? Западно-европейский пролетарий, ряды которого постоянно возрастают, благодаря концентрации капиталов, может льстить себя тою надеждою, что раб—сегодня, он станет независимым и счастливым работником—завтра; может ли утешать себя такою перспективой русский пролетарий, возрастание численности которого будет замедлено существованием общинного землевладения? Не ожидает ли его рабство без надежды, суровая борьба

без торжества без примиренья?

Чью сторону должна будет принять в этой борьбе наша социалистическая интеллигенция? Если она будет отстаивать пролетариат, то не придется ли ей сжечь все, чему она поклонялась, и отталкивать общину, как оплот мелко-буржуазной эксплоатации?

Если такие вопросы не возникали в уме Н. Г. Чернышевского, который писал об общинном землевладении до уничтожения крепостного права и мог надеяться, что развитие сельского пролетариата будет сделано невозможным—путем тех или других законодательных постановлений, то неизбежно все или почти все они должны были явиться перед нашими революционерами семидесятых годов, которые знали характер пресловутой реформы 19 февраля. Как ни трудно придумать такие законы, которые ограждали бы общину от разложения, не налагая вместе с тем самого нестерпимого гнета на весь ход нашей промышленной жизни, как ни трудно сочетать коллективизм крестьянского *землевладения* с денежным хозяйством и с товарным *производством* всех продуктов, не исключая и земледельческих продуктов самих общин, но обо всем этом еще можно было говорить и спорить до 1861 года. Крестьянская же реформа должна была придать такого рода спорам и разговорам вполне определенную подкладку. В своих экскурсиях в область

более или менее сомнительного будущего наши революционеры должны были исходить из бесспорных фактов настоящего. А это настоящее имело уже очень мало общего со старой, знакомой Гакстгаузену и Чернышевскому картиной дореформенной крестьянской жизни. «Положение 19 февраля» выбило общину из устойчивого равновесия натурального хозяйства и предало ее во власть всех законов товарного производства и капиталистического накопления. Выкуп крестьянских земель должен был, как мы это увидим ниже, совершаться на основаниях, враждебных принципу общинного землевладения. Кроме того, сохранивши общину в интересах фиска, наше законодательство предоставило, однако, двум третям домохозяев право окончательного раздела общинных земель на подворные участки. Переделы были также затруднены и, в довершение всего, на «свободных земледельцев» был наложен совершенно несообразный с их платежными силами гнет податей и повинностей. Все протесты крестьян против «нового крепостного права» были подавлены силою розг и штыков, и «новую» Россию охватила горячка денежных спекуляций. Железные дороги, банки, акционерные компании росли, как грибы. Приведенное выше предсказание Н. Г. Чернышевского относительно предстоящих России «значительных экономических преобразований»—исполнилось раньше, чем великий учитель молодежи дошел до места своей ссылки. Александр II был царем буржуазии так же точно, как Николай был солдатским и дворянским царем.

С этими неопровержимыми фактами необходимо было считаться нашей революционной молодежи, отправлявшейся в начале семидесятых годов «в народ», с целью социально-революционной пропаганды и агитации. Теперь имелось в виду уже не освобождение помещичьих крестьян от крепостной зависимости, а освобождение всего трудящегося населения России от ига эксплоатации всякого рода; теперь речь шла уже не о крестьянской «реформе», а об «установлении крестьянского братства, где не будет ни моего, ни твоего, ни барыша, ни угнетения, а будет работа на общую пользу и братская помощь между всеми» [1]). Чтобы основать такое «крестьянское братство», нужно было обращаться уже не к правительству, не к Редакционной Комиссии и даже не к «обществу», а к самому крестьянству. Предпринимая такое освобождение трудящихся, которое должно быть делом «самих трудящихся», необходимо было с большею точностью исследовать, определить и указать революционные факторы народной жизни, а для этого нужно было пере-

[1]) См. «Хитрую механику», изд. 1877 г., стр. 47—48.

вести на арифметический язык абстрактные, алгебраические формулы, выработанные передовой литературой предшествующих десятилетий, подвести итог всем тем положительным и отрицательным влияниям русской жизни, от совокупности которых зависел ход и исход начинаемого дела. А так как наша молодежь еще из статей Чернышевского знала, что «масса народа до сих пор понимает землю, как общинное достояние, и количество земли, находящейся в общинном владении... так велико, что масса участников, совершенно выделившихся из него в полновластную собственность отдельных лиц, по сравнению с ним незначительна», то именно с общинного землевладения и должно было начаться изучение революционных факторов русской жизни.

Как отразились на общине противоречивые постановления «Положения 19 февраля»? Обладает ли она достаточною устойчивостью для борьбы с неблагоприятными для нее условиями денежного хозяйства? Не ступило ли уже развитие нашей крестьянской жизни на тот путь «естественного закона своего движения», с которого уже не в состоянии будут совратить ее ни строгость законов, ни пропаганда интеллигенции? А если нет, если наш крестьянин-общинник до сих пор может без большого труда усвоить социалистические идеалы, то ведь это пассивное дело усвоения должно сопровождаться энергичным актом осуществления, требующим борьбы с многочисленными препятствиями; способствуют ли условия жизни нашего крестьянства выработке в нем активной энергии, без которой остались бы бесполезными все его «социалистические» *предрасположения?*

Различные фракции нашего движения различным образом решали эти вопросы. Большая часть революционеров готова была согласиться с Герценом в том, что русский народ «равнодушен, неспособен» к политике. Но склонность к идеализации народа была так велика, взаимная связь различных сторон общественной жизни была так плохо выяснена в умах наших социалистов, что в этой неспособности «ко всем *политическим* вопросам» видели как бы гарантию против буржуазных «полурешений», как бы доказательство большой способности народа к правильному решению вопросов *экономических*. Интерес и способность к *политике* считались необходимыми лишь для *политических* революций, которые во всей нашей социалистической литературе того времени противополагались «*социальным*» революциям, как злое начало—доброму, как буржуазный обман—полному эквиваленту за пролитую народом кровь, за понесенные им потери. «Социальной» революции соответствовал, по нашим тогдашним понятиям, интерес к *социальным* же вопро-

сам, который и усматривался в жалобах крестьянства на малоземелье и податные тягости. От сознания народом своих ближайших нужд до понимания «задач рабочего социализма», от горьких сетований на эти нужды до социалистической революции—путь, казалось, был не долог и лежал опять-таки через общину, казавшуюся нам прочной скалой, о которую разбились все волны экономического движения.

Но как одна точка не определяет положение линии на плоскости, так и поземельная община, на идеализации которой сходились все наши социалисты, не обусловливала собою сходства их программ. Все чувствовали, что и в самой общине, и в миросозерцании и привычках общинников есть много—частью недоделанного и недоконченного, а частью и прямо противоречащего социалистическим идеалам. Способ устранения этих недостатков и служил яблоком раздора для наших фракций.

Впрочем и в этом отношении была черта, которую можно признать общею всем нашим революционным направлениям.

Этой общей им всем чертой была вера в возможность могущественного, решающего влияния нашей революционной интеллигенции на народ. Интеллигенция играла в наших революционных расчетах роль благодетельного провидения русского народа, провидения, от воли которого зависит повернуть историческое колесо в ту или иную сторону. Как бы кто из революционеров ни об'яснял современное порабощение русского народа—недостатком ли в нем *понимания*, отсутствием ли сплоченности и революционной *энергии*, или, наконец, полною *неспособностью* его к политической *инициативе*—каждый думал, однако, что вмешательство интеллигенции устранит указываемую им причину народного порабощения. Пропагандисты были уверены, что они без большого труда научат крестьянство истинам научного социализма. Бунтари требовали немедленного создания «боевых» организаций в народе, не воображая, что оно может встретить какие-либо существенные препятствия. Наконец, сторонники «Набата» полагали, что нашим революционерам стоит только «захватить власть»,—и народ немедленно усвоит социалистические формы общежития. Эта самоуверенность интеллигенции уживалась рядом с самой беззаветной идеализацией народа и с убеждением—по крайней мере большинства наших революционеров—в том, что «освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся». Предполагалось, что формула эта получит совершенно правильное применение, раз только наша интеллигенция примет народ за об'ект своего революционного воздействия. О том, что это основное положение устава Международного Товарищества Рабочих имеет другой, так сказать, философ-

ско-исторический смысл, что освобождение данного класса может быть его собственным делом лишь в том случае, когда в нем самом является самостоятельное движение во имя своей эмансипации,—обо всем этом наша интеллигенция частью не задумывалась вовсе, а частью имела довольно странное представление. Так, например, в доказательство того, что народ наш сам, без помощи интеллигенции, начал уже понимать условия своего истинного освобождения—приводилось недовольство его реформой 1861 года. В доказательство же его способности к самостоятельному революционному движению—ссылались обыкновенно на наши «крестьянские войны», на бунты Разина и Пугачева.

Тяжелый опыт скоро показал нашим революционерам, что от жалоб на малоземелье бесконечно далеко до выработки определенного классового сознания и что от бунтов, происходивших 100 и 200 лет тому назад, нельзя умозаключать к готовности народа восстать в настоящее время. История нашего революционного движения семидесятых годов была историей разочарований в «программах», казавшихся самыми практичными и безошибочными.

Но нас интересует в настоящее время история революционных идей, а не история революционных попыток. Для нашей цели необходимо подвести итог всем тем социально-политическим воззрениям, которые достались нам в наследство от предшествующих десятилетий.

Посмотрим же, что завещала нам, в этом случае, каждая из главных фракций семидесятых годов.

Поучительнее всего будут для нас теории М. А. Бакунина и П. Н. Ткачева. Программа так называемых пропагандистов, сводившая к распространению социалистических идей всю дальнейшую историю России, вплоть до революции, страдала слишком заметным идеализмом. Они рекомендовали русским социалистам пропаганду так же точно, как рекомендовали бы они ее при случае социалистам польским, сербским, турецким, персидским, словом, социалистам любой страны, лишенной возможности организовать рабочих в открытую политическую партию. Вышеприведенное герценовское сравнение судьбы «Евклидовых положений» с вероятной историей социалистических идей могло бы служить типическим примером их аргументации в пользу своей программы. Они понимали это сравнение, само по себе довольно рискованное, в том абстрактном и одностороннем смысле, что для усвоения раз выработанных социально-политических понятий достаточно суб'ективной логики людей, не поддерживаемой об'ективной логикой общественных отноше-

ний. Они сделали мало ошибок в анализе общественных отношений России по той простой причине, что совсем почти не брались за такой анализ.

5. М. А. Бакунин.

Не так рассуждал Бакунин. Он понимал, что воздействие революционной интеллигенции на народ возможно лишь при наличности известных исторических условий, лишь при существовании в самом народе более или менее сознательного стремления к социалистическому перевороту. Поэтому он исходил из сравнения «народных идеалов» с идеалами нашей интеллигенции, конечно, анархического направления.

По его мнению, в русском народе существуют в самых широких размерах те два элемента, на которые мы можем указать, как на необходимые условия социальной революции. «Он может похвастаться чрезмерной нищетою, а также рабством примерным (sic). Страданиям его нет числа и переносит он их не терпеливо, а глубоким и страстным отчаянием, выразившимся уже два раза исторически, двумя страшными взрывами: бунтом Стеньки Разина и пугачевским бунтом, и не перестающим поныне проявляться в беспрерывном ряде частных крестьянских бунтов» [1]). Совершить победоносную революцию ему мешает не «недостаток в общем идеале, который был бы способен осмыслить народную революцию, дать ей определенную цель». Если бы такого идеала не было, «если бы он не выработался в сознании народном, по крайней мере в своих главных чертах, то надо было бы отказаться от всякой надежды на русскую революцию, потому что такой идеал выдвигается из самой глубины народной жизни, есть непременным образом результат народных исторических испытаний, его стремлений, страданий, протестов, борьбы и вместе с тем есть как бы образное и общепонятное, всегда простое, выражение его настоящих требований и надежд... если народ не выработает сам из себя этого идеала, то никто не будет в состоянии ему его дать». Но «нет сомнения», что такой идеал существует в представлении русского крестьянства, «и нет даже необходимости слишком далеко углубляться в историческое сознание нашего народа, чтобы определить его главные черты».

Автор «Государственности и анархии» насчитывает шесть «главных черт» русского народного идеала: три хороших и три дурных. Присмотримся к этой классификации повнимательнее, так как миросозер-

[1]) «Государственность и анархия», примечание А, стр. 7.

цание М. А. Бакунина наложило свой отпечаток на взгляды многих из тех наших социалистов, которые никогда не были его последователями или даже выступали в качестве его противников.

«Первая и главная черта—это всенародное убеждение, что земля, вся земля принадлежит народу, орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее своим трудом. Вторая столь же крупная черта, что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами; третья черта одинаковой важности с двумя предыдущими, это—квази-абсолютная автономия, общинное самоуправление, и вследствие того решительно враждебное отношение общины к государству».

«Вот три главные черты, которые лежат в основании русского народного идеала. По существу своему, они вполне соответствуют идеалу, вырабатывающемуся за последнее время в сознании пролетариата латинских стран, несравненно ближе ныне стоящих к социальной революции, чем страны германские. Однако русский народный идеал омрачен тремя другими чертами, которые искажают его характер и чрезвычайно (Nota bene) затрудняют и замедляют осуществление его... Эти три затемняющие черты: 1) патриархальность; 2) поглощение лица миром; 3) вера в царя... Можно было бы прибавить, в виде четвертой черты, христианскую веру, официально-православную или сектаторскую, но... у нас в России этот вопрос далеко не представляет той важности, какую он представляет в Западной Европе» [1]).

Против этих-то отрицательных черт народного идеала и должны бороться «всеми силами» русские революционеры, и такая борьба «тем возможнее, что она уже существует в самом народе».

Уверенность в том, что сам народ начал уже борьбу против отрицательных «черт» своего идеала, представляла собою очень характерную «черту» всей программы русских бакунистов. Она являлась соломинкой, за которую хватались они, чтобы спастись от логических выводов из их собственных посылок и от результатов сделанного М. А. Бакуниным анализа народного идеала. «Ни лицу, ни обществу, ни народу нельзя дать того, чего в нем уже не существует не только в зародыше, но даже в некоторой степени развития»—читаем мы в «примечании А», столько раз уже цитированном нами. Оставаясь последовательным, русский бакунист должен был бы «отказаться от всякой надежды на русскую революцию», если бы народ сам не заметил «за-

[1]) «Государственность и анархия», примечание А, стр. 10.

темняющих черт» своего идеала и если бы его недовольство этими чертами не достигло уже «некоторой степени развития». Понятно поэтому, что в эту сторону должна была направиться вся диалектическая сила родоначальника русского «бунтарства».

Нужно заметить, кроме того, что в этом пункте М. А. Бакунин был очень недалек от вполне правильной постановки вопроса о шансах социально-революционного движения в России и от серьезного, критического отношения к характеру и «идеалам» нашего народа. Такого критического отношения именно и недоставало русским общественным деятелям. Еще А. И. Герцен поражался отсутствием сколько-нибудь определенной и общепринятой характеристики русского народа. «Иные говорят только о всемогуществе царя, о правительственном произволе, о рабском духе подданных; другие утверждают, напротив, что петербургский империализм не народен, что народ, раздавленный двойным деспотизмом правительства и помещиков, несет ярмо, но не мирится с ним, что он не уничтожен, а только несчастен и в то же время говорят, что этот самый народ придает единство и силу колоссальному царству, которое давит его. Иные прибавляют, что русский народ—презренный сброд пьяниц и плутов; другие же уверяют, что Россия населена способною и богато одаренною породою людей» [1]).

С тех пор, как были впервые написаны цитированные мною строки, прошло уже тридцать лет, а между тем и до сих пор и не только иностранцы, которых имел в виду Герцен, но и русские общественные деятели придерживаются диаметрально-противоположных взглядов на характер и «идеалы» русского народа. Нет ничего удивительного, конечно, в том, что всякая партия склонна преувеличивать сочувствие народа к ее собственным стремлениям. Но ни во Франции, ни в Германии, ни в какой-либо другой западной стране нельзя встретить того противоречия во взглядах на крестьянство, какое нас поражает в России. Это противоречие ведет подчас к весьма забавным недоразумениям. Различие в социально-политическом миросозерцании людей самых противоположных направлений определяется часто одним только различием в понимании «народных идеалов». Так, например, г. Катков и г. Аксаков согласились бы с г. Тихомировым в том, что «политическая программа... должна брать народ, каков он есть, и только в этом случае будет способна производить воздействие на его жизнь». Затем, редактор «Руси» мог бы принять, что «на 100 миллионов жителей» у нас

[1]) «Русский народ и социализм», Лондон 1858, стр. 7—8.

«приходится 800.000 рабочих, об'единенных капиталом», как уверяет г. Тихомиров в своей статье «*Чего нам ждать от революции?*»; редактор же «*Московских Ведомостей*» счел бы, может быть, эту оценку слишком низкой и указал бы на многие неточности в статистических выкладках г. Тихомирова. Тем не менее и тот, и другой подписались бы обеими руками под тем мнением, что Россия—страна земледельческая, что к ней не приложимы результаты «анализа общественных отношений, сделанного... в капиталистических странах Европы», что толковать о политическом и экономическом значении русской буржуазии смешно и нелепо, что русские социал-демократы осуждены на «положение поистине трагическое», и что, наконец, говоря о том, «каков есть» народ, нужно иметь в виду именно наше крестьянство. Несмотря, однако, на то, что миросозерцание литературных представителей наших крайних (в различные стороны) партий «охватывает взгляды, в некоторой мере» тождественные между собою, выводы, делаемые ими из своих посылок, оказываются диаметрально-противоположными. Пишет о народе г. Тихомиров,—и мы с удовольствием узнаем, что, «разочаровываясь в самодержавии царей», народ наш может перейти «только к самодержавию народа», что «в революционный момент наш народ в политическом отношении не может оказаться раздробленным, когда речь зайдет об основном принципе государственной власти. Точно так же он окажется совершенно единодушным в экономическом отношении по вопросу о земле, т.-е. по вопросу основному для современного русского производства» (sic). Веселое настроение духа окончательно овладевает нами, когда мы читаем, что «ни по нравственной силе, ни по ясности общественного самосознания, ни по вытекающей отсюда исторической устойчивости—мы ни один из наших общественных слоев не можем поставить рядом с крестьянско-рабочим классом», что «впечатление интеллигенции не обманывает ее, и в момент окончательной развязки современной путаницы политических отношений народ, конечно, выступит более сплоченным, чем хотя бы прославленная (кем?) буржуазия».

Мы видим, что народ «хочет хорошо», как уверял когда-то французов один русский писатель, и, преисполненные радостью, готовимся уже грянуть—«гром победы раздавайся, веселися, храбрый росс!», как вдруг нам попадается на глаза «Русь»—и мы опускаемся с неба на землю. Оказывается, что народ «хочет» совсем скверно. Он боготворит царя, отстаивает телесные наказания, не помышляет ни о каких революциях и готов немедленно разносить в прах г.г. народолюбцев, как только относительно их получится «строгая телеграмма». В ссылках

на современную действительность, и даже на историю, здесь, как и в статьях г. Тихомирова, нет недостатка. Что за странность! Обращаемся к известным своим беспристрастием исследователям народной жизни, вроде г. Успенского, и наше разочарование только усиливается. Мы узнаем, что народ наш находится под «властью земли», которая заставляет его довольно логически умозаключать к абсолютизму, не делая даже намека на переход к «самодержавию народа». Тот же г. Успенский убеждает нас, что не только у таких крайних полюсов, как г.г. Аксаков и Тихомиров, но и у людей одинаковых, приблизительно, возрений существуют диаметрально противоположные взгляды на народ.

Чем же обусловливается все это вавилонское столпотворение, вся эта путаница понятий?

Бакунинская классификация различных сторон «народного идеала» дает нам довольно вероятное об'яснение. Все дело в том, что г. Тихомиров кладет в основу своих социально-политических рассуждений некоторые положительные «черты» этого идеала (те самые, которые «по существу своему вполне соответствуют идеалу, вырабатывающемуся в сознании пролетариата латинских стран»): «всенародное убеждение, что земля, вся земля, принадлежит народу, и что право на пользование ею принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами». И хотя автора статьи «Чего нам ждать от революции?» не особенно обрадовала бы третья черта, «одинаковой важности с двумя предыдущими», т.-е. «решительно враждебное отношение к государству», но эта вражда в самой бакунинской классификации является лишь следствием «квази-абсолютной автономии общинного самоуправления», на котором опираются многие надежды г. Тихомирова [1]). О «затемняющих» чертах народного идеала (патриархальность, поглощение лица миром, «суеверие народа, естественным образом сопряженное в нем с невежеством», нищетою и т. д.) наш автор или ничего не знает, или ничего не хочет сообщить своим читателям. Г. Аксаков поступает наоборот. Он строит свою аргументацию именно на этих последних «чертах», забывая или умалчивая о противоположных. Статьи г. Успенского также перестают приводить нас в изумление. Он сопоставил Ормузда с Ариманом, дурные стороны идеала с хорошими, и пришел в тупой переулок «власти земли», из которого нет, повидимому, выхода ни крестьянину, ни всей России, которая стоит

[1]) «Крестьянство умеет устроить свое самоуправление, умеет принять в мирское владение землю и общественно распоряжаться ею», «В. Н. В.» № 2, стр. 225.

на крестьянине, как земля «на трех китах»; изображенные же им народолюбцы опять-таки видели—кто светлые, а кто «несчастные» черты народного характера и идеала, а потому и не могли притти ни к какому соглашению. Все это совершенно понятно, и нельзя не поблагодарить покойного Бакунина за тот ключ, который он дал нам для понимания односторонности как его собственных последователей, так и бо́льшей части наших народников вообще.

Но Бакунин не даром изучал когда-то немецкую философию. Он понимал, что предложенная им классификация «черт народного идеала»—берем ли мы одни хорошие, или одни «несчастные», или, наконец, и счастливые и «несчастные черты»—об'ясняет только китайскую сторону вопроса. Он понимал, что народ нужно «брать» не «каков он есть», а каким он *стремится стать и становится* под влиянием данного исторического движения. В этом случае Бакунин был гораздо ближе к Гегелю, чем к г. Тихомирову. Он не удовольствовался тем убеждением, что именно «*таков* есть» народный идеал, но озаботился изучением «черт» этого идеала в их развитии, в их взаимном соотношении. Именно в этом пункте он был, как я сказал выше, очень недалек от правильной постановки вопроса. Если бы он надлежащим образом применил диалектический метод к об'яснению народной жизни и народного миросозерцания, если бы он лучше усвоил ту «доказанную Марксом несомненную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей историей человеческого общества, народов и государств, что экономический факт всегда предшествовал и предшествует... политическому праву», а следовательно, и социально-политическим идеалам «народов», если бы он своевременно вспомнил, что «в доказательстве этой истины состоит именно одна из главных научных заслуг г. Маркса» [1]), то мне не пришлось бы, вероятно, спорить с г. Тихомировым, так как от «бакунизма» не осталось бы и следа.

Но Бакунину изменила диалектика или, вернее, он изменил ей.

Вместо того, чтобы исходить из «экономических фактов» в своем анализе социально-политического идеала русского народа, вместо того, чтобы ожидать переработки этого *старого* «идеала» от влияния *новых* тенденций в экономической жизни народа, автор «Государственности и анархии» устанавливает совершенно произвольную иерархию «недостатков» народного идеала, стараясь найти такую комбинацию «несчастных» его «черт», при которой одна из них нейтрализируется или даже

[1]) «Государственность и анархия», стр. 223—224.

совершенно уничтожается другою. Это превращает всю его аргументацию в совершенно произвольную игру совершенно произвольными определениями. Автор, бывший, казалось, так недалеко от истины, вдруг удалился от нее на бесконечное расстояние по той простой причине, что он лишь *чувствовал* необходимость диалектической оценки народного миросозерцания, но не сумел или не захотел *сделать* ее. Вместо ожидаемой диалектики явилась на сцену софистика. «Бакунизм» был спасен, но выяснение задач русской революционной интеллигенции не подвинулось ни на один шаг вперед.

Иерархия различных недостатков народного идеала установляется таким образом. «Поглощение лица миром и богопочитание царя собственно вытекают, как естественные результаты... из патриархальности». Сама община оказывается «ничем иным, как естественным расширением семьи, рода» [1]), а царь—«всеобщим патриархом и родоначальником, отцом всей России». Именно «*поэтому* власть его безгранична». Отсюда понятно, что патриархальность оказывается «главным, историческим злом», против которого мы обязаны «бороться всеми силами». Но как бороться «против исторического зла» анархисту, не имеющему «намерения и ни малейшей охоты навязывать нашему или чужому народу какой бы то ни было идеал общественного устройства, вычитанного из книжек или выдуманного им самим»? Не иначе, как опираясь на историческое развитие народного идеала. Но способствует ли развитие русского народного идеала устранению из него затемняющей черты патриархальности? Несомненно, и именно вот каким образом: «война против патриархальности ведется ныне чуть ли не в каждой деревне и в каждом семействе, и община, мир до такой степени обратились теперь в орудие ненавистной народу государственной власти и чиновнического произвола, что бунт против последних становится вместе с тем и бунтом против общинного и мирского деспотизма [2]). Не смущаясь тем, что борьба против общинного деспотизма не может не

[1]) М. А. Бакунин, очевидно, и не подозревал, что община является в истории раньше патриархата и существует у народов, не имеющих и тени «патриархальности». Впрочем эту ошибку он разделял со многими из своих современников, например, с Родбертусом, а пожалуй, и с Лассалем, который в своей схеме истории собственности «System der erworbenen Reichte», t. I, S.S. 217—223) совсем не упоминает о первобытной общине.

Примеч. ко 2-му изданию. Повторяю, что русская сельская община не имеет ничего общего с первобытной общиной. Но в начале восьмидесятых годов это еще не было установлено. **Г. П.**

[2]) «Государственность и анархия», примечание А, стр. 19.

пошатнуть самого принципа общинного землевладения, автор считает вопрос окончательно решенным и уверяет, что «остается богопочитание царя», которое «чрезвычайно попріелось и ослабло в самом сознании народном за последние десять или двенадцать лет», даже не потому, что пошатнулась «патриархальность», а «благодаря мудрой и народолюбивой политике Александра II благодушного». После многих испытаний русский народ «начал понимать, что у него нет врага пуще царя». Интеллигенции приходится только поддерживать и усиливать это антицарское направление в народной мысли. В заключение, той же интеллигенции рекомендуется бороться против еще одного «главного недостатка», не упомянутого при вышецитированном перечислении черт народного идеала. Недостаток этот, «парализирующий и делающий до сих пор невозможным всеобщее народное восстание в России, это—замкнутость общин, уединение и раз'единение крестьянских миров»... Если принять во внимание, что «раз'единение крестьянских миров» есть результат того обстоятельства, что «каждая община составляет в себе замкнутое целое, вследствие чего ни одна из общин не имеет, да и не *чувствует* [1]) надобности иметь с другими общинами никакой самостоятельной органической связи», что «соединяются они между собою только посредством батюшки-царя, только с его верховной, отеческой власти то приходится сознаться, что на интеллигенцию возлагается нелегкая задача. «Связать лучших крестьян всех деревень, волостей и по возможности областей... между собою, и там, где это возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством»... сделать так, «чтобы лучшие или передовые крестьяне каждой деревни, каждой волости и каждой области знали таких же крестьян всех других деревень, волостей, областей»... «убедить их в том, что в народе живет несокрушимая сила, которая могуча только, когда она собрана и действует одновременно... и что до сих пор она не была собрана»; связать и организовать «села, волости, области по одному общему плану и с единою целью всенародного освобождения»,—словом, прибавить несколько новых, очень хороших «черт» к народному характеру и идеалу и устранить из них несколько коренных недостатков, это—работа, достойная титанов! И за это-то гигантское предприятие приходится браться в том убеждении, что «нужно быть олухом царя небесного или неизлечимым доктринером для того, чтобы вообразить себе, что можно что-нибудь дать народу, подарить ему

[1]) Курсив принадлежит мне.

какое бы то ни было материальное благо или новое умственное или нравственное содержание, новую истину и произвольно дать его жизни новое направление или, как утверждал... покойный Чаадаев, писать на нем, как на белом листе, что угодно» [1])... Можно ли вообразить более вопиющее противоречие между теоретическими положениями «программы» и намеченными ею практическими задачами?

Людям, не желавшим окончательно разрывать с логикой, оставалось или отказаться от практической части этой программы, удерживая основные ее положения, или преследовать указанные ею практические задачи, стараясь подыскать для них новое теоретическое обоснование. Так оно и вышло впоследствии.

6. П. Н. Ткачев.

Но рядом с бакунизмом, носившим в своих собственных недрах элементы своего разложения, существовало другое течение в русской революционной партии. Крайне враждебное анархической философии М. А. Бакунина, оно сходилось с ним,—как я говорил уже в брошюре «Социализм и политическая борьба»,—в оценке современной русской действительности. В то же время от многих промахов автора «Государственности и анархии» направление это было застраховано, так сказать, меньшею претенциозностью, низшим логическим типом своей аргументации.

М. А. Бакунин пытался найти оправдание для рекомендуемого им способа действий в самом ходе развития народного миросозерцания, но, употребивши в дело неподходящий критерий, он вынужден был подставить на место исторического развития русской общественной жизни логические скачки своей собственной мысли. П. Н. Ткачев, родоначальник того направления, к которому мы переходим теперь, совсем не задумывался о диалектическом анализе наших общественных отношений. Он умозаключал к своей программе непосредственно от *статики* этих отношений. Современный склад русской жизни казался ему как бы нарочно придуманным для социальной (что, по его терминологии, значило—*социалистической)* революции. Толковать о прогрессе, развитии—значило для него изменять народному делу. «Теперь, или очень не скоро, быть может, никогда!»—таков был девиз его органа «Набат». Ту же мысль высказывает он в своей брошюре «Задачи революционной пропаганды в России», она же проходит через каждую

[1]) «Государственность и анархия», примечание А, стр. 9.

строку его «Открытого письма к Энгельсу». Не пускаясь в трудный путь диалектики, он не делал свойственных Бакунину неверных логических шагов, над которыми он так едко смеялся в своей «Анархии мысли». Он был последовательнее Бакунина в том смысле, что тверже держался своих посылок и делал из них более логические выводы. Вся беда заключалась лишь в том, что не только эти посылки, но и та точка зрения, на которую он становился при их выработке, были ниже бакунинских, по той простой причине, что они были ни чем иным, как упрощенным бакунизмом, бакунизмом, отказавшимся от всякой попытки создать свою философию русской истории и предавшим такого рода попытки революционной анафеме. Немногих выписок из сочинений Ткачева будет достаточно, чтобы подтвердить все сказанное.

Начнем с «Открытого письма к г. Фридриху Энгельсу».

Письмо это имеет целью «помочь невежеству» Энгельса, доказать ему, что «осуществление социальной революции не встречает в России никаких препятствий», и что «в каждую данную минуту возможно возбудить русский народ к единодушному революционному протесту» [1]). Способ доказательства этого тезиса так своеобразен, так характерен для истории развития «бедной русской мысли», так важен для понимания и правильной оценки программы «партии Народной Воли», до такой степени предвосхищает всю аргументацию г. Тихомирова, что заслуживает самого серьезного внимания читателей.

По мнению П. Н. Ткачева, было бы ребячеством мечтать о пересаждении на русскую почву «Международной Ассоциации Рабочих». Этому препятствуют социально-политические условия России. «Да будет Вам известно,—говорит он Энгельсу,—что мы в России не располагаем ни одним из тех средств революционной борьбы, которые находятся к Вашим услугам на Западе вообще и в Германии в частности. У нас нет городского пролетариата, нет свободы прессы, нет представительного собрания, нет ничего, что давало бы нам надежду соединить (при современном экономическом положении) в один хорошо-организованный, дисциплинированный рабочий союз... забитую, невежественную массу трудящегося люда»... «У нас немыслима рабочая литература, но если бы создание ее и было возможно, то она оказалась бы бесполезной, так как большинство нашего народа не умеет читать». Личное влияние на народ также невозможно, благодаря полицейским постановлениям, преследующим всякое сближение интеллигенции с черным на-

[1]) «Offener Brief», S. 10.

родом. Но все эти неблагоприятные условия,—уверяет Энгельса автор письма,—«не должны приводить Вас к той мысли, что победа социальной революции более проблематична, менее обеспечена в России, чем на Западе. Ни в каком случае!.. Если у нас нет некоторых из тех шансов, которые есть у Вас, то мы можем указать много таких, которых не хватает у Вас».

В чем же заключаются эти шансы? Почему мы можем ждать революции и чего должны ожидать от нее?

«У нас нет городского пролетариата, это, конечно, верно; но зато у нас совсем нет буржуазии. Между страдающим народом и угнетающим его деспотизмом государства у нас нет никакого среднего сословия; наши рабочие должны будут бороться лишь с *политической силой—сила капитала* находится у нас еще в зародыше»...

«Наш народ невежествен—это также факт. Но зато он в огромном большинстве случаев проникнут принципами общинного владения; он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции»...

«Отсюда ясно, что, несмотря на свое невежество, народ наш стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Запада, хотя они и образованнее его».

«Народ наш привык к рабству и повиновению—этого также нельзя оспаривать. Но Вы не должны заключать отсюда, что он доволен своим положением. Он протестует, непрерывно протестует против него. В какой бы форме ни проявлялись эти протесты, в форме ли религиозных сект, называемых расколом, в отказе ли от уплаты податей или в форме восстаний и открытого сопротивления власти—во всяком случае он протестует, и по временам очень энергично»...

«Правда, эти протесты узки и разрозненны. Но, несмотря на это, они в достаточной мере доказывают, что народу невыносимо его положение, что он пользуется каждым случаем, чтобы дать волю накопившемуся в его груди чувству озлобления и ненависти. И поэтому русский народ можно назвать инстинктивным революционером, несмотря на его кажущееся отупение, несмотря на отсутствие у него ясного сознания своих прав»...

«Наша интеллигентная революционная партия немногочисленна,—это также верно. Но зато она не преследует никаких других идеалов, кроме социалистических, а враги ее почти еще бессильнее ее, и это их бессилие идет ей на пользу. Наши высшие сословия не представляют собою никакой силы,—ни *экономической* (они для этого слишком бедны), ни политической (они слишком тупы и слишком привыкли во

всем полагаться на мудрость полиции). Наше духовенство не имеет никакого значения... Наше государство только издали представляется силой. В действительности его сила—кажущаяся, воображаемая. Оно не имеет корней в экономической жизни народа. Оно не воплощает в себе интересов какого-либо сословия. Оно равномерно давит все классы общества и пользуется равномерною ненавистью со стороны их всех. Они терпят государство, переносят его варварский деспотизм с полным равнодушием. Но это терпение, это равнодушие... является продуктом ошибки: общество создало себе иллюзию о силе русского государства и находится под волшебным ее влиянием». Но немного нужно, чтобы рассеять эту иллюзию. «Два-три военных поражения, одновременное восстание крестьян во многих губерниях, открытое восстание в резиденции в мирное время—и ее влияние мгновенно рассеется, и правительство увидит себя одиноким и всеми покинутым».

«Таким образом мы и в этом отношении имеем более шансов, чем Вы (т.-е. Запад вообще и Германия в частности). У Вас государство отнюдь не мнимая сила. Оно опирается обеими ногами на капитал; оно воплощает в себе известные экономические интересы. Его поддерживает не только солдатчина и полиция (как у нас), его укрепляет весь строй буржуазных отношений... У нас... наоборот—наша общественная форма обязана своим существованием государству, государству, так сказать, висящему в воздухе, государству, которое не имеет ничего общего с существующим социальным порядком, корни которого кроются в прошедшем, но не в настоящем» [1]).

Такова социально-политическая философия П. Н. Ткачева.

Если бы как-нибудь по ошибке наборщика под вышеприведенными выписками была поставлена ссылка на статью «Чего нам ждать от революции?», то едва ли сам г. Тихомиров заметил бы эту погрешность: до такой степени копия, появившаяся в свет в апреле 1884 года, похожа на оригинал, вышедший десять лет тому назад. Но увы, что значит слава первого открытия?! Г. Тихомиров ни единым словом не упоминает о своем учителе! С своей стороны, автор «*Открытого письма г. Ф. Энгельсу*» не счел нужным сослаться на «*Государственность и анархию*», вышедшую еще в 1873 году и содержащую ту же самую характеристику русских общественных отношений и те же уверения в том, что русский крестьянин—«коммунист по инстинкту, по традиции». Фр. Энгельс был совершенно прав, говоря в своем ответе Ткачеву, что

[1]) „Offener Brief", S.S. 4—5—6.

аргументация этого последнего построена на обычных «бакунистских фразах».

Но к чему же приводит бакунизм, потерявший веру в возможность устранить путем непосредственного влияния «несчастные черты» народного идеала и сосредоточивший свое внимание на том *счастливом* обстоятельстве, что наше *государство* «висит в воздухе» и «не имеет ничего общего с существующим социальным порядком», а «*осуществление социальной революции* не представляет никаких трудностей»? Понятно—к чему. «Если капитал у нас еще в зародыше», и «рабочим приходится бороться лишь с *политическою силою*» царизма, если народ с своей стороны, «всегда готов» к восстанию, как пушкинский Онегин—к дуэли, то революционная борьба приобретает исключительно «политический» характер. А так как, кроме того, у нас нет возможности «соединить в хорошо-организованный, дисциплинированный союз забитую, невежественную массу трудящегося люда»; нет возможности создать рабочую литературу и не было бы даже пользы в ее создании, то выходит, что эту политическую борьбу должны вести вовсе не рабочие. Об этом должна позаботиться та самая «немногочисленная интеллигентская революционная партия», сила которой заключается в ее социалистических идеалах и в бессилии ее врагов. Но этому сильному чужим бессилием меньшинству, как по современным русским условиям, так и по самой сущности ее отношений ко всем прочим общественным силам,—не остается ничего другого, как создавать тайную организацию и подготовлять coup d'état в ожидании благоприятных для решительного удара обстоятельств «военных поражений» России, «одновременных бунтов в нескольких губерниях» или «восстания в резиденции». Другими словами, изверившийся в «прогресс» бакунизм самым прямым путем приводит нас к заговору с целью ниспровержения существующего правительства, захвата власти и организации социалистического общества с помощью этой власти и «прирожденных, традиционных» склонностей русского крестьянства к коммунизму. Все это мы и видели в произведениях П. Н. Ткачева гораздо раньше, чем узрели в статье г. Тихомирова.

Но для полного знакомства с программой Ткачева, или, как говорил он, той «фракции, к которой принадлежит все, что есть в нашей революционной интеллигентной молодежи смелого, умного и энергичного»,—нужно обратиться к другим произведениям редактора «*Набата*», так как «Открытое письмо» заключает в себе лишь уверения в том, что «современный период (русской) истории самый удобный для

совершения социальной революции», да указание на такие «общие черты» программы, как «прямое воззвание к народу», создание крепкой революционной организации и строгой дисциплины. Из брошюры же «Задачи революционной пропаганды в России» мы почерпаем ту оригинальную мысль, что «насильственная революция тогда только и может иметь место, когда меньшинство не хочет ждать, чтобы большинство сознало свои потребности, но когда оно решается, так сказать, навязать ему это сознание». Наконец, в сборнике «критических очерков П. Н. Ткачева», изданных под одним общим заглавием «Анархия мысли», мы, в главе, направленной против программы журнала «Вперед» и брошюры «Русской социально-революционной молодежи», уже прямо встречаемся со следующей альтернативой. «Необходимо выбрать одно из двух: или интеллигенция должна захватить после революции власть в свои руки, или она должна противодействовать, задерживать революцию до той блаженной минуты, когда «народный взрыв» не будет более представлять опасностей, т.-е. когда народ усвоит результаты мировой мысли, приобретет недоступные ему знания». Уже из того обстоятельства, что знания признаются «недоступными народу»— ясно, куда склоняются симпатии П. Н. Ткачева.

Организация заговора с целью захвата власти становится главною практическою задачею пропаганды газеты, а потом журнала «Набат». Параллельно с этим идет пропаганда террора и возвеличение «так называемого нечаевского заговора» на счет кружков пропагандистов. «Для нас, революционеров, не желающих долее сносить несчастий народа, не могущих долее терпеть своего позорного рабского состояния, для нас, не затуманенных метафизическими бреднями и глубоко убежденных, что русская революция, как и всякая другая революция, не может обойтись *без вешания и расстрела жандармов, прокуроров, министров, купцов, попов,* словом, не может обойтись без «насильственного переворота», для нас, материалистов-революционеров, *весь вопрос сводится к приобретению силы власти, которая теперь направлена против нас*». Эти строки, напечатанные в 1878 году[1]), когда никто не думал еще о создании «партии Народной Воли», с достаточною ясностью показывают, где нужно искать источника тех практических идей, пропаганду которых приняла на себя эта партия. Мы думаем поэтому, что редакция «Набата» была по своему права, когда, констатируя в 1879 году «полнейшее фиаско» хождения в народ—она с

[1]) См. журнал «Набат», 1878 год (№ и месяц не обозначены), статью «Революционная пропаганда», стр. I.

гордостью прибавляла: «Мы *первые* указали на неизбежность этого фиаско, мы *первые*... заклинали молодежь сойти с этого гибельного анти-революционного пути и снова вернуться к традициям непосредственно-революционной деятельности и боевой, централистической революционной организации (т.-е. традициям нечаевщины). И наш голос не был голосом вопиющего в пустыне»... «Боевая организация революционных сил, дезорганизация и терроризация правительственной власти—таковы были с самого начала основные требования нашей программы. И в настоящее время эти требования стали, наконец, осуществляться на практике». Увлекшись террористической деятельностью, редакция заявляет даже, что «*в настоящее время наша единственная задача*—терроризировать и дезорганизовать правительственную власть» [1]).

7. Результаты.

Ниже мы увидим, какое значение имеют сделанные мною выписки в вопросе о «наших разногласиях». Теперь же взглянем на изложенные нами программы с чисто исторической точки зрения и спросим себя—насколько удовлетворительно был ими поставлен и решен вопрос о состоянии русской общины и о способности русского народа к сознательной борьбе за свое экономическое освобождение?

Мы видели, что как М. А. Бакунин, так и П. Н. Ткачев очень много говорили о коммунистических инстинктах русского крестьянства. Ссылки на эти инстинкты составляют исходную точку их социально-политических рассуждений, главное основание их веры в возможность социалистической революции в России. Но ни автор «Государственности и анархии», ни редактор «Набата» нимало не задумывались, повидимому, над вопросом о том, потому ли существует община, что народ наш «проникнут принципами общинного землевладения», или потому он «проникнут» этими «принципами», т.-е. имеет привычку к общине, что живет в условиях коллективного владения землей? Если бы они внимательнее отнеслись к этому вопросу, ответ на который не может быть сомнительным, то им пришлось бы перенести центр тяжести своей аргументации из области рассуждений о народных «инстинктах» и идеалах в сферу исследований о народном хозяйстве. Тогда им пришлось бы обратить внимание на историю землевладения и вообще права собственности у первобытных народов, на возникновение и постепенный рост индивидуализма в общинах охотничьих, кочевых и земле-

[1]) «Набат», 1879 г., №№ 3, 4, 5; стр. 2—3.

дельческих племен, на социально-политическое влияние этого нового «принципа», становящегося мало-по-малу господствующим. Применяя результаты такого рода исследований к России, им пришлось бы сделать оценку тех разлагающих общину условий, значение которых в особенности возросло со времени уничтожения крепостного права. Эта оценка логически привела бы их к попытке определить силу и значение индивидуалистического принципа в хозяйстве современной сельской общины в России. Затем, так как значение этого принципа—под влиянием враждебных коллективизму условий,—постоянно возрастает, то им нужно было бы узнать величину ускорения, приобретаемого индивидуализмом в ходе его вторжения в право и хозяйство общинников. Определивши, с возможною в таких случаях точностью, величину этого ускорения, они должны были бы перейти к изучению свойств и развития той силы, с помощью которой они думали не только предупредить торжество индивидуализма и не только восстановить сельскую общину в ее первобытном виде, но и придать ей новую, высшую форму. При этом возник бы очень важный, как мы видели, вопрос о том, явится ли эта сила продуктом внутренней жизни общины или результатом исторического развития высших сословий [1]). Во втором из предположенных случаев, интересующая нас сила оказалась бы чисто-внешнею силою по отношению к общине, и тогда им прежде всего нужно было бы спросить себя, достаточно ли одних внешних влияний для переустройства экономической и социально-политической жизни данного класса? Покончивши с этим вопросом, пришлось бы немедленно считаться с другим, а именно—где должно искать точку приложения этой силы, в сфере ли *условий жизни* или в области *привычек мысли* нашего крестьянства? В заключение им нужно было бы доказать, что *сила сторонников социализма увеличивается с большей быстротой, чем совершается рост индивидуализма в русской экономической жизни.* Только сделавши это обстоятельство по крайней мере *вероятным,* они могли бы доказать *вероятность* той социальной революции, которая, по их мнению, не могла встретить в России «*никаких*» затруднений.

В каждом из вышеперечисленных случаев им пришлось бы иметь дело не со статикой, а с динамикой наших общественных отношений, «брать» народ не таким, «каков он есть», а таким, каким он *становится,* рассматривать не неподвижную *картину,* а совершающийся по известным законам *процесс* русской жизни. Им пришлось бы употре-

[1]) Несомненная опечатка, хотя сам Плеханов не исправил ее в новом издании. Следует—в н е ш н и х у с л о в и й. *Л. Р.*

бить в дело то самое орудие диалектики, которое уже употреблялось Чернышевским для изучения вопроса об общине в самом абстрактном его виде.

К сожалению, ни Бакунин, ни Ткачев не сумели, как мы видели, подойти с этой, наиболее важной, стороны к вопросу о шансах социальной революции в России. Они довольствовались тем убеждением, что народ наш «коммунист по инстинкту, по традиции», и если Бакунин обращал должное внимание на слабые стороны народных «традиций» и народного инстинкта, если Ткачев видел, что устранить такого рода слабые стороны можно лишь путем учреждений, а не логических доводов, то все-таки ни тот, ни другой из названных писателей не довели дело анализа до конца. Взывая к нашей интеллигенции, они ожидали социальных чудес от ее деятельности и полагали, что ее преданность заменит народную инициативу, ее революционная энергия займет место внутреннего стремления русской общественной жизни к социалистической революции. Народное хозяйство, уклад жизни и привычки мысли нашего крестьянства рассматривались ими, именно, как неподвижная картина, как законченное целое, подлежащее лишь незначительным видоизменениям вплоть до самой социальной революции. В представлении тех самых писателей, которые, конечно, не отказались бы признать современные им формы народной жизни результатом исторического развития,—история как бы «останавливала свое течение». От времени выхода в свет «Государственности и анархии» или «Открытого письма к Фр. Энгельсу» вплоть до первого или «второго дня после революции», сельская община должна была, по их мнению, остаться в своем нынешнем виде, от которого так недалек будто бы переход к социализму. Весь вопрос был в том, чтобы поскорее приняться за дело и итти по подлежащей дороге. «Мы не допускаем никаких отсрочек, никакого промедления... Мы не можем и не хотим ждать... Пусть каждый соберет поскорее свои пожитки и спешит отправиться в путь!» писал редактор «Набата». И хотя по вопросу о направлении этого пути между Бакуниным и Ткачевым были коренные разногласия, но, во всяком случае, каждый из них был уверен, что если молодежь пойдет по указанному *им* пути, то успеет еще застать общину в состоянии желательной прочности. Хотя «каждый день приносит нам новых врагов, создает новые враждебные нам общественные формы», но эти новые формы не изменяют взаимного отношения факторов русской общественной жизни. Буржуазия продолжает отсутствовать, государство продолжает «висеть в воздухе». Погромче ударивши «в набат», поэнер-

гичнее взявшись за революционную работу, мы успеем еще спасти «коммунистические инстинкты» русского народа и, опираясь на его привязанность к «принципам общинного землевладения», сумеем совершить социалистическую революцию. Так рассуждал П. Н. Ткачев, так же или почти так же рассуждал и автор «Государственности и анархии».

Наша молодежь читала произведения обоих писателей и, поделившись на фракции, действительно спешила взяться за дело. С первого взгляда может показаться странным, каким образом ткачевская или бакунинская программа могла найти адептов в той самой интеллигентной среде, которая воспитывалась на сочинениях Н. Г. Чернышевского и уже по одному тому должна была выработать привычку к более строгому мышлению. Но дело—в сущности—просто и об'ясняется отчасти влиянием того же Чернышевского.

Гегель не даром отводил в своей философии такое важное место вопросу о методе, и не даром также те из западно-европейских социалистов, которые с гордостью «ведут свою родословную», между прочим, «от Гегеля и Канта», придают гораздо бо́льшее значение *методу* исследования общественных явлений, чем данным его результатам [1]). Ошибка в результатах *непременно* будет замечена и исправлена при дальнейшем применении правильного метода, между тем как ошибочный метод, наоборот, лишь в редких *частных* случаях может дать результаты, не противоречащие той или другой *частной* истине. Но серьезное отношение к методологическим вопросам возможно лишь в обществе, получившем серьезное философское образование. Русское же общество никогда не могло похвастаться таким образованием. Недостаток философского развития с особенною силою сказался у нас в шестидесятых годах, когда наши «мыслящие реалисты», создавши культ естественных наук, открыли жестокое гонение на философскую «метафизику». Под влиянием этой антифилософской пропаганды, последователи Н. Г. Чернышевского не могли усвоить себе приемы его диалектического мышления, а сосредоточивали свое внимание лишь на *результатах* его исследований. В результате же этих исследований являлась, как мы знаем, уверенность в возможности непосредственного перехода нашей общины в высшую, коммунистическую форму общежития. Это убежде-

[1]) «Мы далеко не так нуждаемся в голых результатах, как в изучении и,—говорит Фр. Энгельс;—мы знаем уже со времени Гегеля, что без ведущего к ним развития—результаты не имеют никакого значения; они хуже, чем бесполезны, если на них прекращается исследование если они не становятся посылками для дальнейшего развития».

ние страдало односторонностью уже в силу своей абстрактности, и ученики, оставшиеся верными духу, а не букве сочинений Чернышевского, конечно, не замедлили бы перейти, как я выразился выше, от алгебры к арифметике, от общих отвлеченных рассуждений о *возможных* переходах одних социальных форм в другие к подробному изучению вопроса о современном состоянии и *вероятной* будущей судьбе русской общины в частности. Так называемый «русский» социализм был бы поставлен, таким образом, на совершенно твердую почву. К сожалению, наша революционная молодежь даже и не подозревала, что у ее учителя был какой-то особенный метод мышления. Успокоившись на результатах его исследований, она видела его единомышленников во всех писателях, отстаивавших принцип общинного землевладения, и между тем как сам автор «Критики философских предубеждений» никогда не мог сойтись, например, со Щаповым [1]), наша молодежь видела в исторических трудах последнего лишь новую иллюстрацию и новые доводы в пользу мнений своего учителя. Тем менее могла она подвергать строгой критике новые революционные учения. П. Н. Ткачев и М. А. Бакунин казались ей людьми совершенно одного направления с Н. Г. Чернышевским. Ученики Гегеля не оставили камня на камне в его системе, строго держась того самого метода, который завещал им великий мыслитель. Они держались духа, а не буквы его системы. Последователи Н. Г Чернышевского не решались даже подумать о критическом отношении к мнению своего учителя. Строго держась каждой буквы его писаний, они утратили всякое понятие об их духе. Вследствие этого, они не сумели сохранить в чистом виде даже результатов исследований Чернышевского и из смеси их с славянофильскими тенденциями образовали ту своеобразную теоретическую амальгаму, из которой выросло потом наше *народничество*.

Таким образом предшествующая социалистическая литература завещала нам несколько (не нашедших подражателей) попыток применения диалектического метода к решению важнейших вопросов русской общественной жизни и несколько социалистических программ, из которых одна рекомендовала социалистическую пропаганду, считая русское крестьянство столь же восприимчивым к ней, как и западно-европейский пролетариат; другая—настаивала на организации всенародного бунта, а третья, не считая возможной ни пропаганду, ни организацию,

---

[1]) См. книгу Аристова: «А. П. Щапов, жизнь и сочинения», С.-Петербург, стр. 89—92.

указывала на захват власти революционной партией, как на исходный пункт русской социалистической революции.

Теоретическая постановка революционного вопроса не только не подвинулась вперед со времени Чернышевского, но во многих отношениях отступила назад, к полуславянофильским воззрениям Герцена. Русская революционная интеллигенция начала семидесятых годов не прибавила ни одного серьезного аргумента в пользу отрицательного решения поставленного еще Герценом вопроса о том, «должна ли Россия пройти всеми фазами европейского развития?».

ГЛАВА I.

Некоторые исторические справки.

1. Русский бланкизм.

Теперь прошло уже десять лет со времени появления важнейших из программ семидесятых годов. Десять лет усилий, борьбы и тяжелых, иногда, разочарований показали нашей молодежи, что организация революционного движения в крестьянстве невозможна при современных русских условиях. Бакунизм и народничество, как *революционные* учения, отжили свой век и находят теперь радушный прием лишь в *консервативно*-демократическом литературном лагере. Им предстоит или совершенно утратить свои отличительные черты и слиться с новыми, более плодотворными революционными течениями, или застыть в своем старом виде и служить опорой для политической и социальной реакции. Наши пропагандисты старой пробы также сошли теперь со сцены. Не то с теориями П. Н. Ткачева. Хотя в течение целых десяти лет «каждый день приносил нам новых врагов, создавал новые, враждебные нам общественные факторы», хотя социальная революция «встретила» за это время некоторые немаловажные «препятствия», русский бланкизм возвышает теперь свой голос с особенной силой, и, по-прежнему уверенный в том, что «современный исторический период особенно благоприятен для совершения социальной революции», он по-прежнему обвиняет всех «несогласномыслящих» в умеренности и аккуратности, повторяя на новый лад свою старую погудку: «теперь или очень не скоро, быть может никогда! мы не имеем права ждать, пусть каждый соберет свои пожитки и спешит отправиться в путь», и так далее, и так далее. С этим-то окрепшим и, если можно так выразиться, помолодевшим тка-

чевизмом и приходится иметь дело всякому, кто хотел бы писать о «разногласиях», существующих в настоящее время в русской революционной среде. С ним тем более придется считаться при исследовании вопроса о «судьбе русского капитализма».

Я уже не один раз говорил, что статья г. Тихомирова «Чего нам ждать от революции?» представляет собою лишь новое, дополненное, хотя в то же время, во многих отношениях, ухудшенное издание социально-политических воззрений П. Н. Ткачева. Если я не ошибся в распознавании характеристических черт русского бланкизма, то литературная деятельность «партии Народной Воли» сводится к повторению на разные лады ткачевских учений. Разница лишь в том, что для Ткачева «переживаемый нами момент» относился к началу семидесятых годов, а для публицистов «партии Народной Воли» он совпадает с концом того же и началом следующего десятилетия. При полном отсутствии того, что немцы называют «историческим смыслом», русский бланкизм с большою легкостью переносит и будет переносить это понятие об особенно благоприятном для социальной революции «моменте» с одного десятилетия на другое. Оказавшись лже-пророком в восьмидесятых годах, он с достойным лучшей участи упорством возобновит свои пророчества через десять, через двадцать, через тридцать лет и будет возобновлять их вплоть до того времени, когда рабочий класс поймет, наконец, условия своего социального освобождения и будет встречать его проповедь самым гомерическим хохотом. Для пропаганды бланкизма благоприятен каждый исторический момент, кроме момента, действительно благоприятного для социалистической революции.

Но пора точнее определить употребляемые мною выражения. Что такое бланкизм вообще? Что такое русский бланкизм?

П. Л. Лавров надеется, как мы видели, что «большинство членов» группы «Освобождение Труда»—«может быть не сегодня-завтра в рядах «Народной Воли». Он утверждает, что «сам г. Плеханов совершил уже достаточно значительную эволюцию в своих политико-социальных убеждениямх, чтобы мы имели основание надеяться на новые шаги с его стороны в этом же направлении». Если «партия Народной Воли» стоит, поскольку можно судить об этом по ее литературным произведениям, на точке зрения бланкизма, то выходит, что и моя «эволюция» совершается «в этом же направлении». Проповедуемый мною в настоящее время марксизм представляет собою, следовательно, лишь чистилище, через которое должна пройти моя социалистическая душа для окончательного успокоения в лоне бланкизма. Так ли это? Будет ли

такого рода «эволюция» прогрессивной? Как представляется этот вопрос с точки зрения современного научного социализма?

«Бланки прежде всего политический революционер,—читаем мы в одной статье Энгельса,—социалист лишь по своим чувствам, симпатизирующий народу в его страданиях, но не имеющий своей особой социалистической теории и не предлагающий никаких определенных мер социального переустройства. В своей политической деятельности он был, главным образом, так называемым *«человеком дела»*, убежденным в том, что небольшое число хорошо организованных людей, выбравши подходящий момент и произведя революционную попытку, может увлечь народную массу одним-двумя успехами и совершить таким образом победоносную революцию. В царствование Луи-Филиппа он мог организовать это ядро, конечно, лишь в виде тайного общества, и тогда произошло то, что всегда происходит при заговоре. Составляющие его люди, утомившись вечной сдержанностью и напрасными обещаниями, что дело скоро дойдет до решительного удара, потеряли, наконец, всякое терпение, перестали повиноваться, и тогда оставалось одно из двух: или дать распасться заговору, или начинать революционную попытку без всякого внешнего повода. Такая попытка и была сделана (12 мая 1839 г.), и была подавлена в самом начале. Впрочем этот заговор Бланки был единственный, который не был открыт полицией.

«Из того, что Бланки всякую революцию представлял себе в виде Handstreich небольшого революционного меньшинства, сама собою следует необходимость революционной диктатуры после удачного переворота; конечно, диктатуры не целого революционного класса, пролетариата, но небольшого числа тех, которые совершили Handstreich и которые сами еще ранее того подчинялись диктатуре одного или немногих избранных.

«Читатель видит,—продолжает Энгельс,—что Бланки есть революционер старого поколения. Подобные представления о ходе революционных событий слишком уже устарели для немецкой рабочей партии, да и во Франции могут встретить сочувствие лишь со стороны наименее зрелых или наименее терпеливых рабочих».

Мы видим таким образом, что социалисты новейшей, научной школы смотрят на бланкизм, как на устаревшую уже точку зрения. Переход из марксизма в бланкизм, конечно, не невозможен,—чего не бывает на свете?—но он ни в каком случае не будет признан ни одним из марксистов прогрессом в «политико-социальных убеждениях» кого-либо из их единомышленников. Только с точки зрения бланкиста такая

«эволюция» может быть признана прогрессивной. И если почтенный редактор «Вестника Народной Воли» не изменил самым коренным образом своих воззрений на социализм школы Маркса, то его пророчество относительно группы «Освобождение Труда» должно привести всякого беспристрастного читателя в совершенное недоумение.

Мы видим, кроме того, из приведенных слов Энгельса, что ткачевское понимание «насильственной революции», как чего-то «навязанного» меньшинством большинству, есть не что иное, как бланкизм, который можно было бы назвать самым чистопробным, если бы редактор «Набата» не вздумал доказывать, что в России социализм не нужно даже навязывать большинству, коммунистическому «по инстинкту, по традиции».

Отличительной чертою русской разновидности бланкизма является таким образом лишь заимствованная у Бакунина идеализация русского крестьянства. Перейдем теперь к воззрениям г. Тихомирова и посмотрим, подходят ли они под это определение или представляют собою новую разновидность «русского социализма».

2. Л. Тихомиров.

Я утверждаю, что в них нет решительно ничего нового, кроме нескольких исторических, логических и статистических ошибок.

Эти ошибки, действительно, представляют собою нечто новое, оригинальное, характеристичное лишь для миросозерцания г. Тихомирова. Ни бланкизм вообще, ни русский бланкизм в частности не играли никакой роли в их возникновении и в их своеобразной «эволюции».

Появление их вызвано причиною чисто отрицательного свойства: незнанием, которое вообще играет довольно видную роль в генезисе социально-политических понятий нашей интеллигенции, а в статье г. Тихомирова достигает совсем уже нескромных размеров.

Читателю нетрудно будет проверить справедливость нашего отзыва, если он потрудится вместе с нами над распутыванием скомканной и во многих местах оборванной нити «самобытных» рассуждений нашего автора.

Начнем с истории революционных идей в России и на Западе.

«Еще немного лет назад,—говорит г. Тихомиров,—социалисты, исходя из анализа общественных отношений, сделанного их учителями в капиталистических странах Европы, признавали политическую деятельность скорее вредною в интересах собственно народной массы, так

как полагали, что конституция будет у нас орудием организации буржуазии, каким является в Европе. На основании этих соображений в среде наших социалистов можно было даже встретить мнение, что из двух зол—самодержавный царь для народа все-таки лучше, нежели царь конституционный. Другое направление, так называемое либеральное, имело противоположный характер» и т. д. [1]).

Русские социалисты «признавали политическую деятельность скорее вредною... исходя из анализа..., сделанного их учителями в капиталистических странах Запада». О каком «анализе» говорит г. Тихомиров? Каких учителей имеет он в виду? С кого он «портреты пишет, где разговоры эти слышит»? Известно, что западно-европейская социалистическая мысль, «исходя из анализа..., сделанного в капиталистических странах Европы», представляла и до сих пор представляет «два типа отношений к вопросу о политической деятельности». Последователи Прудона проповедуют политическое воздержание и советуют следовать ему вплоть «до другого дня после революции». Для них «политическая революция—цель, экономическая революция — средство». Поэтому они хотят начинать с экономического переворота, полагая, что при современных условиях политическая деятельность «скорее вредна в интересах собственно народной массы», и что конституция является лишь «орудием организации буржуазии». Другое направление «имело противоположный характер». Уже «Deutsch-Französische Jahrbücher», вышедшие в Париже в 1844 году, наметили в общих чертах *политическую* задачу рабочего класса. В 1847 году Маркс писал в своей «Misère de la philosophie»: «Не говорите, что социальное движение исключает движение политическое. Никогда не бывает политического движения, которое не было бы в то же время и социальным. Только при таком порядке вещей, при котором не будет классов и антагонизма классов, *социальные эволюции* перестанут быть *политическими революциями* [2]). В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс опять возвращаются к тому же вопросу, доказывают, что *«всякая классовая борьба есть борьба политическая»*, и самым едким образом смеются над «теми истинными социалистами», по мнению которых—как и по мнению г. Тихомирова — конституция «является в Европе» лишь «орудием организации буржуазии». По мнению авторов «Манифеста», социализм, выступавший против освободительного движения буржуазии, «утрачивал свою педантическую невинность» и стано-

[1]) «Вестник Народной Воли», № 2, стр. 231.

[2]) «Misère de la philosophie», стр. 177—178.

вился орудием *политической и социальной реакции.* Та же самая мысль повторялась затем много раз в других произведениях как самих авторов *Манифеста,* так и их последователей. Можно сказать, что почти каждый нумер каждой социал-демократической газеты каждой европейской страны воспроизводит эту мысль в том или другом виде. Карл Маркс и марксисты сделали все, чтобы выяснить свои социально-политические взгляды и показать неосновательность прудонистской «программы».

И после такой-то блестящей литературной деятельности, деятельности, открывающей собою новую эпоху в истории социалистической мысли «Европы», мы слышим, что русские социалисты отрицали целесообразность политической борьбы лишь потому, что «исходили из анализа, сделанного их учителями в капиталистических странах Запада»! Можно ли серьезно говорить теперь о каком-нибудь другом «анализе общественных отношений» Западной Европы, кроме анализа, заключающегося в сочинениях Маркса и Энгельса? Это уместно было бы лишь в историческом сочинении, трактующем об ошибках и односторонностях предшественников Маркса. Но г. Тихомиров или совсем незнаком с литературой марксизма, или понял ее так же, как г. Иванюков, «банкротство» которого было возвещено и отчасти доказано в первой книжке «Вестника». Русские социалисты говорили о вреде политической деятельности не потому, что они вообще «исходили из анализа общественных отношений» Западной Европы, а потому, что они исходили из ошибочного мелко-буржуазного «анализа» Прудона. Но все ли они были прудонистами? Все ли они придерживались учения Бакунина, этого, так сказать, реформатора прудонизма? Кому же не известно, что далеко не все! П. Н. Ткачев точно так же, как и решительно все западно-европейские бланкисты, исходя, впрочем, не из «анализа, сделанного в капиталистических странах Европы», а из традиций французского якобинства, жесточайшим образом нападали на принцип «политического воздержания». Разве П. Н. Ткачев не писал именно «еще много лет тому назад»? Разве его мнения не должны быть занесены в историю русской революционной мысли? Г. Тихомиров сделал бы очень рискованный шаг, решившись ответить на последний вопрос утвердительно: а что если его собственная философия действительно окажется лишь новым изданием философии Ткачева? Ведь сравнение очень легко сделать каждому читателю.

Но одни ли бакунисты и бланкисты существовали «еще немного лет тому назад» в русском революционном движении? Не было ли дру-

гих направлений? Не было ли писателей, которые знали, что конституция «является в Европе»... «орудием организации» *не только* буржуазии, но и еще другого класса, интересов которого социалисты не могут игнорировать, не изменяя своему знамени? Мне кажется, что—были, и были именно в лагере противников Ткачева, который, восставая против той мысли, что политическая деятельность «скорее вредна в интересах собственно народной массы», требовал, однако, или всего или ничего, или захвата власти социалистами или политического застоя России. Когда на этом основании он вздумал припугнуть русских социалистов призраком капитализма и буржуазной конституции, то вот что ответил ему один известный русский писатель, обращаясь к нашей «социально-революционной молодежи»: «Вам говорят, что революция необходима для России теперь или она не осуществится никогда. Вам рисуют картину развивающейся у нас буржуазии и говорят вам, что с ее развитием борьба станет труднее, что революция будет невозможна. Очень плохо думает автор о вашей сообразительности, если думает, что вы поддадитесь на его аргументы»... «Какое основание думать, что борьба народа с буржуазией в России была бы немыслима, если бы, действительно, в России установились формы общественной жизни, подобные формам заграничной? *Разве не развитие буржуазии, именно, вызвало пролетариат к борьбе?* Разве не во всех странах Европы раздаются громко призывы к близкой социальной революции? Разве не сознает буржуазия опасность, которая грозит ей от рабочих и все приближается?.. Наша молодежь вовсе не так отрезана от мира, чтобы вовсе не знать этого положения дел, и люди, желающие уверить ее, что господство буржуазии было бы непоколебимо у нас, чересчур рассчитывают на ее недостаток знания, *рисуя ей фантастическую картину Европы*».

Ясно, что автор этих строк никоим образом не считает конституцию «орудием организации» одной только «буржуазии», каким она «является в Европе» по словам г. Тихомирова. Прав или неправ этот автор—пусть г. Тихомиров судит, как хочет, но нельзя было не упомянуть о нем, говоря о «типах отношений» нашей интеллигентной мысли» к вопросу о политической деятельности. Если цитируемый нами автор—нынешний соредактор г. Тихомирова, П. Л. Лавров [1])—и не признавал целесообразности политической борьбы в России, то уж ни

[1]) См. его брошюру «Русской социально-революционной молодежи», стр. 22—24.

в каком случае не потому, что «исходил» из бакунистского анализа «общественных отношений в капиталистических странах Европы». Со стороны г. Тихомирова совершенно непростительно такое невнимание к литературной деятельности его уважаемого товарища.

Впрочем будем беспристрастны, постараемся указать смягчающие его вину обстоятельства. Чем об'ясняется это невнимание? Почему г. Тихомиров заносит всех русских социалистов недавнего прошлого в список бакунистов и умалчивает о литературной деятельности П. Л. Лаврова, забывает о Ткачеве уже теперь, когда «башмаков еще не износили» контрабандисты, доставлявшие «Набат» в Россию? По очень простой причине. «Ничто не ново под луною», утверждают скептики. И если эту мысль нельзя признать безусловно верною, то несомненно все-таки, что во многих программах «русского социализма» решительно «ничто не ново». А между тем сторонникам этих программ очень приятно заявить, что их направление было первым «гласным проявлением» такого-то и такого-то «сознания». Чтобы доставить себе подобное удовольствие, остается лишь кое-что позабыть в истории русского революционного движения и кое-что прибавить к ней от себя. Тогда будет ясно, что «наша интеллигентная мысль» представляла собою какую-то заблудшую овцу, пока не появилась данная программа; но с тех пор как авторы этой программы произнесли свое «да будет свет»—начался «величественный восход солнца», как выражается Гегель об эпохе французской революции. Надлежащая точка зрения была найдена, заблуждения были рассеяны, истина—открыта. Удивительно ли, что люди, которым приятный самообман дороже «тьмы горьких истин», соблазняются такого рода перспективой и, забывая о своих предшественниках и современниках, приписывают своей «партии» открытие таких приемов борьбы, которые часто не были не только открыты, но даже *поняты* ею правильным образом?

Г. Тихомиров увлекся именно такими шаблонными приемами исторического исследования. Ему хотелось показать, что хотя «в общей массе русская революционная интеллигенция», вопреки знаменитому «анализу», и «не могла отрешиться от борьбы против политического гнета», но все это, однако, «делалось только невольно и само собой. Идея действительной равноправности политического и экономического элементов в партионной программе—нашла себе ясное и громкое признание только с появлением Народовольства» [1]) (которому наш автор

[1]) «В. Н. В.», № 2, стр. 232.

бьет челом и большою буквой). Чтобы доказать свое положение, г. Тихомиров и приписал всем русским социалистам взгляды, разделявшиеся только бакунистами. Так как эти последние считали политическую деятельность «скорее вредною», а народовольцы признали ее скорее полезною, то ясно, что честь первого открытия пользы политической деятельности принадлежит «народовольству». Упоминать о Ткачеве было неудобно, потому что тогда обнаружилось бы, что он проповедовал именно того рода «равноправность политического и экономического элементов в партионной программе», которая «нашла ясное и громкое признанье», будто бы «только с появлением народовольства». Упоминать о литературных произведениях своего соредактора г. Тихомиров также не нашел «своевременным», так как для их критики и оценки пришлось бы стать на точку зрения, совершенно непривычную для человека, до сих пор воображающего, что нет другого «анализа общественных отношений» Западной Европы, кроме анализа, «сделанного» Прудоном и прудонистами, Бакуниным и бакунистами.

Г. Тихомиров «сделал» для возвеличения своей партии все возможное и прихватил даже немножко невозможного. Он решился, например, утверждать, что «бывшие основатели *Черного Передела*» принадлежали когда-то к числу «самых ярых противников конституции». А между тем, если бы он руководствовался в своих исторических изысканиях стремлением к истине, а не интересами «партионной политики», то он не забыл бы, что в первом же № «*Черного Передела*», в «Письме к бывшим товарищам», высказывается следующий взгляд на конституцию, далеко не соответствующий его представлению «о бывших основателях» названного органа: «*Не подумайте, пожалуйста, товарищи, что я вообще против конституции, против политической свободы,* — говорит автор этого письма.—Я слишком уважаю человеческую личность, чтобы быть против политической свободы... Говорить, что идея политической свободы для народа вещь непонятная, ненужная—не резон. Она (т.-е. политическая свобода) для него такая же необходимая потребность, как и для интеллигентного. Разница в том, что эта потребность у народа срастается с другими, более насущными, основными потребностями экономического свойства. Эти-то последние должна принять в резон каждая социально-революционная партия, если она желает, чтобы политическая свобода была вполне обеспечена и гарантирована от узурпаций и искажений враждебных ей элементов».

В этих строках есть кое-какие неточности в выражениях, неправильности в определении понятий. Но заключить из них, что «основа-

тели Черного Передела» были «противниками конституции», да еще противниками «самыми ярыми»—может лишь человек, или окончательно распростившийся с логикой, или сознательно игнорирующий факты в интересах своей «партии», или, наконец, совсем не знающий этих фактов, т.-е. не знающий той самой истории революционных идей в России, о которой он трактует «с ученым видом знатока».

Но, быть может, основатели «Черного Передела» изменили свои взгляды на конституцию впоследствии? Посмотрим. Под редакцией этих «основателей» вышло два №№ названного органа. Мы знаем уже, какие взгляды на политическую свободу заключаются в первом №; что же находим мы во втором?

«Конечно, не нам, отрицающим всякое подчинение человека человеку, оплакивать падение абсолютизма в России; не нам, которым борьба с существующим режимом стоила таких страшных усилий и стольких тяжелых потерь—желать его продолжения,—читаем мы в передовой статье этого №.—*Мы знаем цену политической свободы* и можем пожалеть лишь о том, что и русская конституция отведет ей недостаточно широкое место. Мы приветствуем всякую борьбу за права человека, и чем энергичнее ведется эта борьба, тем более мы ей сочувствуем... Но кроме выгод, которые несомненно принесет с собою политическая свобода, *кроме задач ее завоевания,*—есть другие выгоды и задачи; и забывать о них невозможно именно в настоящее время, когда общественные отношения так заострились и когда, поэтому, нужно быть готовым ко всему» [1]).

Таким ли языком говорят «самые ярые противники конституции»?

В программе «Черного Передела» были, конечно, весьма существенные ошибки. Их было в ней не меньше, чем в программе «партии Народной Воли». Но с успехом критиковать эти ошибки можно только с точки зрения научного социализма, а вовсе не с точки зрения «народовольских» публицистов. Эти последние страдают тем же самым недостатком, каким страдали когда-то «основатели Черного Передела» — именно неумением критически отнестись к социально-политическим формам нашей народной жизни. Люди, мирящиеся с идеализацией этих форм и строящие на ней свои практические планы, обнаруживают более последовательности, умозаключая к программе «Черного Передела», чем подписываясь под программой «партии Народной Воли».

Пусть г. Тихомиров попробует доказать противное.

[1]) Эта передовая статья была написана Плехановым. Ср. Собр. соч., том первый, стр. 125. *Д. Р.*

Впрочем у него едва ли хватит на это времени. Ему нужно будет раньше показать, чем отличается его революционное миросозерцание от миросозерцания П. Н. Ткачева, чем отличается социально-политическая философия статьи «Чего нам ждать от революции?» от социально-политической философии «Открытого письма к Фр. Энгельсу». Пока он не выполнит этой трудной задачи, рассуждения его об историческом значении «народовольства» будут лишены всякого значения. Читатель может признать, что *действия* «народовольцев» были героическими, а *теории* их были из рук вон плохими и, главное, совсем не новыми; другими словами, он может сказать, что народовольцы-террористы были героями, а народовольцы-писатели людьми... не стоявшими на высоте своей задачи. Этого вывода не пошатнет даже ссылка на тот факт, что «социалисты в народовольстве первый раз доросли до значения партии, и притом партии, быть может, наиболее сильной в стране». Если бы в этих словах не было и тени преувеличения, то и тогда из них можно было бы сделать лишь тот вывод, что бывают времена, когда, несмотря на ошибочные и незрелые теории, энергичные партии могут «дорасти» до преобладающего влияния в стране. Но и только. Умозаключать от влияния той или другой партии к безошибочности ее теорий могут лишь люди, совершенно незнакомые с историей. «Народовольство» не ново даже в том отношении, что ход его идей далеко отстал от «хода вещей», им самим «чинимых». Мало ли было партий, не понимавших исторического значения своей деятельности, мало ли было фикций, совершенно не соответствующих смыслу «партийных» действий? Из того, что индепенденты дорастали временно «до значения партии... быть может, наиболее сильной в стране», еще нельзя выводить, что в их религиозных учениях было более здравого смысла и логики, чем в учениях других партий. А ведь индепендентам удалось даже «захватить власть», что пока только обещают сделать русские бланкисты.

Пока наш автор станет собирать материалы для более прочного возвеличения политической философии «народовольства», мы будем иметь достаточно времени для обстоятельного изучения статьи «Чего нам ждать от революции?» и всестороннего определения миросозерцания г. Тихомирова.

Мы знаем уже, что он или сам недостаточно хорошо знаком, или не хотел давать своим читателям случай хорошо познакомиться с новейшей историей социализма вообще и «русского социализма» в частности. Перейдем теперь к его рассуждениям об истории вообще и об истории капитализма в частности.

В эти поучительные рассуждения он вдается по следующему неожиданному поводу:

«Политическая борьба,—говорит он,—сделалась таким безапелляционным выводом русской жизни, которого отрицать никто не решается. Но, не решаясь на это, некоторая часть социалистов точно так же не может привести этот вывод в связь с привычными теоретическими взглядами и в попытках отыскать ее приходит к искусственным построениям, совершенно искажающим смысл политической борьбы, предпринятой «Народной Волей».

Какая же это «некоторая часть социалистов», и что это за «привычные» их взгляды? На предыдущих страницах статьи г. Тихомирова мы прочли, что «еще немного лет назад социалисты... признавали политическую деятельность скорее вредною в интересах собственно народной массы». Мы решили тогда, что, по мнению г. Тихомирова, все русские социалисты «еще немного лет назад» были бакунистами, так как он не упомянул ни единым словом о других направлениях. Мы узнали также, что «народовольство» заметило ошибку русских социалистов и помогло им «понять характер исторического развития России». Теперь оказывается, что «некоторая часть» русских социалистов не может разделаться со своими «привычными взглядами» и приходит к выводам «совершенно искажающим» смысл деятельности народовольцев. Очевидно, г. Тихомиров имеет в виду русских бакунистов, не успевших «понять характер развития России»? Так говорила бы логика, но не совсем так говорит наш автор.

«Исходя из мысли, что Россия должна будто бы неизбежно пройти через фазис капиталистического развития, чтобы стать способной к восприятию и осуществлению идей социализма, они (т.-е. социалисты, принадлежащие к упомянутой «некоторой части») стараются увлечь русских революционеров на путь борьбы чисто-политической, исключительно за конституцию, оставив, как невозможную фантазию, всякую мысль одновременно с переворотом политическим достигнуть в большей или меньшей степени переворота экономического».

«Какой, с божьей помощью, поворот!» — воскликнем мы словами Щедрина; но, к сожалению, этот лирический порыв не разрешит терзающих нас «проклятых вопросов». Откуда же взялась эта «некоторая часть» русских социалистов, и—что еще удивительнее—откуда взяла она свои «привычные взгляды», если «еще немного лет назад» *все русские* социалисты отрицали целесообразность политической борьбы? Каким образом люди, не придающие значения этой борьбе, могут «исхо-

дить из мысли, что Россия должна... неизбежно пройти через фазис капиталистического развития»? Эта мысль может быть верною, может быть ошибочною, но она, во всяком случае, мысль *новая,* и никаким образом не относится к «привычным» теоретическим взглядам никакой «части русских социалистов», за это ручается нам как история вопроса о капитализме в России вообще, так и историческая ссылка самого г. Тихомирова. А если эта мысль новая, то основывается она, вероятно, на каких-нибудь новых «теоретических взглядах», бывших неизвестными или несимпатичными русским социалистам «еще немного лет назад». А если в русской социалистической мысли возникло новое направление, то его следовало назвать, определить, указать его генезис, а не отделываться полунамеками на какие-то «привычные теоретические взгляды», ровно ничего не об'ясняющие в данном случае.

Впрочем мы уже заметили выше, что г. Тихомиров не любит «прямых ударов» и нимало не походит на Святослава, который, ополчаясь на того или другого из своих врагов, говорил ему заранее: «Иду на тя» Г. Тихомиров «идет» на своих противников без предварительного об'явления войны. Это, конечно, дело его вкуса, а о вкусах, как известно, не спорят.

Недоумевая, однако, «зачем же так секретно» поступает наш автор, мы должны «своим умом» дойти до решения в высшей степени интересного для нас вопроса о новом течении в русском социализме. Мы сами отказались от многих старых, «привычных теоретических взглядов» русских социалистов, как знать, может быть, мы и сойдемся с разбираемыми г. Тихомировым новаторами. Правда, они непривлекательны в изображении г. Тихомирова, но ведь «сколько раз твердили миру», что нужно выслушивать и противную сторону!

3. Группа «Освобождение Труда».

По мнению «социалистов этой формации», стремление к экономическому перевороту «только вредно, потому что пугает либералов «красным призраком» и лишает нас их содействия при борьбе за конституцию».

Эти слова о «красном призраке» звучат чем-то знакомым. В какой статье, в какой брошюре они встречаются! Ба! Да ведь я употребил это выражение в своей брошюре «Социализм и политическая борьба», где я говорил, что народовольцы пугают наше общество красным призраком.

Что если все сказанное г. Тихомировым есть не что иное, как

притча, в которой под «некоторой частью социалистов» нужно понимать группу «Освобождение Труда», а под «привычными теоретическими взглядами—взгляды членов этой группы? Но нет, это было бы слишком уже комично.

В самом деле, разве группа «Освобождение Труда» отказывалась когда-нибудь от «всякой мысли одновременно с переворотом политическим достигнуть в *большей или меньшей степени* переворота экономического»? Какой вздор! Мы не верим только в ту своеобразную теорию, по которой дело известного *класса* может быть совершено—«в большей или меньшей степени»—кружком. Мы говорим только, что если адвокат может представлять своего клиента *на суде,* то никакой Комитет—Исполнительный, Распорядительный, или как бы там его ни называли,—не может представлять рабочего класса в *истории;* что освобождение этого класса *должно быть его собственным делом,* и что для совершения этого дела ему нужно приобрести политическое воспитание, понять и усвоить идеи социализма. Мы думаем, что возможность экономического освобождения рабочего класса возрастает прямо-пропорционально быстроте и интенсивности этого процесса воспитания и усвоения. Наша социалистическая интеллигенция, со стороны которой было бы ребячеством даже задумываться о совершении экономического переворота собственными силами, может, однако, оказать рабочим неоценимую услугу, подготовляя их к воплощению в жизнь «общей идеи рабочего сословия». Уже в первом литературном произведении группы «Освобождение Труда», в брошюре «Социализм и политическая борьба», ясно сказано, что наша интеллигенция «должна стать руководительницей рабочего класса в предстоящем освободительном движении, выяснить ему его политические и *экономические интересы,* равно как и взаимную связь этих интересов. Она должна позаботиться о том, чтобы еще в до-конституционный период *изменить фактические отношения русских общественных сил в пользу рабочего класса...* Она должна всеми силами стремиться к тому, чтобы в первый же период конституционной жизни России наш рабочий класс мог выступить в качестве особой партии с определенной социально-политической программой. Подробная выработка этой программы должна быть предоставлена самим рабочим, но интеллигенция должна выяснить им главнейшие ее пункты, как, например, *радикальный пересмотр современных аграрных отношений, податной системы и фабричного законодательства,* государственная помощь производительным ассоциациям и т. п.» [1].

[1]) «Социализм и политическая борьба», стр. 84—85.

Похоже ли все это на отказ от «всякой мысли одновременно с политическим переворотом достигнуть в бо́льшей или меньшей степени экономического переворота»! Надеюсь, что—нет; а так как г. Тихомиров слишком умный человек, чтобы не понять таких простых вещей, и слишком добросовестный писатель, чтобы сознательно извращать их значение, то, очевидно, под «некоторой частью социалистов» он разумел не группу «Освобождение Труда», а под «привычными теоретическими взглядами»—не взгляды, изложенные в брошюре «Социализм и политическая борьба».

По всей вероятности, и упоминание о «красном призраке» заимствовано им не из моей брошюры. Если бы это было так, то я мог бы не без основания упрекнуть г. Тихомирова в том, что он «неточно цитирует». Говоря о «красном призраке», я не рекомендовал нашим социалистам отказаться от стремления «достигнуть в бо́льшей или меньшей степени переворота экономического». Я рекомендовал им отказаться от «стре́мления» болтать о близости экономического переворота в то время, когда ими не сделано ничего или сделано очень мало для действительного осуществления такого переворота и когда уверенность в его близости может основываться лишь на самой ребяческой идеализации народа. Я противопоставлял болтовню о красном призраке действительной работе на пользу экономической эмансипации рабочего класса, как в этом может убедиться всякий, кто прочтет 71 и следующие страницы моей брошюры, на которых встречается, между прочим, указание на пример немецких коммунистов 1848 года [1]). Или г. Тихомиров обвинит самого Маркса в том, что он отказывался некогда от «всякой мысли одновременно с политическим переворотом достигнуть в бо́льшей или меньшей степени переворота экономического»? Положим, наш автор, как это видно по всему, очень плохо знаком с западноевропейской социалистической литературой, но такое вопиющее невежество было бы уже совершенно непростительно. Нет, очевидно, не мою брошюру и не мои слова о «красном призраке» имел в виду г. Тихомиров.

Но раз зашла речь об этом призраке, не мешает об'яснить подробнее, по какому случаю я упомянул о нем в своей брошюре.

В конце передовой статьи № 6 «Народной Воли» мы читаем следующее обращение к нашему так называемому обществу:

«Мы, *действующие в интересах общества,* убеждаем это общество

[1]) Стр. 83 и сл. этого тома. *Д. Р.*

выйти, наконец, из малодушной апатии; мы заклинаем его возвысить голос за свои интересы, за интересы народа, за жизнь своих детей и братьев, систематически преследуемых и убиваемых» [1]).

В «Календаре Народной Воли» я прочел, что «в отношении к либералам следует, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что при современной постановке партионных задач, *интересы наши* и их заставляют совместно действовать против правительства» [2]).

В то же время, убеждение г. Тихомирова в том, что за падением абсолютизма нас ждет «начало социалистической организации России», было не первым «гласным» проявлением надежд «партии Народной Воли». Под этим «началом социалистической организации России» разумелись не те успехи рабочей программы-минимум, которые Маркс называет первой победой экономии труда над экономией капитала, а—«социальная революция» во вкусе «Набата». Для убеждения читателей в возможности такой революции было придумано учение об особенно будто бы благоприятном для нее соотношении политического и экономического факторов на русской почве.

Наконец, агитационное влияние террористической борьбы, «предпринятой» партией Народной Воли, распространялось гораздо более на «общество», чем на «народ», в тесном смысле этого слова.

В виду всего этого, я и спрашивал себя—кого же обманывает «партия Народной Воли»: самое себя или «общество»? Каким софистом нужно быть для того, чтобы убедить «либералов», что «современная постановка партионных задач», т.-е. социальная (не говорю *социалистическая)* революция во вкусе Ткачева, «заставляет их» (либералов) действовать «совместно» с народовольцами против правительства? Где водятся «либералы», до такой степени наивные, что они могли бы не заметить белых ниток этой софистики? Во всяком случае не в России. «Убеждая» наше общество «выйти, наконец, из малодушной апатии», «Народная Воля» уверяет его, вместе с тем, что, выходя из апатии и разрушая абсолютизм, оно *непосредственно* работает на пользу социальной революции. Пропаганда «Народной Воли», рассуждал я, не может иметь успеха в нашем обществе.

С другой стороны, террористическая борьба, при всей своей бесспорной важности, не имеет решительно ничего общего с «началом социалистической организации России». Что же сделано «Народной

---

[1]) Цитирую по первому заграничному изданию.

[2]) «Календарь», 129.

Волей» для подготовления такой организации? Создавала ли она тайные революционные кружки в народной среде? Но почему же ничего не слышно о таких кружках? Вела ли она социалистическую пропаганду в народе? Но где же созданная ею народная литература? Кроме весьма плохо редижированной «Рабочей Газеты», мы не знаем ровно ничего. Это значит, что «начало социалистической организации» России ждет партию «Народной Воли», так сказать, без всякого приглашения со стороны этой последней. А на такую любезность истории едва ли можно рассчитывать. «Народная Воля» собирается пожать то, чего не сеяла, отыскивает социальную революцию, так сказать, произрастающую в диком состоянии. Она направляет ружье в одного зайца и думает, что убивает другого. Ее *ожидания* «от революции» совсем не соответствуют тому, что *сделано* ею для этой революции. А если это так, то не пора ли согласовать выводы с посылками и понять, что террористическая борьба есть борьба за политическую свободу и ничего более? Не пора ли признать, что эта борьба велась, главным образом, «в интересах общества», как в этом признается № 6 «Народной Воли»? Не пора ли перестать путать общество появлением «красного призрака» с той стороны, с которой никогда не может показаться красное знамя рабочего класса? Толки об этом логически-невозможном появлении вредны не по одному тому, что «лишают нас содействия» либералов «при борьбе за конституцию». Они вселяют в нас ни на чем не основанную уверенность в том, что социалистическая революция «ждет нас помимо всяких усилий с нашей стороны, отвлекают наше внимание от самого важного пункта: *организации рабочего класса для борьбы с его настоящими и будущими врагами*. Таков, и только таков, был смысл сказанного мною о «красном призраке».

Во Франции, накануне войны 1870 года, были люди, которые кричали, что французские войска не «встретят препятствий» по дороге в Берлин, и очень мало думали о вооружении и продовольствии солдата. Были в ней и другие люди, которые говорили, что, не пугая никого призраком «дяди», следует заняться прежде всего организацией военных сил страны. Кто лучше понимал интересы своего отечества?

Но мое об'яснение увлекло меня в сторону. Я хотел изучать тихомировскую философию истории, а перешел к об'яснениям по поводу «красного призрака».

«Некоторая часть социалистов» своей либеральной программой и своими «привычными теоретическими взглядами» должна вывести нас на истинный путь и вернуть к интересующему нас «сюжету».

Что еще говорит эта «некоторая часть», и как побивает ее г. Тихомиров?

По словам нашего автора, эта «часть» почти ограничивается в своей аргументации вышеприведенными рассуждениями о конституции и страшном призраке. Она даже не позаботилась об'яснить свое «чрезмерное пристрастие к конституции». Это зловредное пристрастие «является несколько непонятным, как вообще все эти (какие это *все?*) программы—и в целом производит впечатление чего-то не договоренного, не вполне определившегося. Они, однако, порождаются одной общей точкой зрения, уже вполне определенной». Хорошо хоть это; какая же точка порождает «все эти программы»? т.-е., между прочим, и программу «некоторой части» социалистов? Очень плохая, потому что она «создает направление», имеющее «разлагающее влияние на революционную партию».

«Мы говорим о том направлении, которое считает исторической неизбежностью русский капитализм, и, мирясь с этим, якобы, неизбежным фактом, утешает себя мыслью, что без прохождения через школу капитализма Россия не могла бы стать способной к осуществлению социалистического строя».

Это, положим, не ново, так как на предыдущей странице мы читали, что «некоторая часть социалистов» исходит из мысли, что «Россия должна будто бы неизбежно пройти через фазис капиталистического развития» и т. д. Общая точка зрения, «порождающая *все эти* программы», оказывается ни чем иным, как исходной точкой *одной из этих* программ. Но если это не ново и не совсем логично, то несомненно интересно. Теперь становится ясной причина «чрезмерного пристрастия к конституции» некоторой части наших социалистов. «В самом деле, для чего нам нужна конституция?—спрашивает г. Тихомиров.—Ведь не для того же, чтобы дать буржуазии новые средства для организации и дисциплинирования рабочего класса посредством обезземеления, штрафов и зуботычин. Таким образом броситься прямо в омут головой может лишь человек, вполне преклонившийся перед неизбежностью и необходимостью капитализма в России». «Некоторая часть социалистов» преклонилась перед этой неизбежностью, и, раз сотрешивши, таким образом, в мыслях своих, она уже не может остановиться на наклонной плоскости греха и порока. Мало того, что она обнаруживает «пристрастие к конституции», позорное в глазах всякого правоверного бакуниста, она начинает или начнет в весьма непродолжительном времени снисходительно относиться к «обезземелению, штрафам и

зуботычинам» в противоположность г. Тихомирову, который не хочет ни буржуазии, ни обезземеления, ни штрафов, ни зуботычин. Но зачем же нужны все эти ужасы «некоторой части социалистов»? Дело—ясное. «При настоящем положении России, русского капитализма, русского фабричного рабочего—пропаганда политической борьбы должна временно приводить человека, верующего в историческую необходимость капитализма, к полному отказу от социализма. Рабочий, способный к классовой диктатуре, почти не существует. Стало быть, политической власти ему не доставишь. Не гораздо ли выгоднее временно совершенно оставить социализм, как бесполезную и вредную помеху ближайшей и необходимой цели? Так рассудит человек последовательный и умеющий собой жертвовать». Теперь известно, откуда являются штрафы и зуботычины, хотя и не совсем еще очевидно—суждено ли им существовать лишь в напуганном воображении г. Тихомирова, или действительно перейти в программу «некоторой части социалистов».

Ниже мы постараемся решить этот важный вопрос, а теперь поспешим вернуться к г. Тихомирову, который вступает теперь в генеральное сражение с социалистами, убежденными в исторической неизбежности русского капитализма.

4. Л. Тихомиров в борьбе с группой «Освобождение Труда».

«Не основана ли аргументация его сторонников (т.-е., повидимому, сторонников капитализма) на целом ряде софизмов?»—спрашивает он читателя.

Нам указывают на Францию, на Германию (а на Англию не указывают? «Некоторая часть социалистов», очевидно, слона-то и не приметила), где капитализм об'единил рабочих. Стало быть—он необходим и для об'единения наших. Совершенно таким же способом аргументируют сторонники рабства. Они также указывают на роль рабства в первобытной истории, где оно приучило дикого к труду, дисциплинировало аффекты человека и усилило производительность труда. Все это совершенно справедливо. Но следует ли из этого, чтобы миссионер в центральной Африке (где рабство и без того уже существует, напомню я г. Тихомирову) занялся обращением негров в рабство или чтобы педагог применил систему рабского принуждения к воспитанию детей?»

Читатель поспешит согласиться, конечно, что не «следует», и г. Тихомиров, заранее уверенный в его ответе, продолжает свою аргументацию. «История человечества идет подчас самыми невероятными

путями. Мы уже не верим в десницу божию, направляющую каждый шаг человечества и указывающую ему наиболее скорые и верные пути к прогрессу. Напротив, эти пути в истории бывали иной раз слишком кривыми и наиболее рискованными изо всех, какие можно придумать. Случалось, конечно, что исторический факт, вредный и задерживающий развитие людей одними сторонами своими—другими, напротив, служил делу прогресса. Таково было и значение рабства. Но эта школа не лучшая и не единственная. Современная педагогия доказала, что рабское принуждение, это—самый худший изо всех способов приучения к труду... Точно так же по вопросу о развитии крупного производства—позволительно усомниться, чтобы пути истории были в этом отношении лучшими и на-веки для всех народов единственно возможными... Совершенно верно, что в истории некоторых европейских народов капитализм, породивши массу зла и несчастий, имел однакоже одним из своих последствий нечто и хорошее, а именно создание крупного производства, посредством которого подготовил до некоторой степени (?!) почву для социализма.. Но ниоткуда не следует, чтобы другие страны, например, Россия, не имели для развития крупного производства других путей... Все заставляет думать, что тот способ обобществления труда, к которому был способен капитализм—один из самых худших, потому что он. действительно подготовляя во многом возможность социалистического строя, в то же время, другими своими сторонами, во многом отдаляет момент его наступления. Так, например, капитализм, наряду с механическим сплачиванием рабочих, развивает среди них конкуренцию, подрывающую их нравственное единство; точно так же он стремится держать рабочих на гораздо более низком уровне развития, чем это возможно по общему состоянию культуры; точно так же он прямо отучает рабочих от всякого контроля за общим ходом производства и т. д. Все эти вредные стороны капиталистического обобществления труда не подрывают окончательно значения хороших сторон, но во всяком случае бросают в колесо истории целый ряд толстых палок, без сомнения, замедляющих ее движение к социалистическому строю».

Я не без цели сделал эту огромную выписку из статьи г. Тихомирова. Именно эти страницы и показывают нам оригинальную сторону философско-исторической теории нашего автора. П. Н. Ткачев, полемизируя с Энгельсом, так сказать, головою выдавал «Запад» своему западно-европейскому противнику. «Ваши теории основаны на западных отношениях, мои—на наших русских; вы правы по-западно-европейски, я прав по-русски»,—говорила каждая строка его «Открытого

письма». Г. Тихомиров идет далее. С точки зрения своего «чистого» русского разума, он критикует ход западно-европейского развития, производит целое следствие о «ряде толстых палок», брошенных «в колесо истории» и «без сомнения замедляющих ее движение к социалистическому строю». Он держится, повидимому, того убеждения, что истории свойственно самостоятельное движение в направлении «к социалистическому строю», совершенно независимое от отношений, созданных тем или другим ее периодом, в данном случае периодом капитализма. Роль последнего в этом «движении истории»—второстепенная и даже довольно сомнительная. «Действительно подготовляя во многом возможность социалистического строя», капитализм «в то же время другими своими сторонами отдаляет момент его наступления». Но что же сообщает истории это «движение»? Ведь г. Тихомиров «не верит уже в десницу божию», которая с успехом могла бы разрешить роковой для его философии истории вопрос о «первом толчке» Как жаль, что эта оригинальная теория «производит впечатление чего-то недоговоренного, не вполне определившегося».

Ах, уж этот г. Тихомиров! Любит же он, как видно, потолковать о материях важных! Шутка ли, в самом деле, это убеждение в том, что «история идет подчас самыми невероятными путями», эта уверенность в том, что эти «пути бывали иной раз слишком кривыми и наиболее рискованными из всех, какие *можно придумать*»! Он наверное скоро «придумает», если уже не «придумал», и для «Запада» другой путь к социализму, менее кривой и рискованный, чем путь, по которому шли эти страны, родившие Ньютона, Гегеля, Дарвина, Маркса, но, к сожалению, слишком легкомысленно удалившиеся от Святой Руси и ее самобытных теорий. Г. Тихомиров не спроста, очевидно, заявляет, что «позволительно усомниться, чтобы пути истории были в этом отношени (т.-е. в отношении перехода к социализму) лучшими» и т. д. Не смущайтесь скромностью этого сомнения! Г. Тихомиров касается здесь знаменитого вопроса о том, лучший ли наш мир из всех, «какие можно придумать», или он страдает некоторою «рискованностью»? Нельзя не пожалеть о том, что наш автор ограничивает свои исследования de optimo mundo одной областью истории. Он наверное привел бы своих читателей к благодетельному сомнению в том, что ход развития нашей планеты был самым лучшим из всех, «какие можно придумать». Интересно было бы знать—жив ли еще maître Pangloss, бывший преподаватель метафизико-теологико-космоло-нитологии в вестфальском замке Тундер-тен-Тронк? Почтенный доктор был, как известно, оптимистом

и не без успеха доказывал, что «пути истории» были лучшими «из всех, какие можно придумать». На знаменитый вопрос о том, не могла ли история римской культуры обойтись без насилия, испытанного целомудренной Лукрецией, он ответил бы, конечно, отрицательно. Г. Тихомиров—скептик и сочтет «позволительным усомниться» в правильности панглоссовского решения этого вопроса. Подвиг Секста, наверное, кажется ему «рискованным» и самым худшим из всех, «какие можно придумать». Такое разногласие могло бы подать повод к весьма назидательным для потомства философским прениям.

Для нас, очень мало интересующихся *возможной* историей *возможного* Запада, *возможной* Европы и совсем уже равнодушных к тем историческим «путям», какие «мог бы придумать» тот или другой досужий метафизик—для нас важно здесь то обстоятельство, что г. Тихомиров не понял смысла и значения одного из важнейших периодов *действительной* истории *действительного* Запада *действительной* Европы. Сделанная им оценка капитализма не удовлетворила бы даже самых крайних славянофилов, давно уже предавших своей *восточной* анафеме всю *западную* историю. Эта оценка полна самых вопиющих логических противоречий. На одной странице статьи «Чего нам ждать от революции?» мы читаем о «могучей культуре Европы», культуре, которая «дает тысячи средств возбудить любознательность дикаря, развить его потребности, наэлектризовать его нравственно» и т. д., а на следующей —нас, русских дикарей, «наэлектризованных нравственно» этими строками, тотчас же погружают в холодную воду вышеупомянутого скептицизма. Оказывается, что «капитализм, породивши массу зла и несчастий, имел, однакоже, одним из своих следствий *нечто и хорошее,* а именно создание крупного производства, посредством которого подготовил *до некоторой степени* почву для социализма». Все «заставляет» г. Тихомирова думать, что тот способ обобществления труда, к которому был способен капитализм—один из самых худших и т. д. [Словом, г. Тихомиров стоит перед вопросом об исторической роли капитализма в таком же недоумении, в каком стоял известный генерал перед вопросом о шарообразности земли:

Говорят, земля шарообразна,
Готов я это допустить,
Хоть, признаюсь, что как-то безобразно,
Что должен я на шаре жить...] [1]).

[1]) Строки, стоящие в скобках, были выпущены мною в первом издании по совету В. И. Засулич, которая находила их слишком резкими. Теперь можно надеяться, что их резкость ничему не повредит, и я восстановляю их здесь. *Г.П.*

Под влиянием этой скептической философии у нас возникает масса «нерешенных вопросов». Мы спрашиваем себя, существовала-ли «могучая культура Европы» в докапиталистический период, и если нет, то не капитализму ли она обязана своим возникновением, а если—да, то почему г. Тихомиров мимоходом только упоминает о крупном производстве, приписывая ему лишь «механическое сплачивание рабочих»? Если египетский фараон Хеопс для постройки своей пирамиды «механически сплачивал» сотни тысяч рабочих, то похожа ли его роль в истории Египта на роль капитализма в истории Запада? Нам кажется, что разница лишь количественная: положим, Хеопсу удалось «механически сплотить» гораздо меньше рабочих, но зато он наверное «породил» меньшую «массу зла и несчастий». Как думает об этом г. Тихомиров? Точно так же и римские латифундии, своим «механическим сплачиванием» закованных в цепи рабочих, породивши массу зла и несчастий», вероятно, «подготовили до некоторой степени почву» для перехода античного общества к социализму? Что скажет нам тот же г. Тихомиров? В его статье мы не находим ответа на эти вопросы, и

Die Brust voll Wehmuth,
Das Haupt voll Zweifel...

мы поневоле обращаемся к западным писателям. Не разрешат ли они наших сомнений?

5. Историческая роль капитализма.

«Буржуазия (а следовательно, и капитализм, г. Тихомиров, не так ли?) играла в истории в высшей степени революционную роль»,—читаем мы в «Манифесте Коммунистической партии».

«Всюду, где она достигла господства, буржуазия разрушила все старые, патриархально-идиллические отношения. Она безжалостно разорвала пестрые феодальные нити, связывавшие человека с его повелителями, и не оставила между людьми никакой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В холодной воде эгоистического расчета потопила она порывы набожной мечтательности, рыцарского воодушевления и мещанской сантиментальности...

«Буржуазия разоблачила ту ленивую неподвижность, которая составляла естественное дополнение грубого средневекового проявления силы, до сих пор восхищающего реакционеров. Только она показала, какие плоды может приносить человеческая деятельность. Чудеса ее искусства существенно отличаются от египетских пирамид, римских

водопроводов и готических соборов, ее завоевания не имеют ничего общего с переселениями народов и крестовыми походами.

«Буржуазия не может существовать, не вызывая постоянных переворотов в орудиях производства, в его организации, а следовательно, во всех общественных отношениях. Неизменное сохранение старых способов производства было, напротив, первым условием существования всех предшествовавших ей промышленных классов. Постоянные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечное движение и вечная неуверенность—отличают буржуазную эпоху от всех предшествовавших. Все прочные, окаменелые отношения, с соответствующими им, исстари установившимися воззрениями и представлениями,—разрушаются, все вновь образовавшиеся оказываются устарелыми прежде, чем успевают окостенеть. Все сословное и неподвижное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свои взаимные отношения и свое жизненное положение.

«Своей эксплоатацией всемирного рынка буржуазия преобразовала в космополитическом духе производство и потребление всех стран. К великому огорчению реакционеров она лишила промышленность национальной почвы. Старые национальные отрасли производства уничтожены или уничтожаются с каждым днем. Они вытесняются новыми отраслями промышленности, ведение которых является вопросом жизни для всех цивилизованных наций, теми отраслями промышленности, которые обрабатывают не местные только сырые продукты, но произведения самых отдаленных стран. В свою очередь, фабричные продукты этой новой промышленности потребляются не только внутри страны, но и во всех частях света. Прежние, удовлетворявшиеся с помощью местных продуктов, потребности заменились новыми, для удовлетворения которых необходимы произведения отдаленнейших стран и разнообразнейших климатов. Прежняя национальная замкнутость и самодовольство уступают место всестороннему обмену и всесторонней взаимной зависимости народов. Этот всесторонний обмен распространяется также и на произведения умственного труда. Плоды умственной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся теперь все более и более невозможными, и из многих национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература.

«Быстрым усовершенствованием орудий производства и бесконечно облегченными средствами сообщения буржуазия толкает на путь

цивилизации все, даже самые варварские народы. Низкие цены товаров являются в ее руках тою тяжелой артиллерией, с помощью которой разрушает она все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Она заставляет все нации принять буржуазные способы производства, под угрозой полного их разорения; она заставляет их усвоить так называемую цивилизацию, т.-е. сделаться буржуа. Словом, она творит новый мир, по своему образу и подобию.

«Буржуазия подчинила деревню господству города. Она вызвала к жизни огромные города, в высокой степени увеличила городское население, сравнительно с сельским, и вырвала, таким образом, значительную часть жителей страны из отупляющей обстановки деревни. И рядом с этим подчинением деревни городу она поставила варварские и полуварварские страны в зависимость от цивилизованных, крестьянские народы—от народов буржуазных, Восток—от Запада.

«Менее чем во сто лет своего господства, буржуазия создала более могущественные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествующие поколения, вместе взятые. Подчинение человеку сил природы, машины, применение химии к земледелию и промышленности, пароходы, железные дороги, электрические телеграфы, эксплоатация целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, как бы из земли выросшие населения... в каком из предшествующих поколений могли предполагать, что подобные производительные силы таятся в недрах общественного труда?»

Так понимают значение капитализма «революционеры по логике и чувству», Карл Маркс и Фр. Энгельс. А как понимают его умные и образованные *консерваторы?*

Почти так же. «Акционерные предприятия (высшая фаза развития капитализма, не так ли, г. Тихомиров?)... имеют свою историческую миссию,—читаем мы в одном из писем Родбертуса к Р. Мейеру,—они должны дополнить дело рук божиих, прорыть перешейки там, где всемогущий забыл или считал несвоевременным сделать это, соединить под морским дном или через морскую поверхность страны, разъединенные морем, пробуравить высокие горы и т. д., и т. д. Пирамиды и финикийские каменные постройки не могут итти в сравнение с тем, что сделает еще акционерный капитал» [1]) и т. п.

---

[1]) Ср. ту же цитату в статье о Родбертусе. Собр. соч., т. I, стр. 310.

Таково общее культурно-историческое значение капитализма. А каково влияние его в частности на рабочих, на их умственный склад, на их нравственные привычки?

С какими рабочими пришлось иметь дело капитализму в начале его развития? «Не трудно догадаться, каков был умственный и нравственный характер этого класса,—читаем мы у Энгельса об английских ткачах.—Отрезанные от больших городов, до такой степени отрезанные, что старые люди, жившие вблизи городов, никогда там не бывали, пока машины не лишили их дохода и не вынудили искать заработка в городах, — они стояли на моральном и интеллектуальном уровне земледельцев... они видели в своем сквайре своего естественного опекуна, они обращались к нему за советами, предоставляли на его решение свои маленькие распри и питали к нему все то уважение, которое создается такими патриархальными отношениями... Короче, тогдашние английские промышленные рабочие жили и думали так же, как это и теперь еще можно встретить кое-где в Германии[1]): отсталыми и оторванными от внешнего мира, без умственной деятельности и без сильных колебаний в их положении. Они редко умели читать и еще реже писать, аккуратно посещали церковь, не занимались политикой, не конспирировали, не мыслили, услаждались телесными упражнениями, с величайшим благоговением слушали чтение библии и прекрасно уживались с высшими классами общества, благодаря своей нетребовательности. Но, именно, поэтому они были умственно мертвы (слушайте, слушайте, г. Тихомиров!), жили лишь своими мелкими, частными интересами, своими грядками и садиками, и ничего не знали о том сильном движении, которое происходило тогда в человечестве. Им приходилась по душе их растительная жизнь, и *без промышленной революции* (т.-е. капитализма, г. Тихомиров) они никогда не вышли бы из этого романтического и чувствительного, но недостойного человека, существования. Они были не людьми, а только рабочими машинами в руках немногих аристократов, которым принадлежала до тех пор руководящая роль в истории; промышленная революция сделала только вывод из этого положения, окончательно превращая рабочих в машины и лишая их последней тени самостоятельности, но в то же время возбуждая их к умственной деятельности и завоеванию человеческого существования. Она, эта промышленная революция в Англии, вырвала рабочих «из их

[1]) Писано в начале сороковых годов.

апатии по отношению к общечеловеческим интересам» и «втолкнула их в водоворот истории» [1]).

Так говорит Энгельс, которого буржуазные экономисты обвиняют в том, что он слишком радужными красками изображал положение рабочих в до-капиталистический период и слишком мрачно описал то же положение в период капитализма. Такими обвинениями изобилует, например, книга Бруно Гильдебранда «Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft».

Но что нам Запад, с его лжемудрецами, как сказал бы г. Аксаков, послушаем Моисея и пророков, почитаем самого Бакунина.

«Со времени Возрождения и Реформации вплоть до революции, буржуазия (благодаря нарождающемуся капитализму, т. Тихомиров, или нет?), если не в Германии, то в Италии, Франции, Швейцарии, Англии, Голландии была героем и представителем революционного гения истории. Из ее недр вышла бо́льшая часть свободных мыслителей XVIII века, религиозные реформаторы двух предшествующих столетий и апостолы человеческой эмансипации, включая сюда и немецких деятелей прошлого века. Она одна, опираясь, конечно, на могучую руку верившего в нее народа, сделала революцию 1789 и 1793 годов. Она провозгласила падение королевской власти и церкви, братство народов, права человека и гражданина. Вот ее права; они бессмертны!» [2]).

И ввиду этих-то бессмертных заслуг западно-европейского капитализма, человек Востока, т. Тихомиров, не может отказаться от своего славянофильского презрения к Западу, и, лениво позевывая, заявляет, что этот путь развития все-таки был не лучший из всех, «какие можно придумать». Во всей истории буржуазии он видит лишь «массу зла» и «механическое сплачивание рабочих». В этом «сплачивании» заключается для него все значение «крупного производства». Говоря о рабстве, он еще упоминает о вызванном им увеличении производительности труда; переходя же к капитализму, он даже не намекает на те, «как бы волшебством созданные, могущественные средства производства», которые одни только и могли подготовить победу пролетариата! О влиянии капитализма на развитие философии, общественного и частного права, философии истории, естествознания и литературы — он не имеет ни малейшего представления. А между тем это влияние не

[1]) «Die Lage der arbeitenden Klasse in England», S.S. 13—14.

[2]) «Dieu et l'Etat», Genève 1882, p.p. 92—93.

подлежит сомнению, и было время, когда русские писатели понимали влияние классовых отношений в обществе (а чем же, как не капитализмом, создано отношение классов в *современном* обществе?) на ход развития наук вообще и философской мысли в частности. «Политические теории, да и всякие вообще философские учения создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали их авторы, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, боровшихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ,— говорит Н. Г. Чернышевский [1])... Философские системы насквозь проникнуты духом тех политических партий, к которым принадлежали авторы систем». Или г. Тихомиров полагает, что политические и философские системы эпохи капитализма ниже соответствующих систем средних веков? Или он думает, что свойственные капитализму теории были хуже тех, какие он сам может «придумать»? Пусть же в таком случае он «придумывает» их сколько угодно, пусть продолжает игнорировать историю западно-европейской культуры! В этой распре редактора «Вестника Народной Воли» с Западом первый потеряет очень много, а последний ровно ничего.

Впрочем, не г. Тихомирова нужно считать зачинщиком этой распри. Наш автор повторяет по этому вопросу лишь сказанное в разных статьях г. В. В., который вообще склонен, как известно, суживать культурно-историческое значение западного капитализма и, наоборот, преувеличивать то же значение современной русской «власти», «не имеющей солидного противника в обществе» и потому «могущей не опасаться тех факторов прогресса, с которыми вели непрерывную войну западно-европейские правительства» [2]). Пересмотрите внимательно всю полную бесконечных повторений и потому довольно об'емистую книгу о «Судьбах капитализма в России», и вы не встретите других указаний на значение капитализма, кроме указания на «обобществление труда», которое в свою очередь приравнивается к «об'единению рабочих» и развитию в них тех или других симпатичных г. В. В. чувств. И эта-то узкая и односторонняя оценка целиком перенесена г. Тихомировым в свою статью, на ней-то основывает он свои *ожидания* «от революции»! Наш автор забыл, как видно, прекрасный совет, данный Лассалем одному из своих противников: «учитесь, учитесь, но только не по журнальным статьям».

[1]) «Антропологический принцип в философии», стр. 2—3.

[2]) «Судьбы капитализма в России», предисловие, стр. 6.

Русские писатели не довольствуются своей, до нелепости узкой, философией истории капитализма. Они подвергают эту форму производства своему анализу и, так сказать, своим умом находят свойственные ему противоречия. Но какие! Эти противоречия не разрешаются исторической диалектикой путем замены старой социальной формы новой, выросшей в недрах первой из самого, повидимому, последовательного развития лежащего в ее основе принципа. Это не те противоречия, исторический смысл которых выражается словами Гете —

Vernunft wird Unsinn, Wohlthat Plage.

Это—противоречия, не имеющие *никакого* исторического смысла и вытекающие лишь из того отношения мелко-буржуазного наблюдателя к предмету его наблюдений, которое может быть выражено словами: «десять раз примерь, один раз отрежь». Это своего рода эклектизм, который во всем видит хорошую и дурную сторону, одобряет первую, осуждает вторую и грешит лишь тем, что не видит никакой органической связи между «светлыми» и «затемняющими» чертами данной исторической эпохи. Капитализм мог бы сказать таким критикам словами Фейербаха: «ты осуждаешь мои недостатки, но знай, что ими обусловливаются мои достоинства». Русские писатели применяют в этом случае к историческим категориям метод Прудона, который видел задачу диалектики в указании хороших и дурных сторон каждой *экономической* категории. «Il veut être la synthèse,—замечает о нем Маркс,—il est une erreur composée».

Говорят, что Прудон был одно время учеником Бакунина. Не у одного ли общего учителя заимствовал он метод, общий ему со многими русскими критиками капитализма?

Блестящим представителем этого метода «сложной ошибки» может служить опять-таки тот же г. Тихомиров, который, указавши хорошую сторону капитализма—сплачивание рабочих, немедленно переходит к указанию темных его сторон. Мы видели уже, в какой степени соответствует действительности его «похвала» капитализму. Неудивительно, если и высказанное им порицание оказывается ни на чем не основанным.

«Капитализм, наряду с механическим сплачиванием рабочих, развивает среди них конкуренцию, подрывающую их нравственное единство»...

Г. Тихомирову хочется, очевидно, «придумать» такой переходный путь к социализму, который не знал бы конкуренции. Оставляя в сто-

роне вопрос о роли конкуренции в существовании экономической категории, называемой меновой стоимостью и приводящей труды различных специалистов к одному общему знаменателю простого человеческого труда, без понятия о котором немыслимы были бы сознательные коммунистические тенденции,—обратим внимание на указанную нашим автором *дурную* сторону конкуренции. Здесь мы прежде всего заметим, что «подрывать» можно лишь то, что существует в действительности, а не в симпатиях и «ожиданиях» г. Тихомирова. Существовало ли нравственное единство рабочих в до-капиталистический период? Мы уже знаем, что нет. В самую цветущую пору цехового производства существовало «нравственное единство» рабочих одной ассоциации или—самое бо́льшее—*одной отрасли труда* в пределах весьма ограниченной местности; понятия же о рабочем, как рабочем, сознания единства всего производительного класса никогда не существовало [1]). Капитализм подорвал, разрушил, устранил «нравственное единство» патентованных *специалистов* и создал на его месте нравственное единство *«пролетариев всех стран»*, что и было достигнуто им путем конкуренции. Почему же г. Тихомиров так нападает на нее? Мы видели уже, что, по его мнению, история имеет какое-то самостоятельное, абстрактное «движение к социалистическому строю»; раз дано такое «движение», можно уже безнаказанно «критиковать» все те двигатели и пружины, которые впервые привели передовое человечество «к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свои взаимные отношения и свое жизненное положение».

Капитализм «стремится держать рабочих на гораздо более низком уровне развития, чем это возможно по общему состоянию культуры».

Эта фраза кажется целиком выхваченною из протоколов Эйзенахского конгресса немецких катедер-социалистов, по мнению которых

---

[1]) «Хотя все рабочие, к каким бы профессиям они ни принадлежали, имеют в сущности одни интересы,—говорит Симон о средневековых рабочих союзах,—и потому должны были бы образовать одну всеобщую ассоциацию... но, вместо того, дух антагонизма брал верх над духом общественности, и между рабочими не переставало господствовать разделение. Начало битв, в которые вступали члены различных ассоциаций, восходит ко времени возникновения самих ассоциаций. Ввиду этой смертельной борьбы, не имеющей никакого разумного основания, можно подумать, что слова: человек человеку—волк сказаны были философом именно ввиду членов этих враждебных ассоциаций». «Etude historique et morale sur le compagnonage», par G. S i m o n, Paris 1853, p.p. 43—44 Нужно сознаться, что капитализму было очень нетрудно «подорвать» такое «нравственное единство рабочих» предшествующего ему периода!

социальный вопрос сводится к вопросу о поднятии *рабочих* на более высокий «уровень развития». Но катедер-социалисты знают, чего они требуют, хотя до сих пор еще, несмотря на все свои усилия, они не решили, как достичь требуемого. Они понимают всемирно-историческое, революционное значение современного пролетариата, и хотят подорвать это значение своими паллиативами, навязать рабочим девиз Родбертуса—«monarchisch, national, sozial». Под более высоким уровнем развития они разумеют несколько более высокую и обеспеченную заработную плату и гораздо бо́льшую ограниченность, несравненно меньшую отзывчивость рабочего класса. Они знают, что «железный закон» заработной платы есть смертный приговор современному обществу и не прочь *позолотить* этот закон для отмены приговора. Они предвидят, что если дело останется в его современном положении, то скоро пролетариат возьмет *все*, и потому они всеми силами стремятся заставить его променять предстоящее ему первенство за чечевичную похлебку. Они хотят буржуазии без пролетариата. Но чего хочет г. Тихомиров? В каком из предшествующих капитализму исторических периодов рабочий класс стоял на более высоком уровне развития, чем в настоящее время? Было ли так в античном мире, в эпоху рабства, или в средние века, в эпоху крепостничества? Или г. Тихомиров сравнивает буржуазное общество с «будущим», социалистическим? Если так, то, конечно, он прав в том смысле, что общественный строй «будущей всемирно-исторической эпохи» приведет развитие человека в бо́льшее соответствие с созданными цивилизацией производительными силами. Но, не говоря уже о том, что обвинять капитализм в том, что он не социализм,—значит не понимать исторического генезиса социализма, мы заметим г. Тихомирову, что он, по обыкновению, запутался в терминологии. Социалистическое общество немыслимо, разумеется, без трудящихся, но можно наверное сказать, что в нем не будет *рабочих*: рабочий предполагает предпринимателя-капиталиста, землевладельца и т. д. совершенно так же, как раб предполагает рабовладельца, а серв—феодального господина. Изречение г. Тихомирова сводится, в таком случае, к тому удивительному положению, что современные рабочие стоят на более низком уровне развития, чем рабочие того общества, в котором совсем нет рабочих.

Или г. Тихомиров сравнивает положение рабочих в капиталистическом обществе с положением их при тех социальных отношениях, «какие можно придумать» в качестве переходных ступеней к социализму? Если так, то пусть он «придумывает» в добрый час такие отно-

шения, мы прочтем его *выдумку* с большим интересом. Но пусть он не слишком уж сильно увлекается вымыслом, пусть не забывает он, что нужно различать *степень* культуры от ее *типа,* и что если степень материальной культуры современного пролетария очень невысока, то, тем не менее, она все-таки остается культурой самого высшего типа из всех, до сих пор существовавших. Мы не говорим уже об умственной и нравственной культуре этого класса, стоящего по своему развитию несравненно выше производительных классов всех предшествовавших периодов. Пусть г. Тихомиров обратит серьезное внимание на это развитие, которого не заменят ни первобытные формы землевладения и производства, ни строгая дисциплина, созданная тем или другим «Комитетом» в революционных организациях разночинцев.

«Точно так же» капитализм «прямо отучает рабочих от всякого контроля за общим ходом производства и т. д.».

На это неожиданное обвинение капитализм мог бы ответить русской поговоркой: «чем богат, тем и рад». Он не может приучать рабочих к контролю «за общим ходом производства» по той простой причине, что такого контроля он и сам не знает. Промышленные кризисы обусловливаются, между прочим, именно отсутствием этого контроля. Но, спрашивается, мыслим ли такой контроль вне социалистического общества? Пусть г. Тихомиров попробует доказать, что — да, тогда мы потолкуем с ним обстоятельнее. Теперь же повторим ему, что обвинять капитализм в том, что он не есть социализм,—значит обвинять историю в том, что она не начала прямо с осуществления программы «Манифеста Коммунистической партии», вместо своего «*движения* к социалистическому строю».

Многим читателям весь этот спор о значении западного капитализма может показаться совершенно излишним.—Нам интересен не Запад, а Россия, скажут они, зачем же так долго останавливаться на оценке исторического развития Запада? Пусть г. Тихомиров кое-что просмотрел, кое-что перепутал в этом вопросе. Какое отношение имеет это к нашим домашним делам?

Самое непосредственное. Г. Тихомиров «критикует» западный капитализм с совершенно определенною практическою целью выработки программы для русской социально-революционной партии. Он «ждет» известных благ «от революции», между прочим, на основании своей оценки западно-европейской истории. Верна эта оценка—основательны и его ожидания; и наоборот: обнаруживает эта оценка полное незнакомство с историей Запада и с приемами современной философско-исто-

рической критики,—самые «ожидания» г. Тихомирова оказываются крайне легкомысленными. Поэтому я и посвятил много страниц выяснению той путаницы, которая с удобством уместилась на двух страницах (238 и 239) 2 № «Вестника». Покончивши с нею, мы можем перейти к русским вопросам.

6. Развитие капитализма на Западе.

«Не сотворяйте же себе кумира из частного предпринимательского капитала,—восклицает г. Тихомиров, возвратившись из своей философско-исторической экскурсии,—тем паче, что большой еще вопрос, сумеет ли такого рода капитал сделать для России хоть то (!), что сделал для Европы. Наше современное положение значительно разнится от положения европейских стран в момент, когда они начали организовывать национальное производство на основе частного капитала. Там частный предприниматель имел перед собою громадные рынки и не имел особенно страшной для себя конкуренции. У нас совсем нет рынков, и частный предприниматель в каждом начинании встречает непосильную конкуренцию европейского и американского производства».

Все эти соображения нашего автора опять не принадлежат ему, а заимствованы у г. В. В. Но не вдаваясь, однако, в их генеалогию, посмотрим, насколько они основательны. Здесь перед нами опять вырастает трудная и неблагодарная задача распутывания самой невероятной путаницы фактов и понятий.

Прежде всего мы спросим г. Тихомирова, почему он нападает именно на «*частный*» предпринимательский капитал и ничего не упоминает о других видах того же *предпринимательского* капитала? Почему он, по выражению Родбертуса, предпочитает блондинов брюнетам? Думает ли он, что *государственный* предпринимательский капитал в руках железного канцлера лучше частного капитала в руках Борзига или Круппа?

Или он противопоставляет частный предпринимательский капитал—такому же капиталу рабочих ассоциаций? Но почему же он не оговорил, в таком случае, что симпатии его к предпринимательскому капиталу, не принадлежащему частным лицам, простираются лишь на одну разновидность этого капитала. Да и можно ли симпатизировать этой разновидности без новых и весьма существенных оговорок?

Германская социал-демократия требует государственного кредита для рабочих ассоциаций, но она по опыту знает, что они могут иметь успех, т.-е. не выродиться в эксплоататоров чужого труда, лишь под усло-

вием строгого контроля на основе социалистических принципов. Представительницей такого контроля могут и должны явиться рабочие социалистические партии. Таким образом, кто говорит о государственном кредите рабочим ассоциациям,—говорит об упрочении влияния рабочей партии или предлагает меру, могущую повести за собою лишь раскол в среде пролетариата и упрочение влияния буржуазии или правительства. Г. В. В. не боится этого последнего исхода, и потому он смело обращается к «существующей власти» со своими реформаторскими проектами. Г. Тихомиров принадлежит к непримиримым врагам абсолютизма и в то же время весьма скептически относится к возможности возникновения у нас буржуазного режима и рабочей социалистической партии. Поэтому его планы создания рабочих промышленных товариществ,—планы, о которых, впрочем, мы, благодаря его запутанной терминологии, *можем лишь догадываться*,—относятся к тому более или менее далекому будущему, когда «захват власти революционерами» послужит «исходным пунктом революции». А так как нам придется еще много говорить об этом захвате и о возможных его последствиях, то мы и не будем останавливаться здесь на рассмотрении условий, при которых русские рабочие промышленные товарищества могут способствовать делу социализма. Теперь же, поставив г. Тихомирову на вид неясность и неопределенность его экономической терминологии, перейдем к его историческим противопоставлениям.

Что «наше современное положение значительно разнится от положения европейских стран в момент, когда они (оне) начали организовывать национальное производство на основе частного капитала»—эта мысль не подлежала бы сомнению, если бы была хоть сколько-нибудь сносно формулирована. Каждый школьник знает, что во всей истории нет двух фактов, совершившихся при вполне тождественной обстановке; неудивительно поэтому, что каждый исторический период каждой страны «значительно разнится» от соответствующего периода всякой другой страны. Но, именно вследствие этого, можно a priori сказать, что шаблонное противопоставление России «Западу» теряет всякий человеческий смысл, если не сопровождается целым рядом оговорок, поправок и дополнений, так как под Западом Европы понимается не одна, а много весьма различных стран. Г. Тихомиров не видит надобности в этих дополнениях. Он противопоставляет «современное положение России» тому «*моменту*» в истории «европейских стран, когда они начали организовывать национальное производство на основе частного капитала». Но, не говоря уже о том, что нельзя «организовать

национальное производство на основе частного капитала» и что полная анархия, т.-е. отсутствие какой-нибудь организации, составляет отличительную черту «национального производства» капиталистических стран; даря г. Тихомирову эти логические и терминологические промахи,—мы спросим его, точно ли в один «момент» было положено началу капиталистического производства «в европейских странах»? Не было ли, напротив, таких «моментов» ровно столько, сколько было «европейских стран», вступавших на путь капитализма? А если да, то не разнились ли «значительно» эти исторические «моменты» один от другого? Было ли похоже начало английского капитализма на начало капитализма в Германии? Поскольку нам известно, совсем непохоже, так непохоже, что в свое время и в Германии возникло мнение, будто эта страна совсем не имеет данных для развития крупной обрабатывающей промышленности и должна навсегда остаться земледельческою страною. Люди, державшиеся этого мнения, ссылались именно на то обстоятельство, что «современное» им положение Германии «значительно разнится» и т. д. Что скажет нам г. Тихомиров об этом вопросе вообще и об этих лжепророках в частности?

В брошюре «Социализм и политическая борьба» я говорил о тех русских писателях, которые оказываются приверженцами географической школы, основанной еврейским мальчиком в рассказе Вейнберга. «Русские самобытные писатели,—говорил я,—сделали лишь одно нововведение в остроумной географической классификации бедного школьника: они подразделили «за-границу» на Восток и Запад и, недолго думая, принялись сравнивать этот последний с Россией, игравшей при этом роль какой-то Срединной Империи». Когда я писал эти строки, мне и в голову не приходило, что такого рода нелепости могут быть повторены на страницах органа, редактируемого, между прочим, П. Л. Лавровым. Теперь я вижу, что сам соредактор г. Лаврова оказывается последователем еврейского мальчика и валит в одну кучу какого-то «придуманного» им «момента» целый ряд в высшей степени сложных и «значительно» разнообразных исторических явлений. «Вестнику Народной Воли» суждено, как видно, во многом и во многом обмануть ожидания своих читателей!

Впрочем, у г. Тихомирова есть в этом случае смягчающее обстоятельство. Он введен был в свою ошибку убеждением в том, что в «европейских странах», в известный уже нам исторический «момент», «частный предприниматель имел перед собою громадные рынки и не имел особенно страшной для себя конкуренции», между тем как «у нас со-

всем почти нет рынков». Если бы это было справедливо, то его противопоставление России Западу имело бы достаточное основание. Как бы ни были различны условия, при которых нарождался капитализм в каждой из «европейских стран», но между ними была бы одна в высшей степени важная общая черта, не повторяющаяся в современной России: присутствие «громадных рынков» для сбыта. Это счастливое для «европейских стран» обстоятельство должно было бы придать совсем иную окраску экономической истории Запада. Вся беда в том, что г. Тихомиров, или, вернее, автор, из статей которого он почерпнул это убеждение, жестоко ошибается. В названных странах частный предприниматель вовсе не имел перед собою «громадных рынков». Буржуазия *создала* рынки, а не застала их *готовыми*. В предшествовавший ей феодально-ремесленный период не было не только «громадных рынков», но и вообще не существовало рынков в новейшем смысле этого слова: тогда обменивался лишь избыток, остаток от собственного потребления производителя, ремесленники же работали *по заказу* для данного лица в данной местности, а не для сбыта на рынке. Кто имеет хоть малейшее понятие об экономических отношениях средних веков, тот не будет оспаривать сказанного. Точно так же всякий, «даже не обучавшийся в семинарии», поймет, что спрос, а вместе с ним и рынки могли расти лишь рядом с производством, будучи вызываемы этим последним и вызывая его в свою очередь. «Чаще всего потребности родятся прямо из производства или из порядка вещей, основанного на производстве. Всемирная торговля зиждется почти всецело на потребностях не личностей, а производства» [1]). Современный же, действительно «громадный», всемирный рынок характеризуется именно тем, что на нем не потребление вызывает производство, а наоборот. «Крупная промышленность, вынуждаемая самими находящимися в ее распоряжении орудиями производить в постоянно возрастающих размерах, не может ожидать спроса, производство предшествует потреблению, предложение вынуждает спрос» [2]).

Что Западная Европа не имела «особенно страшной конкуренции» в период возникновения капитализма—это можно признать для краткости неоспоримым, хотя нередкое в то время запрещение ввоза в «европейские страны» продуктов восточной промышленности и показывает, что западные мануфактуры боялись азиатской конкуренции. Но «осо-

[1]) «Misère de la philosophie», p. 16.
[2]) Ibid., p. 48.

бенно страшными» конкурентами западно-европейских производителей были те же западно-европейские производители. Это перестанет казаться парадоксом, когда мы припомним, что капитализм начал развиваться в различных «европейских странах» далеко не в один и тот же «момент», как это думает г. Тихомиров. Когда развитие промышленности доходило в одной из этих стран до известной степени интенсивности, когда представители капитала достигали такой силы и такого влияния, что могли делать законодательство орудием своих целей — оказывалось, что «частный предприниматель в каждом начинании встречает непосильную конкуренцию» со стороны соседних стран. Тогда начиналась агитация в пользу государственного вмешательства. История XVII столетия с его тарифами, служащими предметом дипломатических переговоров, с его коммерческими войнами, требовавшими колоссальных для того времени расходов, наглядно показывает нам, какие огромные усилия должны были делать «европейские страны» для приобретения этих, будто бы готовых, рынков. Дело шло не только о завоевании внешних рынков, но и об отстаивании рынка внутреннего. Нужно ли иллюстрировать эту, казалось бы, всем известную историю примерами? Это будет, пожалуй, нелишним, ввиду невежества наших доморощенных и самобытных экономистов. Начнем с Франции.

Кольбэр «видел, что Франция получала из-за границы гораздо более товаров, чем посылала туда; что, несмотря на существование турских и лионских мануфактур, Италия продолжала доставлять шелковые изделия, золотые и серебряные ткани, золотую пряжу; что Венеция ежегодно получала от нее несколько миллионов за свои зеркала и кружева; что Англия, Голландия, Испания снабжали ее шерстяными товарами, пряностями, красками, кожами и мылом... Он видел... что большие компании и колонии, которые пытался завести Ришелье, были разорены, и что вся морская торговля Франции была еще в руках англичан и голландцев. Чтобы помешать этому вторжению во французские порты, уже Фукэ установил налог в пятьдесят су с тонны товаров, привезенных на иностранных судах, и постоянные жалобы голландцев доказывали Кольбэру, что его предшественник нанес им чувствительный удар. Таково было положение. Кольбэр задался целью изменить его в пользу Франции, освободить нацию от всякого коммерческого рабства и поднять ее путем развития промышленности до уровня наиболее цветущих наций» и т. д. [1]). Он так усердно принялся за дело, что тарифом

[1]) Levasseur, «Histoire des classes ouvrières en France», t. 2, p.p. 174—175.

1667 года прямо хотел «уничтожить» голландскую торговлю. «Англичане и голландцы отвечали ему тем же; спор о тарифе послужил поводом к войне 1672 года, и наконец Нимвегенский мир вынудил Францию восстановить тариф 1664 года» [1]).

Мы видим, что Франция вовсе не «имела перед собою» громадных рынков, ей нужно было еще завоевать их с помощью целесообразной экономической политики, дипломатических переговоров и даже оружия. Кольбэр рассчитывал только на «время и большое прилежание», благодаря которым Франция могла, по его мнению, стать «учительницей наций, дававших ей уроки».

Известно, что покровительственная и запретительная политика Франции не прекратилась с прекращением влияния Кольбэра так же точно, как она не ему обязана была первым своим возникновением. Лишь после Версальского мира французское правительство делает в 1786 году первый шаг в направлении к свободе торговли. Но эта попытка оказалась неблагоприятной для французской промышленности. По трактату с Англией 1786 года за шерстяные и хлопчато-бумажные ткани, фарфоровые, фаянсовые, глиняные и стеклянные изделия взималось лишь 12% стоимости в каждой из договорившихся стран; на металлические изделия: железные, стальные, медные и т. п. пошлина равнялась 10%; ткани из льна и конопли были обложены пошлиной по тарифу, установленному для наиболее благоприятствуемых наций; но Англия, будучи в состоянии производить все эти продукты на 30, 40, 50% дешевле, чем французские фабриканты, скоро стала хозяйничать на французском рынке. Вот почему избиратели 1789 года почти единогласно требовали более энергического покровительства французской промышленности. Правительства реставрации и июльской монархии также придерживались строго покровительственного тарифа. Для обеспечения сбыта французских товаров колониям было запрещено торговать с какою-либо другой страной, кроме метрополии. Лишь с 1860 года начинается поворот в пользу свободной торговли, но и этот поворот вызывает очень сильную оппозицию в стране и порицается, между прочим, Прудоном. Наконец, не далее как в 1877 г., боязнь английской конкуренции вызывает со стороны протекционистов образование «Ассоциации для защиты национального труда». Тариф 1882 года представляет собою компромисс между требованиями покровительства и стре-

[1] См. Henry W. Farnam, «Die innere französische Gewerbepolitik von Colbert bis Turgot», S. 17.

влениями к свободной торговле, обнаруживаемыми, главным образом, представителями коммерческого капитала [1]).

Такова история «громадных рынков», бывших в распоряжении французских капиталистов. Слышал ли о ней что-нибудь г. Тихомиров?

А Германия, на которую «указывает» нашему автору «некоторая часть социалистов»?

Здесь дело стояло не лучше. Здесь также «частный предприниматель в каждом своем начинании» встречал «непосильную конкуренцию» более передовых стран. Известно, что немецкий капитализм имеет сравнительно недавнее происхождение. Не только в предшествующие столетия, но даже в начале нынешнего века Германия не могла даже и думать о конкуренции с Францией или Англией. Возьмем для примера Пруссию. В 1800 году Пруссия совершенно запрещает ввоз иностранных шелковых, полушелковых и хлопчато-бумажных изделий. В предшествующие 80 лет правительство на одни только шелковые фабрики в Берлине, Потсдаме, Франкфурте-на-Одере и Кепенике издержало более десяти милл. талеров (из чего г. Тихомиров может с ясностью видеть, что не одно русское правительство употребляло усилия для «организации» национального производства «под началом буржуазии»). Но французские и английские изделия были настолько лучше прусских, что запрещение иностранного ввоза обходилось контрабандой, которой не могли истребить никакие строгие меры законодательства. Победы Наполеона лишают Пруссию возможности спасать свои мануфактуры за «стеною» запретительного тарифа. Вместе с вторжением французских войск начинается наплыв французских товаров в завоеванные местности. В начале декабря 1806 года завоеватели требуют пропуска всех французских товаров, с оплатой лишь невысокой таможенной пошлины, во все части Пруссии, занятые наполеоновской армией. Напрасно прусское правительство ставит им на вид, что туземная промышленность не может вынести конкуренции французских фабрикантов. Напрасно доказывает оно, что берлинские фабрики держались до тех пор лишь благодаря покровительственному тарифу, с падением которого население окончательно обнищает, и фабричные рабочие пойдут по миру. Победоносные полководцы буржуазной Франции отвечают, что ввоз в страну французских товаров представляет «естественное следствие» завоевания. Таким образом рядом с политической борьбой правительств шла экономическая борьба народов, или, вер-

[1]) См. «Histoire du commerce français» par Ch. Périgot, Paris 1881.

нее, тех слоев народов, в руках которых и до сих пор сосредоточиваются средства производства. Рядом с борьбой армий шла борьба фабрикантов, рядом с соперничеством полководцев шла конкуренция товаров. Французской буржуазии нужно было овладеть новым рынком, прусская—всеми силами стремилась отстоять тот, который был в ее руках, благодаря покровительственному тарифу. Где же здесь готовые «громадные рынки»? Когда, вслед за об'явлением войны 1813 года, прусские промышленники избавились, наконец, от своих французских конкурентов, у них явились новые, еще более опасные противники. Падение континентальной системы открыло английским товарам доступ на европейские рынки. Огромное количество их наводнило Пруссию. Дешевизна их делала конкуренцию с ними невозможною для местных производителей, при той невысокой пошлине, какой были обложены теперь товары дружественных и нейтральных государств. Жалобы прусских фабрикантов снова заставляют правительство ограничить ввоз в Пруссию, по крайней мере хлопчато-бумажных изделий [1]). С тех пор до настоящего времени правительство Пруссии, да и всей вообще Германии, не решается отказаться от покровительственного тарифа, опасаясь «непосильной конкуренции» более передовых стран. И если русские бланкисты захватят власть еще при жизни Бисмарка, то железный канцлер не откажется, вероятно, открыть им тайну своей торговой политики и убедит наших журналистов, что «громадные рынки» не растут и никогда не расли на деревьях.

Перейдем к Америке.

«Северно-американские колонии в отношении промышленности были поставлены своей метрополией в такую полную зависимость, что в них не должны были иметь места никакие роды промышленности, кроме домашнего производства и обыкновенных ремесл. В 1750 году основанная в Массачузетсе шляпная фабрика обратила на себя такое внимание парламента и вызвала такую ревность с его стороны, что все роды фабрик (в колониях, конечно) были об'явлены вредными учреждениями (common nuisances). Еще в 1770 году великий Чатам, обеспокоенный первыми попытками фабричного производства в Новой Англии, заявил, что ни один гвоздь не должен быть изготовлен в колониях». Во время войны за независимость, благодаря разрыву с Англией, «фабрики всякого рода получили сильный толчок», что, в свою очередь, повлияло на земледелие и повело к увеличению ценности земли. «Но

[1]) «Die neuere Nationalokonomie», von Dr. Moritz Meyer.

так как после парижского мира конституция штатов мешала выработке общей торговой системы и тем открывала свободный доступ английским фабрикатам, конкуренции которых не могли вынести только что возникшие фабрики Северной Америки, то промышленное процветание страны исчезло еще скорее, чем возникло.—По совету новых теоретиков,—говорил после один оратор в конгрессе об этом кризисе,—мы покупали там, где могли купить всего дешевле, и наши рынки были наводнены чужими товарами. *Наши мануфактуристы были разорены,* наши купцы обанкротились, и все эти причины так вредно повлияли на земледелие, что наступило общее обесценение землевладения, а с ним и банкротство наших землевладельцев».

Мы видим отсюда, что была, в свое время, гроза и на американское производство, «непосильная конкуренция» которого угрожает теперь русскому «частному предпринимателю». Какие же громоотводы придумали американцы? Убедило ли их это в том, что их положение «значительно разнится от положения европейских стран, в момент, когда они начали организовывать национальное производство на основе частного капитала»? Отказались ли они от крупной промышленности? Ничуть не бывало. Наученные горьким опытом, они повторили лишь старую историю охранения своего внутреннего рынка от иностранной конкуренции. «Конгресс был осажден петициями ото всех штатов в пользу покровительственных мер для туземной промышленности», и уже в 1789 году был обнародован тариф, сделавший значительные уступки местным фабрикантам в этом смысле. Тариф 1804 года пошел еще далее в этом направлении, и, наконец, после нескольких колебаний в противную сторону, строго покровительственный тариф 1828 года окончательно обеспечил американских производителей от английской конкуренции[1]).

Еще раз, где же те «громадные» рынки, о которых говорит г. Тихомиров? Я совершенно согласен, что указываемый им ход развития западно-европейского капитализма должен быть признан более «прямым» и наименее «рискованным»: чем рискует «частный предприниматель», имея «перед собой громадные рынки»? Но г. Тихомиров, с своей стороны, должен согласиться, что этот ход развития «придуман» им или, вернее, его учителем, в интересах доктрины, и не имеет ничего общего с действительной историей Запада. Дело происходило там до

[1]) См. «Das nationale System der politischen Oekonomie», von Friedrich List, zweite Auflage, 1842, B. I, Cap. 9. Ср. также «Geschichte der Nationalockonomie» von Eisenhart, III Buch, 2 Kapitel.

такой степени иначе, что Фридрих Лист устанавливает даже особый закон, по которому каждая страна может выступить на поприще борьбы на всемирном рынке,—лишь давши окрепнуть своей промышленности, путем господства на своем внутреннем рынке. По его мнению, «переход каждой нации от дикого состояния к пастушескому и от пастушеского—к земледельческому, равно как и первые шаги земледелия, лучше всего совершаются под влиянием свободной торговли». Затем «переход земледельческих народов в класс земледельческо-мануфактурно-торговых наций мог бы лишь в том случае совершиться при свободе торговли, если бы во всех нациях, призванных к развитию мануфактурной силы, *один и тот же жизненный процесс совершался в одно и то же время,* если бы нации не ставили друг другу никаких препятствий на пути экономического развития, если бы они не мешали успехам друг друга войной и таможенными системами. Но так как нации, достигшие превосходства в мануфактурах, торговле и мореплавании видели в этих успехах самое действительное средство для приобретения и упрочения политического влияния на другие нации, то они (т.-е. передовые нации) и стремились создать такие учреждения, которые были и до сих пор остаются рассчитанными на то, чтобы обеспечить этим нациям монополию в мануфактурах и торговле и воспрепятствовать успехам отсталых народов. Совокупность этих учреждений (запрещение ввоза и пошлины на него, ограничение судоходства, премии за вывоз и т. д.) называется таможенной системой. Под «влиянием более ранних успехов других наций, таможенной системы чужих стран и войн, более отсталые нации оказываются вынужденными искать в самих себе средств для перехода от земледельческого состояния к мануфактурному; они должны ограничить торговлю с передовыми странами,—поскольку она мешает этому переходу,—посредством собственной таможенной системы. Эта последняя оказывается, поэтому, вовсе не выдумкой спекулятивных голов, как это утверждают некоторые, а естественным следствием стремления наций гарантировать прочность своего существования и прогресса или даже своего преобладающего влияния. Но это стремление может быть признано законным и разумным, лишь поскольку оно *не мешает* экономическому развитию обнаруживающей его нации, а, *напротив, способствует* ему и не противоречит более высокой цели человечества—будущей всемирной конфедерации» [1]).

[1]) «Das Nationale System» etc., S.S. 18—19.

Так говорил Фридрих Лист, хорошо понимавший интересы современного ему немецкого капитализма и грешивший лишь некоторою высокопарностью в определении будущих, «более высоких целей человечества», которые для буржуазии сводятся не ко «всемирной федерации», а к ожесточенной борьбе на всемирном рынке. Лист не смущался ни обвинением его взглядов в отсталости, ни указанием на невозможность для Германии приобрести сколько-нибудь счастливые шансы будущей борьбы на всемирном рынке. На первое возражение он отвечал, что он вовсе не безусловный противник свободной торговли, так как требует лишь временных для нее ограничений, и притом стоит за нее в пределах германского таможенного союза. На второе возражение он отвечал критикой самой теории рынков или, вернее, условий их завоевания. Он указывал на то обстоятельство, что отсталые страны могут и должны заключать между собою союзы для совместной борьбы против более сильных врагов, что эти отсталые страны должны озаботиться заведением собственных колоний. «Каждая промышленная нация должна стремиться к тому, чтобы вступить в непосредственный обмен со странами жаркого пояса, и если мануфактурные нации второго разряда понимают свои интересы, они должны действовать так, чтобы ни одна нация не приобретала преобладающего влияния в области колониальных владений» [1]). Возможность заведения новых колоний он подтверждал указанием на то, что до сих пор еще огромное число удобных местностей жаркого пояса не утилизировано в этом отношении европейцами.

В то время, когда Лист вел свою агитацию, очень многие сомневались в возможности возникновения в Германии крупной обрабатывающей промышленности. Теперь уже никто в этом не сомневается, а между тем предложенная им программа экономической политики и до сих пор не выполнена окончательно. Лишь теперь поднимается в Германии вопрос о заведении колоний. Действительность превзошла его ожидания. Для упрочения немецкой крупной промышленности достаточно было одной части его программы.

Теперь не только ни один скептик не спрашивает, возможна ли крупная обрабатывающая промышленность в отечестве Листа, но г. Тихомирову «указывают», между прочим, «на Германию, где капитализм об'единил рабочих» и где «частный предприниматель» имел будто бы перед собою «громадные рынки». До такой степени забылись первые

---

[1]) List, ibid., S.S. 560—561.

трудные шаги этой страны на поприще капитализма! А много ли времени прошло с тех пор, как писал Лист? Всего полстолетия, всего в пять раз больше того периода, в течение которого русские бланкисты делают бесплодные усилия для «захвата власти». Что если бы Маркс, Энгельс и их последователи, проникшись тем убеждением, что нужно брать народ, «как он есть», и что немецким коммунистам сороковых годов нужно было, по картинному выражению г. Тихомирова, «еще только хлопотать о создании класса, во имя которого они хотели действовать», если бы Маркс и Энгельс, говорю я, махнули рукой на «Запад» и решили, что «исходным пунктом» социальной революции в Германии должен быть «захват власти» силами тогдашнего «Союза коммунистов»? Что если бы они направили к этой цели всю свою деятельность? Далеко ли была бы теперь немецкая социал-демократия? А ведь вопрос о таком «захвате власти» вовсе не представляет собою исключительной черты русского движения. Он поднимался даже в «Союзе коммунистов» и вызвал разделение его на две фракции: Маркса-Энгельса, с одной стороны, и Виллиха-Шаппера—с другой.

История этого разделения так поучительна, что не мешает рассказать ее читателям.

«Со времени поражения революции 1848—1849 года, партия пролетариата на континенте лишилась всего, чем обладала она в течение этой короткой эпохи: свободы прессы, слова и права ассоциаций, т.-е. легальных средств организации партии. После 1849 года, как и перед 1848, перед пролетариатом был только один путь,—путь тайных союзов... Одна часть таких тайных союзов имела своею непосредственною целью ниспровержение существующей государственной власти. Это было уместно во Франции, где пролетариат был побежден буржуазией и где нападение на существующее правительство было равносильно нападению на буржуазию». Другая часть этих тайных обществ действовала в таких странах, как Германия, «где и буржуазия, и пролетариат одновременно находились под гнетом полуфеодальных правительств, где, следовательно, победоносная борьба против существующей власти должна была не лишить буржуазию господства, а, напротив, передать его в ее руки или в руки так называемых средних сословий»,—в таких странах передовые представители пролетариата, не отказываясь от участия в предстоящей революции, видели свою ближайшую цель не в захвате власти, а в подготовке рабочей партии будущего. Такова, между прочим, была цель «Союза коммунистов», в котором главная роль принадлежала Марксу и Энгельсу. «Союз коммунистов» был, поэтому, не

обществом заговорщиков, а обществом, стремившимся к тайной организации пролетариата, потому что немецкий пролетариат находился под интердиктом, был лишен *огня и воды,* печати, слова и ассоциаций». Само собою понятно, что такого рода деятельность, «которая имела в виду выработку не *правительственной, а оппозиционной партии будущего»,* заключала в себе мало привлекательного для людей мало развитых и нетерпеливых, и тогда «от *Союза коммунистов* отделилась фракция, которая требовала если не действительных заговоров, то хоть заговорщицкой внешности и прямого союза с демократическими героями дня». Мотивы разрыва, который многими приписывался личным ссорам вождей обеих фракций, следующим образом мотивировались самими участниками этих событий.

По словам Маркса, «меньшинство (фракция Виллиха и Шаппера) ставит на место критического миросозерцания—догматическое, на место материалистического—идеалистическое. Вместо действительных отношений, оно принимает свою собственную волю за главный революционный двигатель. Между тем как мы говорим рабочим: вы должны пережить еще 5, 20, 50 лет гражданской войны и народных движений, и притом не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но также и для того, чтобы перевоспитать самих себя, стать способными к господству; меньшинство говорит наоборот: мы должны теперь же достичь господства, или нам не остается ничего делать. Между тем как мы именно немецким рабочим указываем на неразвитое состояние немецкого пролетариата, вы самым плоским образом льстите национальному чувству и сословным предрассудкам немецкого ремесленника [1]), что, конечно, представляет собою гораздо более популярный прием. ...Подобно демократам, вы поставляете на место революционного развития революционные фразы» и т. д., и т. д.

С своей стороны, Шаппер так формулировал свои воззрения.

«Я действительно высказывал атакованное здесь воззрение, потому что я вообще держусь его с энтузиазмом. Весь вопрос заключается в том—мы ли начнем рубить головы, или их отрубят нам. Сначала вос-

[1]) Впрочем, едва ли даже фракция Шаппера издавала когда-нибудь воззвания, вроде известной прокламации на малорусском языке по поводу антиеврейских беспорядков, с которой редакция «Народной Воли» заявила свою полную солидарность и которая представляет собою именно самую плоскую лесть национальным предрассудкам русского народа.

станут рабочие во Франции, а затем и мы в Германии. Если бы это было не так, то мне действительно не оставалось бы ничего делать. Но если наши планы осуществятся, то мы можем принять меры, которые обеспечат господство пролетариата (как г. Тихомиров обещает принять меры, которые обеспечили бы России «народоправление», заметим мы в скобках). Я с фанатизмом держусь этого взгляда, центральный же комитет (фракции Маркса) хочет противного» и т. д.

Этот спор происходил 15 сентября 1850 г., когда произошел окончательный разрыв между названными фракциями. Каждая из них взялась за свою работу. Виллих и Шаппер стали готовиться к захвату власти, Маркс и Энгельс продолжали подготовлять «оппозиционную партию будущего». Прошло 15 лет, и эта «партия будущего» стала грозою буржуазии всех народов и стран, взгляды авторов «Коммунистического Манифеста» были усвоены десятками тысяч рабочих. А что сделали Виллих и Шаппер? Удался ли им немедленный «захват власти»? Все знают, что нет, но не все знают, что тот же «фантастический» Шаппер очень скоро должен был убедиться в несбыточности своих планов, и даже «много лет спустя, умирающий, за день до своей своей смерти», не мог говорить о своих неудавшихся затеях без «едкой иронии» [1]).

Фракции вроде виллих-шапперовской представляют собою естественный результат неразвитости общественных отношений. Они появляются и могут иметь некоторый успех в период очень неразвитого состояния пролетариата и самых первых попыток его добиться своего освобождения. «Революционная литература, сопутствовавшая этим первым движениям пролетариата, по содержанию своему, необходимо являлась реакционной»,—как говорит «Манифест Коммунистической партии». Когда, под влиянием более развитых отношений, в передовых странах вырабатывается, наконец, серьезная социалистическая литература, то она частью подвергается более или менее своеобразным переделкам в странах, считающих свою отсталость признаком «самобытности», частью дает повод к неверным истолкованиям и реакционным практическим программам. Не только в России, но также и в Польше, и вообще на всем Востоке Европы, мы и теперь еще встречаем или можем встретить «социальных революционеров» во вкусе Виллиха и

---

[1]) См. Enthüllungen über den Kommunisten-Process zu Köln» von Karl Marx, 2 издание, из которого мы заимствуем все вышеприведенные подробности.

Шаппера [1]). Само собою разумеется, что дальнейшее развитие европейского Востока также дискредитирует их «ожидания от революции», как оно дискредитировало ожидания Виллиха-Шаппера в Германии.

ГЛАВА II.

Капитализм в России.

1. Внутренний рынок.

Мы знаем теперь, что каждая отсталая страна может, на первое время, до переполнения внутреннего рынка, устранять «непосильную конкуренцию» своих более развитых соседей путем таможенной системы. Соображение г. Тихомирова о том, что у нас совсем почти нет рынков, теряет таким образом значительную часть своего удельного веса. Для отсталых стран вопрос может быть формулирован лишь таким образом: успеет ли—и на сколько именно успеет—западный капитализм втянуть их в свой водоворот прежде, чем уступит место высшей форме общественности? Чтобы ответить на него, нужно внимательно взвесить современное состояние каждой такой страны в отдельности. С своей стороны, мы сделаем это в следующей главе, а теперь вернемся к г. Тихомирову и посмотрим, как делает он этот анализ.

Всякий, следивший за нашими общественными течениями последнего времени, знает, конечно, что именно в сторону обеспечения внутреннего рынка и направляются усилия наших «частных предпринимателей». Это стремление встречает себе поддержку как в правительственных сферах, так и в прессе, а также и в той среде, которую не признать «интеллигенцией» можно лишь на основании своеобразной терминологии г. Тихомирова. Не мало наших профессоров и ученых группируются уже под этим знаменем. Тем не менее, дело русского капитализма кажется г. Тихомирову очень трудным, «если не вовсе

[1]) Эти строки были написаны в то время, когда мы еще не могли выяснить себе направления «органа международной социально-революционной партии» (?) «Walka Klas». В настоящее же время, после появления трех номеров этого органа, можно с уверенностью сказать, что он поставил своею главною задачей пропаганду «теорий» во вкусе Виллиха-Шаппера. Впрочем, о свойственных такому направлению теориях нужно говорить с большою осторожностью, так как, по замечанию Маркса, «Partei Schapper-Willich hat nie auf die Ehre Anspruch gemacht eigne Idee zu besitzen. Was ihr gehört ist, das eigentümliche Missverständniss fremder Ideen, die sie als Glaubensartikel fixirt und als Phrase sich angeeignet zu haben meint».

безнадежным». По его мнению, «промышленность развивается туго. Она постоянно жалуется на недостаток интеллигентных и энергичных сил». Это, конечно, до некоторой степени, справедливо; но указывает ли это обстоятельство на «безнадежность стремлений русского капитализма»? Не обусловливается ли «тугое развитие» русской промышленности влиянием современного политического гнета? Что свободные учреждения составляют необходимое условие капитализма на известной стадии его развития—это давно уже известно каждому, как в «Европе», так и в России, где еще в пятидесятых годах раздавались голоса, требовавшие свободы ради успехов промышленности. Г. Тихомиров мог бы с большою для себя пользою прочитать речь покойного И. Бабста «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала», произнесенную в июне 1856 г. в торжественном собрании казанского университета. Эта речь помогла бы ему понять, каким образом тот же самый капитализм, который прячется сначала под «мантию самодержца», приходит, мало-по-малу, в противоречие с интересами абсолютной монархии и начинает фрондировать, разумеется, по-своему, умеренно и аккуратно. «Трудно себе представить, до какой степени дурная администрация, отсутствие безопасности, произвольные поборы, грабительство, дурные учреждения действуют гибельно на бережливость, накопление, а вместе с тем и на умножение народного капитала,—говорит названный экономист. — Междоусобные войны, борьба политических партий, нашествия, мор, голод не могут иметь того гибельного влияния на народное богатство, как деспотическое и произвольное управление. Чего ни перенесли благословенные страны Малой Азии, каких ни испытали они переворотов, и постоянно вновь обращались в земной рай, покуда не скрутила их турецкая администрация. Что было с Францией в XVIII столетии, когда над земледельческим народонаселением тяготела безобразная система налогов и когда, вдобавок еще, под видом последних, каждый чиновник мог смело и безнаказанно грабить? Против воров и разбойников есть управа, но что же делать с органами и служителями верховной власти, считающими свое место доходным производством? Тут иссякает всякая энергия труда, всякая забота о будущем, об улучшении своего быта... капиталы, М. Г., и накопление их, тогда только исполнят настоящее свое назначение, *когда открыта полная и свободная стезя для их деятельности*». Напрасно г. Тихомиров ссылается на то обстоятельство, что «царствование Александра II было сплошною попыткой монархии восстановить свою прочность путем организации России под началом (?) буржуазии», как на

аргумент в пользу мысли о безнадежности стремлений русского капитализма. История французской абсолютной монархии, начиная с Генриха IV, была также почти «сплошною попыткой» поддержать прочность старого государственного строя путем организации Франции «под началом буржуазии». Уже на собрании Генеральных Штатов 1614 года дворянство жалуется на это в самых недвусмысленных выражениях. Мы говорили уже выше, какие заботы прилагал министр Людовика XIV к промышленному развитию Франции. В XVIII веке, накануне революции, создается целая школа экономистов, которые проповедуют солидарность интересов капитализма и абсолютной монархии, провозглашают буржуазный принцип «Laissez faire, laissez passer» и указывают в то же время на Китай, как на образец политического устройства. Монархия всеми силами старается приспособиться к новым условиям, поскольку это возможно без отказа от абсолютной власти. На самом краю своего гроба, при открытии Генеральных Штатов 1789 года, она, устами Людовика XVI, осуждая «иллюзии», обещает удовлетворить все «разумные» требования страны. Но неумолимая логика вещей показывает неожиданным, — даже для многих и многих буржуа,—образом, что самым «разумным», хотя и не всеми сознанным, требованием страны было падение абсолютизма. Политические идеалы физиократов оказались самою несбыточною утопией. И эту невозможность сочетания абсолютизма с дальнейшим развитием буржуазии понимали очень многие современники физиократов. Укажем хоть на социалиста Мабли и его «Doutes proposées aux philosophes économistes». В его время буржуазия, как класс, не задумывалась еще о «захвате» верховной политической власти в стране; но он не говорил, подобно г. Тихомирову, что «если бы она имела достаточно силы, она сделала бы это теперь». Он знал, что бывают исторические эпохи, в которые сила и политическое сознание данного класса растут с такой же быстротой, как уровень речной воды после вскрытия льда. Он знал также, что сила каждого класса есть понятие относительное, определяющееся, между прочим, степенью падения его предшественника и уровнем развития его наследника. При неразвитости народа, французская буржуазия являлась единственным классом, способным к господству. Абсолютизм мешал дальнейшему развитию Франции под ее руководством, и потому был осужден на погибель. Буржуазия возмутилась против того самодержавия, под «мантией» которого она доросла до «крамолы». Мабли предвидел этот исход и, несмотря на свои коммунистические идеалы, сознавал, что ближайшее будущее принадлежит буржуазии.

Если бы не только общественным классам, но даже философским и политическим теориям можно было отказывать в значении и будущности на том основании, что все они развиваются некоторое время под эгидой принципа, не совместного с их дальнейшим развитием, то нам пришлось бы отрицать всю человеческую культуру и «придумывать» для нее новые, менее «рискованные пути». Разве философия не зародилась в недрах и на счет теологии? «Единство, подчинение, свобода суть те три отношения, в которые постоянно становилась философия христианской эпохи к церковной теологии», — говорит Фридрих Ибервег в своей истории философии [1]), и этот порядок взаимных отношений знания и веры может быть признан всеобщим законом, если мы, с своей стороны, прибавим, что «свобода» расчищает себе путь лишь посредством самой ожесточенной борьбы за существование. Каждый новый общественный или философский принцип зарождается в недрах—и потому на счет питательных соков — старого, ему *противоположного*. Умозаключать отсюда к «безнадежной» судьбе нового принципа, значит, не знать истории.

Наши самобытники, действительно, знают ее очень плохо. Слушая рассуждения манчестерцев о вреде государственного вмешательства и зная в то же время, что русские капиталисты очень падки на такое вмешательство, поскольку оно выражается в покровительственном тарифе, субсидиях, гарантиях и т. п., русские доморощенные социологи заключают отсюда, что путь развития нашего капитализма диаметрально противоположен ходу развития капитализма западно-европейского: на Западе буржуазия говорит только о «невмешательстве», у нас—только о субсидиях и гарантиях. Но если бы г.г. В. В. и К° не верили на слово экономистам манчестерской школы и хоть на время оторвались бы от своих «самобытных» источников, то они узнали бы, что не всегда и не везде западно-европейская буржуазия стояла за принцип невмешательства у себя дома и еще того менее стояла за него в колониях. Узнавши это, они увидели бы, что их противоположения лишаются почти всякого смысла. Известно, что коренная ошибка буржуазных экономистов манчестерской школы именно в том и заключается, что они возводят в вечные и неизменные «естественные законы» те принципы, которые имеют лишь преходящее значение. Не разделяя «ожиданий» буржуазных экономистов от будущего, многие русские самобытники убеждены, однако, в правильности их взглядов на

[1]) «Grundriss der Geschichte der Philosophie», III Th., S.

прошлое. Они верят, что в истории Запада государственное вмешательство и правительственная поддержка никогда не были нужны западно-европейской буржуазии и ничего, кроме вреда, ей не приносили. В этом-то и состоит главный недостаток наших самобытных теорий и программ. Г. В. В. верит на слово манчестерцам и считает лишним хоть немного ознакомиться с экономической историей Европы. Г. Тихомиров верит на слово г. В. В. и в возрастании влияния интересов русской буржуазии на экономическую политику последнего двадцатипятилетия («царствование Александра II было сплошною попыткою» и т. д.) видит главный признак слабости и мертворожденности русского капитализма.

До г. В. В., сторонника абсолютизма и уже по одному тому злейшего реакционера, нам нет никакого дела. Но, признаемся, нас очень огорчает легковерие редактора революционного органа.

Что интересы русской буржуазии приходят теперь в непримиримое противоречие с интересами абсолютизма—это знает всякий, следивший хоть с некоторым вниманием за ходом русской жизни в последнее десятилетие [1]). Что та же самая буржуазия умеет, однако, извлекать пользу из существующего режима и потому не только поддерживает некоторые его стороны, но и целиком стоит за него в известных своих слоях—это также неудивительно. Развитие данного общественного класса есть слишком сложный процесс, чтобы по некоторым частным сторонам его можно было умозаключать обо всем его направлении. Наша буржуазия переживает теперь важную метаморфозу: у нее развились легкие, которые требуют уже чистого воздуха политического самоуправления, но в то же время у нее не атрофировались еще и жабры, с помощью которых она продолжает дышать в мутной воде разлагающегося абсолютизма. Корни ее сидят еще в почве старого режима, но верхушка ее достигла уже развития, указывающего на необходимость и неизбежность пересадки. Кулаки до сих пор продолжают обогащаться, благодаря хищническому характеру нашего государственного хозяйства; но крупные заводчики, фабриканты, торговцы и обуржуазившиеся земледельцы понимают уже, что приобретение политических прав необходимо для их благосостояния. За это нам ручаются нередкие в последнее десятилетие петиции правительству, в одной из которых наши крупные промышленники и торговцы просили

[1]) Примечание ко второму изданию. Нынешнее поведение русской буржуазии доказывает, что указанное мною противоречие. было в самом деле непримиримо.

даже правительство не принимать никаких финансовых мер без совещания с представителями крупного капитала. Какова тенденция такой петиции? Не показывает ли она, что гибельное влияние абсолютизма самым наглядным и осязательным образом отражается на доходах торгово-промышленных компаний? Не говорит ли она нам, что система личного воздействия каждого отдельного предпринимателя на министров и министерства, — путем всякого рода «ходатайств», пожертвований «на патриотизм» и откровенных подкупов,—становится уже недостаточной и недействительной и потому стремится уступить место организованному и законному участию промышленного класса в управлении страною? С. С. Поляков и до сих пор может находить, что подкупленные им министры лучше ответственных, конституционных министров. Но конкуренты Его Превосходительства, побежденные им с помощью приношений и взяток, наверное, не разделяют его воззрений. Политический режим, выгодный для отдельных *личностей,* становится невыгодным для предпринимательского *класса,* в его целом. Представители этого класса, конечно, не выходят на улицу, не строят баррикад, не издают даже подпольных листков. Но буржуазия вообще не любит таких «рискованных» средств. Даже и в Западной Европе она лишь в самых редких случаях первая поднимала знамя восстания; большею же частью она лишь исподволь расшатывала ненавистный ей порядок и пожинала плоды побед народа, который боролся «против врагов своих врагов». Что же касается тайной политической пропаганды, то какая же она была бы буржуазия, если бы не понимала значения разделения труда? Она предоставляет вести это дело так называемой интеллигенции, не отвлекаясь сама от задач своего материального обогащения. Она знает, что ее дело «верное» и что начатая нашей интеллигенцией политическая борьба рано или поздно очистит поле для ее господства. Разве итальянская буржуазия не предоставляла революционерам таскать из печи каштаны политического освобождения и об'единения, и разве не она теперь питается этими каштанами?

А если революционеры «захватят власть» и сделают социальную революцию? В это она не верит, да скоро перестанут верить и сами революционеры. Скоро они все поймут, что если люди развертывают зонтики, когда идет дождь, то из этого еще не следует, что дождь может быть вызван развернутыми зонтиками; скоро они убедятся, что если «захват» политической власти есть неизбежное следствие развития рабочего, как и всякого другого класса, то отсюда еще никак нельзя заключить, что достаточно «революционерам из привилегиро-

ранной среды» захватить власть, чтобы сделать трудящееся население России способным к совершению социалистического переворота. Скоро все наши социалисты поймут, что служить интересам народа можно лишь, организуя и подготовляя народ к *самостоятельной борьбе* за эти интересы.

Но для русской буржуазии как нельзя более выгодна уверенность некоторых наших революционеров в ее бессилии. Она и сама, пожалуй, готова повторять их песню. Она даже делает это при каждом удобном случае. Возьмем хоть вопрос о числе наших промышленных рабочих. По словам нашего автора, в России «на 100.000.000 населения приходится всего 800.000 рабочих, об'единенных капиталом»; к тому же это относительно ничтожное число рабочих у нас... «не возрастает, а, быть может, даже (!) совсем стоит на одной цифре». Заметивши, что—«*не возрастает*» и значит именно «*стоит на одной цифре*», проследим генезис этого убеждения.

2. Число рабочих.

Г. Тихомиров повторяет здесь слова г. В. В., которому принадлежит честь констатирования численного застоя нашего рабочего класса. Для В. В. все значение капитализма сводится к «об'единению рабочих»; понятно, почему он употребил так много усилий для доказательства того положения, что число наших рабочих «стоит на одной цифре». Раз доказано это положение, — доказана и неспособность капитализма, хоть в каком-нибудь смысле, содействовать успехам русской культуры. Люди, знающие, что роль капитализма не ограничивается одним «об'единением рабочих» — знают также, что констатируемый г. В. В. факт все еще ничего не доказывал бы, даже в том случае, если бы он был верен. Люди же, знакомые со статистикой современной России, знают, кроме того, что не верен и самый факт. В самом деле, как доказывает его г. В. В.? Из одной статьи «Вестника Европы» он «почерпнул следующую таблицу, касающуюся истории русских фабрик и заводов, не обложенных акцизом»:

	Число рабочих.	Число фабрик.	Сумма производ. в руб.	Производ. на 1 раб. в руб.
В 1761 г. было	7.839	200	2.122.000	около 300
1804 »	95.202	2.423	26.750.000	
1842 »	455.827	6.930	97.865.000	
1854	459.637	9.444	151.985.000	» 330
» 1860 »	393.371	16.451	342.910.000	» 870

Из этих данных г. В. В. заключает, что с 1842 года, т.-е. с тех пор как Англия разрешила свободный вывоз машин, а главным образом с 1854 г. развитие русского производства начало следовать развитому им «закону», т.-е. что «рядом с увеличением его (капитала) оборотов идет уменьшение числа рабочих,—производство расширяется не в ширь, а в глубь» [1]). Так ли это? Не совсем.

Чтобы найти «закон» развития русского производства, нужно брать во внимание все русское производство в его целом, а не отдельные его части. Почему же г. В. В. строит свой вывод лишь на данных, относящихся к «фабрикам и заводам, не обложенным акцизом»? Этого не знаем ни мы, ни, вероятно, г. Тихомиров, повторяющий чужие слова без надлежащей критики. А между тем, пока этот вопрос остается без ответа, найденный г. В. В. «закон» будет стоять лишь на одной ноге. В истории западно-европейского капитализма можно найти не мало примеров «расширения производства не в ширь, а в глубь». Во Франции, по словам Мородэ-Жоннеса, общая сумма стоимости продуктов шерстяного производства возросла в период времени от 1811 до 1850 г.г. на 74%, количество употребляемых в нем станков увеличилось почти вдвое, число же занятых им рабочих «уменьшилось на 15.000» [2]). Доказывает ли это, что число французских рабочих, начиная с 1811 года, «стоит на одной цифре» или даже уменьшается? Нисколько; убыль их в одной отрасли производства возмещается прибылью в других; в четыре десятилетия, предшествующие 1850 году, капитализм, несомненно, вовлек в свой водоворот огромную массу рабочих, хотя, конечно, не доставил им обеспеченного заработка, как в этом хотят уверить читающую публику буржуазные экономисты. Г. В. В. нужно было доказать, что подобное же явление не имело места в России, тем более, что именно с сороковых годов у нас получили быстрое развитие некоторые производства, обложенные акцизом.

Сделал ли он это? Он не мог этого сделать, потому что приводимые им цифровые данные не годятся ни для каких серьезных выводов; цифры, относящиеся, например, к 1842 году, просто-на-просто несоизмеримы с цифрами, относящимися ко второй половине шестидесятых годов: они собирались различными учреждениями, при помощи различных приемов, и потому имеют неодинаковую степень достоверности. До 1866 года в основании статистических исчислений лежали преиму-

---

[1]) См. «Судьбы капитализма в России», стр. 26—27.

[2]) «Statistique de l'industrie de la France», p. 34.

щественно сведения министерства финансов, доставляемые самими фабрикантами и большею частью очень неточные. До 1861 года заводы, обложенные акцизом, вовсе не входили в счет. И, наконец, только в 1866 году, благодаря стараниям центрального статистического комитета, получаются уже более точные цифры. Г. В. В. поступил бы осторожнее, если бы совсем не строил никаких законов на шатком основании такой «статистики». Но, не говоря уже об этом, приводимые им цифры не сходятся с данными центрального статистического комитета, т.-е. единственными данными, заслуживающими хоть некоторого доверия. По сведениям этого комитета, общая цифра рабочих, занятых «мануфактурной промышленностью» в Европейской России (не считая Царства Польского и Финляндии), равнялась 829.573. По различным же группам производства она распределялась следующим образом:

	Рабочих.
По обработке волокн. веществ	294.866
» дерева	14.639
» животных продуктов	38.757
» минеральных продуктов	49.332
» металлов	128.058
» химических произв.	13.728
» табаку	26.116
» питательных продуктов	262.026
» разных производств	3.052 [1]

«О чем поют эти цифры»?—спросим мы словами г. В. В. Прежде всего о том, что даже в производствах, не обложенных акцизом, число рабочих было в 1866 г. гораздо выше той цифры, которая должна была свидетельствовать в пользу его «закона».

Но и эти цифры неточны, и они ниже действительности. В прибавлении к главе о мануфактурной промышленности г.г. издатели «Военно-Статистического Сборника» сознаются, что «в указателе к выставке (1870 года) и в атласе Тимирязева» они «встретили много фабрик и заводов, которых не оказывалось в прежних источниках». Страницы 913—914 «Сборника», напечатанные мелким, крайне убористым шрифтом, целиком заняты перечислением таких фабрик. В этом новом списке упоминаются лишь такие предприятия, производство которых не ниже 25.000 рублей, большая же часть его говорит о фабриках, производство которых превышает 100.000 р. с. Но и атлас г. Тимирязева

[1] См. «Военно-Статистический Сборник», выпуск IV, Россия, СПБ. 1871 г., стр 322—325.

был неполон. По заявлению г. Скальковского, основанному на словах «многих фабрикантов», помещенные в этом атласе цифры «оказываются все-таки далекими от истины», даже после поправок, сделанных в них г.г. Алафузовым и Александровым [1]).

И это совершенно понятно. Именно с 1842 года, т.-е. со времени разрешения свободного вывоза машин из Англии, многие «не обложенные акцизом отрасли нашего производства получили сильное развитие и «в ширь» и «в глубь». С этих пор, например, только и начинают развиваться наши бумагопрядильни. Этому развитию «отчасти содействовало и то, что в 1841 году... у нас была возвышена пошлина на привозную пряжу». И хотя пошлина эта была отменена в 1850 году, тем не менее успех русского бумагопрядения был уже обеспечен, собственная пряжа стала все более и более вытеснять привозную. Какой переворот произошел в нашей бумажной фабрикации в какие-нибудь сорок лет, о том можно судить из следующих цифр:

В 1824—1825 г.г. было привезено			74.268 п. сырца
			2.400.000 » пряжи
» 1844 г.	»	»	590.000 » сырца
			600.000 » пряжи
» 1867 г.	»	»	3.394.000 » сырца
			186.804 » пряжи

А что этот «переворот» вызван был расширением нашей капиталистической промышленности после 1842 г., между прочим, и «в ширь», видно из того обстоятельства, что многие ткацкие, бумажные и другие фабрики датируют у нас с очень недавнего времени. «Развитие бумагопрядения отразилось и в дальнейшей обработке бумажной пряжи. Ткацкие крестьянские станки из тесных изб мало-по-малу начали переходить в просторные светелки с 10 и более станами, на которых *работали,* кроме хозяина, и *наемные люди*. ...Наконец, получили совершенно новый вид белильное, красильное и набивное производство. *Из домашних и ремесленных заведений по этим частям образовались настоящие фабрики,* из которых некоторые в короткое время сравнялись с заграничными» [2]). В «одном из наименее промышленных уездов Московской губернии», именно Клинском, по словам г. Эрисмана, «наибольшее число существующих теперь мелких ткацких фабрик было

[1]) См. «Стенографический очерк заседаний 3-го отделения первого всероссийского с'езда фабрикантов, заводчиков» и т. д., стр. 37.

[2]) «Военно-Статистич. Сборн.», выпуск IV, стр. 378.

основано в конце 60-х и начале 70-х годов. Бумагопрядильня Балина и Макарова (432 рабочих обоего пола) была основана в 1840 году; самоткацкая бумажная фабрика Каулена, Капустина и Красногорова (776 чел. обоего пола)—в 1849 году; шелкоткацкая и ковровая фабрика Фландена (275 раб.)—в 1856 году; самоткацкая бумажная фабрика Кашаева (от 500 до 700 раб.)—в 1864 году. Спичечное производство получило свое начало в 1863 году устройством первого завода Захарова (на 2 его завода 90 чел.; на зав. Штрама 60). Приблизительно в то же время значительно расширилась начавшаяся уже выделка опоек устройством нескольких новых заводов в Стешине. Что касается развития фабричной промышленности в уезде в течение 70-х годов, то о ней можно судить по следующим цифрам, показывающим число *тех из осмотренных нами* фабрик и заводов, которые заведомо устроены *после 1871 года:*

Ткацких фабрик	16
Отбельных и красильных заведений	3
Красильных заведений	3
Кожевенных заводов	3
Зеркальных заведений	6
Сандальная мельница	1
Бахромное заведение	1
Механический завод	1
Паточный завод	1
Картофельно-терочный завод	1
Спичечный завод	1
Химический завод	1
Сапожное заведение	1

В действительности, число фабричных заведений, основанных после 1871 года, а в особенности количество мелких ткацких фабрик, устроенных в 1870-х годах, значительно больше, нежели здесь показано, так как, во-первых, мы не посетили всех мелких заведений и, следовательно, ничего не можем сказать о времени их основания, во-вторых же—даже в осмотренных нами заведениях мы не всегда получили точные сведения о времени их возникновения.

Кроме того, надобно заметить, что и в настоящее время (1880 г.) в Клинском уезде устраиваются новые фабрики. Так, напр., товарищество Кашаева расширяет свое производство, устраивая бумагопрядильную фабрику; Ф. О. Захаров выстроил новый спичечный завод при г. Клине; при сельце Щекине, Троицкой волости, возникло новое грохотоплетное заведение, принадлежащее крестьянину Никифору Пав-

лову; паровой лесопильный завод при Завидовской станции Ник. жел. дороги расширил свое производство; наконец, при Солнечногорской станции устроен завод Фришмака, изготовляющий колесную мазь [1]).

«О чем поют» эти факты, заимствованные из экономической жизни одного из наименее промышленных уездов Московской губ.? Ни в каком случае не о том, что число фабричных рабочих «стоит на одной цифре». Скорее всего они поют о том, что наши самобытные писатели употребляют слишком уже самобытные приемы для доказательства русской самобытности. Это—вообще; а г. Тихомирову они напевают о том, что в основе его программы лежит слишком поверхностное знакомство с современным состоянием нашей промышленности. Г. Тихомиров совершенно ошибается, если серьезно думает, что у нас «количество фабрично-заводских рабочих не превышает 800.000 человек». Для фабрик и заводов Европейской России (не считая, конечно, Царства Польского) число это, по официальным сведениям, действительно «не превышает» указанного г Тихомировым числа: в 1879 году оно равнялось 711.097, при чем сюда *не вошло, однако, число рабочих на винокуренных заводах.* Но г. Тихомиров забыл, что эта «цифра» относится лишь к обрабатывающей промышленности. Он совсем не принял в расчет горнозаводских рабочих. А между тем, в горнозаводской промышленности рабочих в том же 1879 году было 282.959 человек, а в следующем 1880 году число это *увеличилось* почти на десять тысяч. В сумме получается 1.003.143. Но можно ли признать эту цифру точной хоть приблизительно? Не забудем, что это, официальные цифры, которые собираются нашей администрацией и которым сама эта администрация дает насмешливое название «министерских цифр». Мы уже знаем, что еще издатели «Военно-Стастистического Сборника» указывали на то обстоятельство, что получаемые таким образом цифры «бо́льшею частью неполны и ниже действительности». На «Первом Всероссийском С'езде фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественной промышленностью», в заседании 3 отделения С'езда, 29 мая 1870 года, также было констатировано, что «существующий способ собирания статистических сведений о промышленности исключительно путем срочных ведомостей, доставляемых земскою полицией, до *крайности неудовлетворителен»,* и что собранные таким образом статистические данные значительно ниже действительности. По мне-

[1]) «Сборник статистических сведений по Московской губ.», Отдел санитарной статистики, т. III, выпуск I, Эрисман, «Исследование фабричных заведений Клинского уезда», Москва 1881 г., стр. 7—8.

нию Н. С. Ильина—«что у нас нет *статистики* ни промышленной, ни торговой,—это такие известные истины, которые каждый знает» [1]). Эта неполнота и неточность остаются неоспоримым фактом и в настоящее время. В цитированном уже исследовании г. Эрисмана мы читаем (стр. 6), что, по собранным им сведениям, «*число рабочих оказалось вдвое больше, нежели оно показано в ведомости исправника*». Это зависит, по его словам, «главным образом от того, что владельцы фабрик и заводов, будучи спрошены официальным путем о количестве рабочих на принадлежащих им заведениях, *почти всегда показывают значительно меньше действительности*». Есть ли какие-нибудь основания думать, что при более точном статистическом исследовании мы не встретили бы того же и в других уездах и губерниях России? А если нет, то ведь и общую сумму фабрично-заводских рабочих нужно будет увеличить почти «вдвое». Что это предположение едва ли грешит преувеличением, видно из прений, имевших место на упомянутом уже «С'езде фабрикантов». По словам г. А. Б. фон-Бушена, некоторые из фабрикантов «прямо сознавались ему, что они *на половину уменьшают действительность*». Г. Т. С. Морозов, представитель одной из крупнейших в России фирм, сообщил, что «когда полиция собирает сведения, то, напр., большой фабрикант велит приказчику: напиши так, как было прошлый год; и доставляются подобные сведения из году в год, штука в штуку, в течение десяти лет, тогда как и количество вырабатываемого материала, и число рабочих, все изменилось. Чиновник все пишет, что ему ни скажут; он не знает дела». По словам г. М. П. Сыромятникова, «*есть много примеров,* что уменьшают производительность *вдвое* и не мелкие, но очень солидные производители; *иногда уменьшают* свои показания и в *десять раз*. Это факт достоверный». Просим читателей не забывать, что все эти разоблачения делаются самими фабрикантами, для которых вопрос о такого рода проделках есть все-таки «вопрос деликатный». Что же нам думать о писателях, не только строящих свои социально-политические теории на данных, неточность которых очевидна a priori, но продолжающих утверждать, что «число фабричных рабочих стоит на одной цифре» даже после того, как сами фабриканты об'яснили им весьма несложную причину этого явления? В лучшем случае мы должны признать, что эти писатели не знают предмета, о котором рассуждают!

[1]) См. Стенографический отчет заседаний 3-го отделения названного С'езда, стр. 47 и 54.

Но зачем же прибегают фабриканты к указанным хитростям? «Большая часть,—отвечает г. фон-Бушен,—показывает неправду умышленно, из боязни обложения какими-нибудь сборами... некоторые прямо заявляли, что некоторые земства облагают фабрики налогами пропорционально числу *станков, рабочих* и т. п., следовательно, есть прямой расчет показывать меньше». Когда являются собиратели статистических сведений, «заводчик говорит, — да они, вероятно, от земства, должно быть, хотят обложить каким-нибудь сбором по числу рабочих, и делает распоряжение, чтобы показали рабочих вдвое меньше» [1]).

Отсюда мы с ясностью видим, каким образом для русской буржуазии оказывается выгодной уверенность наших революционеров в ее экономическом бессилии. Опасаясь подоходного налога и всяких других напастей на свои капиталы, наши «частные предприниматели» всеми силами стараются скрыть действительные размеры своего производства. Наши революционеры с поразительною наивностью принимают их охи и вздохи за чистую монету; ни на минуту не сомневаются в точности выставляемых ими данных; строят на них целые теории о «соотношении сил на русской почве», и распространяют в нашей молодежи ошибочное представление о формах эксплоатации русского народа. Но именно тем самым наши революционеры играют в руку «рыцарей первоначального накопления» и капиталистического производства.

Впрочем, несправедливо было бы обвинять «Вестник Народной Воли» в распространении таких ошибочных понятий. Главная вина «Вестника» заключается в том, что он постоянно противоречит себе, что, по евангельскому выражению, правая рука его не ведает о том, что творит левая. Г. Тихомиров уверяет читателей в том, что русская «промышленность развивается туго». В статье же «Положение рудокопов и заводских рабочих на Урале», написанной «*по личным наблюдениям*» и помещенной в том же 2 № «Вестн. Нар. Воли», мы встречаем совершенно противоположное. Автор этой статьи «уверен», что если его читатели видели когда-нибудь «разные локомотивы, сеялки, веялки и пр. и пр. крупные машины, сделанные у нас в России, нашими рабочими», то у многих из них, читателей «Вестника», вырывалось следующее восклицание: «Каково!! Да, да, чорт дери!» [2]). Россия исполинскими шагами идет вперед! Ведь еще, так сказать, вчера в Рос-

[1]) Ibid., стр. 31.

[2]) Само собою разумеется, что мы не отвечаем за красоту слога цитируемого нами автора.

сии ничего не могли по этой части сделать не только хорошо, но даже мало-мальски сносно... Ведь еще каких-нибудь 50 лет назад у нас считалось чуть ли не десять заводов на всю Россию, а теперь? теперь на одном Урале одних железоделательных считается чуть ли не 200, а сколько в Петербурге, в Москве и пр., и пр. Да это еще что, дайте нам только свободу... В каких-нибудь 10—15 лет после этого число заводов у нас удвоилось бы, и самое производство, техника улучшилась бы» и т. д. Автор статьи думает, что это несколько растянутое «восклицание» выражает действительное положение дел «верно». По его словам,—а его слова основываются, как мы знаем, на «личных наблюдениях»—мы «в последнее время в этом (т.-е. в промышленном отношении) сделали громадные успехи: число заводов все увеличивается, техника улучшается (вот тебе и «развивается туго»!). Последняя наша выставка показала, что некоторые наши металлические заводы стоят почти наравне с лучшими заводами Европы» [1]). Извольте разобраться во всей этой путанице! Кому верить, г. Тихомирову или человеку, «лично наблюдавшему» развитие нашей промышленности? В довершение курьеза заметим, что когда этому последнему «приходится читать» написанные не по личным наблюдениям «статьи какого-нибудь нашего ученого или неученого писателя о положении наших рабочих, то, кроме горького смеха», они в нем «ничего не вызывают». Воображаю, как мефистофелевски расхохотался он, прочитавши сообщение г. Тихомирова о «тугом» развитии нашей промышленности!

Но оставим *экономические противоречия* «Вестника Народной Воли» и возвратимся к г. Тихомирову: в настоящее время часть интересует нас больше целого.

Мы показали нашему автору, что сообщенные им данные не соответствуют даже «официальной правде». Мы привели, кроме того, данные, на основании которых можно быть уверенным, что эта «официальная правда», в свою очередь, не соответствует действительности. Теперь мы скажем ему, что он просто-на-просто не умеет обращаться даже с теми неверными статистическими цифрами, какие находятся в его распоряжении, так как оперирует с величинами, совершенно несоизмеримыми. По его словам, в нашей «стране на 100 миллионов жителей приходится 800.000 рабочих, об'единенных капиталом»—отношение весьма неблагоприятное для нашей промышленности. Но цифра 100.000.000 (точнее — 101.342.242) выражает собою население всей

[1]) «В. П. В.», № 2, стр. 155—156.

империи, т.-е. не только Европейской России (76.589.965), но Царства Польского (7.319.980), Финляндии (2.060.782), Кавказа с Карской и Батумской областями (6.254.966), Сибири (3.965.192), Средней Азии (5.151.354). Количество же рабочих указано г. Тихомировым на основании полицейских данных, относящихся только к одной Европейской России, и притом исключительно к одной «мануфактурной промышленности». Что сказать о таких приемах сравнительного статистического исследования?

3. Кустари.

Но это не все. Приводя свои цифры, он имеет в виду рабочих, «об'единенных капиталом», находящихся «в более или менее значительной зависимости от буржуазии» и т. д. Знает ли он, что число таких рабочих гораздо выше вероятного числа фабрично-заводских рабочих, собственно так называемых? В этой зависимости находится огромное число кустарей, утративших почти всякую самостоятельность и очень успешно об'единяемых» капиталом. На это обстоятельство было указано уже в «Военно-Статистическом Сборнике», вышедшем в 1871 году. Более новые исследования вполне подтверждают эти указания. Так, например, от г. В. С. Пругавина мы узнаем, что «*в одной* Московской губернии количество ткачей-кустарников простирается до 50.000 человек. Между тем из всего громадного ткацкого района Московской губернии на выставку явилось в качестве экспонентов *всего лишь 12 кустарей.* ...Причина этого факта заключается главным образом в том, что *громадная масса ткачей*-кустарников *работает не на себя,* а на более или менее крупных хозяев, которые раздают крестьянам на дома сырой материал производства. Словом, *в ткацких промыслах господствует домашняя система крупного производства*» [1]). Во Владимирской губернии «чрезвычайно разнообразные» ткацкие промыслы играют в высшей степени важную роль в экономической жизни населения. В *одной* бывшей Опаринской *волости,* Александровского уезда, одним шерстяным производством «занято 22 селения, в которых работает 1.296 человек». Стоимость ежегодно производимого кустарями продукта—155.000 рублей. Что же, находятся эти кустари вне более или менее полной зависимости от буржуазии? К сожалению, нет. «Обращаясь к экономике промысла, мы встречаем здесь прежде всего

[1]) В. С. Пругавин, «Кустарь на выставке 1882 года», Москва 1882 г., стр. 9.

тот факт, что масса кустарей лишена самостоятельного кустарного хозяйства и работает на мастеров или фабрикантов». Дело зашло в этом отношении так далеко, что «в производстве краски, где самостоятельный кустарь получает в 1½ раза больше, чем зависимый промышленник, *число работающих на себя производителей равно лишь* 9% общего числа кустарей» [1]).

Что шерстяное кустарное производство стало уже на «путь естественного движения» капитализма—видно как из самой «экономики» этого промысла, так и из неравенства, создаваемого им в среде крестьян. «Шерстяной промысел, с его резкими переходами, от полного застоя к оживлению во время войны—познакомил их (кустарей), по крайней мере, более крупных производителей, с промышленной спекуляцией, со всеми прелестями ажиотажа, с быстрым обогащением и еще более быстрыми крахами... Разбогатевшие фабриканты [2]) прежде всего торопятся воздвигнуть палаты по 9—15 окон в каждом этаже. В деревне Корытцеве такие дома составляют половину. В Опаринском округе, при виде каменного или вообще большого дома, вы можете быть уверены, что здесь живет мастерок-фабрикант» [3]).

Наибольшее развитие во Владимирской губ. получил бумаготкацкий промысел. «В одном Покровском уезде работает более 7.000 ткацких станков, вырабатывающих ежегодно товара на 2½ милл. руб. В Александровском уезде бумажное производство охватило 120 селений, в которых работает слишком 3.000 ткацких станков». Но и здесь обнаруживается указанный выше процесс превращения кустарного промысла в капиталистическую систему крупного производства. «Интересно проследить, — говорит г. В. С. Пругавин, — в рассматриваемом промысле постепенный процесс перехода мелкой кустарной формы производства в крупную, самоткацкую. Между этими двумя экономическими формами производства существует много переходных; говорить о них, значит рассматривать постепенный процесс капитализации кустарного ткачества. В Покровском уезде мы встречаем, напр., в бумажном производстве всевозможные формы промышленных единиц. Господствующей формой является до сих пор кустарная изба. В настоящее время в Покровском уезде работает на домах 4.903 станка, а на самоткацких—3.200 станков. Переходными же ступенями являются

[1]) Ibid., стр. 10.

[2]) Просим заметить, что они выходят из тех же крестьян.

[3]) Ibid., стр. 11.

светелки, в которых сосредоточены 2.330 станов и которые от 6—10 станов достигают размеров настоящих фабрик—в 100 и более станов. На таких крупных ручных светелках зависимость ткача от фабриканта выражается резче, чистый заработок кустаря меньше, условия работы менее благоприятны, чем в мелких промышленных единицах. Еще шаг — и мы в области самоткацкого производства, где кустарь-ткач уже окончательно превратился в деятельного рабочего. *Число крупных светелок в Покровском уезде постоянно возрастает, и часть их в самое последнее время уже перешла к самоткацкой работе.* Число мелких самостоятельных ткачей-кустарников очень ограничено. В Александровском уезде *их совсем нет.* В Покровском уезде число их не превышает 50 чел. Хотя крупные светелки по существу ничем не отличаются от мелких, тем не менее большие размеры этих светелок и постоянное возрастание их в количественном отношении несомненно указывают на тенденцию и постепенное фактическое приближение чисто кустарной формы бумаго-ткацкого производства к форме крупной, фабричной, к типу капиталистической организации народного труда» [1]).

Перейдем к другим уездам той же Владимирской губернии.

«Экономическая организация бумажного ткачества в Юрьевском уезде,—читаем мы в другом труде того же В. С. Пругавина,—в общем сходна с той, которую мы наблюдали в Александровском и Покровском уездах. Как и в двух раньше рассмотренных нами уездах, экономические условия бумажного производства вылились здесь в форму домашней системы крупного производства... 98,95% всего производимого в Юрьевском уезде бумажного товара вырабатывается путем домашней системы *крупного производства,* и только 1,05% приходится на долю»... вы думаете самостоятельных кустарников? Нет, «на долю мелких самостоятельных фабрикантов» [2]).

Вобще во всей северо-западной части Владимирской губернии «прядильные и ткацкие фабрики заняли собою почти все свободные руки, и народонаселение здешнее почти все обратилось в фабричных рабочих, так что мелкие ручные производства здесь представляются

---

[1]) Ibid., стр. 13.

[2]) Общее количество станов в Юрьевском уезде равняется 5.690, из них на крупных хозяев работает 5.630, на мелких фабрикантов—60. Что остается на долю самостоятельных производителей? См. «Сельская община, кустарные промыслы и земледельческое хозяйство Юрьевского уезда, Влад. губ.», Москва 1884. стр. 60—61.

не более, как *последними остатками* некогда сильной кустарной промышленности. Конечно, обладание землей еще сохранило крестьянину этого края *некоторые* черты земледельца, в особенности в тех местностях, где земля плодородна, но его подчинение капиталу едва ли слабее, чем и всякого бездомного фабричного рабочего. Многие чистые кустарники, при всей своей кажущейся самостоятельности в производстве, вполне зависят от перекупщиков, которые в сущности являются фабрикантами-заказчиками, только без фирм» [1]).

В Шуйском бумаго-ткацком округе еще в конце шестидесятых и начале семидесятых годов, «с открытием новых механических ткацких заведений, сельское население очень быстро начало стягиваться на большие фабрики и переходить в чисто-фабричный класс рабочих. Таким образом сельский труд ткачей окончательно утрачивает и ту последнюю тень самостоятельности, какою он пользовался при работе в «светелке», этих низких, смрадных сараях, уставленных станами и битком набитых рабочими обоего пола и возраста» [2]).

Ошибочно было бы думать, что указанные факты имеют место *лишь* в Московской и Владимирской губерниях. В Ярославской губернии мы видим совершенно то же самое. Еще Н. Ф. Штукенберг, в своем «Описании Ярославской губернии» [3]) говорил о ткачах села Великого, которых он насчитывал 10.000 человек, как о самостоятельных производителях. Он писал этот очерк на основании данных М. В. Дел, относившихся к сороковым годам. В то время и «до 1850 года полотняное производство в селе Великом носило чисто крестьянский, кустарный характер. Каждая крестьянская изба была полотняною фабрикою. Но в 1850 году *крестьянин* этого села Лакалов устроил ткацкие станки стал скупать в Тульской губ. пряжу, часть которой отдавал для тканья крестьянам. Примеру Лакалова последовали многие другие, и таким образом стали образовываться полотняные фабрики. На великосельских фабриках ежегодно раздавалось крестьянам, не только своим, но и костромским и владимирским, пряжи до 30.000 пуд. В одном с. Великом выделывалось крестьянами в 1867 году до 100.000 кусков.:. За несколько лет назад в с. Великом полотняным производством занима-

[1]) См. «Статистический Временник Российской Империи», выпуск III, Материалы для изучения кустарной промышленности и ручного труда в России, СПБ. 1872, стр. 198.

[2]) Ibid., стр. 200.

[3]) Статистические труды Штукенберга, статья X, «Описание Ярославской губ.», СПБ. 1858.

лись только женщины, но теперь, с введением самолетов (усовершенствованных ткацких станков), ткачество сделалось почти исключительно принадлежностью мужчин и мальчиков, начиная с 10 лет» [1]). Эта последняя перемена означает, что ткачеству отведена уже более важная роль при распределении занятий между членами крестьянской семьи. И действительно. Льнопрядение и тканье полотен составляют теперь «главный промысел крестьян в местности, окружающей село Великое». Какую роль играет *фабрика в кустарном* ткачестве крестьян, видно из того обстоятельства, что «с развитием в этой местности льнопрядильных и льнотрепальных фабрик, равно как и заводов для беления полотен химическим способом, льняная промышленность развивается там с каждым годом» [2]).

В Костромской губернии льнопрядение и ткачество доставляли и доставляют «заработки крестьянам обоего пола в особенности в селениях Кинешемского, Нерехотского, Костромского и Юрьевецкого уездов». Но и здесь беда в том, что «с развитием льнопрядильных фабрик выделка льняных изделий из домашней пряжи почти совсем упала в крае, так как крестьяне убедились в невозможности соперничать с фабричным приготовлением пряжи и стали тщательнее обделывать и продавать самый лен, не превращая его в домашнюю пряжу и *свое* полотно».

Не нужно забывать, что домашнее ткачество давало иногда занятие целой крестьянской семье в течение 9 месяцев, т.-е. трех четвертей года. Куда же понесет свой труд эта семья теперь, когда «со введением самоткацких машин и механического прядения ручное ткачество и ручная аппретура изделий уменьшились более, чем на половину»? Понятно—куда. «Крестьяне предпочитают работу на ближайших фабриках домашнему производству ткацких изделий» [3]).

Некоторые отрасли кустарного производства Калужской губернии, повидимому, составляют исключение из общего, указываемого нами, правила. Там крестьянские ткацкие побивают большие купеческие фабрики. Так, напр., ленточное и тесемочное производства «возникли в Малоярославском уезде с учреждением в 1804 г. бумажно тесемочной фабрики к. Малютина, производство которой с 20.000 руб. достигло в 1820 г. до 140.000 руб., по случаю устройства мельничных

[1]) См. цитированный уже выпуск «Временника», стр. 149—150.

[2]) См. «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства», прил. I, отд. II, стр. 166.

[3]) Ibid., стр. 170—171.

станков Рошэ, на которых 1 работник может зараз ткать 50 лент или тесемок. Но когда такие же станки стали вводиться и в окрестных крестьянских ткацких, то производство Малютинской фабрики упало в 1860 г. до 24.000 р., и наконец эта фабрика совсем закрылась». Наши самобытники умозаключат отсюда, что русскому кустарю не страшна конкуренция капиталиста. Но такое умозаключение будет столь же легкомысленным, как и все прочие их попытки установления тех или других экономических «законов». Во-первых, если бы над Малютинской фабрикой и действительно восторжествовал самостоятельный кустарь, то нужно было бы еще доказать, что торжество это может быть продолжительным. История ткацкого промысла той же губернии дает сильный повод к сомнению. Открытая в 1830 г. первая бумаготкацкая фабрика в имении П. М. Губина также не могла выдержать конкуренции деревенских производителей, и кустарный промысел процветал до 1858 г. Но «с этого времени стали вводиться *механические* самоткацкие фабрики, с паровыми двигателями, которые, в свою очередь, начали вытеснять ручной ткацкий труд. Так, в Медынском уезде работало прежде до 15.000 ручных станков, в настоящее же время работает только 3.000» [1]). Кто поручится нам, что и в области тесемочного и ленточного производства новые улучшения техники не перетянут чашки весов на сторону крупных капиталистов? Ведь прогресс промышленности неизменно сопровождается относительным возрастанием постоянной части капитала, в высшей степени гибельным для мелких производителей. Кроме того, большой ошибкой было бы думать, что в приведенных нами случаях борьба шла между самостоятельными производителями, с одной стороны, и капиталистами—с другой. Губинскую фабрику подорвали не самостоятельные производители, а «небольшие ткацкие заведения в крестьянских избах», тотчас понизившие *задельную фабричную плату*». Борьба шла между крупным и маленьким капиталом, при чем этот последний восторжествовал путем увеличения эксплоатации трудящихся. То же самое было и в тесемочно-ленточном производстве. Станки Рошэ приобретались «мастерками», а не самостоятельными кустарями. Ткач, ленточник и тесемочник все более и более утрачивают всякую тень самостоятельности, так что им приходится выбирать лишь между местным фабрикантом и «мастерками», которые «берут основу у московских фабрикантов, ткут из нее материю на своей домашней фабрике за *поаршинную плату*, или раздают

[1]) «Доклад» и т. д., отдел II, стр. 158—159.

для этого другим крестьянам, и затем отправляют готовую работу фабриканту». Многие из этих мастерков ведут довольно крупное, по своему, дело и превращаются в настоящих «фабрикантов». В Малоярославском уезде 2 бумаготкацкие «кустарные фабрики» занимают до 40 рабочих; 5 бумаго-тесемочных крестьянских фабрик в Овчининской и Неделинской волостях имеют 145 станков при 163 рабочих; бумаго-ленточная фабрика в Овчининской волости—7 станков и 8 рабочих и т. д. [1]). В Московской губернии в «кустарном» парчевом производстве существуют «крестьянские парчевые фабрики с оборотом на сотни тысяч рублей» [2]).

«О чем поют эти цифры» и факты? Г. Пругавина они убедили в том, что «кустарное ткачество фатальным образом, хотя и медленно, переходит в крупную форму производства». Но можно ли ограничить этот вывод одним ткачеством? Увы! Есть немало других отраслей кустарного производства, в которых только слепой не заметит того же самого процесса.

Вот перед нами башмачный промысел Александровского уезда Влад. губ. В этом промысле «значительные размеры основного и оборотного капитала и ничтожная роль мелких мастерских в производстве, строго проведенное в крупных заведениях детальное разделение труда и незначительные размеры затрат из общей суммы оборота на покупку труда,—все это с поразительною ясностью свидетельствует, что мы имеем дело с производством, которое переходит из стадии ремесла на степень мануфактуры» [3]).

А вот кустари-кожевники, которые «все более уменьшаются в числе», и причиною этого уменьшения является конкуренция со стороны крупных заводов. «Заводы, благодаря лучшим условиям, как материальным, так и техническим, имеют возможность работать лучше и дешевле кустарей. Не подлежит никакому сомнению, что кустарям-кожевникам трудно устоять перед конкуренцией заводского производства, более удовлетворяющего потребностям времени».

Вот, наконец, производство картофельного крахмала и патоки. В Московской губернии «промысел этот сосредоточивается в 43 селениях, в которых насчитывается 130 заведений, из них 117 крахмальных и 13 паточных. Здесь нет еще крупных фабрик, какие мы видим в ткац-

---

[1]) «Доклад», отд. II, стр. 158—159.

[2]) «Статистический Временник», вып. 3, стр. 308.

[3]) В. С. Пругавин, «Кустарь на выставке», стр. 28.

ких округах, но кустарное производство и здесь начинает принимать капиталистический характер. В этом промысле весьма видную роль играет наемный труд: так, в 29,8% всех заведений исключительно он представляет рабочую силу, на 59,7% он участвует в производстве наравне с членами хозяйской семьи [1]), и только 10% обходится почти без его помощи. Причины этого факта кроются в значительной величине основного капитала, непосильного для большинства крестьян».

Кузнечный промысел Новгородской, Тверской и всех тех губерний, в которых он играет сколько-нибудь важную роль в крестьянском быту, все мелкое металлическое производство Нижегородской губ.— также показывают окончательную потерю всякой самостоятельности производителями [2]). Кустари не испытали еще здесь конкуренции крупного промышленного капитала, но роль эксплоататора отлично исполняют—свой брат-крестьянин или купцы, от которых производители получают сырой материал и которым они передают готовый продукт.

В Нижегородской губернии «есть не мало таких местностей, где целые общества живут исключительно ручными произведениями и, по условиям жизни, мало чем разнятся от фабричных рабочих. Таковы известные селения Павлово, Ворсма, Богородское, Лысково и некоторые волости и селения Семеновского и Балахнинского уездов» [3]). Рабочие не «об'единены» здесь капиталом, но они несомненно *закабалены* ему и составляют, так сказать, иррегулярную армию капитализма. Зачисление их в регулярное войско является лишь делом времени и хозяйского расчета.

Современное положение кустарей так неустойчиво, что часто потеря самостоятельности начинает угрожать производителям единственно вследствие улучшения способов производства. Так, напр., кустарь И. Н. Костыльков изобрел четыре машины для производства гребней. Они в весьма значительной степени увеличивают производительность труда и стоят, собственно говоря, очень недорого. Тем не менее, г. Пругавин выражает весьма справедливое опасение того, что «они произведут весьма крупное изменение в области экономической

---

[1]) Каково положение работников в этих семьях-предпринимателях, видно из следующих слов г. Эрисмана: «Сын владельца зеркального заведения, будучи нами спрошен, занимается ли он в подводной (т.-е. натиранием ртутью зеркальных стекол), ответил: «нет, мы себя не портим», Эрисман, ibid., стр. 260.

[2]) См. статью о «Кузнечном промысле в Уломской волости, Череповецкого уезда, Новгородской губ.», в цитированном уже «Докладе».

[3]) «Статистич. Врем. Российской Империи», вып. 3, стр. 83.

организации гребенного производства», разумеется, в смысле подрыва самостоятельности производителей. Г. Пругавин полагает, что следовало бы «притти в этом случае на помощь массе кустарей гребенщиков, дать им возможность овладеть машинами на началах коллективизма». Конечно, было бы очень хорошо сделать это; но вопрос в том, *будет* ли это сделано? Нынешние власть предержащие, как известно, очень мало сочувствуют «началам коллективизма», а мы решительно не знаем—скоро ли у нас будут власти, симпатизирующие таким началам, скоро ли, например, у кормила правления станет «партия Народной Воли», которая положила бы «начало социалистической организации России». А пока эта партия будет лишь толковать о захвате власти, дело может измениться только в худшую сторону; нынешние кандидаты в пролетарии—завтра могут совсем стать таковыми. Можно ли игнорировать этот факт при изучении экономических отношений современной Росии? Число кустарей равняется у нас нескольким *миллионам,* и многие отрасли кустарного промысла частью переходят, частью совсем уже перешли в домашнюю систему крупного производства. По сведениям, собранным еще за 1864 год, «приблизительное число рабочих, занятых по деревням выделкою бумажных изделий из пряжи на счет фабрикантов (только одних таких рабочих!) было 350.000 человек». Говорить после этого, что число наших промышленных рабочих не превышает 800.000—значит изучать Россию лишь с помощью статистических упражнений письмоводителей, становых приставов и квартальных надзирателей.

4. Кустарный промысел и земледелие.

До сих пор наши кустари остаются еще крестьянами. Но какие это крестьяне! Из так называемого подспорного промысла кустарное производство превратилось во многих местах в главную доходную статью крестьянина. Это ставит земледелие в зависимое, подчиненное положение. На нем отражаются все колебания нашей промышленности, все перипетии ее развития. По словам того же г. Пругавина, «*расстройство крестьянского хозяйства*» ткачей Владимирской губернии является неизбежным следствием наших промышленных кризисов. При такой зависимости земледелия от промышленного труда не нужно быть пророком, чтобы предсказать время окончательного падения крестьянского хозяйства ткачей: оно совпадает с переходом «домашней системы крупного производства»—в систему фабричную. Прежний кустарь дол-

жен будет бросить одну часть своих занятий, чтобы не лишиться их обеих. И он, конечно, предпочтет бросить землю, которая в промышленной полосе России далеко не оплачивает лежащих на ней податей и повинностей. Факты отказа крестьян от земледелия и теперь уже имеют место.

По словам г. А. Исаева, упомянутое выше село Великое «давно уже перестало быть деревней. Из всего числа домохозяев (до 700) только 10—15 обрабатывают землю, большинство же не умеет владеть ни сохой, ни даже косой... Эти 10—15 домохозяев и крестьяне ближайших к Великому селений арендуют у великоселов всю общественную землю с платою 1 руб. за десятину пашни (при такой высоте «поземельной ренты» нетрудно и совсем отказаться от земли, заметим мы мимоходом). Низкому уровню хлебопашества вполне соответствует и положение скотоводства: едва на 3 двора приходится 1 корова и 1 лошадь... Великосел утратил облик крестьянина».

Да и в одном ли селе Великом мы можем наблюдать процесс этой утраты? Еще «Военно-Статистический Сборник» констатировал тот факт, что хлопчатобумажная кустарная промышленность «во многих местах есть занятие побочное; но есть местности, где оно является главным и даже единственным» [1]). Точно так же «сапожничество служит теперь главным средством существования для кимрских крестьян и отодвинуло земледелие на второй план. В Кимрском районе обращают внимание исследователя много запущенных полос земли; упадок земледелия невольно бросается в глаза»,—сообщает нам г. Пругавин. Как истый народник, он утешает себя тем соображением, что «в данном случае следует винить не столько самый промысел, сколько те неблагоприятные условия, в каких находится земледельческий труд», и что большинство кустарей «*еще не окончательно* бросило землю». Но, во-первых, цитированный уже «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства» показывает, вопреки г. Пругавину, что именно большинство кимрских крестьян «бросило землю» окончательно [2]); а во-вторых, все сказанное им по этому поводу представляет собою довольно сомнительное утешение

[1]) Стр. 384.

[2]) «В этом селении всех крестьянских и бобыльских дворов считается до 670, и только не более 70 домохозяев занимается хлебопашеством, пользуясь всею принадлежащею селению землею» (сапожным промыслом они уже не занимаются. «Доклад», отд. II, стр. 153). Сведения эти сообщены «старшиною и крестьянами Кимрской волости».

Кем бы и чем бы ни было вызвано падение земледелия, оно представляет собою существующий факт, благодаря которому многие кустари могут скоро совсем вырваться из-под «власти земли». Конечно, теперь еще можно было бы замедлить этот процесс, поставивши земледелие в лучшие условия. Но здесь опять-таки является вопрос— кто же поставит его в эти условия? Существующее правительство? Оно не хочет. Революционная партия? Она еще не может. А до тех пор, пока солнце взойдет, роса очи выест, пока наши революционеры будут иметь силу для осуществления своих реформаторских планов,—от крестьянского земледелия многих местностей может остаться лишь одно воспоминание.

Упадок земледелия и разложение старых «устоев» крестьянского мира представляют собою неизбежное следствие развития кустарного производства, конечно, при настоящих, *действительных,* а не при тех *возможных* условиях, которыми утешаются наши Маниловы и которые неизвестно еще когда будут. Так, например, в Московской губ. «частые сношения (кустарей) с московским торговым миром действуют разлагающим образом на обычно-правовые отношения. Мир совершенно не вступается в семейные разделы, а вершит их старшина или волостной суд «*по закону*», детей отец делит *по завещанию*... после смерти мужа бездетная вдова лишается недвижимой собственности (дома), которая переходит к родственникам мужского поколения, а сама получает $^1/_7$ часть [1]). Каким образом тот же кустарный промысел, дойдя до известной степени развития, стремится подорвать земледелие,—видно из примера крахмально-паточного производства. «Характерным фактом в районе рассматриваемого промысла является *крайне неравномерное распределение между домохозяевами надельной земли.* Так, в деревне Цибино, Бронницкого уезда, 44,5% всей земли, нарезанной на 166 домохозяев, находятся в руках всего только 18 заводчиков из *крестьян,* при чем на каждого из них приходится по 10,7 душевых наделов, между тем как 52 исправных домохозяев владеют всего 172 душевыми наделами или по 3,3 надела на двор. Понятно, что чем более будет увеличиваться доходность промысла... тем более будет у заводчиков побуждений захватывать в свои руки по возможности большее количество земли, и весьма возможно, что и те 35 домохозяев, которые обрабатывают теперь свои наделы наймом, при повысившихся арендных ценах, найдут более выгодным отказаться от обработки своих наделов и пере-

[1]) Пругавин, «Кустарь на выставке».

дадут их заводчикам. Совершенно те же явления встречаются и в других селениях, в которых более или менее развит крахмально-паточный промысел».

5. Кустарь и фабрика.

Но довольно, мы не пишем исследование о кустарной промышленности в России. Мы хотим лишь указать на бесспорные факты, самым неотразимым образом свидетельствующие о переходном состоянии нашего народного хозяйства. В то время как люди, сделавшие из защиты народных интересов главную цель своей жизни, закрывают глаза на самые многознаменательные явления, капитализм идет своей дорогой, выбивает самостоятельных производителей из их непрочных позиций и создает в России армию рабочих тем же самым испытанным способом, какой уже практиковался им «на Западе». «С экспроприацией прежде самостоятельных крестьян и отнятием у них средств производства идет уничтожение сельских побочных промыслов, процесс отделения мануфактуры от земледелия. Однако собственно мануфактурный период не ведет еще ни к каким радикальным преобразованиям. Нужно помнить, что мануфактура лишь понемногу овладевает национальным производством и что в ее основании лежат городские ремесла и сельские домашние, побочные промыслы. Если в известных пунктах, в известных отраслях производства, она уничтожает эти последние, то она *вызывает их к существованию в другом месте,* потому что она нуждается в них для обработки сырого материала... Она *создает,* поэтому, новый класс мелких сельских производителей, который занимается земледелием, как побочной отраслью, главным же образом занят промышленным трудом, произведения которого прямо или через посредство купцов продает мануфактурам... Только крупная промышленность с ее машинами дает капиталистическому земледелию прочную основу, окончательно экспроприирует огромное большинство сельского люда и заканчивает отделение земледелия от сельской домашней промышленности» [1]). Мы переживаем в настоящее время именно этот процесс постепенного охватыванья нашей национальной промышленности мануфактурой. И именно этот процесс *«вызывания к существованию»* или, по крайней мере, временного оживления многих отраслей мелкой кустарной промышленности дает г. В. В. et cons. возможность с кажущимся успехом доказывать, что у нас не имеет места «капитализация

[1]) «Das Kapital», 2 Aufl., S. 779—780.

кустарного промысла» [1]). Ничтожная плата, за которую кустари продают свой труд, несколько замедляет переход к крупной машинной индустрии. Но как в этом явлении, так и в его несомненных последствиях, нет и не может быть ничего *самобытного*. «Удешевление рабочей силы посредством простого злоупотребления трудом женщин и малолетних, простого хищничества по отношению ко всем нормальным условиям труда и жизни, ровно как и основывающееся на этом удешевление товаров и вообще капиталистическая эксплоатация,—наталкивается, наконец, на известные, неустранимые более естественные пределы. Как скоро достигнут этот пункт... бьет час введения машин и быстрого превращения изолированной домашней работы (или также мануфактуры) в фабричное производство» [2]). Мы видели, что этот час пробил уже для уездов Шуйского бумаготкацкого округа. Скоро пробьет он и в других промышленных местностях. Раздача работы «на дома» выгодна для капиталистов лишь до тех пор, пока промышленный труд является побочным, подспорным занятием кустаря. Доход от земледелия позволяет работнику довольствоваться невероятно низкою платою. Но как только прекращается этот доход, как только хлебопашество окончательно вытесняется промышленным трудом,—капиталисту приходится довести заработную плату до уровня знаменитого минимума потребностей трудящегося. Тогда ему становится выгоднее

[1]) Каким образом совершается указанный процесс, понятно для всякого, усвоившего сущность домашней системы крупного производства. На всякий случай приводим пояснительные факты. «Ситцевые фабриканты набивают обыкновенно или чужие ткани по заказу посторонних лиц, или свой собственный товар, закупив пряжу и отдавая ее для ткачества по разным местам». Успешное ведение дел ситцевыми фабрикантами должно вести к усилению раздачи пряжи «по разным местам», а следовательно, и к развитию мелкой кустарной промышленности. Кустарное хлопковое производство достигло обширного развития при участии многих купцов капиталистов, которые, закупив бумажную пряжу, либо снуют ее в своих заведениях и потом отпускают ткачам, либо не снованную, передают мастерам, которые, занимаясь одним только сновáнием и раздачею пряжи по деревням, служат посредниками между капиталистами и ткачами. «Военно-Статистический Сборник», вып. IV, стр. 381 и 384—385. Фирма «Саввы Морозова сыновья», занимающая 18.310 постоянных рабочих, имеет их, кроме того, 7.490 «на стороне». Эти «сторонние» рабочие суть не что иное, как кустари, обязанные своим существованием крупной промышленности. Такого рода факты, стоящие к капитализму в самом недвусмысленном отношении, умиляют тем не менее народников до забвения простейших истин политической экономии.

[2]) «Kapital», S. 493—494.

эксплоатировать рабочих на фабрике, где самая коллективность труда усиливает его производительность. Тогда-то и наступает эра крупной машинной промышленности.

Бумагопрядильное и ткацкое производства являются, как известно, самыми передовыми отраслями современной капиталистической индустрии. Вот почему в них оказывается уже почти совершенно законченным процесс, еще только начинающийся, а пожалуй и совсем еще не начавшийся некоторых других производствах. В то же время явления, имевшие место в наиболее усовершенствованных отраслях промышленности, могут и должны считаться пророческими по отношению к другим ее сферам. Совершившееся там вчера может совершиться здесь сегодня, завтра или вообще в самом недалеком будущем [1]).

6. Успехи русского капитализма.

Г Тихомиров не признает успехов русского капитализма. Мы и сами готовы сказать нашей буржуазии: «что делаешь, делай скорей». Но, «к сожалению или к счастью», она не нуждается в понуканиях. Еще г. А. Исаев, возражая на книгу русского «штатс-социалиста», обратил внимание читателей на нашу обрабатывающую промышленность. По его мнению, недавняя всероссийская выставка может служить лучшим ответом на преждевременные ликования по поводу печальных, будто бы, «судеб капитализма в России».—«Стоит развернуть класс волокнистых веществ,—говорил он,—от него так и запахнет миллионами. Даже по выделке полотна мы имеем немало фабрик, производящих на 1—1,5 милл. в год. А в классе изделий из хлопчатой бумаги 1 милл. является совершенно ничтожной цифрой. Даниловская мануфактура производит на 1,5 милл. в год, Гюбнер—на 3, Каретниковы—на 5,5, 2 фирмы Барановых—на 11, товарищество Ярославской мануфактуры—на 6 милл., Прохоровых—на 7, Кренгольмской мануфактуры—до 10 милл. и т. д. Сахарные заводы представляют нам также громадное производство на 5, 6, 8 милл. Даже табачное производство имеет миллионеров своими представителями... А цифры за 1878—1882 г.г. показывают нам крупное расширение производства, понатнувшегося в год русско-турецкой войны». Эти и многие другие факты привели г. Исаева к тому заключению, что «крупное частно-капитали-

[1]) Прим. ко 2-му изд. Впоследствии эти мои мысли были недурно развиты в некоторых исследованиях г. Туган-Барановского.

стическое производство в России развивается безостановочно» [1]). Да и не один г. Исаев держится такого взгляда. Последняя всероссийская выставка убедила г. В. Безобразова, что в нашей промышленности «прогресс истекшего десятилетия (со времени петербургской выставки 1870 года) очевиден; сравнительно с положением дел 25 лет тому назад этот прогресс нашей промышленности—в особенности мануфактурной—громаден: она не узнаваема во многих отношениях... Вместе с улучшением качества наших продуктов, нужно заметить еще огромное расширение, затеваемое во всех отраслях нашей промышленности в течение последних 25 лет. Это расширение особенно заметно в последнее десятилетие, со времени окончания кризиса, вызванного уничтожением крепостного права и турецкой войной. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить фактуры наших фабрикантов со сведениями, сообщаемыми последней официальной статистикой нашего министерства финансов. Эта статистика относится к 1877 году. Сравнение цифр мануфактурного производства за 1877 и 1882 годы (цифры последнего по фактурам) показывает страшное увеличение количества продуктов за этот пятилетний период: во многих больших предприятиях оно удвоилось [2]). Очень большое число фабрик основано в эти последние 5 лет. Первое место принадлежит промышленности, обрабатывающей волокнистые вещества (шелк, сукна, льняные и бумажные ткани). Наша хлопчатобумажная промышленность получила огромное развитие; некоторые из ее продуктов могут быть поставлены на-ряду со всем, что есть наиболее совершенного и прекрасного в Европе» [3]). Эти выводы людей науки вполне подтверждаются цитированным выше корреспондентом «Вестника Народной Воли», лично наблюдавшим «громадные успехи» крупного производства в нашем отечестве. Наконец, то же самое говорят иностранцы, писавшие и пишущие о России. Некоторые отрасли нашей промышленности и теперь уже ставятся ими на-ряду с западно-европейскими. Таково, например, производство сахара, кото-

---

[1]) «Юридический Вестник», январь 1883 г., ст. «Новости экономической литературы», стр. 102.

[2]) При этом сравнении нужно, конечно, принимать в расчет уже указанную выше неточность и неполноту нашей официальной статистики, на основании которой определяются размеры производств в 1877 году. Но, в общем, выводы г. Безобразова подтверждаются и личными его наблюдениями. «Я сам,—говорит он,—мог констатировать это увеличение нашей мануфактурной промышленности во время моего путешествия по московскому промышленному округу».

[3]) «Economiste francais», 26 Aout 1882, lettres de Russie par *Wlad. Besobrasoff*.

рое, по словам Ед. де Молинари, стоит «au premier rang de l'industrie de l'Europe» [1]). В 1877 году русский рафинад явился даже на заграничных рынках, именно во Франции. На-ряду с такими фактами стремление и прилив иностранных *производительных* капиталов в страну есть верный признак того, что капитализм встречает в ней удобное поле для своего дальнейшего развития. А мы видим, что иностранные капиталисты с большою нежностью посматривают на Россию и не упускают случая основать в ней новые промышленные предприятия. Какой смысл имело бы это стремление, если бы промышленность действительно развивалась так «туго», как это кажется г. Тихомирову? Но в том-то и дело, что это мнение отстаивается, главным образом, в интересах доктрины, для торжества которой наши самобытные писатели готовы игнорировать целый ряд фактов самого недвусмысленного характера. «Тугое развитие» свойственно не столько русскому капиталистическому производству, сколько тем из наших революционеров, программы которых никак не могут притти в соответствие с нашей современной действительностью.

А капиталистическое накопление, обращение денег в стране, кредитные операции? Их успехи поистине громадны. До 1864 года у нас почти совсем не было частных кредитных учреждений; в этом году «капитал Государственного Банка доходил до 15 милл. руб., да разными лицами было внесено на проценты 262,7 милл. руб.; из этих сумм на нужды торговли было употреблено всего 42 милл. руб. (23,7 милл. выданы были под векселя, да 18,6 милл. в ссуды под процентные бумаги)». Прошло 13 лет, и положение дела стало неузнаваемо. «К 1877 году капитал всех кредитных учреждений составлял уже 167,8 милл руб., да разными лицами было внесено на проценты (%, текущий счет, срочные вклады и пр.) 717,5 милл. руб., т.-е. капитал возрос на 1018% текущие счета, вклады и пр.—на 173%, вместе же—на 220%, следов., эти суммы более чем утроились. Вместе с тем и распределение их совершенно изменилось. В 1864 году в ссуды и под векселя из этих сумм было выдано только 15%, к 1877 году они были почти все помещены в ссудах и векселях, именно 96%... Ссуды возросли с 1864 до 1877 года с 18,6 на 337,9 милл. руб., или на 1829%. Рост учетной операции, торговой в тесном смысле, был еще сильнее за то же время: с 23,7 милл. руб. сумма учетных векселей увеличилась до 500 милл. руб., т.-е. на 2004%!! Вместе с увеличением всей суммы денег, вложен-

[1]) См. «Journal des Ekonomistes», Juillet 1883, «L'industrie du sucre en Russie».

ных на проценты, подвижность их более, чем удвоилась. В 1863 году сумма вложенных денег обернулась менее двух раз; в 1876 году она уже обернулась 4,75 раза».

«Кредит и железные дороги ускоряют обращение натурального хозяйства в денежное. Денежное же хозяйство—хозяйство товарное—есть хозяйство капиталистическое; следовательно, и кредит, и железные дороги ускоряют переворот хозяйственных условий производства, при которых производители являются собственниками орудий производства, в такие условия, где производители становятся наемными рабочими» [1]).

7. Сбыт.

Приведенные факты не нуждаются в дальнейших комментариях. Ясно, внятно, убедительно говорят они, что, по крайней мере, по отношению к промышленности обрабатывающей нам пора уже перестать закрывать глаза перед действительностью, пора уже убедиться, что действительность эта имеет очень мало общего с теми наивными иллюзиями, которые характеризовали народнический период нашего движения. Пора иметь мужество сказать себе, что в названной сфере не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежит у нас капитализму. Все условия обмена, все отношения производства все более и более складываются в благоприятном для него смысле.

Что же касается сбыта, то мы уже говорили, что вопрос о нем вовсе не так уже неразрешим, как это думает г. В. В. и его эпигоны. Переход всякой страны от натурального хозяйства к денежному необходимо сопровождается огромным расширением ее внутреннего рынка, и, без всякого сомнения, этот рынок всецело достанется у нас нашей буржуазии. Но это еще не все. Предусмотрительный капиталист предвидит уже его переполнение и спешит приобрести рынки внешние. Некоторые из русских товаров найдут, конечно, сбыт и на Западе, а другие отправятся на Восток, в сопровождении «белых» и других генералов, имеющих патриотическую миссию «упрочения нашего влияния в Средней Азии».—На последнем с'езде наших заводчиков и фабрикантов не даром обсуждался вопрос о «мерах для развития торговых сношений с Балканским полуостровом» и о заключении «торговых трактатов с Азией». В этом направлении были уже сделаны практические попытки, и нет оснований ожидать, что им суждено окончиться неудачей. Сно-

[1]) Николай—он, Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства, «Слово», 1880, кн. 10, стр. 86—135.

шения с Востоком—не новость для русских предпринимателей, и хотя иностранная конкуренция часто тяжело отзывалась на их интересах, но ошибочно было бы думать, что страны, ранее других выступившие на путь капитализма, имеют или могут навсегда сохранить монополию наиболее дешевого провоза, наименее дорогого производства и наилучшего качества товаров. Франция позже Англии выступила на этот путь, а между тем успела же она отвоевать себе почетное место на международном рынке. То же можно сказать, сопоставляя Германию с Францией, и т. д. На «Западе» есть много стран, которым так же, как и России, трудна промышленная борьба с наиболее передовыми государствами, а между тем никому из революционных писателей этих стран и в голову не приходило «самобытничать» на манер наших народников. Правда, современные производительные силы далеко опережают в своем росте возможность расширения сбыта, международный рынок близится к окончательному переполнению, периодические кризисы стремятся перейти в один сплошной хронический кризис. Но пока еще не наступило такое время,—ничто не мешает появлению на рынке новых конкурентов, опирающихся на какие-нибудь физические особенности своей страны или исторические условия своего общественного развития: дешевизну рабочих рук, сырого материала и т. п. Можно сказать более,—появление таких конкурентов именно и приблизит час падения капитализма в наиболее развитых странах. Конечно, торжество рабочего класса в Англии или во Франции необходимо отразится на развитии всего цивилизованного мира, оно сократит господство капитализма в остальных странах. Но и это все дело будущего, отделенного от нас более или менее длинным промежутком времени, в течение которого наш капитализм может стать и, как мы видели, становится полновластным хозяином России. Довлеет дневи злоба его, и что бы ни сулила нам в будущем предстоящая Западу социалистическая революция,—злобой нынешнего дня является у нас все-таки капиталистическое производство [1]).

---

[1]) Прим. ко 2-му изд. Отсюда видно, что я никогда не разделял той теории, которая была придумана нашими народниками,—а из их сочинений перешла даже в «Британскую энциклопедию»,—и согласно которой в России невозможно развитие капитализма, так как эта страна не имеет рынков. Мой взгляд на этот вопрос изложен был, вскоре после выхода «Наших разногласий», в другом месте следующими словами: По учению

ГЛАВА III.

Капитализм и общинное землевладение.

1. Капитализм в земледелии.

Но главной, единственной основою нашего общественного хозяйства является земледелие,—говорят обыкновенно г. В. В. и К°. Развитию капиталистического хозяйства в этой области, приложению к земле «частного предпринимательского капитала» мешает община, которая была и остается несокрушимым оплотом против капитализма. Крупное земледельческое хозяйство у нас не только не вытесняет собою мелкого, но, наоборот, все более и более уступает ему дорогу. Крупные землевладельцы и арендаторы спекулируют лишь на повышение позе-

---

теоретика народничества, г. В. В., «появление на всемирном рынке новых конкурентов, в лице новых стран, должно считаться отныне невозможным, так как рынок этот окончательно завоеван более передовыми государствами. Поэтому В. В. сомневается в будущности русского капитализма. ...Теория В. В. не лишена известной доли остроумия, но, к сожалению, обнаруживает полнейшее незнакомство с историей. Было время, когда на всемирном рынке почти исключительно господствовала Англия, и это господство отсрочивало решительное столкновение английского пролетариата с буржуазией. Монополия Англии была нарушена появлением на всемирном рынке Франции и Германии, а теперь монополия Западной Европы подрывается конкуренцией Америки, Австралии и даже Индии, что, конечно, поведет к заострению взаимных отношений между пролетариатом и буржуазией в Европе. Мы видим отсюда, что теория г. В. В. совсем не подтверждается действительным ходом событий. Г. В. В. думает, что, раз добившись господства на всемирном рынке, более развитые в промышленном отношении страны окончательно закрывают доступ к нему менее развитым странам, и *тем толкают эти последние на путь социальной реформы, каковая реформа и должна быть предпринята* будто бы стоящим выше классовых интересов *правительством*, например, правительством Его Императорского Величества самодержца всероссийского. Факты же показывают совсем обратное. Они говорят нам, что менее развитые страны не стоят на одном месте, а постепенно расчищают себе путь на всемирный рынок и своею конкуренцией *толкают более развитые страны на путь социальной революции, которая будет совершена сознавшим свою классовую задачу пролетариатом*, опирающимся на свои собственные силы и захватившим политическую власть в свои собственные руки».

Теперь я прибавлю, что мои соображения были как нельзя лучше подтверждены дальнейшим развитием всемирного хозяйства и что в их пользу можно было бы привести множество данных как из относящихся к этому вопросу

мельной ренты, отдавая в руки мужика все земледельческое хозяйство. Крестьянское же хозяйство должно вести к торжеству крестьянских, а не капиталистических форм производства.

Хотя во всей этой аргументации ошибки довольно тесно перепутаны с истиной, но заключающаяся в ней истина ни в каком случае не убедительна. Земледелие почти повсюду является наиболее отсталой отраслью национального производства, отраслью, которой капитализм начинал овладевать лишь после того, как он прочной ногой утверждался в промышленности, собственно так называемой: «Только крупная промышленность, с ее машинами, дает капиталистическому земледелию твердую основу». Не логично, поэтому, заключать к отсутствию или даже полной невозможности буржуазных отношений производства в данной стране на том основании, что отношения эти еще не успели

английских синих книг, так и из отчетов английских консулов. Замечу также, что, с другой стороны, я никогда не был сторонником той теории рынков вообще и кризисов в частности, которая, как зараза, распространилась в нашей легальной литературе марксизма в девяностых годах. По смыслу этой теории,— главным пропагандистом которой надо признать г. Тугана-Барановского,—п е р е п р о и з в о д с т в о оказывается невозможным; а кризисы об'ясняются простою диспропорциональностью в распределении средств производства. Эта теория очень отрадна для буржуазии, которую она приводит к тому отрадному убеждению, что производительные силы капиталистического общества никогда не перерастут свойственных ему отношений производства. И неудивительно, что один из лучших теоретиков современной буржуазии, г. Вернер Зомбарт, отнесся к ней с большою нежностью в своем реферате, прочитанном 15-го сентября 1903 г. на с'езде «С о ю з а С о ц и а л ь н о й П о л и т и к и» в Гамбурге (см. **Verhandlungen des Vereins für Sozialpolitik über die Lage der in der Seeschiffahrt beschäftigten Arbeiter und über die Störungen im deutschen Wirtschaftsleben während der Jahre 1900 ff., Leipzig 1903, S. 130**). Удивительно только то, что г. В. Зомбарт считает выдающегося русского ученого Тугана-Барановского отцом этой будто бы новой теории. Настоящим отцом этого совсем не нового учения был Ж а н Б а т т и с т С э й, в «курсе» которого она и изложена с достаточной полнотой. Очень интересно то обстоятельство, что в этом отношении буржуазная экономия возвращается на точку зрения вульгарного экономиста, которого она избегает называть, как бы уступая похвальному чувству стыдливости. Кроме г. Тугана-Барановского, у нас теорию Ж. Б. Сэя проповедывал г. Владимир Ильин в «Заметке по вопросу о теории рынков» («Научное Обозрение», январь 1899 г.) и в книге о «Развитии капитализма в России». В этом последнем сочинении г. Владимир Ильин обнаруживает, впрочем, значительный э к л е к т и з м, свидетельствующий о том, что в нем не всегда молчала теоретическая совесть марксиста. (Против В. В. было направлено одно примечание к брошюре «Чего хотят социал-демократы». Ср. в этом же томе, стр. 357. *Д. Р.*).

охватить земледелия. Г. Тихомирову кажется, например, что в период великой революции французская буржуазия была так сильна, что могла помешать фактическому установлению самодержавия народа [1]). А между тем вплоть до самой революции приложению «частного предпринимательского капитала» к земле препятствовали многочисленные остатки феодальных отношений, земледелие было в страшном упадке, поземельные собственники предпочитали жить в городах, сдавая свои земли «половникам» или арендаторам из среды буржуазии; эти последние так же, как и наши современные «Разуваевы», вовсе не думали о правильной земледельческой культуре, в свою очередь передавали арендованные земли крестьянам и заботились лишь о возможно более выгодных условиях такой передачи [2]). Помешало ли это обстоятельство победе буржуазии и торжеству капитализма во Франции? Если нет, то почему у нас оно окажет не только более сильное, но,—как думают народники,—решающее влияние на все наши отношения производства? Во Франции в то время уже не было общины? Прекрасно. Но как во Франции, так и во всей «западной Европе» был феодальный режим, были в свое время цехи, которые сильно затрудняли развитие капитализма, «стесняли производство, а не облегчали его». Эти «цепи» не остановили, однако, хода общественно-экономического развития. Наступила пора, когда «их нужно было разбить, и они были разбиты». Чем застрахована от такой же судьбы русская община?

Г. Николай.—он, гораздо основательнее знакомый с нашим пореформенным хозяйством, чем все русские революционные и консервативные самобытники, вместе взятые, не колеблется признать, что само «Положение» (о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости) было у нас «лебединою песнью старого процесса производства», и что последовавшая за ним деятельность законодательства, ***направленная в совершенно противоположную сторону***, «по результату оказала ***более существенное влияние*** на весь народный хозяйственный быт», чем крестьянская реформа. По мнению этого писателя, «приложению капитала к земле, исполнению его исторической миссии у нас мешает «Положение», наделившее производителей орудиями труда. Капиталистическому же хозяйству способствует вся пореформенная государственно-хозяйственная деятельность. ...Течение капиталистическое, однако, ***видимо пересили-***

---

[1]) «Вестник Нар. Воли», ст. «Чего нам ждать от революции?», стр. 251.

[2]) «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века», Н. Кареев, Москва 1879, гл. II, стр. 117 и след.

вает. Все данные говорят в пользу того, что все бо́льшая и бо́льшая часть производителей экспроприируется: уменьшение доли производителя в продукте и увеличение доли капиталиста, происходящее на наших глазах, заставляет все бо́льшую и бо́льшую часть первых бросать землю, не «обряжать» ее. При этом и в самой общине происходит весьма любопытное явление: нехозяйственным хозяевам общество начинает отводить худшую землю (все равно не обрабатывают ее), сроки же переделов земли хозяйственных домов все увеличиваются и увеличиваются, так что мы присутствуем при акте превращения общинного пользования в— индивидуальное» [1]). Господин Тихомиров совершенно игнорирует выводы замечательного исследования г. Николая.—она и упрямо твердит, что у нас «во владении крестьян до сих пор находится 120.628.246 дес. земли» [2]). Он забывает, что сущность дела заключается не в юридических *нормах*, а в экономических *фактах*. Факты же эти показывают, что во многих и многих местностях община настолько уже искажена неблагоприятными ей влияниями, что из средства защиты производителей против капиталистической эксплоатации она превращается уже в могучее орудие этой последней. Чтобы не быть голословными, возьмем опять народ, «каков он есть», взглянем с этой стороны на современную русскую действительность.

Но предварительно—несколько общих замечаний об истории первобытного аграрного коммунизма.

---

[1]) Н и к о л а й.—о н, «Очерки», стр. 132—136.

[2]) П р и м. к о 2-му и з д. В то время, когда я писал эти строки, была напечатана только первая часть исследования г. Н.—она. В своем законченном виде оно появилось лишь в 1893 году и далеко не оправдало тех ожиданий, которые возлагались на него мною, да,—как сейчас увидит читатель,—и не одним мною. Г. Н.—он в последнем счете оказался таким же утопистом, какими были г.г. В. В., Пругавин, Тихомиров и т. д. Правда, данных у него было несравненно больше, чем у них; но обработаны эти данные были до последней степени односторонне и служили только для подтверждения предвзятых утопических идей, основывавшихся на совершенно неправильном понимании теории стоимости Маркса. Работа г. Н.—она произвела на очень хорошо расположенного Энгельса весьма неприятное впечатление. В одном из своих писем ко мне Энгельс говорит, что он потерял уже всякую веру в то поколение русских людей, к которому принадлежал г. Н.—он, так как, о чем бы ни заговорили эти люди, они непременно сведут речь «на святую Русь», т.-е. обнаружат славянофильские предрассудки. Главный упрек, делаемый Энгельсом г. Н.—ону, состоял в том, что тот не понимает революционного значения переживаемого Россией экономического переворота.

2. Община.

Если послушать наших народников, то действительно можно подумать, что русская община представляет собою совершенно исключительную, по своей прочности, организацию. «Ни междоусобия удельного времени, ни иго монгольское, ни кровавая эпоха Ивана Грозного, ни смутные годы междуцарствия, ни реформы Петра и Екатерины, вносившие в русскую жизнь начала западно-европейской культуры,—ничто не поколебало, не изменило этого заветного учреждения крестьянской жизни,—говорит один из самых легковоспламеняющихся народников, г. К—н, в книге о «формах землевладения у русского народа»,—его не могло стереть крепостное право; на его уничтожение не повлияли ни добровольные выходы крестьян на новые земли, ни принудительные выселения» и т. д., и т. д., словом,

> Века проходили, все к счастью стремилось,
> Все в мире по нескольку раз изменилось,

а русская община оставалась неизменной и неизменимой. К сожалению, славословие это, при всем его бесспорном красноречии, ровно ничего не доказывает. Сельские общины обнаруживают несомненную живучесть до тех пор, пока они не выходят из условий натурального хозяйства. «Простой производительный механизм этих общин, довольствующихся своими собственными продуктами и постоянно воспроизводящихся в одной и той же форме, а в случае разрушения вновь возникающих на том же самом месте, под тем же самым именем,—этот механизм открывает нам тайну неизменного состояния азиатских обществ, находящихся в таком резком противоречии с беспрерывною сменою государств и династий. Структура основного экономического элемента этих обществ остается нетронутою бурями политического горизонта» [1]).

Но тот же самый основной элемент варварских обществ, стойко выдерживающий бури политических революций, оказывается бессильным и беззащитным перед логикой экономической эволюции. Развитие денежного хозяйства и товарного производства мало-по-малу подкапывает общинное землевладение [2]). К этому присоединяется разрушающее

[1]) «Das Kapital», 2 Aufl., S. 371.

[2]) Влияние денежного хозяйства на разложение первобытного коммунизма прекрасно обрисовано г. Г. Ивановым (Успенским) в применении к семейной общине.

«В настоящее время»,—говорит г. Иванов («Из деревенского дневника», Отеч. Записки», сентябрь 1880, стр. 38—39),—в жизни крестьянских семейств

влияние государства, которое самою силою обстоятельств вынуждается к поддержанию принципа индивидуализма. На этот путь выводят его как собственные все более и более растущие нужды, так и давление высших сословий, интересы которых враждебны общинному принципу. Развитие денежного хозяйства, в свою очередь являющееся следствием развития производительных сил, т.-е. роста общественного богатства,

---

есть такое безмерное скопище неразрешимых и трудных задач, что если еще и держатся крепко большие крестьянские семейства (я говорю о подгородных), то только, так сказать, соблюдением внешнего ритуала, а внутренней правды уже мало. Довольно часто мне приходится сталкиваться с одним из таких больших крестьянских семейств. Во главе семьи стоит старуха лет 70, женщина крепкая, по своему, умная и опытная. Но весь ее опыт почерпнут в крепостном праве и касается хозяйства исключительно земледельческого, где участвует своими трудами весь дом, при чем весь доход идет в руки старухи, а она уже распределяет его по своему усмотрению и общему согласию. Но вот прошла шоссейная дорога, и вдруг кадушка капусты, распродаваемая извозчикам, стала приносить столько доходу, что сделалась выгоднее целого года работы на пашне, положим, одного человека. Вот уже явное нарушение в одинаковости труда и заработка. Прошла машина, телята стали дорожать, потребовались в столицу. Один из сыновей пошел в извозчики, и в полгода заработал больше всей семьи, работавшей в деревне год. Другой брат пожил дворником в Петербурге, получая в месяц по 15 руб., чего бывало не получал и в год. А младший брат с сестрами целую весну, целое лето драли корье и не выработали третьей части того, что выработал извозчик в два месяца... И вот, благодаря этому, хотя по виду в семье все ладно, все несут в нее «поровну» плод своих трудов, но на деле не то: дворник «скрыл» от маменьки четыре красных бумажки, а извозчик скрыл еще того больше. Да и как тут поступить иначе? Эта вот девушка ободрала себе до крови руки и целое лето билась с корьем, чтобы выработать пять целковых, а извозчик выработал 25 в одну ночь за то только, что попутался с господами по Питеру часов с 12 вечера до белого света. Кроме того, авторитет старухи еще значил бы и значил бы очень много, если бы заработок семьи был исключительно результатом земледельческого труда. В этом деле она точно авторитет: но спрашивается: что же такое может она смыслить в дворницком, извозчицком и в других новых заработках? Что она тут понимает и что может присоветывать? Авторитет ее, поэтому, чисто фиктивный и если значит что-нибудь, то для остающихся дома баб, да и бабы очень хорошо знают, что мужья их относятся к старухе с почтением и покорностью только по виду, так как вполне подробно знают достатки своих мужей, знают, много ли кем от нее скрыто, и сами скрывают эти тайны наикрепчайшим образом. Авторитет главы фиктивный и фиктивны все семейно-общинные отношения; у всякого скрыто нечто от старухи, представительницы этих отношений, скрыто для себя. Умри старуха, и большая семья эта не продержится даже в том виде, как теперь, и двух дней. Все захотят более искренних отношений, и это желание непременно приведет к другому—жить каждому по своему достатку: сколько кто добыл, тем и пользуйся».

вызывает к жизни новые общественные функции, поддержание которых немыслимо было бы с помощью прежней системы взимания налогов натурою. Нужда в деньгах заставляет правительство поддерживать все те мероприятия и все те принципы общественного хозяйства, которые увеличивают прилив денег в страну и ускоряют пульс общественно-экономической жизни. Но эти отвлеченные принципы общественного хозяйства существуют не сами по себе, а представляют лишь общее выражение действительных интересов известного—именно, торгово-промышленного—класса. Выделившийся частью из прежних общинников, частью из лиц других сословий, класс этот существенно заинтересован в том, чтобы мобилизовать как недвижимую собственность, так самих собственников, поскольку эти последние являются работниками. Принцип общинного землевладения препятствует достижению каждой из этих целей. Вот почему оно и становится предметом сначала антипатии, а затем и более или менее решительных нападений со стороны нарождающейся буржуазии. Но и эти удары не сразу разрушают общину. Ее гибель подготовляется постепенно. Долгое время внешние отношения общинников остаются, повидимому, совершенно неизменными, между тем как внутренний характер общины переживает тяжелые метаморфозы, которые и приводят ее, наконец, к полному разложению. Этот процесс совершается порой в течение очень продолжительного времени, но, раз дойдя до известной степени интенсивности, он уже не может быть остановлен никакими «захватами власти» со стороны того или другого тайного общества. Единственный серьезный отпор торжествующему индивидуализму может быть дан лишь теми общественными силами, которые вызываются к существованию самим процессом разложения общины. Ее члены, когда-то равные по своему имущественному положению, по своим правам и обязанностям, подразделяются, благодаря указанному процессу, на два слоя. Один тяготеет к городской буржуазии, стремясь слиться с ней в один класс эксплоататоров. В руках этого привилегированного слоя скопляется, мало-по-малу, вся мирская земля. Другой слой—частью выкидывается из общины и, оторванный от земли, несет свои рабочие руки на рынок, а частью образует новую категорию общинников-париев, эксплоатация которых облегчается, между прочим, удобствами, представляемыми общинной организацией. Только там, где исторические обстоятельства вырабатывают новый экономический базис для переустройства общества в интересах этого низшего класса; только тогда, когда класс этот начинает сознательно относиться к коренным причинам своего рабства и к существенным условиям своего освобождения,—

только там и только тогда,—можно, не впадая в маниловщину, «ждать» новой социальной революции. Этот новый процесс также совершается лишь мало-по-малу, но, раз начавшись, он точно так же доходит до своего логического конца с неуклонностью астрономических явлений. Социальная революция опирается, в этом случае, не на «возможный» успех заговорщиков, а на верный и неотразимый ход общественной эволюции.

Mutato nomine de te fabula narratur,—можем сказать мы, обращаясь к русской общине. Именно недавним развитием в России денежного хозяйства и об'ясняется та прочность, которая обнаруживалась *до последнего времени* нашей общиной и которая *до сих пор* продолжает умилять людей, слабоватых в деле мышления. До уничтожения крепостного права почти все общественное, а в значительной степени и государственное хозяйство России было хозяйством натуральным, в высшей степени благоприятным сохранению поземельной общины. Вот почему этой последней и не могли разрушить политические события времен удельно-вечевого уклада и московской централизации, петровских реформ и «барабанного просвещения» петербургских самодержцев. Как ни тяжело отзывались на народном благосостоянии многие из этих событий, но несомненно, что сами они, в последнем счете, являлись не предвестниками коренных переворотов в общественном хозяйстве, а лишь следствием тех взаимных отношений, в которых стояли между собою отдельные общины. В основе московского деспотизма лежали именно те «вековые устои народной жизни», которыми восхищаются наши народники. Это одинаково ясно понимали и реакционный бар. Гакстгаузен, и революционный агитатор Бакунин. Будь Россия изолирована от экономических и политических влияний западно-европейской жизни,—трудно было бы и предвидеть, когда история подкопает, наконец, экономический фундамент ее политического устройства. Но влияние международных отношений ускорило естественный, хотя и медленный, процесс развития денежного хозяйства и товарного производства. Реформа 19-го февраля была необходимой уступкой новому экономическому течению и, в свою очередь, придала ему новую силу. Община не сумела, да и не могла приспособиться к новым условиям. Ее организм надломился, и только ослепленные люди не замечают теперь признаков его разложения. Вот факты.

3. Разложение нашей общины.

Процесс разложения нашей сельской общины отражается даже на внешнем ее виде. «Я долго стоял у околицы погоста, всматриваясь в наружный вид деревень (расположенных внизу, под горой),—говорит

г. Н. Златовратский.—Какое разнообразие, однако! Тут куча изб, очевидно, дряхлых двуоконных, крытых соломой. ...Здесь, напротив, новые, трехоконные избы, с большими проулками между ними, крыты тесом, а между ними мелькают даже зеленые железные крыши с флюгерами на трубах. А вот третья—длинная, извивающаяся, как червяк, где рядом с хоромами зажиточного кулака торчит, чуть поднимаясь от земли, не то шалаш, не то конура» [1]). Этому, очень живописному, по внешности, разнообразию соответствует разнообразие цифр, выражающих бюджеты отдельных хозяйств. По словам г. Златовратского, избранная им для изучения община заключала в себе, «несмотря на очень небольшой об'ем, довольно крайние ступени экономического неравенства, *от сиденья на капиталах,* погрызывая целыми днями орехи, до гусарихи (вдовы солдата-гусара), бедствующей с целой оравой ребятишек; притом эта деревня очень ясно делилась на *красную сторону и холодную сторону*». А между тем эта община «представляла собою тот средний тип современной *новой* деревни, к которому или стремятся приблизиться все вообще русские деревни, или некоторые успели уже шагнуть далеко и дальше в том же направлении, т.-е. в направлении дезорганизации устоев деревни старой, как представительницы принципа труда и экономического равенства». Г. Златовратский знает, что есть еще такие деревни, «и много еще их есть, где вы чувствуете и видите крепкие, несокрушимые основы» старого общинного быта. «Но больше этих деревень *было,* чем есть» [2]). Теперь же в деревне все более и более укрепляется то, что автор «Будней» называет «атмосферой деревенского двоедушия и двуличия» и что составляет неизбежное следствие разложения общины на несколько различных слоев с совершенно непримиримыми интересами.

С одной стороны, вы видите добродушного *хозяйственного мужичка,* «который имеет надел всего только на одну душу, а между тем обрабатывает три, четыре, даже пять наделов своих собратьев, которые не в силах их тянуть»; с другой стороны, перед вами именно эти «малосильные» хозяева, «чернота», «беднота» и т. д., которые «или сами же, в качестве наемщиков, работают у своего арендатора, или совсем заколачивают свои избы и уходят на сторону, Бог весть куда, никогда, другой раз, даже не заявляясь в свою родную общину». И таких бедняков не мало. В № 2922 «Нового Времени», от 18 апреля текущего года, мы

---

[1]) Н. Златовратский, «Деревенские будни», С.-Петербург 1880 г., стр. 9.

[2]) «Деревенские будни», стр. 191.

прочитали следующее многозначительное сообщение: «Вот факт, достоверность которого засвидетельствована официально. Из 9.079.024 дворов в сельских обществах России (за исключением Привислинского и Прибалтийского краев) насчитывается 2.437.555 дворов безлошадных. Это значит, что из четырех дворов крестьянских в одном нет лошади. Но крестьянин, не имеющий лошади, уже не может быть самостоятельным земледельцем-хозяином. Это значит, что четвертую часть сельского населения России надобно исключить из числа земледельцев, ведущих самостоятельное хозяйство» [1]). Крестьянин же, не могущий вести самостоятельное хозяйство, есть кандидат на звание пролетария, кандидат, утверждение которого в этом звании должно состояться в самом скором времени. Избегая пока непосредственной эксплоатации крупного капиталиста-предпринимателя, такой крестьянин находится уже, однако, в полной зависимости от мелкого ростовщического капитала деревенских кулаков, или даже просто «умственных хозяев». Как обращаются «умственные хозяйственные мужички» с обнищавшими сообщинниками— видно из цитированной уже книги г. Златовратского.

---

[1]) Сведения эти заимствованы газетой из книги «Конская перепись в 1882 г.».

Указанный здесь средний вывод подтверждается частными исследованиями по отдельным губерниям и уездам. Так, например, даже для Тамбовской, вообще более или менее зажиточной, губернии мы имеем следующие данные:

	Спасский уезд.	Темниковский.
Хозяйств безлошадных	21%	21,6%
» однолошадных	41%	42,9%
» 2 и 3 лошадных	33%	31,3%

	Моршанский.		Борисоглебский.	
» безлошадных	21,6%	50,5%	18%	46%
» однолошадных	28,9%		28%	

(Смотри ст. г. Григорьева, «Земско-статистические исследования по Тамбовской губернии», «Русская Мысль», сентябрь 1884, стр. 79). В Покровском уезде Владимирской губ. (Кудыкинский район) «безлошадные составляют 24% всех домохозяев. В Юрьевском уезде той же губернии процент безлошадных не особенно велик, но зато мы находим здесь весьма много домов, имеющих всего одну лошадь. А такого рода семьи бесспорно должны быть отнесены к числу слабых, мало способных к земледелию». Впрочем в некоторых районах того же уезда (Никульская волость) безлошадные составляют от 19 (помещичьи крестьяне) до 24 процентов (крестьяне государственные) всего числа домохозяев. В Спасской волости домохозяева, лично обрабатывающие землю, составляют только 73%.

«— А эти вот заколоченные-то избы «воздушному» народу принадлежат?—спрашивает автор своих собеседников.

— Воздушному... вполне!—улыбнулись собеседники:—потому летает, как птица! Все сидит, все крепится, перемогается как ни то на десятине-то своей, а потом—фю! и улетел... Попросит соседа, чтобы у него паспорта не задержали, взять его надел в аренду, *Христом Богом еще просит,* водкой напоит и денег обязуется присылать в приплату—только сделай милость, возьми! Ну и берут... нам это, хозяйственным мужичкам, на руку... случается так—вернется назад, и хочется взять землю-то—да взяться за нее нечем: к рендателю же на свою землю в батраки наймется... Все ведь это кого чем Господь пошлет!..»

Нравится ли вам, читатель, община таких «хозяйственных мужичков»? Если да, то ваши вкусы едва ли схожи в этом случае со вкусами «воздушного народа», который «Христом Богом просит», чтобы его развязали с землею. И заметьте, что этот «народ» совершенно прав по своему. Разница между вашими и его симпатиями обусловливается тем очень простым обстоятельством, что симпатичная вам община совсем непохожа на ту, с которой приходится иметь дело «воздушному народу». В вашем воображении рисуется та идеальная община, которая *может* явиться после революции во вкусе народников и народовольцев. Воздушный же народ имеет дело с тою *действительной* общиной, в которой утвердился уже его непримиримый антагонист, «хозяйственный, умственный мужичок», самодовольно повторяющий—«у нас чернота не держится... у нас ей вздоху нет,... кабы не *они,* так разве нам можно было бы жить? Кабы не этот воздушный народ, так нам бы весьма утеснительно было... А вот теперь, как поспустишь от мира этого воздушного народу достаточно, оно тебе и свободно» [1]). Мир, «спускающий от себя» черноту, есть мир кулаков и эксплоататоров. Не имеющий «вздоху» воздушный народ бежит от него, как от ярма.

Но умственный мужичок не всегда увольняет «черноту» даром. Забравши «в один надел—четыре», принадлежащих его разорившимся односельчанам, он требует от последних еще «придачи». Отсюда-то и рождаются удивительные договоры, вроде нижеследующего, увековеченного г. Орловым: «1874 года. Ноябрь 13. Я, нижеподписавшийся Московской губернии, Волоколамского уезда, деревни Курвиной, дал сию расписку своему обществу крестьян дер. Курвиной в том, что я, Григорьев, отдаю в общественное пользование землю—надел на три души, *за что я,*

[1]) «Деревенские будни», стр. 203—204.

Григорьев, обязываюсь уплачивать в год 21 руб. и означенные деньги должен высылать ежегодно к первому апреля, кроме паспортов, на которые я должен высылать особо, также на посылку оных, в чем и подписуюсь». Что этот случай не может быть единственным—видно из сравнения платежей, лежащих на крестьянских наделах, с арендной платой за них. В среднем выводе по 12 уездам Московской губ. размер платежей, лежащих на душевом наделе, равняется 10 руб. 45 коп., средняя же арендная цена душевого надела не превышает 3 руб. 60 коп. Таким образом, средняя приплата со стороны владельца за сдаваемый в аренду душевой надел доходит до 6 руб. 80 коп. «Встречаются, конечно, и такие случаи, когда надел сдается по цене, окупающей лежащие на нем платежи,— говорит г. Орлов,—но такие случаи крайне редки, а потому их можно считать исключением, общим же правилом является бо́льшая или меньшая приплата к арендной цене надела. Понятно теперь, почему у крестьян, по их собственному выражению, нет зависти на мирскую землю» [1]). Кто знаком с прекрасным исследованием г. Янсона о крестьянских наделах и платежах, тот знает, что в бо́льшей части России существует указываемое г. Орловым несоответствие между доходностью душевых наделов и общей суммой лежащих на них платежей. Очень часто несоответствие это достигает размеров поистине ужасающих. В Новгородской губернии «платежи с десятины земли для отдельных групп плательщиков, по отношению их к нормальному доходу с этих земель, составляют:

С земель крестьян государственных	160%
С земель крестьян собственников:	
бывших удельных	161%
бывших помещичьих	180%
временно-обязанных	210%

При неблагоприятных же условиях, т.-е. при дополнительных платежах с крестьян собственников, при малых наделах и при высоких общих повинностях для временно-обязанных крестьян, платежи эти достигают:

для выкупившихся крестьян до	275%
для временно-обязанных до	565% [2])

[1]) «Сборник статистических сведений по Московской губ.», Отдел хозяйственной статистики, т. IV, выпуск I, Москва 1879, стр. 203—204.

[2]) «Доклад высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства» и т. д., отд. III, стр. 6.

В общем, сопоставляя данные, собранные в XXII т. «Трудов податной комиссии», с данными, заключающимися в докладе комиссии сельскохозяйственной, г. Николай.—он нашел, что «государственные удельные крестьяне в 37 губерниях (не считая, след., западных) Европейской России платят из чистого дохода, даваемого землею, 92,75%, т.-е. на всякие нужды из земельного дохода им остается 7,25%. Платежи же бывших помещичьих крестьян по отношению к чистому доходу с их земли выражаются 198,25,— т.-е. они не только отдают весь свой доход с земли, но должны еще приплачивать столько же из сторонних заработков». Отсюда следует, что «спущенная миром» чернота в большей части случаев должна ежегодно платить известную сумму денег за право отказа от надела и свободного передвижения. Этот бесспорный вывод подтверждается фактами всюду, где экономические отношения крестьян подвергались сколько-нибудь внимательному изучению. Так, напр., в супесчаном районе Юрьевского уезда, Владимирской губ., по словам г. В. С. Пругавина, «скудная, неблагодарная надельная почва представляется бременем для хозяйства, земля является мачехой для крестьян. Здесь надел не только не окупает лежащих на нем платежей, но сдающий землю должен приплачивать еще от себя 8—10 р. за каждый надел, так как средняя арендная цена душевого участка земли в этом районе равняется 4—5 рублям в год» [1]). Подавленная бременем налогов, разоренная «мачехой»-землей, деревенская «чернота» попадает в самое безвыходное положение. С одной стороны, она не может, по недостатку средств, возделывать землю, которою она владеет, с другой стороны, существующие законоположения запрещают ей отказываться от землевладения, не приносящего ничего, кроме убытков. Куда ведет такое положение дел? Очень ясно. По словам г. Орлова, так называемые, пустырники, т.-е. домохозяева, забросившие свою землю, выделяются в особую группу и становятся как бы отверженными, изгнанными из мира; община раскалывается на две части, из которых каждая становится во враждебное отношение к другой: хозяева смотрят на пустырников как на тяжелое бремя, так как им, по круговой поруке, большею частью приходится отвечать за последних, с которых обыкновенно взять бывает нечего; пустырники же, окончательно разорившись и переставши заниматься хлебопашеством, принуждены бывают со своими семьями уходить *на*

[1]) В. С. Пругавин, «Сельская община» и т. д. Юрьевского уезда, Владимирской губ., Москва 1884 г., глава III, стр. 94—95.

сторону для заработков, а между тем, не пользуясь своими наделами, должны платить все лежащие на них подати, иначе мир не выдаст им паспорта и притом «стегает» их в волостном правлении за неплатежи; *очевидно, мир в глазах пустырников является обузою, бичом, тормозом*. Понятно, что «связь между двумя указанными частями общины чисто внешняя, искусственная, фискальная; с уничтожением этой связи должно по необходимости произойти *окончательное распадение означенных групп:* община будет состоять из одних хлебопашцев; пустырники же, не имея средств вновь завести хозяйство и исподволь отвыкая от него, окончательно обратятся в безземельных, которыми фактически они являются и теперь» [1]).

На известной стадии разложения общины неизбежно почти наступает такое время, когда беднейший слой общинников начинает восставать против этой формы землевладения, сделавшейся его «бичом и тормозом». Во Франции, в конце прошлого века; беднейшие крестьяне требовали часто «раздела общинных земель, так как или, не имея скота, не пользовались ими, или надеялись завести самостоятельное хозяйство, но в таком случае *имели против себя* фермеров и вообще самостоятельных хозяев, которые посылали на эти земли скот» [2]). Иногда имело, правда, место и обратное явление, т.-е. бедные желали сохранения общинных пастбищ, а богатые захватывали их в свое исключительное пользование, но, во всяком случае, несомненно, что деревенская коммуна являлась ареной самой ожесточенной борьбы материальных интересов. Антагонизм занял место первобытной солидарности [3]). Такой же антагонизм замечается теперь, как мы видели, и в русских деревнях, при чем стремление бедных к выходу из общины замечается на более ранних ступенях ее разложения. Пахотные земли, например, в Московской губ. не успели еще перейти в частную собственность, а между тем гнет государственных налогов ставит уже беднейшую часть крестьян во враждебное отношение к общине. «В тех общинах, в которых не имеется благоприятных условий для земледельческого хозяйства... крестьяне среднего состояния стоят за сохранение мирского владения; крестьяне же крайних состояний, т.-е. *наиболее и наименее состоятельные, сочувственно относятся*

---

[1]) Орлов, «Сборн. статистич. свед.», стр. 55.

[2]) Кареев, Ibid., стр. 132.

[3]) Une commune est presque toujours divisée par la différence des esprits qui gouvernent et qui opposent leurs vues particulières au bien général, цитировано у Кареева, стр. 135.

к замене мирского владения подворно-наследственным [1]). Кулаки и «пустырники» одинаково стремятся разорвать свою связь с общиной.

Как сильно распространено такое стремление? Мы знаем уже, что оно обнаруживается там, где «не имеется благоприятных условий для земледельческого хозяйства всех дворов», там, где «часть дворов постепенно беднеет, слабеет, а затем и совсем расстраивает свое земледельческое хозяйство, перестает заниматься хлебопашеством, обращается исключительно к сторонним промыслам и, таким образом, разрывает свою непосредственную связь с мирскою землею». Всюду, где встречается такое положение дел,—стремление бедняков к разрыву с общиною настолько естественно, что оно представляет собою или уже существующий факт или дело очень близкого будущего. Там, где существует причина, не замедлит обнаружиться и следствие.

Мы знаем также, что большинство наших общин поставлено не только в неблагоприятные, но просто в невозможные условия. Наше хозяйство, как общегосударственное, так и специально *народное*, покоится теперь на самом ненадежном основании. Чтобы разрушить это основание не нужно ни чудес, ни неожиданностей: к этому ведут нас—самая строгая логика вещей, самое естественное отправление функций современного нашего общественно-экономического организма. Фундамент разрушается просто от тяжести и несоразмерности частей построенного на нем здания.

Как быстро теряет равновесие хозяйство беднейшей части общинников, видно отчасти из приведенных выше данных о числе безлошадных крестьянских дворов, а отчасти—и притом с большей ясностью—из следующих многозначительных фактов. В Подольском уезде «по переписи 1869 года из 33.802 душевых наделов не обрабатывалось 1.750, т.-е. 5%; в переводе на десятины это значит, что из 68.544 десятин пахотной крестьянской земли запущено было 3.564 дес. Точные данные о необработанных наделах в 1877 году собраны только по трем волостям, где они дают 22,7% запущенной пашни. Не имея оснований считать эти волости чем-то исключительным и предполагая, поэтому, что и в остальной части уезда господствует запущение в тех же размерах [2]), мы найдем, что количество необрабатываемой земли с 3½ тысяч десятин возвысилось до 15½, т.-е. увеличилось в 4—5 раз. И это в 8 лет! Это приблизительное определение количества запущенной пашни находит

[1]) Орлов, стр. 289—290.

[2]) Читатель тотчас увидит, что это предположение вполне основательно.

себе подтверждение в сведениях о числе хозяев, не обрабатывающих своих наделов» [1]). И действительно, между тем как в 1869 г, число таких хозяев составляло 6,9% получивших надел дворов, в 1877 году *оно возросло до* 18%. Это средняя цифра для всего уезда. В некоторых отдельных местностях возрастание числа не занимающихся земледелием домохозяев шло еще быстрее. В Кленовской волости оно поднялось с 5,6% (в 1869 г.) до 37,4% в 1877 году! Но и это еще не предельная величина. В одиннадцати селениях, взятых исследователями как пример, мы находим, что в указанный промежуток времени скотоводство сократилось на 20,6%, число же забросивших земледелие возросло с 12,3% до 54,3%, т.-е. «бо́льшая половина населения принуждена в 1877 г. искать заработка вне земледелия». В лучше обставленных местностях того же уезда, в тех селениях, где, по словам исследователей, земледелие «процветает», процент необрабатывающих землю все-таки возрос больше, чем вдвое: с 4 в 1869 г. до 8,7 в 1877 году. Таким образом, это относительное «процветание» только замедляет разрыв крестьянина с землею, но вовсе не устраняет его. Общая, роковая для крестьянина, тенденция нашего народного хозяйства остается неизменной.

Но, может быть, этот уезд составляет исключение из общего правила? Едва ли. Другие уезды Московской губернии, равно как и другие губернии европейской России, находятся в аналогичном положении. В Серпуховском уезде количество незанимающихся хлебопашеством хозяев простирается до 17%, в Верейском—16%. В Гжатском уезде Смоленской губ. «есть селения, в которых оставлено земли на половину и даже до ¾; ...крестьянское полеводство, вообще, в уезде сократилось на четвертую часть» [2]). Не плодя цитат и выписок, мы смело можем, по крайней мере, к половине России применить сказанное г. Орловым о Московской губернии: «Возникают резкие противоположности в имущественном состоянии крестьянского населения: *громадный процент крестьян постепенно теряет всякую возможность вести самостоятельное хозяйство и обращается в разряд безземельных и бездомных,* а вместе с этим незначительный процент крестьян с каждым годом увеличивает степень своего имущественного благосостояния» [3]). А это зна-

---

[1]) «Московская губ. в трудах ее земских статистиков». «Отеч. Записки», 1880 г., кн. 5, стр. 22.

[2]) Сведения эти относятся еще к 1873 г. См. «Доклад» сельско-хоз. ком. Дополнение, ст. о «Земледелии», стр. 2.

[3]) О р л о в, Ibid., стр. 1.

чит, что, по крайней мере, половина сельских общин в России является бременем для общинников.

Сами народники хорошо сознают неотразимость этого вывода. В брошюре «Социализм и политическая борьба» мы цитировали уже г. N. Z., по мнению которого «несчастная община дискредитируется в глазах народа» [1]). Г. Златовратский также говорит где-то, что община дорога теперь лишь деревенским старичкам да городской интеллигенции Наконец, сам г. В. В. признает, что «община распадается, как добровольный союз, остается «общество» в административном смысле, группа лиц. насильственно связанных круговой порукой, т.-е. ответственностью каждого за ограниченность сил всех плательщиков и неспособность фиска понять эту ограниченность. Все выгоды, когда-то доставляемые общиной, исчезли, остались лишь неудобства, связанные с принадлежностью к обществу» [2]). Так называемая несокрушимая основа народного быта ежедневно и ежечасно сокрушается давлением государства. Капитализм мог бы, пожалуй, и не вступать в активную борьбу с этой «Непобедимой Армадой»; она и без того разрушается о подводные камни малоземелья и налоговых тягостей.

Но, махнувши рукой на современную, *действительную* общину, народники не перестают петь дифирамбы общине абстрактной, общине an und für sich, общине *возможной* при известных благоприятных условиях. Они твердят, что община разрушается под влиянием внешних независящих от нее обстоятельств, что ее разложение *несамопроизвольно* и прекратится с устранением современного государственного гнета. На эту сторону их аргументации нам и нужно обратить теперь внимание.

Наши народники, в огромном большинстве случаев, отличаются поистине умилительною кротостью. Забота об избавлении общины от ее современного «египетского пленения» охотно возлагается ими на то самое правительство, усердием которого доведена до нищеты чуть не вся Россия. Гнушаясь политикой, как «буржуазной» забавой, презирая конституционные стремления, как несогласные с народным благом, наши легальные общинофилы стараются убедить правительство, что поддержка пресловутых «устоев» лежит в его собственных интересах. Само собою разумеется, что голос их остается голосом вопиющего в пустыне. Кот Васька слушает, да ест, да время от времени прихлопывает те газеты и журналы, которые слишком уже надоедают ему раз'яснением его «пра-

[1]) См. «Неделю», № 39, 1883 г., ст. «В родных местах».

[2]) Экономический упадок России, «Отеч. Записки», 1881 г., кн. 9, стр. 149.

вильно понятых интересов». Бесспорная мораль знаменитой басни оказывается аксиомой и в области социально-политической жизни.

Вопрос об избавлении крестьянского хозяйства от неблагоприятных ему условий сводится таким образом к вопросу об избавлении России от гнета абсолютизма. С своей стороны, мы думаем, что эта политическая эмансипация нашего отечества станет возможной лишь в результате того перераспределения народных сил, которое несомненно будет вызвано и уже вызывается разложением некоторой части наших сельских общин. Но об этом речь впереди. Теперь же мы сделаем уступку народникам, забудем о *действительной* и поговорим о *возможной* общине.

4. Идеальная община народников.

Все предыдущие доводы наши основывались на том предположении, что русская община надолго останется под бременем непосильных для нее налогов и малоземелья. Взглянем теперь на дело с другой стороны. Допустим, что, благодаря тем или другим обстоятельствам, общине удастся избавиться от этого бремени. Спрашивается, не остановится ли тогда ее, начавшееся уже, разложение? И не помчится ли она тогда к коммунистическим идеалам с быстротой и неудержимостью гоголевской тройки?

В настоящее время общая сумма платежей, лежащих на крестьянских наделах, в большинстве случаев далеко превышает доходность этих наделов. Отсюда происходит весьма естественное стремление некоторой части крестьян развязаться с землею, приносящею им лишь отрицательную ренту. Вообразим теперь обратный случай. Представим себе, что совершена серьезная реформа нашей податной системы и что лежащие на крестьянской земле платежи стали значительно ниже ее доходности. Этот предполагаемый нами общий случай и теперь уж существует в виде отдельных исключений. И теперь есть общины, в которых земля не является бременем для крестьянина, в которых она приносит ему, напротив, некоторый, хотя и небольшой, доход. Тенденции, обнаруживаемые такими общинами, должны показать нам, какую судьбу имела бы старинная форма нашего крестьянского землевладения в том случае, если бы все общины попали в такие, сравнительно благоприятные, условия. Посмотрим же, какие надежды, какие ожидания может возбудить в нас пример этих привилегированных общин.

В «Сборнике статистических сведений по Московской губ.» мы находим следующее в высшей степени важное указание. «Общие переделы

мирских полей повторяются тем чаще, чем *выше* размер платежей, лежащих на мирской земле, чем в большем несоответствии находятся они (платежи) с доходностью земли. Если ценность платежей не выше доходности мирского надела, то переделы повторяются через длинные промежутки времени, простирающиеся до 15—20 и более лет; если, наоборот, размер платежей превышает доходность земли, то промежутки между переделами бывают более короткими, и притом переделы повторяются тем чаще, чем значительнее несоответствие между ценностью платежей и доходностью земли, при равенстве всех других условий» [1]). То же самое явление было замечено т. Личковым в Рязанской губернии. Смысл этого явления очень понятен: оно показывает нам, что уменьшение лежащих на крестьянской земле платежей вызвало бы стремление к удлинению сроков переделов. Впрочем, выражаясь точнее, нужно сказать, что уменьшение платежей только *увеличило* бы это стремление, так как оно существует уже и в настоящее время. «Сопоставление по отдельным уездам средних чисел, выражающих промежутки времени между общими переделами с числами частости переделов указывает на тенденцию к удлинению сроков переделов, а следовательно, к уменьшению числа переделов, т.-е. бо́льшей продолжительности владения» [2]). Та же тенденция указана в «Докладе» сельско-хозяйственной комиссии по отношению к другим губерниям европейской России. Многие из наших народников очень сочувственно относятся к такой тенденции. По их мнению, она даст возможность устранить или ослабить некоторые сельско-хозяйственные неудобства, неразрывно связанные с коренными переделами общинной земли. Это справедливо, но беда в том, что неудобные следствия общинного принципа устраняются в этом случае такими средствами, которые ведут к подрыву самого принципа и очень напоминают лечение головной боли посредством ампутации головы. Удлинение сроков переделов есть один из признаков предстоящего разложения общины. Всюду, где эта форма землевладения исчезла под напором возрастающего индивидуализма, исчезновение ее совершалось путем довольно продолжительного процесса приспособления *общины* к народившимся потребностям в *индивидуальной* недвижимой собственности. *Фактические* отношения здесь, как и везде, опережали *юридические*: земля, составлявшая собственность целой общины, все дольше и дольше оставалась в руках данного обрабатывавшего ее семейства, пока, нако-

[1]) «Сборник стат. свед.», т. IV, стр. 200.
[2]) Ibid., стр. 158.

нец, удлинение сроков переделов не подготовляло почву для полного устранения отживших правовых норм. Причина этого явления очень понятна и легко обнаруживается при сколько-нибудь внимательном изучении процесса индивидуализации недвижимой собственности.

Деревенская община представляет собою не более, как *одну из ступеней разложения первобытного коммунизма* [1]). Коллективная собственность на землю не могла не возникнуть в тех обществах, которые не знали никаких других видов собственности. «Историк-этнограф,—справедливо говорит г. Ковалевский,—станет искать древнейших форм общения имуществ не у осевших уже племен, а у бродячих звероловов и рыболовов, и видеть *в общинном землевладении* первых *не более, как перенесение на недвижимое имущество тех правовых* идей и *учреждений*, которые, под гнетом необходимости, возникли у отдельных племен в ту эпоху, когда единственным средством к пропитанию было занятие звериным и рыбным промыслами» [2]). Таким образом, относящиеся к *движимой* собственности «правовые идеи и учреждения»—оказывали решающее влияние на характер собственности *недвижимой*. Это влияние не только не ослабело, но еще более возросло в то время, когда движимая собственность приняла индивидуальный характер. Но зато оно приняло теперь противоположное направление. Прежде движимая собственность стремилась придать недвижимой—коллективный характер, потому что сама она принадлежала не отдельным лицам, а целому племени. Теперь, наоборот, она подрывает *общинную* недвижимую собственность, потому что сама она принадлежит не целой общине, а отдельным лицам. И это несомненное влияние движимой собственности на недвижимую с особенною силою сказывается там, где, как в земледелии, самая сущность хозяйственного предприятия требует одновременного употребления в дело об'ектов как частной, так и коллективной собственности. Хлебопашцу нужна, во-первых, земля, поступающая в его пользование лишь на известное время, а во-вторых,—удобрение, семена, рабочий скот и орудия труда, составляющие его частную собственность. В этой-то точке соприкосновения двух родов собственности разлагающее влияние индивидуализма достигает наивысшей степени, и победа тем скорее клонится на его сторону, чем более возрастает в земледельческой культуре

---

[1]) Примечание ко 2-му изданию. Повторяю, теперь уже доказано фискальное происхождение нашей общины.

[2]) «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», стр. 27.

значение предметов движимой (частной) собственности, т.-е. чем более труда, удобрения и ухода требует данная категория общинных земель. Вот почему огороды и вообще приусадебные земли, подвергающиеся наиболее старательной обработке, раньше других переходят в подворно-наследственное владение, между тем, как дольше других в общинной собственности остаются выгоны и пустоши, требующие разве лишь огораживания, для охраны пасущегося на них скота. Между этими двумя крайностями другие общинные угодья располагаются в порядке возрастающей или убывающей сложности их обработки.

Таким образом, удлинение сроков переделов есть естественное следствие возрастающей тщательности в обработке земельных угодий.

Вот несколько примеров в пояснение сказанного.

В Заозерской сельской общине (Новгородской губ.) «все пахотные поля разделяются на два вида—1) *степенные поля* и 2) пашни». Первые переходят от одного домохозяина к другому только во время коренных переделов, происходящих только при ревизии; поля второго рода. *пашни*, «каждый год под осень делятся между домохозяевами». Это различие обусловливается тем обстоятельством, что «*степенные поля* удобряются обыкновенно навозом» и «крестьяне довольны большими промежутками времени от передела до передела», потому что, по их собственным словам, «нужно получить свою пользу от земли, *а то на кой чорт я буду хорошо работать на своей полосе, если завтра другому отдай*». Более тщательная обработка ведет к бо́льшей продолжительности владения, которая, в свою очередь, естественно распространяется и на другие виды общинных угодий, почему-либо имеющие в глазах крестьян большую ценность, хотя и не требующие никаких специальных затрат на свою обработку. В той же Заозерской общине сенокосы, как и поля, подразделяются на несколько разрядов, при чем сенокосы лучшего разряда, «обширные поемные луга» по реке Хоринке, «поступают только в коренной передел» [1]).

То же самое и еще более рельефно выраженное явление мы встречаем в Торховской общине Тульской губернии. *Те из домохозяев этой общины, «которые удобряют свои полосы, крепко за них держатся и только в крайнем случае решаются уступить их другому* домохозяину»

---

[1]) См. «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины», издание Вольного Экономического и Русского Географического Обществ, С.-Петербург 1880, стр. 257—265.

В Михайловском уезде Рязанской губернии «крестьяне не делят навозных полей».

В Мценском уезде Орловской губернии «при переделах одну полосу земли оставляют неделимою, чтобы ее каждый мог удобривать. Это называется навозниками. Такого навозника, никогда не переделяемого, приходится на крестьянина сажен 5».

В Курмышском уезде Симбирской губ. «в последние годы (писано в начале семидесятых годов) переделы полей делаются на более долгие сроки, вследствие чего земледелие улучшается и удобрение полей навозом входит в общее употребление» [1]).

Связь между удлинением сроков переделов и улучшением обработки полей—выясняется вышеприведенными примерами до очевидности. Не остается никакого сомнения в том, что домохозяева очень неохотно расстаются с землей, обработка которой потребовала от них каких нибудь специальных затрат. Это стремление к возможно более продолжительному удержанию в своих руках раз полученной в надел полосы значительно ослабело бы, конечно, если бы все члены общины имели материальную возможность одинаково удобрять свои поля. «Если бы все или, по крайней мере, значительное большинство дворов, одинаково исправно могли бы заниматься хлебопашеством, то большой разницы между полосами не могло бы быть, и общие переделы полей были бы ни для кого не обременительны»—говорили г. Орлову крестьяне Московской губернии. Но такое равенство само по себе очень непрочно в сельской общине, где на *мирской земле ведется подворное хозяйство,* где каждый самостоятельный общинник на свой собственный страх и риск обрабатывает полученную им в надел землю. Количество скота, качество сельско-хозяйственных орудий, рабочие силы семьи—представляют собою переменные величины, значительно разнообразящие доходы отдельных дворов. Развитие промышленности вокруг или внутри общины открывает новые пути для заработка, но вместе с тем и новые источники неравенства. Один двор совсем не имеет возможности «работать на стороне», другой—получает оттуда значительную часть своего дохода. Один домохозяин, занимаясь кустарной промышленностью, становится «мастерком», эксплоататором членов своей собственной общины, другому суждено попасть в более многочисленный разряд эксплоатируемых. Все это, разумеется, отражается на хозяйственной способности различ-

[1]) «Доклад сельско-хозяйственной комиссии», Приложение I, отд. 1, глава 2: общинное и участковое пользование землею.

ных дворов. Наконец, не все дворы переносят с одинаковой легкостью гнет государственных налогов. Таким-то образом, община распадается на «красную» и «холодную» стороны, на слой богатых, «хозяйственных мужичков», и слой бедняков, превращающихся, мало-по-малу, в «пустырников». Тогда переделы становятся в высшей степени невыгодными для исправных хозяев. Последним приходится «трудиться не на себя, а на своих малосильных и неисправных соседей». Само собою понятно, что зажиточные крестьяне стараются избежать этой, печальной для них, необходимости; они начинают очень несочувственно относиться к переделам. Мы можем сказать, поэтому, что *неравенство, необходимо возникающее в общине, в известный более или менее ранний период ее существования, также необходимо ведет к удлинению сроков переделов.*

Но на этом дело не останавливается. С удлинением сроков переделов неравенство между общинниками не только не исчезает, но, напротив, еще более усиливается. Домохозяева, имеющие возможность лучше обрабатывать свои наделы, не боятся теперь, что земля их «завтра» же перейдет в другие руки. Они возделывают ее с большим старанием, не останавливаются перед затратами на ее улучшение. Эти заботы естественно вознаграждаются лучшими урожаями. Хорошо обработанная полоса исправного домохозяина приносит больший доход, чем еле вспаханные наделы деревенской «черноты» [1]). Благодаря этому, в общине повторяется старая, но вечно новая история, рассказанная в притче о талантах: исправные домохозяева становятся еще «исправнее»; бедняки—еще беднее. Зажиточные домохозяева образуют между собою оборонительный и наступательный союз против «черноты», за которой остается еще право голоса при решении мирских дел и которая может потребовать переверстки. Желая, во что бы то ни стало, сохранить за собою лучше обработанные полосы общинной земли и не решаясь или не будучи в состоянии установить подворно-наследственное владение, зажиточные крестьяне прибегают к следующей, весьма остроумной, мере. Они выделяют свои земли в особый участок, из которого наделы отводятся лишь исправным домохозяевам. «Мирское поле разбивается

---

[1]) В Спасской волости, Юрьевского уезда, Владим. губ., «при посеве 12 мер ржи на душу нажинают 6 сотен снопов, намолачивают 5 мер с сотни». Таков средний урожай. В частности он неодинаков у крестьян различной степени благосостояния. Самый больший урожай бывает «у зажиточных крестьян—по 10 сотен снопов на душу, умолот 6 мер с сотни», самый меньший «у бобылок—200—300 снопов, по 3—4 меры умолота». Пругавин, «Сельская община и т. д., стр. 15.

на две неравные части: одна, состоящая из лучших ярусов, идет в надел исправным хлебопашцам и обрабатывается ими; другая, состоящая из худших ярусов, поступает в надел бесхозяйным дворам и лежит в пустырях» [1]). Бедняки лишаются, таким образом, всякой надежды когда-нибудь получить в свое распоряжение хорошо обработанную землю своих счастливых соседей. Община радикально изменяет свой характер: из оплота и опоры беднейших своих членов она становится источником окончательного их разорения. *Удлинение сроков переделов, явившееся как результат неравенства между общинниками, ведет лишь к усилению неравенства и окончательному подрыву сельской общины.*

Добиваясь осуществления своих требований, наши реформаторы полагают, что они работают для упрочения «вековых устоев, выдержавших» и проч., и проч., т.-е., переводя с народнического языка на общечеловеческий,—для сохранения общинного землевладения. Но жизнь готовит им немало самых неприятных неожиданностей. Увеличение наделов и уменьшение податей приведет к тому, что крестьяне станут «дорожить» землею; а там, где ею «дорожат», не любят переделов и стремятся удлинять их сроки; а там, где удлиняются сроки переделов, возрастает неравенство между общинниками, крестьяне исподволь и самою логикою вещей подготовляются к подворно-наследственному владению. Словом, мера, рекомендуемая как средство сохранения общины, только увеличит ту неустойчивость ее равновесия, которая и теперь уже поражает беспристрастного наблюдателя; эта мера будет настоящим подарком данайцев для общины. Нужно сознаться, что только с помощью очень пылкой фантазии и довольно крупной дозы невежества можно строить какие-нибудь реформаторские планы на шатком основании бытовой формы, находящейся в таком безвыходном и противоречивом положении.

Противоречия, свойственные данной социальной форме, неизбежным и роковым образом отражаются на образе мыслей и на поведении ее сторонников. Наши народники-легалисты, столь плодовитые на всякого рода рецепты для поддержания и упрочения «вековых устоев русского народного быта», не замечают, что фактически они все более и более становятся выразителями интересов той части крестьянства, которая является представительницей индивидуалистического принципа и кулацкой наживы.

---

[1]) Орлов, «Формы крестьянского землевладения», стр. 55.

Толки о народном кредите и умиление перед так называемыми «мирскими» арендами помещичьих земель могут служить новыми примерами близорукого отношения к интересам общины. В сущности, как мирская аренда, так и мелкий поземельный кредит нисколько не упрочивают дорогих нашим народникам «устоев» и даже прямо подрывают общинный принцип. Мы еще вернемся к этому предмету, но прежде считаем нужным покончить с другими, уже затронутыми нами, причинами разложения общины.

Мы знаем уже, что крестьяне стоят за удлинение сроков переделов мирской земли в интересах лучшей ее обработки. Они не хотят «*хорошо работать*» на той полосе, которая может скоро перейти в чужие руки. Хорошая обработка земли предполагает затрату не только живого труда работника, но и мертвых продуктов его прошлого труда, тех средств производства, которые в буржуазной экономии носят название капитала.

Эти затраты «капитала» окупаются в более или менее продолжительный период времени. Одни уже через год или через несколько лет сполна возвращаются собственнику, в виде увеличенного дохода с его земли; другие требуют, напротив, весьма продолжительного времени для своего оборота. Первые называются затратами оборотного, вторые—затратами постоянного капитала. Само собою понятно, что чем более будут возрастать затраты постоянного капитала в крестьянском земледелии, тем более будет усиливаться у богатых и зажиточных домохозяев стремление удерживать свои наделы в течение возможно более длинного срока. Унаваживание земли—не Бог знает какая затрата, а между тем мы видим, что и оно уже вызывает у некоторой части нашего крестьянства враждебное отношение к переделам. «Это дурно, потому: у меня три коровы, а у него один петух»—отзываются о переверстках земли крестьяне Сенгилевской волости, Юрьевского уезда [1]). Что же будет со введением более рациональных способов хозяйства, интенсивной культуры, многопольной системы? Общинное землевладение, несомненно, явится серьезным препятствием для их упрочения. Оно и теперь уже ведет к таким ненормальным явлениям, как отказ от удобрения пахотных полей. В Калужской губ. некоторые «крестьяне почти все удобрение вывозят на коноплянники, а поля свои очень мало удобряют из опасения, что при переделе удобренная полоса перейдет к другому хозяину». В Московской губ. «вывозка навоза на пашню останавливается года за

[1]) Пругавин, «Сельская община», стр. 40—41.

3 до передела». В Кинешемском уезде, Костромской губ. «есть примеры, что зажиточные крестьяне продают накопленное удобрение», не решаясь, по указанным причинам, вывозить его в поле. В Тульской губ. «у крестьян, не вышедших еще на выкуп и остающихся до времени на сброчной повинности, поля с каждым годом приходят к истощению, по случаю неудобрения, ибо навоз не вывозят на поля уже десятый год и хранят его до раздела земли». Наконец, в Сызранском уезде Симбирской губ. «из многих сведений о сдаточных ценах явствует, что наемная цена земли при общинном землевладении (при сдаче целыми наделами), в среднем выводе, вдвое ниже наемной цены земли, находящейся в личной собственности, при подворном владении. Это факт, не подлежащий сомнению; удостовериться в этом легко из книг, сделок и договоров в волостных правлениях.

Об'ясняется он тем, что просто самая обработка земли при тех незначительных делянках, которые приходятся на долю каждого домохозяина, весьма неудобна; факт этот вполне сознается наиболее зажиточной и развитой частью крестьянского населения, и он вызвал, с своей стороны, два явления, которые следует признать самыми характеристичными для определения настоящего положения крестьянского землевладения. Во-первых, в некоторых селениях (Кравкове, Головине, части сел Федрина и Загарина) состоялись приговоры о разделении общинной земли на подворные участки. Во-вторых, в весьма многих селениях отдельные домохозяева вносят выкуп за свои наделы и требуют выдела их из общинной земли. Подобные случаи встречаются в селах: Репьевке, Самойкине, Окуловке и многих других; они встречались бы гораздо чаще, если бы было поболее порядка в крестьянском управлении, теперь же некоторая неясность закона, усиливаемая еще недостатками крестьянского управления, невольно задерживает случаи выкупа» [1]).

Но этим не исчерпываются неудобства общинного землевладения. Связанная с ним обязательность севооборота также немало затрудняет усовершенствование земледелия.

Возможны ли радикальные улучшения земледелия, например, в Торховской общине, Тульской губ., где «*ни огораживать своих полей, ни изменять системы полеводства не дозволяется*», или в Погореловской общине, Костромской губ., где ведется трехпольная, *обязательная для всех*, система полеводства»? Такие общины вовсе не составляют исклю-

[1]) «Доклад» сельско-хозяйственной комиссии, прилож. I, отд. I, гл. 2: условия хозяйства крестьян.

чения; напротив, существующие в них порядки могут быть признаны общим правилом, основанным на том простом соображении, что в случае огораживания полей или изменения системы полеводства каким-нибудь членом общины—«пришлось бы для одного всем стесниться в выпуске скота на пар и на жнивье» [1]). По заявлению старшины и крестьян Тихоновской волости Калужского уезда—«ни одна хозяйственная работа не может быть выполнена так, как бы желательно было отдельному домохозяину: троить пар, когда все только двоят, ему не позволят, потому что пар служит выгоном для скота; посеять озимую рожь раньше других он по той же причине не может; начать сенокос он должен тоже в одно время с другими, ибо косить нельзя до раздела покосов, а косить после других нельзя, потому что надо перегонять с парового поля скот; и так решительно во всех работах встречаются подобные препятствия». Нечего и говорить о введении новых культурных растений. Это невозможно, если они «высеваются позже наших растений, по снятии которых мирской скот все вытопчет» [2]). Поэтому можно сказать, что совершенно неизбежна борьба между общиною, с одной стороны, и общинниками, видящими выгоду в изменении системы полеводства *и имеющими необходимые для того средства.* И нетрудно предсказать, на чью сторону склонится победа: «богатый бедного всегда засилит»—говорят крестьяне; в данном же случае богатое меньшинство будет «засиливать» бедняков с помощью самого страшного оружия, какое когда-либо создавалось историей, т.-е. с помощью усовершенствованных средств производства.

Много бумаги исписано было нашими народниками для доказательства того положения, что община сама по себе, т.-е. по сущности лежащего в ее основе принципа, не враждебна никаким усовершенствованиям в земледелии. Стоит только всем членам данной общины взяться за такие усовершенствования, а еще лучше—ввести коллективную обработку полей, говорили они, и дело не только не затруднится, но, напротив, будет значительно облегчено отсутствием частной собственности на землю. Это, конечно, справедливо, но ведь мало ли *возможностей,* переход которых в *действительность* мыслим лишь при известных, *невозможных* в данное время, условиях?

Ах, кабы на цветы да не морозы,
И зимой бы цветы расцветали!

[1]) «Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины», стр. 161 и 234.

[2]) «Доклад». Услов. кр.

справедливо говорит песня. Но возможно ли, чтобы в нашем климате зимой не было морозов! Нет? Ну так и цветы не расцветут зимою иначе как в теплицах. Наши крестьяне *могли бы* есть устрицы и запивать их шампанским, *если бы... если бы* имели для этого средства. Неотвязный вопрос о средствах всегда был холодной водою, охлаждавшей порывы пылкой маниловской фантазии. Если бы *все* наши крестьяне имели средства не только для обработки своих полей по усовершенствованным системам, но просто для поддержания традиционного трехпольного хозяйства,—то у нас не было бы и того аграрного вопроса, над решением которого так усердно и так безуспешно трудятся г.г. народники. Действительность говорит, что таких средств у огромной части нашего крестьянства нет, а раз их нет, то ни отдельным домохозяевам, ни всему государству нет ни охоты, ни основания откладывать улучшение земледельческой культуры до тех пор, пока «поправится» большинство общинников: ведь наша допотопная соха и без того уже довольно подгадила нам в борьбе за рынок, хотя бы с американцами, не откладывающими употребления паровых плугов до золотого века братства и равенства.

Мы можем сказать, следовательно, что *введение усовершенствованных способов земледелия явится новым фактором разложения нашей общины,* если только каким-нибудь чудом не исчезнет неравенство, уже существующее в современной, «пореформенной» деревне. Но о чудесах ниже.

Что же такое, однако, это усовершенствованное земледелие? Представляет ли оно собою отрицательное условие общественного развития, продукт окружающих земледельца неблагоприятных влияний—или, напротив, является оно результатом устранения этих неблагоприятных влияний, следствием повышения уровня материального благосостояния крестьян? Нам кажется, что второе предположение вернее первого. Теперь большинство крестьян очень бедно, а круговая порука грозит разорением даже зажиточному их меньшинству. Понятно, что им теперь не до интенсивной культуры. Но поставьте их в лучшие условия, снимите давящий их податной гнет—и сама круговая порука перестанет быть грозою богатых крестьян: меньше несостоятельных общинников—меньше и ответственности за них. Уверенная в своем будущем, зажиточная часть крестьянства задумается о серьезных улучшениях в земледелии. Но тогда-то и столкнется она с общиной, тогда-то и придется вступить ей с нею в смертельную борьбу. Перед нами опять вырастает, следовательно, тот вывод, что улучшение материального благосостоя-

ния крестьян увеличит неустойчивость общинного землевладения, сделает более частым явление, и теперь уже встречающееся, напр., в Тамбовской губ., где «богатеющие крестьяне заводят владение участковое, а пока они бедны, держатся владения общинного, с переделом полей» [1]). Плох, плох наш больной! Он истощен теперь до такой степени, что разлагается заживо, и в то же время все питательные вещества, рекомендуемые нашими легальными народниками-гомеопатами, как средство восстановления его сил,—могут только ускорить начавшееся разложение.

Но не пора ли нам кончить с общиной? Не указаны ли уже нами все факторы ее разложения? О нет! Таких факторов много, очень много. Все принципы современного хозяйства, все пружины современной экономической жизни находятся в непримиримой вражде с общиною. Вследствие этого, надеяться на ее дальнейшее самостоятельное «развитие» так же странно, как странно надеяться на долговечность и дальнейшее размножение вытащенной на берег рыбы. Дело не в том, на какой крюк посажена рыба, а в том—приспособлены ли ее дыхательные органы к окружающей атмосфере. Атмосфера же современного денежного хозяйства убивает нашу архаическую форму землевладения, подкапывает ее в самом корне. Хотите иллюстраций? Вот они.

Мы видели уже, как разрушительно влияет денежное хозяйство на семейную общину. Поищем теперь примера влияния его на сельскую общину, собственно так называемую.

5. Выкупная операция.

Вот перед нами выкупная операция, долженствующая подарить Россию новым сословием крестьян-собственников. Некоторые общины уже успели выкупить свои земли. Как же отразилось это на их внутреннем складе?

«Еще в Сборнике статистических сведений по Тамбовской губернии,—говорит г. Л. С. Личков [2]),—между прочим указано было В. И. Орловым на то, что система *выкупа земель чрезвычайно сильно влияет на уничтожение между крестьянами земельных переделов*, утверждая и распространяя в крестьянстве взгляды на выкупаемую землю как на *личную, неотъемлемую их собственность*... Такое же явление мне и моим

---

[1]) «Доклад» С. К. Пр. 1, Отд. II, стр. 178.

[2]) См. его статью «Выкупная операция, как разрушитель общины», «Дело», № 11, 1881.

товарищам по собиранию статистических сведений удалось подметить и в Рязанском уезде».

Нужно сознаться, что г. Личкову удалось подметить в высшей степени любопытное и поучительное явление. «В Рязанском уезде,—говорит он,—состоящие на выкупе крестьяне *совсем не переделяют* своих земель в тех общинах, *где землею дорожат,* тогда как временно-обязанные, и особенно государственные, производят земельные переделы. Собственники же делят землю только там, где землей не дорожат, т.-е. где приходится делить в сущности не землю, а приносимые ею тягости... Весьма характерно, что во всех выкупных общинах, где земля поделена по живым душам, распределение это сделано *не после, а до* или при самом выходе на выкуп *(обыкновенно с тем, чтобы никогда уже более не делить).* После же выхода на выкуп *ни в одной общине,* за исключением тех, где плохая земля только обременяет крестьян,—ни в одной, говорю я, не было передела земли, несмотря на явную неравномерность в ее распределении. Как ни прискорбно, а приходится все-таки признать как этот, так и другие факты, *характеризующие совсем не мирское настроение крестьянских интересов,*—приходится потому, что всякому факту надо глядеть прямо в глаза, не прикрашивая его вредящими делу фразами».

Тенденция выкупленных крестьянами земель к переходу в частную,—вернее подворную,—собственность замечается не в одной только Рязанской губернии. То же явление обнаруживается и в других местностях.

В Крестецком уезде Новгородской губ. «около половины бывших помещичьих крестьян, вышедших на выкуп, мирским приговором определили разделить всю землю чересполосно, по душам, а переделы навсегда уничтожить». Такие же случаи указаны «Докладом сельскохозяйственной комисси» и для Калужской губернии. В деревне Старухине Тульской губернии «общинная земля не переделялась со времени реформы». В случае же частных переверсток число душ, «получивших надел при реформе», служит нормой для дележа. Даже «при разделе *семьи* считаются те же души, *не принимая во внимание малолетних.* Усадебная земля совсем не переделяется и переходит к семье». Общинный принцип сделал, как мы видим, немало уступок индивидуализму в этой деревне крестьян *собственников,* несмотря на то, что, по словам г-жи Ел. Якушкиной, они видят в общинном землевладении «единственное средство против обезземеления. Об'ективная логика вещей оказывается сильнее суб'ективной логики крестьянина. Но здесь между этими родами

логики все-таки происходит еще борьба, существует разногласие, а вот в Борокской общине (Псковской губ.), состоящей на выкупе с 1864 года, суб'ективная логика большинства давно уже заключила самый тесный союз с об'ективной логикой денежного хозяйства. На требование бедняками нового передела им отвечают, что «хотя ныне владеющие лишними наделами владеют ими и не по праву (не по числу душ), но все-таки они очистили эти наделы податью (выкупные платежи), а следовательно, и несправедливо было бы взять от них эти наделы» [1]). В другой деревне той же местности произошел такой характерный случай: один крестьянин принял подкидыша и просил мир нарезать в общем поле надел; тогда приемный отец выкупил этот участок за 100 руб., т.-е. *исключил его навсегда из передела.* Выкуп земли и здесь оказался враждебным общинному землевладению.

Этот случай переводит нас к вопросу о выкупе надела не целым миром, а отдельными его членами. Такая операция допускается законом и нередко имеет место в действительности. Иногда крестьяне, окончательно выкупившие свой надел, продолжают владеть им на прежнем мирском начале, но иногда они противятся переделам, и тогда мир принужден считаться с ними, как с собственниками. В селе Сорогужине, Влад. губ., Юрьевского уезда, «есть три дома полных собственников, окончательно выкупивших свой надел, из них двое безусловно согласились на коренной передел со всеми его последствиями (перемена места по жребию, уменьшение земельных участков и т. п.), а один потребовал добавления своего надела, и мир отвел ему недостающую землю прирезкою с краев каждого поля» [2]). В д. Хорошевке и с. Николаевском той же губернии «есть полные собственники, и мир намерен им *выделить*, хотя и чересполосно, *полный надел* в том размере, как они выкупили его» [3]). Иногда, наоборот, мир препятствует выделу собственников, и тогда самый выкуп замедляется. Так, например, в Тамбовской губ. «выкупить отдельно свои наделы многие крестьяне желают, но общества не допускают такого выкупа, чтобы не освободить богатых крестьян от круговой поруки». Иногда выкупившим свои наделы домохозяевам мир отводит отдаленные и неудобные участки. Вот почему в Харьковской губ. «крестьяне гораздо более покупают чужих земель, чем выкупают свои [4]).

---

[1]) См. названный выше «Сборник», статью г. П. Зиновьева, стр. 308.
[2]) Пругавин. «Сельская община», стр. 19.
[3]) Ibid., стр. 48.
[4]) «Доклад» С. К. Отд. II.

Этих фактов достаточно, чтобы показать, до какой степени неустойчивым становится равновесие общинных отношений, благодаря выкупной операции. Правда, окончательный, юридический переход к подворно-наследственному владению не только не является необходимым *непосредственным* результатом выкупа, но, наоборот, составляет редкое относительно явление. Крестьянин консервативен вообще, а в своих отношениях к земле—в особенности. Но это не изменяет дела. Взаимные отношения членов выкупившей свои земли общины только по названию напоминают собою деревенский «мир» доброго, старого времени, времени натурального хозяйства, крепостного права и отсутствия всяких путей сообщения. В основу распределения земли кладется уже не потребность в ней того или другого хозяина, не количество рабочих сил в его семье, наконец, даже не налоги и не повинности. Новые птицы поют новые песни. Крестьяне-собственники не любят переделов и не смущаются нуждою своих соседей. Деревенские старики охают и жалуются на «избалованность» народа, интеллигенция вздыхает еще усерднее, и, с сокрушением видя, что «повреждение нравов» неудержимо проникает в деревню, она надеется лишь на «революцию», которая все поправит, все загладит и возвратит общине свежесть времен Гостомысла. Но что же удивительного в этом явлении, столь печальном для деревенских «старичков» и для столичных народников? Ровно ничего. «Нравы» не испортились, они только получили другую экономическую подкладку. В прежнее время земля была царская, «божья», какая вам угодно, но только не купленная. Крестьянину достаточно было добиться принятия его в общину, чтобы получить на пользование землею право, ограниченное, иногда, лишь пределами его собственной рабочей силы. А община и вовсе была господином занятой ею территории, она распоряжалась всюду, куда ее топор, коса и соха ходили. Крепостное право сковало и принизило земледельца, но не изменило его отношения к земле. «Мы ваши, а земля наша»—говорили крестьяне помещикам. Но вот пришло время, когда крестьяне перестали быть барскими, но за то и земля перестала быть крестьянскою. Ее нужно выкупать, платить за нее деньги. Что такое деньги? Это прежде всего товар, и при том совершенно особенного свойства, товар, за который покупаются все другие товары, который служит мерилом и выражением их стоимости. Само собою понятно, что этот особенный товар не может быть исключен из действия общих законов товарного производства и обращения. Напротив, он является носителем этих законов, он распространяет их действие всюду, куда забрасывает его случайность той или другой меновой сделки. Но

каковы же законы товарного производства? Что такое товар и откуда он берется? Товарное производство развивается лишь в том обществе, где средства, а следовательно, и продукты производства составляют частную собственность производителя; без этого условия никакое разделение труда недостаточно было бы для его возникновения. Таким образом, товарное производство представляет собою следствие развития *частной собственности*. Деньги, естественно вырастающие из обмена товаров, также точно предполагают *частного собственника*, как предполагает его, говоря вообще, весь процесс товарного производства. Отдельные члены общины могут приобрести деньги лишь в обмен за те или другие предметы их *частной собственности*, хотя бы собственностью этого рода и являлись продукты обработки общинной земли. Эти-то деньги крестьянин и должен платить теперь в виде выкупа.

Но «деньги родят деньги», между прочим, и в том смысле, что купленные за них средства производства и предметы обработки сами составляют уже *меновую стоимость*, эквивалентную заплаченной за них денежной сумме и способную к новому превращению в деньги, по желанию приобретателя. Следовательно, предметы, купленные тем или другим лицом, должны составлять его частную собственность. Такова бесспорная логика денежного хозяйства. Эта-то логика и вступает в борьбу с традицией общинного землевладения. Выкупная операция приводит крестьянский мир к противоречию, разрешимому лишь посредством окончательного разрушения общины. В силу привычки, предания, а частью и сознательного убеждения, он стремится сохранить старый *коллективный* принцип *владения* землею, после того как способ *приобретения* этой земли стал всецело основываться на новом, денежном, *индивидуалистическом* принципе. Само собою понятно, что стремление это неосуществимо, что невозможно передать в коллективную собственность мира предметов, приобретенных в обмен за частную собственность отдельных домохозяев.

«Хотя по *Положению о выкупе* крестьянские наделы выкупаются в общинную собственность,—говорит г. Личков,—тем не менее, уплата выкупа, по обычаю (т.-е. в силу фактов, которые всегда сильнее всяких юридических норм, тем более всяких юридических противоречий), в большинстве общин производится *членами* общины, *сообразно количеству* земли. По мере уплаты, величина выкупной платы с каждым годом уменьшается. Последствием этого может оказаться вот что: усердно платившие выкуп, иногда даже в течение двух-трех десятков лет, могут лишиться при переделе значительной доли выкупленной ими земли, и, на-

оборот, не платившие ничего могут получить землю даром. Иными словами, каждый новый взнос части выкупной суммы, повидимому, увеличивая собою права платящего на выкупаемую землю, *тем самым* приближает его к тому времени, когда он фактически *лишится* этих потом и кровью заработанных прав, при первом же переделе земель общины. Понятно, что мужик не мог не заметить этого практического противоречия». Мы уже видели, что противоречие это разрешается уничтожением переделов и закреплением земли за теми членами общины, которые платили за нее выкуп.

К январю 1883 года выкуплено было 20.353.327 дес. крестьянской земли. А так как во владении крестьян всей земли считается 120.628.246 дес., то на основании предыдущего мы можем сказать, что выкупная операция успела уже поставить в условия, несовместимые с общинным принципом, *шестую часть* крестьянских земель.

До какой степени несовместим принцип общинного землевладения с *выкупом* или покупкой земли на деньги—ясно из следующего. В Московской губ. некоторые крестьянские общества, помимо надельной земли, имеют еще «дарственную землю», т.-е. полученную в дар при выходе на волю от своих бывших помещиков. За исключением одной только деревни, «владение дарственной землею везде общинное». В тех же случаях, когда крестьянские общества *покупают* помещичьи земли, «владение доставшимися каждому двору долями установляется всегда подворно-наследственное, при котором каждый двор получает право свободного распоряжения и отчуждения части или всей своей доли посредством продажи, дарения и т. п. Таким образом, размер доли каждого двора, участвовавшего в покупке земли, остается постоянным» [1]).

Точно так же и в Псковской губ., в тех случаях, когда крестьяне «приобретают имения, чему есть немало примеров», владение установляется «необщинное».

Но и этим дело не ограничивается. Г. Николай.—он справедливо замечает, что «выкуп вынуждает производителя обращать все бо́льшую и бо́льшую часть продукта своего труда в товар и, следовательно, все более и более упрочивать основы капиталистического хозяйства».

Из сказанного ясно, до какой степени наивны народники, видящие в развитии мелкого поземельного кредита средство упрощения общины и борьбы против капитализма. По своему обыкновению, они рекомендуют как раз те меры, которые могут только ускорить торжество не-

[1]) Орлов, «Формы крестьянского землевладения в Москов. губ.».

навистных им буржуазных отношений. С одной стороны, «все проекты, стремящиеся улучшить материальное положение производителя, основанные на кредите, не только не могут улучшить этого положения, но совсем напротив, улучшая положение немногих, ухудшают положение большинства». С другой стороны, купленные земли всегда, а выкупленные—очень часто,—и чем лучше земля, тем чаще,—переходят в личное владение приобретателя.

В случае аренды помещичьих или казенных земель, крестьянский мир также превращается в компанию ответственных друг за друга пайщиков, в которой распределение арендованной земли совершается сообразно количеству внесенных денег. При чем же здесь община, при чем «вековые устои»?

Впрочем, не одни только мирные народники умиляются перед фактами весьма сомнительного значения. Таким «прекраснодушием» могут похвалиться даже и террористы. Г. Тихомиров, например, в своей войне против людей, убежденных в «неизбежности русского капитализма»,—указывает на то обстоятельство, что «количество земель, принадлежащих крестьянам, медленно, но постоянно возрастает». Он считает, повидимому, этот факт настолько многознаменательным, что не сопровождает его никакими комментариями. Но после всего сказанного нами о значении денежного хозяйства в истории разложения общины, мы имеем право считать возрастание крестьянского землевладения фактом, по крайней мере, очень двусмысленным. Действительность вполне оправдывает наш скептицизм.

В Московской губернии количество купленных крестьянами земель «увеличилось за 12 лет с 17.680 десятин до 59.741». Мы видим здесь, стало быть, именно указываемое г. Тихомировым «медленное, но постоянное» возрастание. Прекрасно, как же распределяется эта новая земля между крестьянами? Из 59.741 десятины «31.858 дес. принадлежит *всего 69 владельцам,* т.-е. выходит из размеров крестьянского хозяйства, а 10.428 десятин состоит из владений, *превышающих 100 десятин*» [1]) Как понимать такого рода «крестьянское землевладение»? Доказывает ли оно, что буржуазный строй не может иметь места в России? О г. Тихомирове можно сказать в этом случае то же, что говорил когда-то Прудон об Ад. Смите: он видит и не понимает, он рассказывает и не разумеет смысла своего рассказа!

---

[1]) В. В.. «Судьбы капитализма», стр. 136

Теперь пора нам кончать с общиной. Мы изложили свой взгляд на ее историю вообще и на положение ее в России в частности. Мы подтверждали свои слова фактами и примерами, заставляли часто говорить за нас самих народников. Наше исследование по необходимости было бегло и поверхностно. Мы не только не могли перечислить всех подтверждающих нашу мысль и уже замеченных исследователями *явлений;* но пределы нашего труда не позволили нам указать даже на все те, очень важные теперь в жизни земледельца, тенденции, развитие которых несовместимо с общинным принципом. И, несмотря на все это, мы можем сказать, что наши положения не были голословными. *Приведенных* примеров, *указанных* тенденций совершенно достаточно для защиты наших положений. Серьезное сомнение невозможно. Всякий беспристрастный наблюдатель видит, что наша община переживает тяжелый кризис, что самый этот кризис близится к концу, и первобытный аграрный коммунизм готовится уступить место личному или подворному владению. Многоразличны виды этого владения, часто внедряется оно в деревню под покровом привычных общинных отношений. Но старая форма не в силах изменить новое содержание: она сама должна будет примениться к нему или погибнуть окончательно. И этот переворот, совершающийся все с бо́льшей и бо́льшей интенсивностью, этот процесс разложения, с каждым днем распространяющийся и в «ширь», и в «глубь», охватывающий все более и более широкое пространство—вносит коренные изменения в привычки и миросозерцание крестьян. В то время, как наши славянофильствующие революционеры утешаются тем соображением, что «три четверти» наших фабричных рабочих «вовсе не пролетарии, а половина работает на фабриках временно и чуть не случайно» [1]),—сами крестьяне отлично сознают, что современная община далеко не такова, как была прежде, и что связь земледельца с землею разрывается все более и более. «Бегут молодые-то, друг мой сладкий, бегут от земли... Город их смущает», говорят крестьяне в «Деревенских буднях» г. Златовратского. И действительно, город все более и более подчиняет себе деревню, он вносит в нее свою «цивилизацию», свою погоню за наживою, свой антагонизм между богатыми и бедными; он возвышает одних, принижает других, создает «образованного» кулака и целую армию «воздушного народа», игнорирует иеремиады деревенских старичков и безжалостно вырывает почву из-под ног наших реформаторов и революционеров старого, так сказать, физиократиче-

[1]) «Чего нам ждать от революции?», стр. 228 и 236, «В. Н. В.» № 2.

ского пошиба. Здесь-то на отношении к этому процессу коренной переделки наших деревенских «устоев» и выясняется все бессилие того миросозерцания, которое Маркс и Энгельс заклеймили названием *метафизического*. «Для метафизика вещи и их умственные образы, т.-е. понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз-на-всегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого. Он мыслит законченными, непосредственными противоположениями; речь его состоит из: да—да, нет—нет, что сверх того, то от лукавого. Для него вещь существует или не существует, для него предмет не может быть самим собою и одновременно быть чем-нибудь другим». Именно таково миросозерцание и приемы мысли г. Тихомирова. Для него «народ» есть застывшее, неизменное, раз-на-всегда данное понятие, для него община «существует или не существует», для него крестьянин общинник «не может быть самим собою и одновременно быть чем-нибудь другим», т.-е., в данном случае, представителем принципа индивидуализма, невольным, но зато и неудержимым разрушителем общины. Г. Тихомиров «мыслит законченными непосредственными противоположениями», ему непонятно, как можно признавать полезное действие капитализма и в то же время организовать рабочих для борьбы с ними, как можно отстаивать принцип коллективизма и в то же время видеть торжество прогресса в разложении одного из конкретных проявлений этого принципа. В качестве «человека, последовательного и умеющего собою жертвовать», наш метафизик полагает, что людям, убежденным в «исторической неизбежности русского капитализма», остается лишь поступать на службу к «рыцарям первоначального накопления». Его аргументация может быть классическим образчиком метафизического мышления. «Рабочий, способный к классовой диктатуре, почти не существует. Стало быть, политической власти ему не доставишь. Не гораздо ли выгоднее временно совершенно оставить социализм, как бесполезную и вредную помеху ближайшей и необходимой цели?» Г. Тихомиров не понимает, что рабочий, неспособный к классовой диктатуре, может ежегодно и ежедневно становится все более и более способным к ней, и что рост этой способности в значительной степени зависит от воздействия людей, понявших смысл исторического развития. Речь нашего автора «состоит из: да—да, нет—нет, что сверх того, то от лукавого».

«Этот способ мышления кажется нам, на первый взгляд, потому вполне верным, что он присущ так называемому здравому смыслу. Но здравый человеческий смысл, почтенный спутник в домашнем обиходе,

между четырьмя стенами, переживает крайне удивительные приключения, лишь только он пускается в далекий путь исследования».

Мы знаем уже, какие «удивительные приключения» пережил здравый смысл г. Тихомирова во время своих странствований в области посылок: от него не оставалось часто и слабого воспоминания. Но история этого здравого смысла есть, в конце концов, тоже диалектическая история. Он не существует и существует в одно и то же время. Он разбивается о подводные камни посылок и, несмотря на это, он, как воскресший Рокамболь, снова является во всей красе на более торной дороге умозаключений.

Мы не упустим, конечно, случая опять встретиться с этими веселым спутником. Но теперь нам нужно приостановиться, чтобы запомнить направление пути, уже пройденного нами по инициативе г. Тихомирова.

6. Мелкое землевладение.

Мы видели, что в области обрабатывающей промышленности крупное капиталистическое производство развивается теперь «безостановочно»; что, вооруженное силою капитала и могуществом современной техники оно все более и более сбивает с позиции, побеждает и покоряет мелких производителей. Мы сказали затем, что к услугам крупного производства всецело готов внутренний рынок, да и на международном — для него закрыты далеко не все пути и выходы. Мы заключили отсюда, что в этой сфере не только ближайшее будущее, но и настоящее принадлежит капитализму. Но мы вспомнили, что народники видят в общине несокрушимый оплот против капитализма в нашей стране, где главная доля народного труда обращена до сих пор на земледелие. Тогда мы обратились к общине и постарались изучить ее современное положение. Это изучение привело нас к тому выводу, что община разрушается под гнетом налогов, разлагается под влиянием денежного хозяйства и обнаружившегося в ней неравенства, что во многих местностях России, далекая от своего прежнего назначения охранять и защищать интересы всех своих членов без исключения, она превращается в общину кулаков, разрушение которой принесло бы лишь выгоду закабаленной ими деревенской голи. Не довольствуясь этим результатом, мы постарались определить, какое значение имели бы те реформы, на которые возлагается так много надежд нашими народолюбцами. Мы убедились, что эти реформы только увеличили бы уже начавшееся в общине разложение и что она ни в каком случае не может служить оплотом против тех

условий производства, которые и теперь уже нанесли ей столько неизлечимых ран. Нам остается теперь сказать два слова о мелком крестьянском земледелии, чтобы иметь право сделать свой окончательный вывод по вопросу о капитализме.

Большою ошибкою было бы думать, что так называемая «ликвидация крупного земледелия» спасет нас от капитализма. Во-первых, «ликвидация» эта может оказаться лишь временным, переходным явлением, а, во-вторых, само мелкое земледелие стремится принять буржуазный характер. Та же самая американская конкуренция, перед которой пасуют наши крупные землевладельцы, наложит свою печать и на крестьянина. Превращая наше хлебопашество в производство хлебного *товара,* она подчинит все отношения земледельцев неумолимым законам товарного производства. А эти неумолимые законы ведут к тому, что на известной стадии своего развития товарное производство ведет к эксплоатации производителя, создает капиталиста-предпринимателя и пролетария-работника. Таким образом, вопрос о мелком или крупном земледелии сводится для России лишь к вопросу о торжестве крупной или мелкой буржуазии. Старинные основы крестьянского хозяйства не только не упрочатся «ликвидацией крупного земледелия», но, наоборот, еще более пострадают, благодаря полному перенесению в крестьянскую среду всех противоречий товарного производства. Крестьянское сословие тем скорее разложится на два враждебных лагеря: эксплоатирующего меньшинства и трудящегося большинства.

7. Вывод.

Если, после всего сказанного, мы еще раз спросим себя—пройдет ли Россия через школу капитализма, то, не колеблясь, можем ответить новым вопросом—почему же бы ей и не окончить той школы, в которую она *уже поступила?*

Все наиболее новые, а потому и наиболее влиятельные течения нашей общественной жизни, все наиболее знаменательные факты в области производства и обмена — имеют один несомненный и бесспорный смысл: они не только расчищают дорогу капитализму, но и сами являются необходимыми и в высшей степени важными моментами его развития. За ***капитализм*** вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и в свою очередь определяют направление и скорость его движения. ***Против капитализма*** лишь более или менее сомнительные интересы некоторой части крестьянства, да та сила инерции, которая, по временам, так больно

дает себя чувствовать развитым людям всякой отсталой, земледельческой страны. Но крестьяне не достаточно сильны, чтобы защищать свои действительные интересы; с другой стороны, они часто не достаточно заинтересованы, чтобы энергично отстаивать старые принципы своего общежития. Главный поток русского капитализма пока еще невелик; еще не много таких мест в России, где отношения нанимателя к работнику совершенно соответствовали бы общераспространенному представлению об отношениях труда к капиталу в капиталистическом обществе; но в этот поток со всех сторон направляется такое множество мелких и крупных ручейков, ручьев и речек, что общая масса направляющейся к нему воды огромна, и быстрый, сильный рост потока не подлежит сомнению. Его уже нельзя остановить, еще менее можно его высушить; остается лишь регулировать его течение, если мы не хотим, чтобы он принес нам один только вред, если мы не отказываемся от надежды хотя отчасти подчинить стихийную силу природы разумной деятельности человека.

Но что же делать, в таком случае, нам, русским социалистам, привыкшим думать, что наше отечество обладает какой-то хартией самобытности, выданной ему историей за никому, впрочем, не известные заслуги?

Нетрудно ответить на этот вопрос.

Все непонятые законы общественного развития действуют с неотразимою силой и слепою жестокостью законов природы. Но узнать тот или другой закон природы или общественного развития значит уже, во-первых, уметь избегать столкновения с ним, а следовательно, и напрасной траты сил, а во-вторых,—быть в состоянии регулировать его приложение так, чтобы извлекать из него пользу. Эта общая мысль всецело применяется к интересующему нас частному случаю. Нам нужно воспользоваться, в интересах революции и трудящегося населения, совершающимся в России социально-экономическим переворотом. Для нас не должно остаться потерянным то, в высшей степени, важное обстоятельство, что социалистическое движение началось у нас уже в то время, когда капитализм был еще в зародыше. Эта особенность русского исторического развития не придумана славянофилами и славянофильствующими революционерами. Она составляет бесспорный, всем известный факт, который принесет огромную пользу делу нашего рабочего класса, если только русские социалисты не растратят своей умственной и нравственной энергии на постройку воздушных замков в стиле удельно-вечевой эпохи.

ГЛАВА IV.

Капитализм и наши задачи.

1. Характер предстоящей революции.

Сказанное в конце предыдущей главы нуждается в пояснении. Самые недвусмысленные взгляды подают повод к ошибочным истолкованиям, если только такие истолкования служат для защиты чьей-нибудь «программы». Мы должны ставить точки над i, потому что, не видя таких точек, наши противники могут, по «недоразумению», принять i за фиту или ижицу. Всегда лучше самому сделать вывод из своих посылок, чем полагаться, в этом случае, на добрую волю другого. Кроме того, русские программные вопросы до такой степени исключительно приурочивались к нашей «самобытности», что нельзя считать напрасной тратой времени попытку рассмотрения этих вопросов с той точки зрения, с которой *самобытность* оказывается лишь славянофильством, или «без лести преданным», или взбунтовавшимся и перебежавшим в революционный лагерь. Верна или не верна такая точка зрения, правильно или не правильно рассуждают люди, ее держащиеся,—несомненно, во всяком случае, что несправедливо было бы упрекать их в повторении давно уже всем известных и давно уже многим надоевших «теорий».

Итак, что же именно делать «некоторой части социалистов», убедившейся в «исторической неизбежности русского капитализма»? Какую действительную пользу для дела русского рабочего класса можно извлечь из того обстоятельства, что начало социалистического движения почти совпало у нас с падением экономических порядков доброго старого времени? Вот вопросы, на которые мы необходимо должны ответить.

Мы не позабудем этой обязанности. Но слово принадлежит пока не нам; оно осталось, как помните, за г. Тихомировым, и он должен воспользоваться им по всем законам, божеским и человеческим. Мы довольно коротко и с большою для нас пользой ознакомились с общими основаниями его философско-исторической и социально-политической теории. Для вразумления непонимающих и для побиения «несогласномыслящих», г. Тихомиров заставил пройти перед нами старуху-историю, с ее «невероятными путями», западную Европу, с ее капитализмом, и, наконец, матушку Русь, с ее китайской неподвижностью и поземельной общиной. Он уяснил нам и прошлое и настоящее. Но можем ли мы удовольствоваться этим? Откажемся ли мы заглянуть в будущее?

Что сулит России это будущее?

Нам казалось, что прежде всего—торжество буржуазии и начало политической и экономической эмансипации рабочего класса. Такой исход казался нам самым вероятным, в виду многих и многих фактов. Мы исследовали современное положение нашего народного хозяйства и решили, что не спасут его старинных основ никакие реформы. Но мы рассуждали так, забывая, что «история человечества идет подчас самыми невероятными путями». Г. Тихомиров твердо помнит это основное положение своей философско-исторической теории, и потому, в своих экскурсиях в область будущего, он не смущается невероятностью изображаемой им картины. Последуем же за ним и посмотрим, не окажется ли народовольская революция действительнее народнических реформ.

На нашей дороге нас ждет, во-первых, очень приятное известие. России предстоит революция, «мы идем к катастрофе». Это очень приятно, хотя, право, невольно чувствуешь страх, когда г. Тихомиров начинает раз'яснять смысл и без того грозной картины высоким «штилем» во вкусе старика Державина. Попытки правительства затормозить революционное движение страны «только ускоряют наступление того страшного и торжественного момента, когда Россия с размаху (!) войдет в полосу революционного разрушения, как низвергается река», и пр. Хорошо пишет г. Тихомиров! Но соловья не накормишь баснями, хотя бы это были басни самого дедушки Крылова. Спора нет: «полоса революционного разрушения» была бы счастливой полосой в истории нашего отечества; но нам все-таки интересно узнать, что может принести России революция, что «нас ждет за этой таинственной чертой, где бурлят и пенятся волны исторического потока»?

«Начало социалистической организации»—отвечает г. Тихомиров, вопреки мнению «некоторых», полагающих, что нас ждет «царство капитализма».

Как игру судьбы постичь! Вот уж поистине невероятная старуха эта история! Водила она, водила «Запад» по всевозможным мытарствам своих «путей»—и все-таки до сих пор еще не развязала его с капиталистическим производством; нас же она оставляла в покое, не двигала с места в течение целых столетий, а теперь сразу хочет перевести в высший класс своей школы. За какие же это добродетели? Не за то ли, что мы все это время смирно сидели и не приставали к ней с теми нескромными вопросами, на которые такой большой мастер «свободоязычный» Запад?

Впрочем, мы сами начинаем впадать в непозволительное «свободоязычие». Наш скептицизм совсем неуместен ввиду того, что история любит подчас пройтись невероятным путем, как Хлестаков любил иногда «прочитать что-нибудь смешное». Credo, quia absurdum!

Признавая вполне вероятными самые невероятные прихоти взбалмошной старухи, мы все-таки позволим себе спросить,—какими средствами обладает история для выполнения обещания, сделанного за нее г. Тихомировым? Через какие страны проходит путь, ведущий нас к «началу социалистической организации»?

Как отвечает на этот вопрос наш автор, что говорит редактируемый им «Вестник»?

Просим читателя не забывать, что программа «Вестника Народной Воли» «охватывает элементы, в некоторой мере нетождественные между собою». Каждый из этих элементов отстаивает свое существование, каждый стремится жить и развиваться, не всегда без ущерба для своего антагониста. Отсюда—противоречия и невозможность составить себе ясное представление о программе этого журнала. Очевидно одно: г. Тихомиров не считает себя связанным не только тем, что говорит его соредактор, но даже и тем, что говорит он сам, в тех случаях, когда соло сменяется дуэтом и к его голосу присоединяется голос почтенного П. Л. Лаврова. Так, напр., по словам г. Лаврова, партия «Нар. Воли» «направляет *все свои силы* [1]) (курсив наш) против главного врага, мешающего сколько-нибудь рациональному приступу к решению задачи», следующим образом формулированной одним из членов нашей группы [2]):—«помочь нашему рабочему классу выработаться в сознательную общественную силу, восполнить до некоторой степени недостаток его исторического опыта и вместе с ним бороться за освобождение всего трудящегося населения России». Если действительность соответствует тому, что говорит почтенный автор «Исторических Писем», то настоящая задача партии «Народной Воли» сводится к расчищению пути для русской социал-демократии будущего. Вместе с тем, роль названной партии оказывается чисто отрицательной. Она не подготовляет элементов для организации русской рабочей партии, но «направляет *все свои силы против главного врага*», мешающего не только решению, но даже и приступу к решению подобной задачи. Какого же врага имеет в виду

---

[1]) См. «В. Н. В.», № 2, отд. II, стр. 67.

[2]) В. З. в предисловии к переводу брошюры Ф. Энгельса «Развитие научного социализма», стр. IX.

г. Лавров? Всякий согласится, что таким врагом может быть в настоящее время только абсолютизм, сковывающий все живые силы России; тем более должны признать это народовольцы, не один раз печатно высказавшие ту мысль, что в нашем отечестве не политический строй опирается на известного рода экономические отношения, а, наоборот, эти последние обязаны своим существованием абсолютизму. Но если это так, то «Народная Воля» борется ни более, ни менее, как за политическое освобождение своей родины, и «начало социалистической организации России» естественно отодвигается к тому времени, когда русский рабочий класс сложится, наконец, в сознательную общественную силу. Говоря иначе, партия «Народной Воли» есть партия *конституционная,* прежде всего и главным, если не исключительным, образом, так как в сторону разрушения абсолютизма она «направляет теперь все свои силы». Кажется так? Или, быть может, «Народная Воля» не отличается таким «пристрастием к конституции»? Но тогда, как же понимать деятельность, сводящуюся к борьбе против абсолютизма для «возможного осуществления» в будущем социал-демократической задачи? Некоторые народовольческие писатели действительно не отличаются большим пристрастием к слову—*конституция* и уверяют, что партия их стремится к «народоправлению». Но между народоправлением и демократической конституцией разница так же велика, как между мокроступами и калошами, т.-е. ограничивается заменой неуклюжего русского слова общепринятым иностранным. Кроме того, во всяком цивилизованном обществе, демократия или, если угодно, народоправление опять-таки предполагает хоть некоторую политическую подготовку народа, если только «народоправление» не означает правления кружка людей, спекулирующих на *народную волю.* Значит, и демократическая конституция—цель не столь еще близкая, и достижимая лишь путем сплочения производительного класса в особую демократическую партию. Но у нас в России «главный враг» мешает даже «сколько-нибудь рациональному приступу» к решению социально-политических задач рабочего класса. Значит, долой «врага»! Да здравствует «пристрастие» к политической свободе, а следовательно, и к конституции? Деятельность партии «Народной Воли» приобретает ясный и определенный смысл.

К таким логическим выводам приходим мы, читая библиографическую заметку П. Л. Лаврова. Здесь все ясно, хотя, быть может, и не все симпатично тому или другому читателю. К сожалению, библиографических заметок недостаточно для уяснения тенденций «социально-политического» журнала, и мы коснулись здесь заметки г. Лаврова лишь

потому, что она содержит прямой ответ нашей группе. Руководящие же статьи и непосредственные заявления редакции «Вестника» только запутывают вопрос о действительном направлении этого органа. Возьмите «Об'явление» об его издании и прочтите строки, относящиеся к способу осуществления общих целей социализма: вы подумаете, что имеете дело с «убежденными» социал-демократами.—«Эти общие всем социалистам цели,—говорят г.г. редакторы,—могут быть достигнуты *лишь одним путем* (заметьте это, читатель!): рабочий класс (городской и сельский) должен *постепенно сплачиваться и организоваться* в общественную силу, соединенную общими интересами и стремлениями к общим целям; эта сила в процессе сплочения должна *постепенно подрывать* существующий экономический и политический порядок, скрепляя, вследствие самой борьбы, свою организацию и вырастая в могуществе, пока ей удастся окончательно низвергнуть существующий порядок». Авторы «Об'явления» прибавляют даже, что «в сознании необходимости этого пути сходятся социалисты-революционеры *всех стран*». Ввиду этого можно думать, что «русский социализм, как он выразился в партии Народной Воли», есть ни более, ни менее , как русская социал-демократия. «Об'явление» выясняет, повидимому, задачи народовольческой партии еще яснее, чем библиографическая заметка г. Лаврова, и еще ближе, чем она подходит ко взглядам «мыслящих социалистов» всех цивилизованных стран. Известно, однако, что русские люди часто имеют две мерки, два критерия для оценки общественных явлений: один для «Запада», а другой для домашнего обихода. Никогда не отказываясь симпатизировать наиболее передовым идеалам «Европы», русский человек часто ухитряется прибавить такое многозначительное «но» к своему исповеданию общечеловеческой веры, что дорогие ему идеалы превращаются в нечто совершенно неузнаваемое. Само собою разумеется, что без такого «но» не обходится и занимающее нас «Об'явление»; понятно также, что нельзя сказать ничего решительного о программе «Вестника», пока не совершится трудный переход ее с Запада на Восток. Взглянем же на «Об'явление» с этой опасной стороны, и взглянем внимательно, так как авторы его русские суть, и ничто русское им, вероятно, не чуждо.

«Но программа русского социализма — читаем мы на той же V странице «Об'явления»,—в *настоящую минуту*, при *данных* условиях, не может ограничиться этими общими стремлениями социализма. Перед каждою общественною группою история поставила в наше время эти самые задачи в иной форме, сообразно экономическим, юридическим и

культурным условиям среды. Партия Народной Воли убедилась, что перед подданными Российской империи эти задачи поставлены теперь неизбежно в форме *необходимости изменения политического строя России* для возможности дальнейшего здорового развития всякой прогрессивной партии, в *том числе* (курсив принадлежит нам) и партии социалистической»... Поэтому, «рядом с социалистическими целями, составляющими сущность программы русской социалистической партии, в эту программу входит ближайшая задача: подготовить и ускорить изменение политического строя России».

Нужно сознаться, что уже это первое «но», сопровождающее изложение «общих социалистических целей русской социалистической партии», отличается большою неясностью и неопределенностью. Настоящее уравнение со многими неизвестными! Читатель остается в полном недоумении относительно того, что понимает редакция под «изменением политического строя России»? «Народоправление» ли это, упоминаемое г.г. Тихомировым и К. Т., или низвержение «главного врага» и т. д., т.-е. попросту падение абсолютизма? И почему эта «ближайшая задача» стоит «*рядом* с общими социалистическими целями», а не вытекает из них в порядке логической последовательности? Обо всем этом можно только догадываться. Многие из наших догадок будут вероятны, но ни одна не будет бесспорной. В самом деле, редакция говорит, что желательное для нее «изменение» должно дать «возможность дальнейшего здорового развития всякой прогрессивной партии, в том числе и партии социалистической». Какие же это *другие* «прогрессивные партии»? Очевидно, буржуазные. Но «здоровое развитие» буржуазных партий в области политики немыслимо без соответствующего ему «дальнейшего здорового развития» в сфере экономической. Значит, буржуазное развитие будет прогрессивным для России явлением? Повидимому, именно это выходит из слов редакции. Что касается до нас, то мы, с некоторыми, весьма, впрочем, существенными оговорками, готовы согласиться с этим мнением. Но дело не в нас, а в одном из авторов «Об'явления», г. Тихомирове, который, как мы уже знаем, рекомендует своим читателям «не сотворять себе кумира из частного предпринимательского капитала». Из сказанного им о том, что именно «сумеет такого рода капитал сделать для России»,—выходит, что «дальнейшее здоровое развитие» буржуазных партий будет для нее, пожалуй, чистым убытком. Да и «Об'явление» торопится заявить, что социалистическая партия (как и все другие партии, заметим мы мимоходом) считает себя представительницею истинного и единственно-возможного прогресса».

Значит, нет никаких других прогрессивных партий? Но тогда при чем же здесь их «дальнейшее здоровое развитие»?

Если, по мнению русской социалистической партии, «изменение политического строя России» должно произойти в интересах прогрессивных партий, и в то же время никаких других прогрессивных партий, кроме социалистической, не существует, то названное «изменение» совершится исключительно в интересах этой последней. Другими словами, предстоящая революция должна повести, по крайней мере, к торжеству уже упомянутого «народоправления», т.-е. к политическому господству «рабочего класса, городского и сельского». Но ведь «социалисты-революционеры всех стран» сходятся «в сознании» той истины, что рабочий класс может лишь «постепенно подрывать существующий экономический и *политический* порядок», а, следовательно также, «постепенно» приближать время своего господства. Точно так же «социалисты революционеры всех стран» согласны, по словам редакции, в том, что к социалистической революции можно притти «лишь одним путем»—путем постепенного сплачивания и организации рабочего класса в «общественную силу» и т. д. Может быть, «Вестник Народной Воли» видит в такой организации главную задачу русских социалистов? Но мы знаем уже, что в современной России, по мнению г. Лаврова, существует некий «главный враг», мешающий «сколько-нибудь рациональному приступу к решению такой задачи». А пока не решена эта задача, невозможна и социалистическая революция, невозможно и народоправление. Значит, не их имеет в виду редакция, говоря об «изменении политического строя России»? Но что же, наконец, понимает она под этим таинственным изменением? Не ту ли самую конституцию, «пристрастие» к которой «несколько непонятно» г. Тихомирову? Каким прогрессивным партиям создает «Народная Воля» «возможность» дальнейшего «здорового развития»? Не партии ли «частного предпринимательского капитала»?

Как все ясно было на «Западе», и как все потемнело на Востоке! И все это затмение получилось, благодаря одному только «но», сопровождающему изображение «общих целей социализма». Что за таинственная сила в этом коротеньком словечке?

Дело очень просто.

Именно с интересующего нас пункта и начинается тот процесс, благодаря которому составные элементы программы «Вестника» оказываются «в некоторой (и даже очень значительной) мере нетождественными между собою». Восток вступает в борьбу с Западом, как только оканчивается изложение «общих целей социализма» и *единственного*

пути, ведущего к их осуществлению. И эта-то борьба, глухая и скрытая в начале,—доходит до полного разгара в статье «Чего нам ждать от революции?». Запад берется в ней «под сомнение». По поводу его истории г. Тихомиров вдается в длинные и довольно «рискованные» рассуждения о «рискованных» и «невероятных путях» истории вообще, и в конце концов указанный «Об'явлением» *единственный* путь к победе социализма—превращается в стереотипное издание программы покойного «Набата», дополненное лишь некоторыми иллюстрациями самобытности г. Тихомирова. Все изменяется до неузнаваемости, все превращается в свою противоположность по сю сторону маленького «но», отделяющего западную территорию редакционного миросозерцания—от восточной, или, вернее, взгляды, находящиеся в общинном владении г.г. редакторов, от взглядов, составляющих частную собственность г. Тихомирова. И вся эта транссубстанциация совершается с помощью нескольких новых «но», выловленных из статей П. Н. Ткачева. Само собою разумеется, что аргумент, неубедительный в устах редактора «Набата», не станет убедительнее на страницах «Вестника Народной Воли». Но встреча со старым знакомым всегда приятна, и уже по одному этому мы не устояли бы перед искушением остановить внимание читателя на аргументации г. Тихомирова.

Как истинный последователь Бланки,—или, вернее, Ткачева—г. Тихомиров, приступая к обсуждению тех или других революционных вопросов, прежде всего стремится поставить на место исторического развития свою собственную волю, заменить инициативу *класса* инициативой *комитета*, превратить в дело тайной организации—дело всего рабочего населения страны. Не легко совершать такие фокусы на глазах людей, хоть немного затронутых пропагандой современного социализма, хоть на половину убежденных в том, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Поэтому наш автор и старается доказать, что дело Исполнительного Комитета будет всенародным делом не только в смысле *интереса*, но также в смысле *воли и сознания*. Вынужденный согласиться, что *историческое развитие* мало способствовало до сих пор выработке социалистического сознания и *революционных (а не бунтовских* только) тенденций в русском народе,—он с тем большим усердием убеждает нас в прочности, непоколебимости *доисторических форм* русского быта и миросозерцания.

Экономическая революция, к которой близится Запад, после продолжительного и трудного движения, оказывается очень близкой к нам, благодаря нашему вековому застою. Но так как некоторое знакомство

с историей может вызвать сомнение в подобной близости, то читателям и ставится на вид, что исторические пути «бывали иной раз слишком кривыми и наиболее рискованными из всех, какие можно придумать». Своеобразность излюбленной нашими бакунистами схемы русского общественного развития становится, таким образом, как бы некоторым ручательством за ее вероятность. Подобным же образом обходится необходимость придания *классового характера* борьбе за экономическое освобождение рабочих.

Противопоставление России Западу и здесь с успехом разрешает все трудности. На Западе существуют классы, резко разграниченные экономически, сильные и сплоченные политически. Самое государство является там результатом классовой борьбы и ее орудием в руках победителей. Поэтому овладеть государственной властью там можно, лишь противопоставивши классу класс, лишь победивши победителей. У нас — не то, у нас отношение общества к государству прямо противоположно западно-европейскому. У нас не борьба классов обусловливает данный государственный строй, а, наоборот, этот строй вызывает к жизни те или другие классы, с их борьбой и антагонизмом. Если бы государство решилось изменить свою политику, то, лишенные его поддержки, высшие классы были бы осуждены на гибель, а народные начала первобытного коллективизма получили бы возможность «дальнейшего здорового развития». Но правительство Романовых не хочет и не может отказаться от своих дворянско-буржуазных традиций, между тем как мы и хотим, и можем сделать это, мы одушевлены идеалами экономического равенства и «народоправления». Поэтому долой Романовых, и да здравствует наш комитет!—вот неизменная схема российско-якобинской аргументации, встречается ли она в оригинале, т.-е. в «письме к Фридриху Энгельсу» или в «списке», т.-е. в статье «Чего нам ждать от революции?».

Мы говорили уже, что основные посылки ткачевской программы заимствованы из того же источника, из которого черпали свою политическую мудрость и русские анархисты. Бакунинские теории легли в основу учений обеих фракций. Но этим не ограничилось, как известно, влияние Бакунина. Он имел учеников и на «Западе», т.-е. в тех самых странах, которые так охотно противопоставлялись им России. И замечательно, что западные последователи автора «Государственности и анархии» приписывают государству такую же преобладающую роль в истории отношений своих, «западно-европейских», классов, какую г.г. Ткачев и Тихомиров отводят ему лишь в России, так сказать, «не в пример» прочим странам. «Уничтожьте правительственную дикта-

туру,—говорит Артур Арну, обращаясь к французским рабочим,—и у вас останутся только подобные друг другу люди, только экономические силы, равновесие которых немедленно восстановится, вследствие самого простого закона статики. Итак, государством, одним только государством, причиняется ваша нищета и слабость, равно как сила и дерзость ваших врагов» [1]). Западные анархисты рассуждают в этом случае смелее и последовательнее русских бакунистов и ткачевистов. В истории решительно всех стран доводится ими до нуля значение того экономического фактора, который, по мнению их русских «компаньонов», осужден на бездействие только в России. Отличительная черта русской самобытности превращается, таким образом, в космополитический призрак анархического невежества. Об'ективное условие развития одной страны оказывается суб'ективным недостатком, логическим промахом «некоторой части социалистов» всех цивилизованных народов.

Утрачивая, вследствие этого, значительную долю своей самобытности, рассуждения русских якобинцев не лишаются, однако, своей поучительности. Не говоря ничего нового о том, *как надо* смотреть на нашу действительность, они собственным примером прекрасно показывают, *как не надо* смотреть на нее, *как не надо* истолковывать ее характерные стороны.

По обычной манере русских якобинцев, г. Тихомиров старается доказать своим читателям, что—как выражался когда-то Ткачев—«переживаемый нами момент особенно благоприятен для социальной революции». Он подвергает анализу современное соотношение всех общественных сил на русской почве и приходит к тому выводу, что из предстоящей революции ничего, кроме «начала социалистической организации России», выйти не может. За доказательствами ему не пришлось итти далеко. «Письмо к Ф. Энгельсу» представляет собою концентрированный экстракт российско-якобинской аргументации, сохранивший в течение целых десяти лет всю прелесть свежести и новизны для многих и многих читателей. Стоит только развести этот экстракт в горячей воде красноречия, и из него получатся все свойственные г. Тихомирову ожидания от революции. Приглядимся поближе к этому упрощенному способу приготовления «новой» программы. Начнем с «фактора» политического.

Что заключается на этот конец в ткачевском консерве?

---

[1]) «L'Etat et la révolution», p. 65.

Читатель помнит, конечно, обширные выписки, сделанные нами выше из «Открытого письма к Фр. Энгельсу». Он не забыл ткачевской уверенности в том, что хотя «у нас нет городского пролетариата, но зато у нас совсем нет буржуазии. Между страдающим народом и угнетающим его государством у нас нет никакого среднего сословия». Это-то отсутствие буржуазии и ложится в основу всех политических рассуждений г. Тихомирова.

По его словам, наша буржуазия ничтожна в экономическом, бессильна в политическом смысле. Что же касается народа, то у него «есть некоторые пункты, на которых он не может разбиться на группы, а, напротив, всегда представляется вполне единодушным» (стр. 251). Первым из этих пунктов оказываются «представления относительно верховной власти». Дело в том, что «верховная власть, по воззрениям народа, есть представительство общенародное, а отнюдь не классовое. Только несокрушимою прочностью такого убеждения поддерживалась власть самих царей». Этим-то убеждением в общенародном характере нашей верховной власти и укрепляется вера г. Тихомирова в недалекое торжество народоправления. Переход к последнему от самодержавия царей «не составляет чего-нибудь оригинального (?). Французский народ так же точно от идеи о самодержавном короле, способном говорить l'état c'est moi, перешел без затруднения (?!) к идее о peuple souverain. Господство самодержавного народа там не могло фактически установиться, благодаря силе буржуазии»; у нас нет буржуазии, поэтому ничто не мешает у нас торжеству народоправления, «если только самодержавие не продержится достаточно долго для того, чтобы дать буржуазии время окрепнуть до такой степени, которая необходима для организации всего нашего производства на капиталистических началах». Но «едва ли Россия в современном хаотическом состоянии может ждать, пока буржуазия сложится сама настолько, чтобы уметь привести этот хаос к какому-нибудь порядку, хотя бы даже буржуазному»... Потому, «если мы доживем до крушения существующего строя раньше этого, то буржуазия не имеет никаких данных захватить политическую власть».

Мы видим отсюда, что «переживаемый нами момент», действительно, очень благоприятен для социальной революции: с одной стороны — «едва ли Россия может ждать», а с другой — и власть-то захватить, кроме народа, да, пожалуй, революционной партии, решительно некому. П. Н. Ткачев был совершенно прав, говоря, что социальная революция будет «теперь или очень не скоро, быть может, никогда». Но в таком

случае неправ был П. Л. Лавров, называвший это уверение спекуляцией на невежество русских читателей.

Мы видим также, что по вопросу о «политическом факторе» разогревание ткачевских доводов не причинило больших хлопот г. Тихомирову. Ему оставалось только дополнить частным примером общие рассуждения П. Н. Ткачева о силе западной—и бессилии русской буржуазии. Таким примером и послужила для него великая революция, благодаря которой французский народ, наверное, сделался бы самодержавным, если бы этому не помешала сила буржуазии.

«Счастливы люди, у которых есть *абсолютный принцип*,—говорил Н. Г Чернышевский.—Им не нужно ни наблюдать фактов, ни думать: у них заранее готово лекарство для всякой болезни и для всякой болезни одно и то же лекарство, как у знаменитого доктора, каждому пациенту говорившего—purgare et clystirizare... Подобными талисманами обладают многие. Для «значительного лица», к которому обратился Акакий Акакиевич по поводу пропажи шинели, талисманом было «распечь». Для экономистов отсталой школы таким же талисманом служит прелестный девиз: «*невмешательство государства*». Наконец, прибавим мы от себя, для «русских социалистов», не менее отсталой школы, роль этого талисмана играет «буржуазия». Ссылка на ее слабость или совершенное отсутствие решает все самые трудные вопросы прошедшего, настоящего и будущего времени. Г. Тихомиров занимает не последнее место между счастливыми обладателями этого философского камня. Почему во Франции не установилось «самодержавие народа»? Потому, что этому помешала «сила буржуазии». Почему у нас оно установится, когда народ «разочаруется в самодержавии царей»? Потому, что у нас слаба буржуазия. Почему на Западе единственным путем для осуществления «общих всем социалистам целей» является медленный и постепенный путь организации рабочего класса, городского и сельского, «в сознательную общественную силу», между тем как у нас «говорят иногда», что «захват власти революционерами» может послужить исходным пунктом революции», которая в свою очередь послужит исходным пунктом «социалистической организации России»? Опять таки, потому, что у нас очень слаба сильная на Западе буржуазия. Purgare et clystirizare,—как упрощается теория медицины, как облегчается медицинская практика этим талисманом! К сожалению, общественные вопросы несколько сложнее вопросов медицины, и потому даже родственные мольеровскому доктору публицисты должны были бы запастись более хитрыми талисманами. Можно держать пари, что ключ, находящийся в распоряжении

«русских социалистов», не отопрет им дверей ко многим историческим вопросам. Почему испанский народ, разочаровавшись «в самодержавии царей», не перешел «без затруднения» к идее о самодержавном народе? Положим, Испания есть одна из самых «западных» стран Европы, но ведь и сам г. Тихомиров не решится приписать большой силы испанской буржуазии в особенности начала нынешнего столетия. К тому же и «принципы общинного землевладения» были и остаются, как это показали недавние исследования г. Лучицкого, гораздо более распространенными в Испании, чем в какой-либо другой еретической стране. Как ни бейся, а тихомировским ключом не отопрешь этой двери!

Мы позволим себе притти на помощь «русским социалистам» в этом затруднительном обстоятельстве. Если ум хорошо, а два еще лучше, то с таким же правом можно сказать, что два талисмана лучше одного, хотя бы и хорошего. Так вот, почему бы им не прибавить «буржуазии» еще какого-нибудь не менее магического слова, скажем, католицизма, протестантизма или вообще не православного вероисповедания. Положим, этот талисман не нов и довольно-таки поистерся в руках славянофилов консервативного направления, но все-таки он едва ли не универсальнее «буржуазии». Ведь большой еще вопрос, точно ли у нас нет буржуазии и точно ли она,—если и есть,—«слабее» буржуазии всех западных стран, всех периодов «разочарования народа в самодержавии царей»; православие же составляет несомненный, «истинно и крепко русский» признак, совершенно чуждый европейскому Западу. С помощью его очень легко было бы решить вопрос о том, что помешало «фактическому установлению господства самодержавного народа» в Испании двадцатых годов, вовсе не имевшей сильной буржуазии. Довольно было бы сослаться на католичество. Право, попробовали бы, господа!

Впрочем, мы далеки от мысли унижать значение тихомировского талисмана; мы не только знаем цену ему, но и сами хотим попробовать применить его к делу. Почему на Западе «мыслящие» социалисты знают, о чем они говорят, и не вносят тихомировской путаницы в разбираемые ими вопросы? Не потому ли, что «западная» буржуазия сильнее нашей? Очень на то похоже! Там, где сильна буржуазия, велико и экономическое развитие страны, ясны и определенны все социальные отношения. А там, где ясны социальные отношения, нет места и фантастическому решению политических вопросов; вот почему «на Западе» только совсем уже безнадежным в умственном отношении людям свойственна та «анархия мысли», которая характеризует часто даже «убежденных и мысля-

щих социалистов» России. Итак, если г. Тихомиров пишет из рук вон плохие публицистические статьи, то в этом нужно винить не его, а слабость нашей буржуазии. Читатель видит, что любимый ключик нашего автора открывает подчас очень хитрые ларчики.

Не составляя чего-нибудь «оригинального», доводы г. Тихомирова поражают, тем не менее, своею «рискованностью». Откуда заключил г. Тихомиров, что верховная власть есть, по народным понятиям, *«представительство»*? Мы полагали до сих пор, что нынешние «представления народа относительно верховной власти» об'ясняются тем, что он не имеет решительно никакого понятия о представительстве. Подданные персидского шаха, египетского хедива и китайского императора имеют такие же нелепые предрассудки относительно своей верховной власти, как и русские крестьяне. Следует ли отсюда, что персы, египтяне и китайцы с такою же легкостью перейдут к «идее о peuple souverain»? Если так, то чем более удаляемся мы на Восток, тем более приближаемся к торжеству народоправления. Далее,—почему думает г. Тихомиров, что, «разочаровавшись в самодержавии царей», народ наш может стать лишь сторонником своего собственного самодержавия? Разве ошибочное понятие о сущности абсолютизма гарантировало когда-нибудь отдельную личность или целый народ от ошибочных представлений о сущности ограниченной монархии или буржуазной республики? «Против государства классового, если только этот характер его делается сколько-нибудь заметным, единодушно станут миллионы народа»—говорит г. Тихомиров. Но в том-то и дело, что сознание недостатков настоящего еще не дает народу правильного понятия о будущем. Разве абсолютная монархия не была у нас, как и везде, «классовым государством»? Ведь сам г. Тихомиров признает в нашей истории «существование дворянства, *как сословия действительно господствующего*», по крайней мере, с «указа о вольности». И разве народ не об'яснял именно влиянием и даже прямым заговором бар и чиновников всех невыгодных для него постановлений нашего законодательства, всех произвольных и стеснительных распоряжений администрации? А если это так, то классовый характер нашей монархии был очень заметным. Полагаем, что протест против классового государства проходит красною нитью через всю нашу историю. Против него, действительно, «восставали миллионы», хотя, к сожалению, далеко не так «единодушно», как это предсказывает г. Тихомиров относительно будущего. И что же вышло из этих протестов? Уничтожили они «классовое государство», привели они народ к тому убеждению, что действительная «верховная власть» не соответствует

его политическим идеалам? Если нет, то что же гарантирует нас от продолжения той же печальной истории и при конституционной монархии? Разочарование народа «в самодержавии царей»? Но от чего же спасет оно народ, чему оно помешает? Ведь слабая сторона политического миросозерцания народа заключается, по словам г. Тихомирова, в выводах, а не в посылках. Если верить нашему автору, то русский народ хорошо знает, какою *должна быть* верховная власть; он требует, чтобы она была «представительством общенародным», и путается лишь в тех случаях, когда ему приходится определить,—соответствует ли его идеалам данный вид государственного устройства? Заметивши одну ошибку, он может впасть в другую, не менее печальную и грубую. Он может не знать, при каких условиях его собственные верховные права перестанут быть пустым и лицемерным словом, завесой, прикрывающей политическое господство высших классов. Допускает ли г. Тихомиров, что русский народ действительно *может* не знать упомянутых условий? Что касается нас, то мы нимало не поколеблемся ответить на этот вопрос утвердительно: не только может, но даже, наверное, не знает. А если не знает, то будет ошибаться, а если будет ошибаться,—и поскольку будет ошибаться,—не осуществит и приписываемых ему Тихомировым идеалов, т.-е. не будет самодержавным. Г. Тихомиров считает подобные политические неудачи народа возможными лишь на «Западе» и немыслимыми на его излюбленном Востоке, в странах, спасенных заботливой историей от язвы капитализма. Это было бы резонно и утешительно, если бы политические представления народа не были бы тесно связаны с экономическим его развитием. К сожалению, связь эта несомненна, и народ разочаровывается «в самодержавии царей» лишь там, где экономические отношения его утрачивают свой первобытный характер и становятся более или менее буржуазными; но одновременно с этим начинает приобретать силу и буржуазия, т.-е. становится невозможным и непосредственный переход к самодержавию народа. Г. Тихомиров утешает нас, правда, соображениями о самобытном развитии России. Но, во-первых, никакие исторические особенности данной страны не избавляют ее от действия общих социологических законов. а, во-вторых, мы знаем уже, что экономическая действительность современной России вовсе не подтверждает политических парадоксов редактора «Вестника Народной Воли». Разочарование народа в самодержавии царей только начинает казаться *вероятным,* между тем как возрастающее разложение общины и проникновение в народную жизнь буржуазных принципов стало уже несомненным и неоспоримым фактом.

Что если такого рода параллель удержится и в будущем? Ведь, ко времени полного разрыва народа с царизмом, буржуазия может стать всесильной. Откуда же возьмется у нас тогда «народоправление»?

Заметим г. Тихомирову, что мы противополагаем народное самодержавие господству буржуазии единственно потому, что ему самому угодно было сделать это. В сущности же мы думаем, что такое противоположение может иметь смысл только в исключительных случаях. Политическое самодержавие народа вовсе не гарантирует его от экономического порабощения и не исключает возможности развития в стране капитализма. Цюрихский кантон есть один из самых демократических и в то же время один из самых буржуазных кантонов Швейцарии. Демократическая конституция становится средством социальной эмансипации народа только в том случае, когда естественный ход развития экономических отношений делает невозможным продолжение господства высших классов. Так, например, в передовых странах производство все более и более принимает коллективный характер, между тем как индивидуальное присвоение его продуктов предпринимателями вызывает целый ряд болезненных потрясений во всем общественно-экономическом организме. Народ начинает понимать причину этих потрясений, и потому, наверное, воспользуется, рано или поздно, политическою властью для своего экономического освобождения. Но вообразим иной фазис общественного развития, представим себе страну, в которой крупная промышленность только стремится еще к господству, между тем как товарное производство уже легло в основу ее хозяйства; другими словами, перенесемся в страну мелкой буржуазии. Какие экономические задачи должен будет решать «самодержавный народ в этом случае»? Прежде всего и исключительно—задачу обеспечения интересов мелких индивидуальных производителей, так как именно этот класс составляет большинство народа. Но, идя по этой дороге, не минуешь ни капитализма, ни господства крупной буржуазии, так как сама об'ективная логика товарного производства заботится о превращении мелких индивидуальных производителей в наемных рабочих, с одной стороны, и буржуа-предпринимателей, с другой. Когда совершится такое превращение, рабочий класс, разумеется воспользуется всеми политическими средствами для смертельной борьбы с буржуазией. Но тогда взаимные отношения общественных классов станут резко определенными, место «народа» займет рабочий класс, и народное самодержавие превратится в диктатуру пролетариата.

Отсюда следует, что степень подготовки данного народа к истинной и неподдельной демократии определяется степенью его экономического развития. Определенность экономических отношений обусловливает не меньшую определенность в группировке политической, антагонизм труда и капитала вызывает борьбу рабочих партий с буржуазными. Развитие же производительных сил приближает эту борьбу к концу и обеспечивает торжество пролетариата. Так было и есть во всех «западных» странах.

Но г.г. славянофильствующим революционерам не хочется, чтобы точно так же было и в России. Подобно тому, как русский крестьянин не любит писанных законов и стремится обделать всякое дело по своему, «по душе», русский интеллигентный человек боится законов исторических и апеллирует к самобытности, к «суб'ективному методу в социологии» и т. п., т.-е. в сущности к той же «душе». Рассматриваемая с точки зрения «души», история получает совершенно своеобразную окраску. Она представляется ни чем иным, как рядом интриг злых против добрых, при чем наступлению «царства божия» на земле мешает только сила первых и слабость вторых. Само собою понятно, что именно, вследствие своей испорченности, злые не могут установить между собою прочного и продолжительного союза. Они борются не только с добрыми, но и между собою, образуют фракции и факции, вырывают друг у друга «кормило правления». Это междоусобие в лагере злых идет, разумеется, на пользу добрых, для которых особенно выгодным оказывается тот «момент», когда одна фракция злых уже не в силах удержать власть в своих руках, между тем как другие фракции еще недостаточно сильны для ее захвата. Тогда счастие становится возможным и близким, и нужно только небольшое усилие со стороны добрых, чтобы установить, по крайней мере, «народоправление». Добрый и чувствительный по существу, «русский социализм, как он выразился» в статьях П. Н. Ткачева и г. Тихомирова, любит льстить себя тою надеждою, что в «переживаемый нами момент» Россия находится именно в этом периоде междуцарствия злых и порочных, истощения абсолютизма и бессилия буржуазии.

На предыдущих страницах мы не мало потратили труда на разрушение этой наивно-оптимистической стороны русского революционного миросозерцания. Но так как г. Тихомиров все-таки будет более склонен согласиться с своим учителем, П. Н. Ткачевым, чем с нами, своим политическим противником, то мы авторитету редактора «Набата» противопоставим авторитет товарища нашего автора по редактированию

«Вестника Народной Воли». Г. Лавров не откажется, вероятно, от солидарности с мыслями, высказанными в руководящей статье 27 № «Вперед!». Автор этой прекрасной статьи утверждает, что «в России пышно и быстро разрастается капиталистический строй со всеми последствиями», что «этого не отрицают защитники современного порядка точно так же, как и его противники», и что, наконец, социалисты видят в этих явлениях лишь «фатальный процесс, который может излечиться только одним путем: *самое развитие капиталистического строя должно вызвать* и подготовить переворот, который унесет этот строй». Г. Лавров может вполне основательно спросить г. Тихомирова—куда же девались русский капитализм и русская буржуазия, несомненно существовавшие в период издания лондонского «двухнедельного обозрения»? И если ему удастся убедить своего товарища в том, что капитализм не иголка, и что он не мог затеряться в сутолоке русской жизни, то г. Тихомиров и сам увидит, с какой стороны грозит опасность русскому «народоправлению», долженствующему будто бы непосредственно заменить собою царское самодержавие. Там, где «пышно и быстро развивается капиталистический строй со всеми своими последствиями», буржуазия всегда может иметь достаточно силы, чтобы помешать,—как это было по словам г. Тихомирова, во Франции,—фактическому установлению «господства самодержавного народа».

Если автор цитируемой нами статьи 27 № «Вперед!» был прав, говоря о быстром развитии в России капитализма, то не прав г. Тихомиров, полагающий, что именно современные наши экономические отношения в высшей степени благоприятствуют возможности положить «начало социалистической организации в нашем отечестве». Рассуждения его и в этом случае представляют собою лишь легкие вариации на ткачевско-бакунинские темы.

П. Н. Ткачев писал, как мы знаем, Энгельсу: «Народ наш невежествен—это... факт. Но зато он в огромном большинстве случаев проникнут принципами общинного землевладения; он, если можно так выразиться, коммунист по инстинкту, по традиции».

Верное эхо Ткачева, г. Тихомиров уверяет, что «в народных понятиях и привычках находится в наличности достаточно элементов для успешной организации его сил. Крестьянин умеет устроить свое самоуправление, умеет принять в мирское владение землю и общественно ею распоряжаться» [1]). Из факта существования общинного землевладения

[1]) «В. Н. В.», № 2, стр. 255.

в России редактор «Набата» делал тот вывод, что, несмотря на свое невежество, народ наш стоит гораздо ближе к социализму, чем народы Запада. Редактор «Вестника Народной Воли» не решился последовать за своим учителем до таких крайних умозаключений, но он, разумеется, не преминул напомнить читателям, что «право народа на землю и общественный характер этого орудия труда сознается нашим крестьянином не менее отчетливо, чем сознается европейским пролетарием его право на фабрику проприетера». Плохо знакомый с исторической философией современного социализма, г. Тихомиров никак не может понять той простой истины, что для социалистической революции важно не только сознание «европейским пролетарием его права на фабрику проприетера». Римские пролетарии также довольно ясно сознавали когда-то «свое право» на латифундии богачей, возникшие путем захвата государственных земель и экспроприации мелких собственников; но если бы им удалось реализировать свое право, то никакого социализма из этого никоим бы образом не вышло. Социалистическая революция подготовляется и облегчается не тем или другим способом *владения*, а развитием производительных сил и *организацией производства*. В придании этой организации общественного характера и заключается исторически-подготовительное значение капитализма, сведенное г. Тихомировым, со слов г. В. В., к «механическому сплачиванию рабочих». Ни П. Н. Ткачев, ни г. В. В., ни г. Тихомиров, наконец, никто из народников и бакунистов не потрудился доказать нам, что русский народ так же «отчетливо понимает» необходимость *общественной организации производства*, как понимает ее «европейский пролетарий». А между тем в ней-то и все дело. Г. Тихомирову следует запомнить раз-на-всегда, что не организация производства определяется юридическими нормами, а юридические нормы определяются организацией производства. Порукой в этом служит нам вся социальная история всех народов, не исключая даже диких и самобытных. А если это так, и если капитализм действительно не имеет у нас места, то, сравнивая Россию с Западом, нужно брать за точку исхода не следствие, а причину, не господствующий тип *землевладения*, а преобладающий характер *земледелия*, его организацию и предстоящие в ней перемены: ведь от этих перемен зависят судьбы самих форм поземельного владения. Пусть же г. Тихомиров попробует доказать нам, что в нашем земледелии господствует теперь та же тенденция, что и в крупной машинной промышленности капиталистических стран, т.-е. стремление к планомерной организации в пределах, по крайней мере, целого государства. Если ему удастся эта попытка, то эконо-

мическая сторона его ожиданий от революции получит весьма серьезное значение. В противном же случае все его политико-экономические соображения и сопоставления сведутся опять-таки к избитому приему решения всех наших общественных вопросов, так сказать, по методу исключения буржуазии; начало же «социалистической организации России» потеряет всякую связь с «недалеким от нас моментом» предстоящей нам «катастрофы» и снова отодвинется в более или менее туманную даль.

Достаточно ли сказанного нами? Если нет, то мы опять обратимся к помощи многоуважаемого П. Л. Лаврова. «Для огромного большинства русского народа,—говорит превосходная статья 27 № «Вперед!»,—унаследованное чувство солидарности общинного мира или артели в разных ее формах ограничивается самыми тесными пределами, за которыми начинается область соперничества и борьбы за существование между голодающими и притесненными со всех сторон группами. В этом большинстве старинная традиция, что земля принадлежит земледельцу, старинная ненависть к ближайшим эксплоататорам народного труда... не могла формулироваться в сознание необходимости экономического коммунизма, этому большинству не может быть ясна громадная разница, которая произошла бы для будущего общества, если бы, при удачном народном взрыве, экономический переворот ограничился бы перераспределением имущества (нужно было бы сказать средств производства), а не безусловным признанием его общности». Цитируемый нами автор справедливо полагает, что перераспределение имуществ, вместо их общности, неизбежно поведет к выработке нового разделения классов, нового эксплоататорства и, следовательно, к воссозданию буржуазного общества в новой форме». И действительно так называемое «всенародное право на землю» нисколько не обусловливает общности движимых средств производства, а потому допускает неравенство в их распределении и эксплоатацию бедных богатыми. Именно, разлагающее влияние движимой частной собственности и привело к разложению первобытных форм коллективизма.

Что скажет по этому поводу бывший редактор «Вперед!»? Продолжает ли он признавать справедливость только что приведенной аргументации, или он «совершил» настолько «значительную эволюцию в своих социально-политических убеждениях», что разделяет теперь несовместимые с этой аргументацией взгляды П. Н. Ткачева и г. Тихомирова?

Прямой и категорический ответ на этот вопрос имел бы в высшей степени важное значение. В самом деле, если сознание народом сво-

его «права на́ землю» не может послужить достаточно прочным фундаментом для заложения «начала социалистической организации России», то все практические выводы г. Тихомирова утрачивают всякий смысл и всякое значение. Если в народе неясно сознание насущнейших условий своего экономического освобождения, то немыслимо и самое освобождение, а следовательно, и захват власти революционерами не может «послужить исходным пунктом» ожидаемой г. Тихомировым антибуржуазной революции. Нужно, значит, говорить не о том, «чего нам *ждать* от революции», а о том, что нам *делать* для нее, как выяснить народу понимание ее задач, как предотвратить или направить на пользу народа торжество буржуазии, каким образом достигнуть того, чтобы «самое развитие капиталистического строя вызвало и подготовило переворот, который унесет этот строй»?

«Некоторая часть социалистов» советовала нашей «революционной молодежи» заняться пропагандой в среде промышленных рабочих. Г. Тихомиров воспользовался всеми ошибками и всем невежеством наших полицейских статистиков, чтобы доказать непрактичность этого совета. По его мнению, численность рабочего класса наших промышленных центров слишком незначительна для того, чтобы на этом слое нашего трудящегося населения могли основываться какие-либо социально-революционные надежды. Из сказанного им по этому поводу можно было бы заключить, что наш автор стоит на старо-народнической точке зрения, игнорирующей город и возвеличивающей деревню. Но и эта догадка основательна только отчасти. Г. Тихомиров действительно возвеличивает деревню, но всякий внимательный читатель немедленно поймет, что деревне «не поздоровится от этаких похвал». В самом деле идеализация бывает различного рода и ведет за собою различные практические выводы. Народники недавнего прошлого идеализировали народ отчасти с тою целью, чтобы подвинуть самих себя и всю нашу интеллигенцию на революционную деятельность в его среде. Усильте эту идеализацию еще на одну степень, и вы придете к тому убеждению, что, благодаря своим общинным тенденциям, народ наш вовсе не нуждается ни в каких воздействиях со стороны социалистической интеллигенции. Роль последней становится, в таком случае, чисто разрушительной. Она сводится на устранение внешних препятствий, мешающих осуществлению народных идеалов. Именно с такой идеализацией народа мы встречаемся в статье г. Тихомирова. «В революционный момент наш народ не может оказаться раздробленным, когда зайдет речь об основном принципе государственной власти,—решил наш

автор. — Точно так же он окажется единодушным в экономическом отношении по вопросу о земле... Для того, чтобы собрать массы в огромную силу вокруг этих двух пунктов—*не нужно никакой особенной пропаганды;* нужно только, чтобы народ знал, о чем идет дело». Доведенная до крайнего своего выражения, идеализация народа лишает народническую деятельность всякого смысла и значения. Но зато тем более возрастает значение заговора. Социальная революция, — рассуждает заговорщик, — задерживается, благодаря влиянию современного правительства. Устраните это влияние — и в результате вашей разрушительной деятельности необходимо должно явиться «начало социалистической организации России». В политической борьбе «власть принадлежит тому, кто имеет возможность в каждый данный момент выставить на защиту своего дела наибольшее количество живой человеческой силы». Нет надобности осведомляться о том, из какого класса выходит эта сила. «Получать» ее «в свое распоряжение можно различно». Можно даже «покупать своих бойцов или выгонять на защиту свою посредством какого-нибудь экономического давления» [1]). Тем более можно вербовать их из каких угодно классов общества. Успех дела зависит лишь от искусного направления «полученных» сил сообразно целям заговорщиков. Вот почему г. Тихомиров «говорит иногда» о захвате власти революционерами, как «об исходном пункте революции». Этот вывод логически вытекает из всех посылок нашего автора.

Вся беда в том, что посылки г. Тихомирова не выдерживают критики, что в народе не все обстоит благополучно даже по вопросу о «двух главных пунктах», и что есть еще и другие пункты, игнорирование которых может привести революционеров лишь к тяжелому разочарованию. А вместе с посылками падают, разумеется, и выводы, дорогие г. Тихомирову, но мало благоприятные для успехов социалистического движения в России. Сентиментальный туман ложной и напускной идеализации народа исчезает, и действительность снова выступает перед нами с своими насущными требованиями. Мы видим, что невозможно надеяться на сколько-нибудь удачный исход русского революционного движения без «особенной пропаганды» в народной среде. Мы убеждаемся, что нашим революционерам невозможно довольствоваться программой Ткачева, и не мешает вспомнить о программе журнала «Вперед!». Но мы все еще не решили, в какой мере желателен разрыв их с традициями нашего бланкизма. Очень интересно было бы, в этом за-

---

[1]) «В. Н. В.», № 2, «Чего нам ждать от революции?», стр. 250.

труднительном случае, определенно узнать авторитетное мнение г. Лаврова.

2. «Захват власти».

Впрочем, мы можем отчасти предугадать это мнение. Почтенный редактор, наверное, не одобряет того обстоятельства, что г. Тихомиров «иногда говорит о захвате власти революционерами, как об исходном пункте революции». П. Н. Ткачев также имел привычку «иногда говорить» о таком захвате, и этим вызвал сильное порицание со стороны г. Лаврова. Редактор «Вперед!» счел даже нужным предостеречь нашу революционную молодежь от союза с *ложными друзьями*. «Есть революционные кружки,—писал он,—которые говорят, что они хотят блага народа, что они имеют в виду осуществить это благо путем революции, но революции не народной». Для таких кружков вся философия революции сводится, конечно, к захвату власти. «Другие хотят диктатуру лишь временную, только для того, чтобы распустить войско, *снять* верхний слой противников и сойти со сцены, оставив народ решить свою судьбу. Третьи мечтают передать эту диктатуру, когда они совершат свое дело, Земскому Собору из народных представителей или местным собраниям и т. д., и т. д. Общее у всех революционеров этого рода — революция, произведенная меньшинством, при более или менее продолжительной диктатуре этого меньшинства». В качестве редактора, г. Лавров заявил, что его журнал «никогда не сочтет возможным допустить *без возражения* на свои страницы теорию революционной диктатуры меньшинства, так называемую якобинскую теорию. Названная теория подвергалась остракизму по следующим, довольно уважительным, причинам.

«История доказала, и психология убеждает нас, что всякая неограниченная власть, всякая диктатура портит самых лучших людей, и что даже гениальные люди, думая облагодетельствовать народы декретами, не могли этого сделать. Всякая диктатура должна окружать себя принудительною силою, слепо повинующимися орудиями; всякой диктатуре приходилось насильственно давить не только реакционеров, но и людей, просто несогласных с ее способами действия; всякой захваченной диктатуре пришлось истратить более времени, усилий, энергии на борьбу за власть с ее соперниками, чем на осуществление своей программы помощью этой власти. *О сложении же диктатуры, захваченной насильно какой-либо партией (т.-е. о том, что диктатура послужит лишь «исходным пунктом революции», не правда ли, г. редактор?) можно*

мечтать лишь до ее захвата; в борьбе партий за власть, в волнении явных и тайных интриг, каждая минута вызывает новую необходимость сохранить власть, выказывает новую невозможность оставить ее. Диктатуру вырывает из рук диктаторов лишь новая революция»... «Неужели наша революционная молодежь согласна служить подножием трона нескольких диктаторов, которые *и при самых самоотверженных намерениях могут быть лишь новыми источниками общественных бедствий,* но которые, всего вероятнее, будут даже не самоотверженные фанатики, но страстные честолюбцы, жаждущие власти для самой власти, жаждущие власти для себя?..»

«Если действительно доля нашей молодежи стоит за диктатуру, за захват власти меньшинством,—продолжал почтенный редактор, — то органом этой доли «Вперед!» никогда не будет; ...пусть борются русские якобинцы против правительства; мы им мешать не будем, но партия народной социальной революции станет всегда их врагом, едва один из них протянет руку к власти, которая принадлежит народу и больше никому» [1]).

Предсказание П. Л. Лаврова исполнилось в точности. Журнал «Вперед!», действительно, «никогда не был» органом русских якобинцев. Правда, сам П. Л. Лавров сделался редактором органа «этой доли молодежи». Но это уже дело другое, нас здесь не касающееся.

В настоящую минуту нас интересует следующее соображение. Автор «Исторических Писем» нигде не заявлял, что он изменил свои взгляды на захват власти; поэтому мы можем с уверенностью сказать, что один из редакторов «Вестника Народной Воли» относится к такому захвату крайне отрицательно. Нас радует подобная уверенность: приятно согласиться во мнениях с известным и уважаемым писателем, а мы можем сказать, что совершенно разделяем его мысли о захвате власти. хотя и пришли к своему убеждению несколько иным путем. Мы всегда стремились обращать главное внимание не на суб'ективную, а на об'ективную сторону дела, не на мысли и чувства отдельных личностей—хотя бы эти личности носили даже диктаторское звание,—а на социальные условия, с которыми им приходится считаться, на внутренний смысл тех общественных задач, за решения которых они берутся. Мы не потому говорим против захвата власти, что «всякая диктатура портит самых лучших людей»,—это вопрос едва ли окончательно разре-

---

[1]) «Русской социально-революционной молодежи», редактора журнала «Вперед!», Лондон 1874. стр. 40—43.

шенный «историей и психологией». Но мы думаем, что если «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих», то никакая диктатура ничего не сделает там, где рабочий класс, «городской и сельский», не подготовлен к социалистической революции. А такая подготовка идет, обыкновенно, параллельно с развитием производительных сил и соответствующей им организации производства. Вот почему мы и задавались вопросом — насколько современные экономические отношения России оправдывают программы людей, стремящихся к захвату власти и обещающих совершить, с ее помощью, целый ряд социально-политических чудес! Есть ли у этих людей более физической возможности исполнить свои обещания, чем у синицы, собиравшейся зажечь море? И мы пришли к отрицательному ответу. В брошюре «Социализм и политическая борьба» мы подробно об'яснили, почему мы считаем такой ответ единственно возможным в настоящее время. Не разбирая прямо наших доводов, г. Тихомиров также коснулся в разбираемой статье этого вопроса, при чем кинул в «некоторую часть социалистов» некоторою частью употребленных нами выражений. Но аргументация нашего автора, по обыкновению, очень неубедительна; да он не всегда и гонится за убедительностью. По временам он совершенно перестает доказывать и только утверждает, так сказать, декретирует те или другие положения, как будо бы он «захватил» уже «власть» над умами своих читателей. Так, например, прикрикнувши на людей, считающих физически невозможным захват власти силами современной революционной партии, и обвинивши их в «перетасовке понятий», он противопоставляет их доводам следующее... заявление: «Не подлежит сомнению, что вопрос о захвате власти всякою революционною силою определяется, прежде всего, тем, достаточно ли дезорганизовано, расшатано и непопулярно существующее правительство, и если все эти данные имеются в наличности—государственный переворот не представляет ничего невозможного и даже особенно трудного» [1]). Не останавливаясь долее на этом интересном вопросе, он прямо переходит к обсуждению шансов «удержания власти» нашими революционерами. Волей-неволей, всем «несогласно-мыслящим» приходится мириться с не совсем обычным лаконизмом автора. Помиримся с ним и мы, тем более, что истина некоторых положений автора на этот раз действительно «не подлежит сомнению». Но даже и в этом случае весьма уместно будет спросить — кто же «перетасовывает понятия» — г. Тихомиров, или его противники? Во-пер-

[1]) «В. Н. В.», № 2, стр. 255.

ных, «государственный переворот» далеко не то же самое, что и «захват власти всякою революционною силою». Там, где «существующее правительство дезорганизовано, расшатано и непопулярно» — государственный переворот не только «не представляет ничего невозможного», но просто почти неизбежен, а вследствие этого, разумеется, и не «особенно» труден. Но это еще не значит, что «всякая революционная сила» может стать на место свергнутого правительства, захватить потерянную им власть. Государственный переворот может быть совершен совокупным действием многих «сил», враждебных между собою, но, тем не менее, революционных по отношению к существующему порядку. Тогда и «власть» достанется не одной из этих сил, а общей их равнодействующей, воплощенной в новом, временном или постоянном, правительстве. Для каждой же из них в отдельности, «вопрос о захвате власти» не только не разрешится, но еще более усложнится таким исходом: вместо слабого и непопулярного противника, им придется спорить за власть с соперниками свежими, бодрыми, еще неутомленными борьбой и имеющими за себя голос некоторой части нации. Все это ясно, как божий день. А если ясно, то можно ли приурочивать интересующий нас вопрос о захвате власти «партией Народной Воли» — исключительно к непрочности существующего правительства, к вероятности государственного переворота? Позволительно ли так подменять понятия, совершенно различные по своему смыслу и содержанию?

Но, скажут нам, вы придаете «государственному перевороту» совсем не тот смысл, в каком употребляет это выражение г. Тихомиров. Он понимает под ним не только падение существующего и организацию нового правительства; он предполагает, что вся эта революция совершится путем удачного заговора в среде известной, определенной, симпатичной ему революционной партии. Заговор есть предприятие тайное, начинаемое без ведома всех тех, кто мог бы соперничать с заговорщиками после переворота. Когда маленький Наполеон задумывал свой «государственный переворот», то ему и в голову не приходило открывать свои намерения орлеанистам или легитимистам, а еще того менее решился бы он просить у них помощи и содействия. Добыча, приобретенная силами одних бонапартистов, целиком и досталась бонапартистам; соперникам оставалось только злобствовать и сожалеть о том, что не они задумали и выполнили это удалое предприятие. То, что сделал пресловутый племянник, — может быть сделано и искренними революционерами. Неужели одно только зло имеет привилегию успеха? Неужели орудие, доказавшее свою годность в руках политических аван-

тюристов, откажется служить людям, искренно преданным благу своей родины?

Если г. Тихомиров действительно понимает «государственный переворот» в этом последнем смысле, то он прибегает к «перетасовке понятий», еще более грубой, чем мы думали ранее. Что дает ему право так неожиданно и беззастенчиво подменять общую, абстрактную возможность данною, конкретною действительностью? Разве *возможное* в общем смысле не оказывается сплошь и рядом невозможным в применении к тому или другому частному случаю? И потому, разве позволительно, рекомендуя русской революционной партии путь заговора, ограничиваться общими фразами о том, что организовать удачный заговор не «особенно трудно» там, где правительство дезорганизовано и непопулярно? Разве русские революционеры представляют собою заговорщиков вообще, без костей и плоти, стоящих вне всех тех условий, которые превращают возможное для одних в фантастическое и невозможное для других? Разве шансы успеха заговора не определяются свойствами среды, к которой принадлежат его участники, и разве свойства среды не влияют на стремления и цели заговорщиков? Стоит только взглянуть на нашу революционную среду с этой точки зрения, — и общие фразы о не «особенной трудности» успешного заговора совершенно потеряют всякий смысл.

К какому классу, к какому слою общества принадлежало и принадлежит до сих пор огромное большинство наших революционеров? К так называемому мыслящему пролетариату. О политических свойствах этого слоя мы уже подробно говорили в брошюре «Социализм и политическая борьба», и мы очень малеем, что г. Тихомиров не счел нужным опровергнуть наши соображения. «Наш мыслящий пролетариат,—писали мы,— сделал уже очень много для освобождения своей родины. Он расшатал абсолютизм, пробудил политический интерес в обществе, занес семя социалистической пропаганды в среду нашего рабочего класса. Он составляет переход от высших классов общества к низшим, он обладает образованием первых и демократическими инстинктами последнего. Это положение облегчало ему его разностороннюю работу агитации и пропаганды. Но то же самое положение дает ему очень мало надежды на успех заговора с целью захвата власти. Для такого заговора недостаточно талантов, энергии и образования; нужны связи, богатство и влиятельное положение заговорщиков. Именно этого и недостает нашей революционной интеллигенции. Пополнить этот недостаток она может, лишь вступая в союз с другими недовольными элементами русского обще-

ства. Допустим, что ее планы и встретят сочувствие со стороны этих элементов, допустим, что к заговору примкнут богатые землевладельцы, чиновники, штаб- и обер-офицеры. Успех заговора станет тогда вероятнее, хотя вероятность эта будет еще очень невелика: припомним только исход бо́льшей части известных в истории заговоров. Но главная опасность будет грозить социалистическому заговору не со стороны существующего правительства, а со стороны его собственных участников. Вошедшие в него влиятельные и высокопоставленные лица могут быть искренними социалистами только в виде «счастливой случайности». Относительно же большей части из них не может быть никаких гарантий в том, что они не пожелают воспользоваться захваченною ими властью для целей, не имеющих ничего общего с интересами рабочего класса... Таким образом, *результаты заговора* социалистической интеллигенции, с целью захвата власти в ближайшем будущем, *станут тем более сомнительными, чем более сочувствия встретит он во влиятельных сферах, т.-е. чем вероятнее будет его внешний успех; и* наоборот, результаты такого заговора — поскольку речь идет о намерениях его участников—будут тем несомненнее, чем более его сфера ограничится нашею социалистической интеллигенцией, т.-е. чем невероятнее будет его счастливый исход». Понятно ли сказанное? Правы ли мы были, говоря, что наш нигилист-отщепенец, очень полезный, как революционный фермент в общественной среде, не захватит власти, потому что этому препятствует его социальное положение? Бонапарт был не нигилист, а и ему, для его государственного переворота, понадобилось сначала стать, ни более ни менее, как во главе исполнительной власти республики. Далее. Вероятно ли, что если нигилист и перетянет на свою сторону достаточное число лиц, влиятельных и занимающих важные посты, что если за ним и пойдут всякого рода «белые генералы», то не он воспользуется их общественным положением, а они воспользуются его самоотверженностью и обратят весь заговор в орудие для своих личных целей? Нам скажут, быть может, что высокое общественное положение не всегда же бесповоротно развращает человека, что и под генеральским мундиром может биться преданное народу сердце. Мы вполне допускаем это, но не перестаем бояться данайцев. Какие гарантии будут у революционеров относительно преданности и искренности высокопоставленных участников заговора? Личная известность этих господ центральному комитету? А чем уверит нас комитет в безошибочности своего выбора? Можно ли довольствоваться такими гарантиями в столь важном деле, как судьба рабочего класса целой страны? Здесь-то и обна-

руживается различие между точками зрения социал-демократов, с одной стороны, и бланкистов — с другой. Первые требуют об'ективных гарантий успеха своего дела, гарантий, которые заключаются для них в развитии сознания, самодеятельности и организации в среде рабочего класса; вторые довольствуются гарантиями чисто суб'ективного свойства, отдают дело рабочего класса в руки отдельных лиц и комитетов, приурочивают торжество дорогой им идеи к вере в личные свойства тех или других участников заговора. Будут заговорщики честны, смелы и опытны — восторжествует социализм; недостанет у них решимости или уменья—победа социализма отодвинется на время, быть может, короткое, если явятся новые, более умелые заговорщики; а, быть может, и бесконечно долгое, — если таких заговорщиков не будет. Все подводится здесь к случаю, уму, уменью и воле отдельных единиц [1]).

И пусть не говорят нам, что современные русские бланкисты не отрицают значения подготовительной деятельности в среде рабочего класса. Никакое сомнение невозможно на этот счет после того, как «Календарь Нар. Воли» об'явил, что городское рабочее население имеет «особенно важное значение для революции» (стр. 130). Но есть ли на свете хоть одна партия, которая не признавала бы, что рабочий класс

---

[1]) Впрочем, это не совсем так. Иногда об'ективные условия успеха представляются заговорщику в виде каких-нибудь физических или метеорологических воздействий. Так, например, в одной из книжек «Набата» помещена статья о заговоре генерала Малэ. Из этой статьи видно, что в 1812 году революция не имела во Франции места лишь потому, что в ночь с 22 на 23 октября этого года совершенно некстати и неожиданно пошел сильный дождь. Вам это кажется невероятным, читатель? Прочтите нижеследующую выписку и судите сами. «Когда все было кончено, Малэ хотел-было, немедля, отправиться в ближайшую казарму, но дождь лил, как из ведра, и заговорщики вздумали его переждать. Пришлось ждать до 3-х часов—это было роковою ошибкою. Ночью заговор имел все шансы удаться, так как светская власть и военная не имели бы времени столковаться между собою. Заговорщики пропустили удобную минуту», а вследствие этого, и только вследствие этого, не удался и самый заговор.

Как бы кто ни смотрел на такие об'яснения исторических судеб народов, несомненно, во всяком случае, что они не дают нам никакой возможности сколько-нибудь трезвого предвидения общественных явлений, т.-е., другими словами, исключают всякую попытку серьезного обсуждения программных вопросов.

Известное уже нам, тихомировское «начало социалистической организации России» также, повидимому, будет отменено в случае ненастной погоды. Вообще, сильные дожди тем вреднее для торжества социализма, чем более дело этого последнего приурочивается к успехам того или другого комитета и отвлекается от соображений о степени социально-политического развития рабочего класса данной страны.

может оказать ей важную помощь в достижении ее целей? Современная политика железного канцлера ясно показывает, что такого сознания не лишено даже прусское юнкерство. Теперь все обращаются к рабочим, но не все говорят с ними одинаковым голосом, не все отводят им одинаковую роль в своих политических программах. Это различие заметно даже на социалистах. Для демократа Якоби основание одного рабочего союза имело более важное культурно-историческое значение, чем битва при Садовой. Бланкист, конечно, вполне согласится с этим мнением. Но согласится—единственно потому, что не битвы, а революционные заговоры являются в его глазах главными двигателями прогресса. Если же вы предложите ему выбрать между рабочим союзом и «кающимся дворянином» в лице какого-нибудь начальника дивизии, то он едва ли задумается предпочесть второго первому. Да оно и понятно. Как ни важны «для революции» рабочие, но высокопоставленные заговорщики еще того важнее, без них нельзя ступить шагу, и часто весь исход заговора может зависеть от поведения того или другого «превосходительства» [1]). С точки зрения социал-демократа истинно-революционное движение настоящего времени возможно только в среде рабочего класса; с точки зрения бланкиста революция только частью опирается на рабочих, имеющих для нее «важное», но не главное значение. Первый полагает, что *революция* имеет «особенно важное значение» *для рабочих;* по мнению второго, *рабочие* имеют, как мы знаем, особенно важное значение *для революции.* Социал-демократ хочет, чтобы рабочий сам *сделал* свою революцию; бланкист требует, чтобы рабочий *поддержал* революцию, начатую и руководимую за него и от его имени другими, положим, хоть г.г. офицерами, если вообразить нечто вроде заговора декабристов. Сообразно с этим, изменяется и характер деятельности, и распределение сил. Один обращается, главным образом, к рабочей среде, другие имеют с ней дело только между прочим и когда этому не мешают многочисленные, сложные, непредвидимые и все более и более возрастающие нужды начатого вне ее заговора. Это—различие огромной практической важности; именно им-то и об'ясняется враждебное отношение социал-демократов к заговорщицким фантазиям бланкистов.

---

[1]) Сообщенная в «Набате» история заговора генерала Малэ подробно выясняет «важность для революции» начальников «частей» или даже простых офицеров. «Для приведения в исполнение задуманного им плана, Малэ нужно было заручиться помощью по крайней мере двух офицеров, способных, ловких, воодушевленных, подобно ему, ненавистью к императору» и т. д.

3. Вероятные последствия «народной» революции.

Но будем сговорчивы. Допустим невероятное, предположим, что «власть» действительно оказалась в руках наших современных революционеров. К чему приведет их такая удача?

Послушаем нашего автора. «Ближайшая и первая задача победоносного временного правительства состоит в том, чтобы явиться на помощь народной революции. Захваченная государственная власть должна быть употреблена для того, чтобы повсюду революционизировать народные массы и организовать их власть, а это такая задача, при выполнении которой революционеры стоят на твердой почве. Тут временное правительство даже ничего не творит, а только разрешает силы, существующие в народе и даже находящиеся в состоянии сильнейшего напряжения... Временное правительство не имеет тут нужды ни приневоливать народную массу, ни учить ее. Оно только помогает ей с чисто внешней стороны»[1]).

Так говорит г. Тихомиров, рассуждая о роли «временного правительства, вынужденного захватить власть».

Он убежден, что эта «чисто внешняя» помощь народу приведет к «началу социалистической организации России». Если мы припомним его родословную, то увидим, что подобная уверенность нисколько не удивительна с его стороны, и перешла к нему просто по закону наследственности: Бакунин «роди» Ткачева, Ткачев роди Тихомирова и братьев его. И если ближайшие литературные предки нашего автора держались того убеждения, что «народ всегда готов» к социальной революции, то потомку их вполне естественно верить в такую готовность народа, по крайней мере, в «переживаемый нами момент». Нужно удивляться не г. Тихомирову, который, стыдясь открыто признать свое происхождение, все-таки свято хранит предания своих духовных отцов. Нужно удивляться тем читателям, которые, отказавшись от теорий Бакунина и Ткачева, воображают что г. Тихомиров предлагает им нечто более новое, более серьезное и осуществимое. Для таких читателей критика есть пустое слово, а последовательность самое бессодержательное понятие!

Людям, действительно и бесповоротно покончившим с бакунинско-ткачевскими фантазиями, указанная уверенность г. Тихомирова покажется решительно ни на чем не основанной. Такие люди понимают, что

---

[1]) «Вестн. Нар. Воли», № 2, стр. 255—256.

социалистическая революция предполагает целый ряд мер для социалистической организации производства. И уже по одному этому «чисто внешняя» помощь революционного правительства никоим образом не может быть признана достаточной для удачного исхода такой революции. Кроме того, социалистическая организация предполагает два условия, без «наличности» которых за нее невозможно и браться. Первое из этих условий имеет об'ективный характер и заключается в экономических отношениях страны. Другое условие—чисто суб'ективное и относится к самим производителям: недостаточно одной об'ективной, экономической возможности перехода к социализму; нужно, чтобы рабочий класс понял и сознал эту возможность. Эти два условия находятся в тесной взаимной связи. Экономические отношения влияют на экономические понятия людей. Экономические понятия людей влияют на их образ действия, на общественные, а следовательно, и экономические отношения. И так как мы «не верим» уже ни в «десницу божию», ни во врожденные идеи, то нам остается предположить, что «порядок идей определяется порядком вещей», и что взгляды людей на окружающую их экономическую действительность обусловливаются свойствами самой этой действительности. Этими же свойствами определяются и наклонности различных классов, консервативные в один, революционные в другой исторический период. Известный класс возмущается против окружающей его действительности, становится в противоречие с нею лишь в том случае, когда она «разделяется на ся», когда в ней самой обнаруживаются те или другие противоречия. Характер, ход и исход начавшейся против нее борьбы определяется характером этих противоречий. В капиталистических странах одним из главных экономических противоречий является противоречие между общественным характером производства, с одной стороны, и индивидуальным присвоением предпринимателями его средств, орудий, а следовательно, и продуктов—с другой. При полной невозможности отказа от общественной организации производства, единственным средством разрешения этого противоречия является приведение юридических норм в соответствие с экономическими фактами, передача орудий и об'ектов труда в собственность общества, которое распределяло бы продукты, сообразно с потребностями трудящихся. И это противоречие, равно как неотложная необходимость его разрешения, все более и более входит в сознание страдающих от него людей. Рабочий класс все более и более становится склонным и готовым к социалистической революции. Мы не раз уже повторяли ту доказанную Марксом истину, что указанное выше противоречие не-

избежно возникает на известной ступени развития товарного производства. Но товарное производство, как и все в мире, имеет не только конец, но и начало. Оно не только подготовляет новый общественный строй, благодаря свойственным ему противоречиям, но и само было когда-то ново, само возникло из противоречий своего предшественника. Известно, что товарному производству предшествовало натуральное хозяйство и первобытный коллективизм. Главнейшей причиной возникновения противоречий в первобытных общинах была свойственная им ограниченность, недопускавшая приложения коммунистического принципа к меж-общинным отношениям. Эти отношения повели к развитию *обмена*, продукты общественного труда стали товарами, и в этом новом своем качестве оказали разлагающее влияние на внутреннюю организацию самой общины. Та ступень разложения первобытного коллективизма, которая носит название сельской общины, характеризуется, как мы знаем, тем противоречием, что на *общественной земле* хлебопашество ведется в ней *отдельными домохозяевами*. Это ведет к развитию частной собственности, к новому усилению товарного производства, а вместе с тем и к зарождению свойственных этому последнему противоречий, т.-е. к эксплоатации труда капиталом. Итак, товарное производство близится к концу, благодаря противоречию между общественной организацией производства и индивидуалистическим способом присвоения. Наоборот, оно развивается, благодаря противоречию между индивидуальным характером хозяйства и общественным характером присвоения одного из самых главных средств производства — земли. Теперь мы спросим г. Тихомирова — какую из ступеней развития товарного производства переживает Россия? Какое из указанных нами противоречий свойственно ее экономическим отношениям? Если первое, то не имеет смысла противопоставление России Западу, а следовательно, и своеобразный характер русских «социально-революционных» программ. Если второе,— то каким путем остановит революционное правительство дальнейшее развитие товарного производства? Какими средствами разрешит оно противоречия, свойственные нашей сельской общине?

Захват власти революционерами может иметь два исхода.

Или временное правительство действительно ограничится «чисто внешней» помощью народу, и, ничему его не уча, ни к чему не приневоливая, оно предоставит ему самому устроить свои экономические отношения.

Или, не полагаясь на народную мудрость, оно удержит в своих

руках захваченную власть, и само примется за организацию социалистического производства.

В брошюре «Социализм и политическая борьба» мы говорили уже о каждом из этих исходов. Теперь нам остается только повторить и развить высказанные там мысли.

Г. Тихомиров избавил нас от необходимости подробно говорить о втором из предположенных нами случаев. Он и слышать не хочет о «деспотизме коммунистического правительства». Он требует, чтобы временное правительство «помогало» народу «с чисто внешней стороны», чтобы оно «организовало народ временно и лишь настолько, насколько его (т.-е. народное) самодержавие может быть осуществлено при тех условиях». Как ни темна эта последняя фраза, но если она имеет какой-нибудь смысл, то означает решительный отказ от всякой попытки насаждать социализм посредством декретов «захватившего власть» тайного общества. Наконец, наш автор прямо заявляет, что временное правительство должно пользоваться властью «разумеется, не для создания социалистического строя». Это, конечно, опять очень большая нескладица, потому что смешно социалистическое—хотя бы и временное — правительство, не пользующееся своею властью для создания социалистического строя. Но, как бы там ни было, очевидно, что г. Тихомиров серьезно убежден в том, что временному правительству не нужно будет «ничего творить, а только разрешать силы, уже существующие в народе». Посмотрим же, к чему может привести такого рода «разрешающая» деятельность.

Наш автор не об'яснил, как долго протянется тот период времени, в течение которого временное правительство будет «организовать власть народных масс». Он не сообщил также, что означает эта организация в переводе с мистического «наречия» его партии на литературный русский язык. Ни одним словом не обмолвился он о том, каким образом правительство захватившей власть «партии Нар. Воли» — будет заменено правительством, «народом выбираемым, контролируемым и сменяемым». Нам остается, поэтому, самим выбирать наиболее вероятную из всех возможных догадок. Восточные страны отличались до сих пор лишь дворцовыми революциями или такими народными движениями, в которых было очень мало сознательных политических действий. Чтобы сколько-нибудь наглядно представить себе вероятный ход русской революции, мы, волей-неволей, должны предположить, что, при всей своей самобытности, она все-таки совершится хоть отчасти на западный ма-

нер. А на Западе дело происходило обыкновенно таким образом. Выдвинутое переворотом временное правительство, продолжая поддерживать революцию против реакционных посягательств, созывало учредительное собрание, в руки которого и передавало судьбу страны. Выработавши новую конституцию, учредительное собрание создавало правительство постоянное, соответствующее наиболее энергичным требованиям всей страны или некоторых ее классов. Само собою разумеется, что новое правительство оставалось *постоянным*, лишь до новой революции, или до новой переделки конституционного здания страны.

Вообразим теперь, что, захвативши власть, «партия Народной Воли» останется верна обещаниям г. Тихомирова, и, ни к чему не приневоливая русский народ, созовет его представителей в учредительное собрание. Допустим, что выборы произойдут при самых благоприятных для революционеров условиях, что к ним приступят лишь после «обеспечения экономической независимости народа», т.-е. после экспроприации крупных землевладельцев и предпринимателей. Допустим даже, что временное правительство установит сословный и классовый ценз и признает политическую правоспособность лишь за крестьянами, ремесленниками и пролетариями умственного и физического труда. Допустим, наконец, что временное правительство сумеет отстоять, а учредительное собрание — упрочить «политическую независимость» народа. Это последнее будет делом тем более трудным, чем скорее настанет предсказываемый г. Тихомировым революционный момент; от того же г. Тихомирова мы знаем, что, даже при бессилии буржуазии, народоправление возможно только в том случае, когда народ достаточно разочаруется в самодержавии царей. Отсюда следует, что если ко времени революционного взрыва упомянутое разочарование не будет достаточно сильно, то не будет и народоправления, и совершившаяся революция может привести к политическому уродству, вроде древней китайской или перуванской империи, т.-е. к обновленному царскому деспотизму на коммунистической подкладке. Но мы не будем пессимистами, примем в соображение, что Россия «едва ли может ждать», и предположим, что, ввиду такой крайности, наше отечество поторопится покончить с самодержавием. Мы до такой степени уступчивы, что готовы признать наилучший исход наиболее вероятным, готовы допустить, что у нас установится самый чистый вид «народоправления», т.-е. прямое народное законодательство. Мы спросим только, можно ли «ждать», что самодержавный народ немедленно положит «начало социалистической организации России»?

Мы давно знаем, что

...Wo die Begriffe fehlen,
Da stellt ein Wort zur rechten Zeit sich ein,

но мы просим читателя вдуматься в значение слов *социалистическая организация производства* и для бо́льшей наглядности представить себе вероятные решения на этот счет русского самодержавного народа.

Собрание представителей вынуждено будет апеллировать к его приговору во всех важных законодательных вопросах.

Оно спросит его, одобряет ли и утверждает ли он совершонную временными правительством экспроприацию крупных собственников? И он ответит, конечно, утвердительно. Земля, рудники, заводы и фабрики будут признаны собственностью государства.

Но перемена собственника не означает еще перемены в организации производства. Вопрос об *экспроприации* приведет к вопросу об *эксплоатации* конфискованных имуществ.

Самодержавному народу нужно будет организовать на новый лад все свое хозяйство, производство и распределение всех своих продуктов.

Какой вид организации признает он необходимым? Выскажется ли за коммунизм большинство нашего крестьянства?

Этого не «ждет» и сам г. Тихомиров. Находясь на своей настоящей, или на недалекой от нее ступени развития, народ не захотел бы, да и не сумел бы устроить коммунистическое хозяйство.

Даже по отношению к хлебопашеству, народ, наверное, удержал бы ныне существующую организацию производства. На общественной земле хозяйство по-прежнему велось бы отдельными дворами. А мы знаем уже, к чему ведет это противоречие. Оно создает неравенство, способствует развитию товарного производства, а следовательно, и новых противоречий, с ним неразрывно связанных. История разложения общины и возникновения различных общественных классов повторилась бы в новом виде и в более широком масштабе. Наши народники и народовольцы относят, обыкновенно, разложение общины на счет враждебного ей сословного и «классового» государства. Но после всего сказанного на этот счет в предыдущей главе, нам не нужно останавливаться на опровержении или — лучше сказать — на выяснении истинного смысла этого довода. Современная наука не оставляет ни малейшего сомнения относительно того, что неравенство возникает в первобытных общинах прежде, чем сами эти общины организуются в государство. Далекое

от того, чтобы быть *первоначальной причиной* возникновения неравенства, государство само является в истории его *продуктом*. Впоследствии и государство начинает, конечно, оказывать свое действие на экономические отношения, разрушать первобытный коммунизм. Но тот, кто желает в корне уничтожить неравенство (а не желая этого, нельзя быть и социалистом), — тот должен обращать главное внимание не на производную, а на коренную его причину. Очень непоследовательно было бы со стороны такого человека стремиться уничтожить ту разновидность государства, которая *усиливает* неравенство, и оставлять неприкосновенными те экономические отношения, которые *создают* как самое неравенство, так и «классовое» государство. Но именно такою-то непоследовательностью и страдало бы временное социалистическое правительство, не задающееся целью ни «учить» народ, «ни приневоливать его» к социалистической организации. Предоставляя дело этой организации совершенно неподготовленным к ней производителям и ограничиваясь помощью народу «с чисто-внешней стороны», оно в самом лучшем случае срубило бы только ствол, оставляя нетронутым поддерживающий его корень. Бывшие члены такого правительства обнаружили бы большую наивность, если бы стали удивляться тому, что на месте старого, уже подгнившего, ствола вырос новый, более сильный и крепкий.

Повторяем, если бы у нас действительно установилось народоправление, то самодержавный народ на вопрос,—нужна ли ему земля и следовало ли отобрать ее у помещиков,—ответил бы: да, нужна, и отобрать ее следовало. На вопрос же нужно ли ему «начало социалистической организации» — сначала ответил бы, что он не понимает, о чем его спрашивают, а затем, с большим трудом поняв, в чем дело, ответил бы — нет, мне этого не нужно. А так как экспроприация крупных землевладельцев вовсе не равносильна «началу социалистической организации», то в результате захвата власти революционерами не было бы никакого социализма [1]). Вышло бы то, что невольно напророчил сам г. Тихомиров, говоря, что временное правительство воспользовалось бы своею властью «вовсе не для создания социалистического строя». Мы имели бы перед собой ту же самую сельскую общину, которую имеем и теперь. Вся разница свелась бы к тому, что эта община, имея при-

[1]) Примечание ко 2-му изданию. Этого до сих пор не хотят понять наши нынешние «социалисты-революционеры», старательно воскрешающие наши старые «революционные» предрассудки.

близительно втрое больше земли, чем имеет она в настоящее время, стала бы, может быть, разлагаться медленнее, а следовательно, и медленнее очищать место для высших форм общежития.

А дальнейшее самостоятельное развитие общины? Да ее развитие и заключается в ее разложении! Кто оспаривает это, тот должен доказать противное, должен указать нам, если не исторические примеры перехода сельской общины в коммунистическую, то, по крайней мере, тенденцию к такому переходу, тенденцию, находящуюся не в головах наших народников, в а самой организации общины и во всей динамике ее земледельческого хозяйства. Мы знаем, где, как и почему первобытные коммунистические общины превращались в общины отдельных домохозяев. Но мы не знаем, почему и как наша русская община перейдет в коммунистическую. Любя побеседовать подчас с народниками, мы не могли, конечно, остаться в неизвестности относительно того факта, что две-три общины завели у нас коллективную обработку полей. Отличившийся такою добродетелью хутор Грековка был одно время на устах решительно у всех «друзей народа» и своим примером разрешал, казалось, весь социальный вопрос в России. Но если бы крестьяне этого знаменитого хутора подверглись когда-нибудь преследованию за коммунистические наклонности, то защитнику их нетрудно было бы доказать, что обвинитель ничего не смыслит в коммунистических учениях. От общественной обработки полей немногим ближе до коммунизма, чем от общественной работы на барщине или от «общественных запашек», вводившихся при Николае Павловиче с помощью штыков и розог. Как ни глуп был «незабвенный» император, но и ему не приходило в голову думать, что общественные запашки могут вызвать самостоятельное движение общины к коммунизму. Центр тяжести вопроса заключается не в том, как работают домохозяева—вместе или по одиночке, а в том, существуют ли отдельные хозяйства, и стремятся ли они слиться в одно коммунистическое целое. Хутор Грековка не обнаружил такого стремления. Составляющие его домохозяева продолжали быть собственниками продуктов, обращаемых ими в товары. А раз они не уничтожали товарного свойства своих продуктов, то можно математически доказать, что сильнейшая тенденция этой общины клонилась в сторону капитализма, а отнюдь не коммунизма.

Коллективная обработка полей—вещь очень хорошая и полезная; но странно было бы думать, что она может послужить главным соединительным путем между современной общиной и коммунистическими идеалами. Она может играть роль разве лишь мелкой «питательной

ветви», впадающей в большую дорогу, которая идет совсем по другому направлению. Она сослужила бы очень большую службу на Западе, где значение ее привело бы к тому, что, приучая крестьян к коллективному труду, она уменьшила бы их сопротивление коммунистической революции, инициатива которой принадлежала бы городскому и сельскому пролетариату. Но на этом и остановились бы представляемые ею выгоды. Во всяком историческом, как и в механическом, движении часть движущей силы идет на преодоление сопротивления. Уменьшить сопротивление — значит освободить соответствующую долю связанной им силы, ускорить движение. Вымостите грязную улицу, смажьте машину — и вы уменьшите труд лошади, везущей повозку, вы сократите необходимый расход на топливо. Но ни один механик не вообразит, что машина придет в движение лишь потому, что уменьшилось трение ее частей, ни одному извозчику не придет в голову выпрягать лошадь, добравшись до хорошей мостовой. Человек, вообразивший или сделавший что-нибудь подобное, был бы всеми признан за сумасшедшего. И в таком приговоре не было бы ни малейшей несправедливости. Чтобы вызвать движение—нужна активная, а не пассивная сила, положительное, а не отрицательное условие. То же—и с общиной. Коллективная обработка полей хороша в том случае, когда существует активная сила, вызывающая и ускоряющая ее переход в высшую форму общежития. На Западе роль такой силы сыграл бы пролетариат, начавший коммунистическую революцию совсем в другой области — в области крупного производства и земледелия, на заводах, на фабриках, на больших фермах. Сила пролетариата создавалась и направлялась бы вполне определенными экономическими отношениями, существующими вне и помимо общины. Ну, а у нас-то, в мужицком государстве, созданном народовольческой революцией—у нас-то, откуда взялась бы такая активная сила? Из среды самих крестьян? Г. Тихомирову кажется, как мы знаем, что история имеет какое-то самостоятельное «движение к социализму». Ему позволительно думать, что такое самостоятельное «движение» обнаружится и в среде крестьянства. Но мы оставим г. Тихомирова и поговорим с менее легковерными читателями. Эти последние согласятся, по крайней мере, с тем, что *экономические* тенденции каждого класса определяются характером тех экономических условий, в которых он живет. Наш крестьянин живет в условиях товарного производства, а в товарном производстве продукт господствует над производителем и предписывает ему свои законы. А законы товарного производства таковы, что прежде всего способствуют развитию капита-

лизма и капиталистических, а вовсе не коммунистических тенденций. Откуда же возьмется стремление к коммунизму у нашего крестьянина?

Ясно ли это? Нет? Перейдем от рассуждения к сравнению. У донских казаков теперь столько земли, сколько было бы ее у наших крестьян после народной (народовольческой тож) революции. Ее приходится почти по 30 дес. на душу. Земля эта принадлежит не отдельным лицам, даже не отдельным общинам, а всему «славному войску». Спрашивается, — обнаруживают ли донские казаки склонность заводить коммунистическое хозяйство? Насколько нам известно,—не коммунистические, а буржуазные стремления все более и более усиливаются в их среде. Может быть, это будет отнесено насчет «разлагающего влияния государства»? Ну, так ведь было время, когда влияние это почти равнялось нулю; почему же тогда не переходили они к коммунизму? Им мешал военный быт? Вообразите же себе, что казаки, совсем избавленные от военной службы, целиком предались мирным занятиям. Что было бы в таком случае? Мы скажем вам—что: тогда-то и началось бы усиленное разложение существующих в среде казаков остатков первобытного коммунизма, тогда-то и приблизилось бы царство казацкой буржуазии...

Многоземелье не спасло казаков от возникновения неравенства, а с ним эксплоатации бедного богатым. Совсем напротив: многоземелье само способствовало возникновению неравенства [1]). Покойный профессор Беляев, несмотря на свою сильно славянофильскую окраску, прекрасно понимал роль многоземелья в истории возникновения классов. «Конечно, в древней России земли было очень много, несравненно больше тогдашних потребностей, и каждый желающий мог свободно занимать огромные пространства диких полей и лесов, никому не принадлежащих, *что, конечно, и делали те, у кого были средства*» [2]). Но средства были не у всех одинаковы, а потому не все занимали одинаковое количество земли; некоторые даже совсем не занимали ее, потому что совсем не имели средств для ее расчистки и обработки. Отсюда—неравенство в доходах, зависимость бедных от богатых. Несомненно также, что, в некоторых случаях, «свободное занятие и разработка земли не замедлили повести к понятию о поземельной собственности». Эта сторона дела хорошо выяснена у М. Ковалевского, в его книге об общин-

[1]) Прим. ко 2-му изд. Сказанное здесь подтверждено было, несколько лет спустя, замечательным исследованием г. Бородина об уральском казачьем войске.

[2]) «Крестьяне на Руси», 2 изд., Москва 1879, стр. 19.

ном землевладении. До последнего времени существовало в земле войска Донского,—а в Кубанской области, быть может, и теперь существует,—право свободного занятия незанятых земель; и именно оно-то и позволяло богатым обогащаться еще более, оно-то и кинуло на эту девственную почву первые зародыши борьбы классов.

Но преобразованное революцией государство помешало бы у нас такому обороту дела,—скажет иной читатель.

Трудно наперед сказать, что сделало бы народное государство в том или другом частном случае, но, имея понятие об экономических условиях жизни большинства граждан, нетрудно предвидеть общее направление его хозяйственной политики. Согласно «ожиданиям» самого г. Тихомирова, созданное революцией государство было бы государством крестьянским по преимуществу. Крестьянин, не желающий и не умеющий положить «начало социалистической организации» у себя в общине, не сумел бы и не пожелал бы заводить такую организацию в гораздо более широких государственных пределах. Экономическая политика народного государства была бы столь же мало коммунистической, как и политика отдельных, составляющих его крестьянских общин. Само собою разумеется, что оно постаралось бы устранить злоупотребления, могущие возникнуть при раздаче общественной земли в обработку отдельным лицам или группам лиц. Но оно никогда не решилось бы отбирать у более зажиточных домохозяев принадлежащих им запасов и орудий. Точно так же, оно считало бы справедливым и естественным ограничение права земледельца на землю лишь мерою его труда и *средств,* составляющих, конечно, его частную собственность. Если у крестьянина действительно есть какие-нибудь идеалы общественного устройства, то, несомненно, в них играет важную роль такое земельное раздолье, благодаря которому каждый может занимать свободную землю всюду, куда его «топор, коса и соха ходит». «Народная революция» дала бы возможность хоть отчасти осуществить этот идеал; осуществление же его повело бы, как мы знаем, к неравенству между земледельцами. Раз получивши такой толчок, неравенство сумело бы, разумеется, дойти до своего логического конца и свести «на нет» все результаты «народной революции».

Далее. Крестьянское государство, конечно, оставило бы неприкосновенным не только торговый, но в значительной степени и промышленный капитал. Это допускает, повидимому, сам г. Тихомиров, полагающий, что народная революция только *обессилила бы* «и без того слабые дворянство и буржуазию». «Обессилить» не значит уничтожить.

Нужно ли говорить, к каким последствиям привело бы существование торгово-промышленного капитала? Г. Тихомиров полагает, что обнаружению этих последствий помешало бы опять-таки то же народное правительство. Но мы заметим ему, что не все то, что кажется вредным социалисту, является таким в глазах крестьянина, а следовательно, и крестьянского правительства. Между тем, как мы с г. Тихомировым вообще против «частного предпринимательского капитала», крестьянин возмущается лишь некоторыми приложениями капиталистического принципа и ничего не имеет против него по существу. Он вполне признает возможность *частной* предпринимательской наживы. А если это так, то против нее не будет ничего иметь и «народное» правительство. В лучшем случае его радикализма хватит на борьбу с крупным капиталом фабриканта, но оно даже не задумается о том, чтобы положить предел «хозяйской» эксплоатации вообще. Следовательно, вот уже второй фактор разложения созданного революцией «относительного равенства». Г Тихомиров думает, что фактор этот будет обессилен «из'ятием земли из области эксплоатации». Но мы знаем уже, что земля не совсем будет «из'ята» из нее: народное правительство допустит и неравенство в ее распределении, и возможность принанять «работничка» из числа разорившихся домохозяев. *Крестьянские* «идеалы» легко мирятся с *батрачеством*. Кроме того, всякому, понимающему дело, известно, что только так называемый мелко-буржуазный социализм надеется помочь народу «обессиливанием» буржуазии или «из'ятием из области эксплоатации» того или другого из средств производства в частности. Да и он-то питает эту надежду лишь потому, что интересующий его «народ» есть мелкая буржуазия, которая только выиграла бы от «обессиления»—крупной. Мелко-буржуазный социализм тем и отличается, что его реформаторские планы оставляют нетронутым товарное производство. Но отсюда-то и проистекает его полное теоретическое и практическое бессилие. Истинно революционное рабочее движение настоящего времени не имеет ничего общего с трусливыми фантазиями мелкого мещанства. К сожалению, «русский социализм, как он выразился»... в статье г. Тихомирова, стоит в этом случае гораздо ближе к мелко-буржуазному, чем к рабочему социализму. Подобно первому, он также не доводит своих революционных проектов до уничтожения товарного производства. Он предоставляет позаботиться об этом будущей, после-революционной «истории государства российского». Совершенно игнорируя значение экономической эволюции при анализе своих революционных посылок, он возлагает на нее преувеличенные надежды, как только заходит речь

о результатах рекомендуемого им переворота. Он взывает к *революции* там, где она немыслима без предшествующей *эволюции,* он апеллирует к *эволюции* там, где она невозможна без коренной *экономической революции.* Он хочет быть революционным по преимуществу и оказывается половинчатым и нелогичным по существу [1]). Скоро увидим мы, откуда заимствовал он эту характерную черту, обращающую в ничто все его революционные фразы.

Стремясь убедить своих читателей в том, что народное правительство сумеет парализовать вредные последствия половинчатости предстоящей экономической революции, г. Тихомиров так изображает вероятный ход будущего социального развития России.

«Правительство, ответственное за ход дел в стране, заинтересованное в ее благосостоянии, от которого зависит и его собственная популярность, без сомнения, принуждено будет употреблять меры к повышению производительности труда, а между прочим, и к организации крупного производства... Выгоды и необходимость крупного производства слишком очевидны, а во многих случаях оно даже неизбежно. Это легко понять массе народа. Сверх того (и это в особенности интересно, заметим мы от себя), частная предприимчивость, заторможенная на поприще капиталистического производства, обратится, со всех сторон (какая идиллия, подумаешь!), на раз'яснение народу выгод и удобства общественного производства... Мы не говорим уже о влиянии на народ социалистической интеллигенции... Почему же таким путем не может мало-по-малу создаваться переход общины в ассоциацию, *организация обмена между общинами и союзами общин,* самый союз нескольких общин в целях того или другого производства, пока социалистический строй, развиваясь мало-по-малу, и все более вытесняя частное хозяйство, не охватит, наконец, всех отправлений страны». Затем, «наступление социалистического переворота, если не во всей Европе, то, по крайней мере, в некоторых ее странах... поставит Россию в почти безусловную необходимость организовать свой международный обмен на тех же (т.-е. на социалистических) началах, а стало быть, почти навяжет нам *социалистическую организацию и в сфере внутреннего обмена*» (стр. 258—259). Так «представляется» этот вопрос г. Тихомирову. Прежде чем рассматривать его по существу, мы сделаем два мимоходных замечания.

---

[1]) Прим. ко 2-му изд. Это опять может быть целиком применено к нынешним «социалистам-революционерам».

Наш автор возлагает большие надежды на влияние русской социалистической интеллигенции и западно-европейской рабочей революции. Мы также признаем значение этого влияния, но думаем, что оно не может быть безусловным. Во-первых, откуда взял г. Тихомиров, что после крестьянской революции у нас будет «беспрепятственно нарождаться» не только социалистическая, но и вообще какая-либо «интеллигенция» в нынешнем смысле этого слова? В настоящее время, наша социалистическая, как и всякая другая, интеллигенция происходит, главным образом, из чиновничьей, помещичьей, купеческой и поповской среды, т.-е. из среды высших классов, видящих в образовании средство к карьере. Создавая карьеристов, наши университеты создают, между прочим, и революционеров. Но и карьеристы, и революционеры составляют собою продукт существования бюрократического государства и высших классов. Это до такой степени несомненно, что сознание своего «буржуазного» происхождения и заставляло наших революционеров—с одной стороны, толковать о своем «долге народу», а с другой—систематически противопоставлять себя этому последнему. «Социалистическая интеллигенция» сознает, что она есть не более, как одна из веток, выросших на общем стволе чиновничьего и «классового» государства. Г. Тихомиров хочет подрубить этот ствол и в то же время надеется, что дорогая ему ветка не только не засохнет, но будет нарождаться «беспрепятственно». Это напоминает известный анекдот о малороссе, который, подрубивши поддерживавший его сук, очень удивился своему падению. Или, быть может, г. Тихомиров думает, что после «народной революции» социалистическая интеллигенция будет «беспрепятственно нарождаться» из среды самого крестьянства? Если это так, то мы боимся, что он ошибается.

К чему сводится значение «ожидаемой» им революции? К аграрному перевороту, к экспроприации крупных землевладельцев, к возможности дать крестьянам наделы, втрое большие против нынешних, к уничтожению податного гнета. Полагает ли г. Тихомиров, что такое увеличение наделов убедит крестьян в необходимости высшего образования, что оно заставит: *их самих*—посылать своих детей в университеты, а *их правительство*—поддерживать и учреждать высшие учебные заведения?

Большое количество земли настолько *упростит* положение крестьянства, настолько увеличит значение лишних рабочих рук в его семье, что оно не увидит ни надобности, ни возможности тратить большое количество денег и времени на высшее образование.

Университеты нужны чиновничьему государству, буржуазии, дворянству, наконец нужны будут пролетариату, который без высшего научного образования не управится с поступившими в его распоряжение производительными силами; в царстве же крестьянских общин университеты будут роскошью, мало привлекательною для практичных домохозяев. Но допустим, что крестьянам «легко понять» значение высшего образования. Припомним, кроме того, что после «народной революции» останется и буржуазия, и дворянство; положим, что и та, и другое будут «обессилены» ровно настолько, насколько это нужно для того, чтобы, не вредя народу экономически, они имели возможность посылать своих детей в высшие школы. Почему думает г. Тихомиров, что эти школы будут рассадниками *социалистической* интеллигенции? В Швейцарии мы как-раз видим, с одной стороны, зажиточное крестьянство, с другой — довольно «бессильную», т.-е. мелкую, буржуазию. Много ли социалистов выходит из швейцарских школ, где действительно обучается немало крестьянских детей?

Но ведь «легко понять» швейцарским крестьянам выгоды социалистической организации производства?

Да вот подите—легко, а не понимают! И слышать не хотят о социализме, не помогают и остатки общинного землевладения и знаменитые артельные сыроварни!

Выгоды социалистического общежития так очевидны, что, казалось бы, их «легко понять» всякому. Но только социалисты утопического периода могли не знать, что действительное понимание социализма идет лишь рядом с настоятельною экономическою необходимостью. В крестьянском же государстве такая необходимость может представиться лишь в виде редкой случайности.

Ну, а ныне существующая интеллигенция?—спросит читатель,—разве не может она, переживая народную революцию, посвятить свои силы «на служение народу, на организацию его труда и его общественных отношений»?

Много ли таких «интеллигентов»? Много ли, извините, понимают они сами? Что сделают они против неумолимой логики товарного производства?

Их усилиям поможет западно-европейская революция? О ней-то мы и хотим теперь побеседовать.

Западно-европейская революция будет могущественна, но не всесильна. Чтобы оказать решительное влияние на другие страны, социалистические государства Запада должны будут иметь какие-нибудь про-

водники для такого влияния. «Международный обмен» — могучий, но опять-таки не всесильный проводник. Европейские страны ведут деятельные торговые сношения с Китаем; но едва ли можно быть уверенным, что рабочая революция на Западе в очень скором времени «навяжет» Китаю «социалистическую организацию в сфере внутреннего обмена». Почему? Потому, что «социальная конструкция» Китая очень уже затрудняет решительное влияние на него европейских идей и учреждений. То же можно сказать о Турции, Персии и т. д. А что такое представляет «социальная конструкция» блистательной Порты? Прежде всего—крестьянское государство, в пределах которого сохранилась не только сельская община, но и задруга, по схеме наших народников, гораздо более близкая к социализму. И несмотря на это, несмотря ни на какие «народные» революции в пределах Турецкой империи, невозможно думать, что европейскому пролетариату без труда удастся «навязать» социализм турецким гражданам, хотя бы и славянского происхождения. Здесь опять-таки нужно различать между активной силой обстоятельств, *толкающих народы* к социализму, и отрицательными условиями, *только облегчающими* переход к нему. Об'ективная логика внутренних отношений крестьянских государств вовсе не «навязывает» им «социалистической организации в сфере внутреннего обмена»; навязывание же ее «с чисто внешней стороны» не может увенчаться успехом. Европейская рабочая революция несомненно и очень сильно повлияет на все те страны, в которых хоть некоторые слои граждан будут походить на европейский рабочий класс по своему экономическому положению, по своему политическому воспитанию и по привычкам мысли. Наоборот, ее влияние будет сравнительно слабо там, где таких слоев не окажется. Февральская революция отразилась почти во всех странах, схожих с Францией по своей «социальной конструкции». Но поднятая ею волна разбилась на пороге крестьянской Европы. Смотрите, как бы не повторилось того же и с будущей революцией пролетариата!

«Смысл баски сей таков», что Запад—Западом, а Россия—Россией или, другими словами, на чужой каравай рот не разевай, а пораньше вставай да свой затевай. Как бы ни было могущественно возможное влияние европейской революции, но мы должны позаботиться о создании тех условий, которые сделали бы это влияние действительным. Половинчатая же крестьянско-мещанская революция г. Тихомирова не только не создаст таких условий, но уничтожит даже те из них, которые существуют уже в настоящее время.

В этом случае, как и во всех прочих, «ожидания» г. Тихомирова

полны противоречий. Западное влияние на Россию кажется ему возможным, благодаря «международному обмену». Отсюда следует, что чем сильнее будет этот обмен, тем скорее Запад «навяжет» нам «социалистическую организацию в сфере внутреннего обмена». Но развитие наших международных торговых сношений предполагает развитие у нас торговли, товарного производства. А чем более будет развиваться товарное производство, тем более будет разрушаться то «относительное экономическое равенство», которое явится результатом народной революции, тем более затруднится «социалистическая организация в сфере внутреннего обмена», затруднится, по крайней мере, до поры до времени, т.-е. до тех пор, пока развитие товарного производства не дойдет до своего логического конца. Но в таком случае потеряет всякий смысл совершившаяся «народная революция».

Итак, если после «переворота» мы вернемся к натуральному хозяйству, то у нас будет «относительное равенство», но зато и Запад не в состоянии будет влиять на нас, вследствие слабости международного обмена. Если же у нас будет развиваться товарное производство, то Западу будет трудно влиять на нас, потому что очень сильно расшатается наше «относительное равенство», и Россия превратится в страну мелкой буржуазии. В этом заколдованном кругу суждено вращаться ожиданиям г. Тихомирова от Запада. Вот, что значит быть метафизиком, вот, что значит рассматривать предметы «один после другого и один независимо от другого»!

Mein theurer Freund, ich rath euch drum
Zuerst Collegium logicum.

И эти-то противоречивые надежды на Запад питает тот самый человек, который всю новейшую историю Европы подозревает в «рискованности» и «невероятности»! Поистине, collegium logicum был бы очень полезен для г. Тихомирова!

Покончив с этими замечаниями, перейдем к главному содержанию вышеприведенной выписки.

4. Колебания Л. Тихомирова между бланкизмом и бакунизмом.

В своих проектах социалистической организации России г. Тихомиров является бакунистом чистейшей воды. Правда, он не уничтожает государства, но его государство помогает процессу названной организации «с чисто внешней стороны», оно не *создает* элементов такого процесса, оно «только поддерживает их». Ближайший литературный

предок г. Тихомирова, П. Н. Ткачев, полагал, что, захвативши власть, меньшинство должно «навязать» социализм большинству. Правительство г. Тихомирова «без всякой насильственности» облегчает народу организацию общественного производства, при чем «приходит на помощь *только такому движению», которое «не может не возникать в стране самостоятельно»*. В своих рассуждениях о настоящем г. Тихомиров был верным учеником Ткачева. Его «ожидания» от будущего представляют собою случай идейного атавизма, возврата к теориям более отдаленного духовного предка.

Анархист Артур Арну писал, как мы знаем: уничтожьте государство, и экономические силы придут в равновесие вследствие простого закона статики. Г. Тихомиров говорит: уничтожьте *современное* государство, экспроприируйте крупных собственников, и экономические силы России начнут «самостоятельно» приходить в равновесие. Первый апеллирует к «закону статики», второй—к «народным понятиям и привычкам», т.-е. к тому же «народному идеалу», о котором мы знаем из сочинений М. А. Бакунина. Артур Арну метит в «государство» и не замечает, что его «критика» касается лишь государства современного, буржуазно-централистического. Г. Тихомиров хочет создать государство «народное»—и придумывает новый вид мелко-буржуазного государства, такого государства, которое, не отказываясь окончательно от принципа laissez faire, laissez passer, т.-е., ничего «не создавая», умеет, однако, «поддерживать» самостоятельное «движение истории» нашего отечества к социалистическому строю.

Бакунизм—не система, это ряд противоречий, которые распределяются между г.г. бакунистами и анархистами, сообразно общей совокупности «понятий и привычек» каждого из них.

Наш автор выбрал ту своеобразную разновидность бакунизма, которая выродилась в «программу» П. Н. Ткачева.

Но он не остался до конца верным этой программе. Ему слишком памятны были наставления «первоучителя», он не забыл, что хотя и народ наш «явным образом нуждается в помощи», но в то же время «нужно быть олухом царя небесного», чтобы «пытаться учить народ чему бы то ни было или стараться дать его жизни новое направление». И вот он решился придумать такое революционное правительство, которое помогло бы народу «с чисто внешней стороны», которое, не стремясь «ни приневоливать народную массу, ни учить ее», направило бы, тем не менее, ее дело к благополучному окончанию.

Мы спрашивали г. Тихомирова,—чем отличается социально-полити-

ческая философия его статьи от философии «Открытого письма к Фр. Энгельсу»? Теперь нам самим нетрудно будет ответить на этот вопрос. Она отличается бледностью и робостью мысли, стремлением согласить несогласимое. Что же сказать о бледной копии, если самый оригинал мог, по словам Энгельса, увлекать только «зеленых гимназистов»?

М. А. Бакунин проповедывал непримиримую ненависть ко всякому государству и советовал нашим революционерам не захватывать власти, ибо всякая власть—от дьявола. П. Н. Ткачев находил, что им нужно захватить власть и надолго удержать ее в своих руках. Г. Тихомиров выбрал золотую середину. Он думает, что захват власти «легко может оказаться полезным и необходимым», но он полагает, в то же время, что революционерам следует не *удерживать* власть на неопределенное время, а только *подержать* ее, пока не начнется народная революция.

Из этого неудобного положения между двумя стульями может быть только два выхода. Наш автор может сесть или на бакунинский, или на ткачевский стул; он может сделаться анархистом, может стать рецительным последователем (а не тайным только учеником) П. Н. Ткачева. Но едва ли удастся ему вдохнуть в «народовольскую программу» действительно новое содержание, едва ли удастся ему доказать, что та или другая новая идея нашла «признание только с появлением народовольства». Никогда еще бессодержательный эклектизм не рождал новых могучих теорий, никогда еще робкое нерешительное колебание между двумя старыми «программами» не открывало новой эпохи в истории революционных идей той или другой страны!

Итак, г. Тихомиров будет последователем Ткачева в «первый день революции» и превратится в бакуниста немедленно по истечении ее медового месяца.

Но что же такое бакунизм в его применении к «lendemain de la révolution»? Повторяем, бакунизм—не система. Это смешение социалистических теорий «латинских стран» с русскими крестьянскими «идеалами», народного банка Прудона—с сельской общиной, Фурье—со Стенькой Разиным.

Такая именно смесь характеризует собою тот «род процесса обобществления труда», который рекомендует нашему отечеству г. Тихомиров, и которого не только «нигде и никогда не бывало», но «нигде и никогда» не может быть.

Об этом «процессе» можно без преувеличения сказать словами Фамусова:

Тут все есть, если нет обмана!

Тут есть и община, есть и «переход общины в ассоциацию», есть и «организация *обмена* между общинами и союзами общин», есть даже, кроме всего этого, «самый союз *нескольких* общин в целях *того* или *другого производства*»; словом, сюда целиком вошла пресловутая бакунинско-анархическая «организация производителей снизу вверх». Если читатель имеет понятие об этой «организации», то он не нуждается в дальнейших доказательствах тихомировского бакунизма. Если же ему не случилось ознакомиться с анархическими теориями (что, конечно, не составляет особенной потери), то мы рекомендуем ему прочитать небольшую брошюру известного когда-то Гильома—«Idées sur l'organisation sociale». Ознакомившись с предлагаемым в этой брошюрке «процессом обобществления труда», он увидит, что революционные теории русских самобытников находятся в очень близком родстве с теориями европейских анархистов.

Русскому интеллигентному человеку трудно уйти от влияния «Запада». Об'являя «неприменимыми» к своей стране наиболее передовые теории Европы, русский общественный деятель не спасает этим своей самобытности, а только переносит свои симпатии с серьезного образца на карикатуру. Г. В. В. оказывается родным братом императорско-королевских «штатс-социалистов», г. Тихомиров—поставленным на голову анархистом.

Но такое неудобное положение нашего автора мало благоприятствует последовательности его мысли. Вот почему он и не доходит до тех выводов, до которых доходил когда-то М. А. Бакунин. Даже самые смелые порывы «революционной фантазии» г. Тихомирова не простираются до уничтожения *выгод предпринимателя*. При организации «общественного» производства, «предприниматель, как инициатор и способный распорядитель (от такой мотивировки не отказался бы и сам Бастиа), приобретает все-таки некоторые выгоды, меньшие, конечно, чем в настоящее время, но единственно ему доступные в то время» [1]). Эта часть проекта «социалистической организации России» как-то невольно напоминает, с одной стороны, ревнивое отношение мелко-буржуазного социалиста к большим «выгодам» крупного предпринимателя, а с другой—рекомендованное Фурье распределение дохода между трудом, капиталом и талантом. Не даром мы говорили, что некоторые разновидности «русского социализма» представляют собою не более, как смесь Фурье со Стенькой Разиным.

---

[1]) «В. Н. В.», № 2, ст. «Чего нам ждать» и т. д., стр. 258.

Однако, во всем этом нет, по крайней мере, обмана, подумает читатель.

Обмана действительно нет, но есть *самообман*. Нет даже самомалейших дурных намерений, но есть огромная доля наивности. И заключается она ни в чем ином, как в толках о «*социалистической* организации *обмена*». Для всякого понимающего дело, эта последняя есть абсурд, «сапоги в смятку». Только мелко-буржуазные последователи мелко-буржуазного Прудона могли принимать эту нелепость за нечто возможное и желательное. Но зато о Прудоне и говорили, что он столько же понимает в диалектике, сколько дровосек в ботанике. Созданный пролетариатом общественный строй не может иметь ничего общего с *обменом*, он будет знать только распределение продуктов по *потребностям* трудящихся. Некоторые непоследовательные коммунисты находят более удобным распределение, соответствующее участию работника в производстве. Нетрудно было бы обнаружить слабые стороны такого требования [1]). Тем не менее даже пред'являющие его люди понимали и понимают невозможность «обмена» в социалистическом государстве.

Кто говорит обмен—говорит товар; кто оставляет товар—тот предполагает все свойственные товару противоречия. И опять-таки только анархисты могли думать, со слов Прудона, что существует философский камень, дающий возможность устранить из «социалистического обмена» все, заключающиеся в обыкновенном обмене, «буржуазные» противоречия.

Такого камня нет и быть не может, потому что обмен есть коренное неот'емлемое свойство буржуазного производства, а буржуазное производство есть необходимое следствие *обмена*. Карл Маркс еще в конце пятидесятых годов прекрасно выяснил эту сторону дела и тем оставил далеко назади современного движения науки мелко-буржуазные теории анархистов и бакунистов всех цветов и оттенков. Нужно не знать азбуки революционного социализма, чтобы основывать свои ожидания «от революции» на социалистической организации обмена.

В другом месте нам уже приходилось говорить об этом вопросе [2]),

---

[1]) Прим. ко 2-му изданию. Разумеется, это требование несостоятельно лишь, как идеал, а как переходная мера оно может оказаться вполне уместным.

[2]) Прим. ко 2-му изд. Я имел здесь в виду свое изложение и критику экономического учения Родбертуса.

но он так интересен, что не мешает еще раз повторить сказанное. Для наибольшей удобопонятности, мы оставим на этот раз отвлеченные формулы науки и ограничимся простыми, наглядными примерами.

Социалистический обмен есть обмен без денег, непосредственный обмен продуктов один на другой, сообразно количеству труда, затраченного на их производство. В таком виде вышла идея этого обмена из головы Прудона, который, впрочем, лишь повторял в этом случае гораздо ранее его сделанную ошибку.

Вообразим теперь, что «на другой день после революции», нашим бакунистам удалось убедить в выгодах социалистической организации обмена уже знакомую нам Торховскую общину Тульской губ. Общинники решились «положить начало» такой организации и опубликовали свое решение в каких-нибудь «Народных Ведомостях». На их призыв откликнулись архангельские рыболовы, новгородские гвоздари, кимрские сапожники, тульские самоварщики и московские портные, все—артельные, «мирские» люди. Они также прониклись новыми принципами обмена, под влиянием «беспрепятственно нарождающихся» бакунистов. Сказано—сделано, «договор» заключен, и нужно только привести его в действие. По уборке хлебов, наши крестьяне прудонисты приступают к обмену. Они посылают несколько четвертей хлеба в Архангельск и получают оттуда рыбу; отправляют несколько возов картофеля в Кимры и вывозят оттуда сапоги. Портным они предлагают пшено, гвоздарям—крупу и прочее. Каждый из этих продуктов посылается не на удачу, а в силу предварительного условия. Далеконько и хлопотно будет возить все эти предметы, их, наверное, можно было бы выгоднее сбыть на соседнем рынке, но наши «мужички»—люди идейные и готовы стоять за новый принцип обмена, хотя бы он и обошелся, что называется, «себе дороже». Итак, обмен совершен, и у наших общинников есть гвозди, рыба, сапоги, самовары и готовое платье. Но дело в том, что этими продуктами удовлетворяются далеко не все потребности крестьянина. Ему нужно еще множество других предметов потребления, нужны земледельческие орудия, удобрение, скот и проч. Производители всех этих вещей не хотят вступать в социалистический обмен, потому ли, что читали Маркса и смеются над экономическими «открытиями» Прудона, или потому, что не дорасли еще и до прудоновской премудрости и остаются обыкновенными товаропроизводителями. Ведь и сам г. Тихомиров предполагает, что рекомендуемый им «социалистический» строй будет развиваться лишь «мало-по-малу». Что же остается, в таком случае, делать нашим торховским прудонистам? Каким образом могут они удо-

влетворить те многочисленные потребности, которые не удовлетворяются с помощью «социалистического» обмена? У них один только выход: им остается *покупать* недостающие предметы. В таком же положении окажутся портные, которые не могут, конечно, жить одним пшеном, гвоздари, не могущие просуществовать одной крупою. Словом, рядом с «справедливым», социалистическим обменом будет существовать старый, так сказать, языческий обмен на деньги. К этим «проклятым деньгам» (maudit argent) придется прибегать даже в сделках между прозелитами прудонизма. Если кимрским сапожникам нужен картофель лишь в количестве, воплощающем в себе *x* дней труда, между тем как торговцам требуется столько пар сапог, сколько можно приготовить в течение вдвое большего числа дней, то разность должна быть покрыта деньгами, буде кимряки не пожелают ни овса, ни сена, ни соломы, ни каких-либо других земледельческих продуктов. А это легко может случиться, если оправдается предсказание г. Пругавина, и кимрские сапожники опять обратятся к земледелию, с «улучшением его условий». Что же выйдет? Организуясь лишь «мало-по-малу», производители-прудонисты будут иметь против себя огромную массу производителей старой экономической «веры», и ничтожный «прогресс», достигнутый с помощью «социалистической организации обмена», будет всегда с огромным избытком перевешиваться тем регрессом в «относительном равенстве», который составляет неизбежное следствие товарного производства и обыкновенного, «буржуазного» обмена. Порок будет пересиливать добродетель, буржуазные отношения станут брать верх над прудоновским социализмом. Окруженные мелко-буржуазным большинством, сами прудонисты станут «развращаться», тем более, что их собственное богатство будет в значительной степени состоять из денег старой «эксплоататорской» породы. Искусившись наживой, кимряки могут послать торговцам сапоги на картонной подошве, за что торговцы не преминут отплатить им полусгнившей «картошкой». «Враг—силен» вообще, а в данном случае сила его будет опираться на непреодолимую логику товарного производства, господствующего даже в среде вступивших в «социалистический обмен» общин. С трудом созданные союзы будут распадаться, прудонисты превратятся в обыкновенных мелко-буржуазных производителей, и воспитанной на бакунизме интеллигенции нужно будет снова и снова приниматься за свою неблагодарную работу пропаганды новых экономических принципов. Сказка про белого бычка, сизифова работа! И эту-то сизифову работу г. Тихомиров задает русским социалистам единственно для того, чтобы как можно более при-

близить царство социализма, чтобы не итти к нему медленным и трудным путем капитализма. Вот что значит поспешишь—людей насмешишь.

По вопросу о «социалистической организации в сфере внутреннего обмена» нужно,—как и в «вопросе о международной торговле,—иметь в виду одно из двух: или народная революция вернет нас к натуральному хозяйству, и тогда у нас «социалистический обмен» будет медленно развиваться, потому будет очень слаб обмен вообще; или она сохранит и ныне уже существующую тенденцию к все бо́льшему и бо́льшему разделению труда, к полному отделению хлебопашества от промышленности,—и тогда социалистическая организация обмена будет представлять собою крайне трудную задачу, вследствие большой сложности производительного механизма страны. А между тем, медленное развитие социалистической организации обмена лишает ее даже того смысла, который видят в ней ее сторонники. Чтобы уединить от разлагающего влияния денежного хозяйства *одну только сельскую общину,* нужно, чтобы ей удалось организовать социалистический обмен *со всеми* теми *производителями,* продукты которых соответствуют различным ее потребностям. В противном случае, ее уродливый денежно-социалистический организм задохнется в собственном противоречии. Но одна община не в состоянии снабдить земледельческими продуктами *всех* производителей *всех* нужных ей предметов потребления. Этим производителям придется или покупать часть необходимого им сырья и, в свою очередь, вести уродливое денежно-безденежное хозяйство,—что посадит на мель их социалистические планы; или дожидаться того блаженного времени, когда число прудонистских сельских общин возрастет до необходимого и достаточного уровня. С наступлением этого блаженного момента получится возможность организовать первую минимальную производительно-меновую ячейку. Но что значит одна такая ячейка в громадном экономическом организме русского государства? Она сама будет задыхаться в окружающей ее атмосфере конкуренции. Она будет изображать собою каплю меда в бочке дегтя. Рядом с ней и против нее будут действовать все производители-язычники; ей будут на каждом шагу подставлять ногу «дворянство и буржуазия», хотя и «обессиленные», но все-таки не уничтоженные «народной» революцией. Как вы думаете, читатель, скоро ли, при таких условиях, «социалистический строй охватит, наконец, все отправления страны»? Мы думаем, что, по крайней мере, очень и очень не скоро. А ведь—повторяем—г. Тихомиров указывает «такого рода процесс обобществления труда» исключительно в видах быстроты и натиска на историю. Путь, избранный социал-демо-

кратией всех цивилизованных стран, кажется ему слишком «умеренным и аккуратным». Наш автор пошел «напрямик» и завяз в трясине мелкобуржуазных реформ, чуждых какой бы то ни было последовательности, оригинальности или смелости.

Но не будем уклоняться. Предположим, что дело социалистической организации обмена идет быстро и успешно. Посмотрим, к чему приведет практическое применение его принципов.

Торховская сельская община вступила в союз с ассоциацией кимрских сапожников. Обмен их продуктов совершается на началах «конституированной стоимости», мерилом которой служит труд и один только труд. Прудон торжествует. Но практичные и «исправные» торховские «домохозяева» поднимают вопрос о том, какого рода труд должен служить мерою стоимости? Более идеально настроенные кимряки (сапожники всегда немножко философы) не затрудняются ответом. Они говорят, что мерою стоимости должен служить труд вообще, абстрактный человеческий труд. Однако «свободные хлебопашцы» не унимаются. Они говорят, что не знают такого труда, и что хотя «по ученому» он, быть может, и существует, но они имеют дело с конкретным, определенным сапожным трудом Петра, Ивана, Федора или целой ассоциацией Петров, Иванов, Федоров. Их обуревают «буржуазные» сомнения, и они полагают, что давать тем больше хлеба кимрякам, чем дольше они провозятся с сапогами—значит учреждать премию за неумелость, медленность и неповоротливость. Доведенные до отчаяния мужицкою недогадливостью, сапожники оставляют Прудона и апеллируют, как им кажется, к самому Марксу. Они говорят, что мерою стоимости их продуктов должен служить «общественно-необходимый труд», тот средний труд, который необходим на производство сапог, при данном развитии техники. Но и этот аргумент не побеждает упорства торховцев. Им непонятно, каким образом можно определить, сколько именно такого общественно-необходимого труда заключается в труде пристающих к ним сапожников. Тогда эти последние ищут спасения в Родбертусе и с торжеством приносят его брошюру «Der Normalarbeitstag», а также и переписку его с архитектором Петерсом из Шверина. Померанский экономист доказывает, что всегда есть возможность определить, сколько именно может и должен сделать средний работник в данной отрасли производства. Эта-то средняя производительность труда и должна считаться трудом общественно-необходимым. Кто может превзойти эту норму—получает больше, кто не достигает ее—получает меньше; вопрос исчерпывается, повидимому, окончательно.—Постойте.

однако, восклицают поколебавшиеся-было торговцы. Допустим, что есть возможность определить среднюю производительность и вашего, и нашего труда. Будем надеяться, что за это дело возьмется государство, «способствующее» социалистической организации обмена. Положим, что на пару сапог нужно два дня труда. Но рядом с вашей ассоциацией существует огромное количество других сапожников. Эти производят на сбыт, да и вы, отославши нам 30 пар сапог в год, вывозите целые тысячи их на рынок. Вообразите, что предложение сапог превышает спрос на них. Тогда понизится их меновая стоимость, потому что каждая пара сапог будет представлять собою лишь полтора или три четверти дня общественно-необходимого труда. Думаете ли вы, что мы будем давать вам прежнее количество хлеба? Это для нас очень невыгодно, а вы знаете, что своя рубашка ближе к телу. Если, наоборот, сапог будет приготовлено слишком мало, то *вам* не будет расчета отдавать их нам по прежней «справедливой», социалистической цене. Вообще, нам кажется, что в основе справедливости лежит утилитарный принцип, и что не может быть признана «справедливою» сделка, приносящая убыток одной из сторон. При современных же колебаниях товарных цен, нет никакой возможности уравновесить наши взаимные интересы, так как только посредством этих колебаний и определяется отношение индивидуального труда отдельных производителей—или совокупного труда целой ассоциации производителей—*к труду общественно-необходимому*. Поэтому, до тех пор, пока товарный рынок будет диктовать нам условия нашего социалистического обмена, весь наш «договор» будет праздным переливанием из пустого в порожнее. Польза от него будет так же велика, как если бы мы согласились писать свои счеты римскими цифрами вместо арабских. Вы, сапожники, давно уже известны не только пьянством, но и большою склонностью к фантазиям; мы же—мужички умственные, и на вздор тратить времени не намерены.

— Но ведь неудобства социалистического обмена будут существовать лишь до тех пор, пока к нему не согласятся приступить все производители,—ответят сапожники.—Раз наступит такой момент, ничто не помешает социалистическому обмену охватить всех отправлений страны.

— Ну, это еще улита едет, когда-то будет,—возражают хлебопашцы.—Если все согласятся на это, что ж, и мы от мира не отказчики. А до тех пор нам неспособно.

Исполнение «договора» отсрочивается, таким образом, на неопределенное время, в течение которого товарное производство идет своим чередом и подкапывает «относительное равенство».

Из всего этого следует, что время «социалистической организации в сфере внутреннего обмена» наступит лишь тогда, когда будет возможность устранить все указанные его противоречия. А это возможно будет лишь в том случае, *когда труд каждого отдельного лица примет общественный характер.* А это лишь будет тогда, когда весь общественный производительный механизм будет представлять собою одно планомерное целое. Но тогда «организация обмена» окажется пятым колесом в телеге, потому что всякий обмен имеет смысл лишь до тех пор, пока производительный механизм общества состоит из отдельных, не связанных органически, частей, т.-е. когда труд производителя имеет не общественный, а индивидуальный характер. Ни родовая, ни семейная община не знали «внутреннего обмена» и не нуждались в его организации по той простой причине, что в основании их лежало *организованное производство.* Если они нуждались в чем-нибудь, то разве лишь в тех или других *нормах распределения;* но, при современном развитии производительных сил, и эти нормы могут быть приурочены к одному принципу—человеческим потребностям. Прогулявшись по пути «социалистической организации обмена», мы опять возвращаемся к своему исходному пункту. Мы опять приходим к вопросу о том, каким образом явится в России *социалистическая организация производства?* Мы видели, что его не станет заводить ни временное, ни постоянное народное правительство; мы видели также, что к нему не ведет ни общинное владение землею, ни общинная обработка полей. Теперь мы убедились, кроме того что к нему не ведет и «социалистическая организация в сфере внутреннего обмена». А ведь г. Тихомиров пророчил нам «начало социалистической организации России»; в этом заключался весь смысл его «народовольской» революции. Каким же образом осуществится его пророчество?

Нужно верить,—восклицает г. Тихомиров,—верить «в народ, в свои собственные силы, в революцию».

«Верую, Господи, помози моему неверию!» Мы знаем, что вера—прекрасная вещь, что «верою движется мореплаватель, когда, вручив судьбу свою утлому древу, непостоянное стремление волн предпочитает твердейшей стихии, земле». Но тот же самый боговдохновенный отец, который делает эту апологию веры, мог бы рассказать, в какое неустойчивое равновесие попадает вера, приходя в противоречие с разумом. Тихомировская же «вера» сильно страдает этим роковым противоречием. Он верит в *свою,* полубакунистскую, полуткачевскую, революцию лишь потому, что его разум вполне удовлетворяется ткачевско-бакунистской

философией. Но едва только возрастет требовательность его разума— от *этой* его веры не останется и следа. Он поймет тогда, что он жестоко заблуждался, считая позволительным толковать об экономической революции без малейшего знакомства с азбукой экономической науки, т.-е. с понятием о деньгах, товаре и обмене.

Впрочем, по этому последнему поводу мы не станем особенно упрекать нашего автора. Мы скажем: вера его спасла его. Он ошибался лишь потому, что «верил» в Ткачева и Бакунина; виноват не он, а «соблазнившие» его.

Нам важен общий вывод из всего предыдущего, вывод, который может быть формулирован так: *все тихомировские ожидания «от революции» представляют собою одно сплошное недоразумение и возврат передовой русской мысли на избитую дорогу бакунизма.* Но «что было, то быльем поросло, а что будет, то будет не по-старому, а по-новому», как говорит народная песня. Дискредитированный в семидесятых годах, бакунизм не оживет в восьмидесятых. Воскресить его не удастся «витиям» и более «громким», чем г. Тихомиров.

Те из читателей, которым покажется убедительным этот вывод, могут сделать нам новое и последнее возражение. Они могут сказать нам, что вся наша аргументация основывается на том предположении, что г. Тихомиров только *подержит* власть в своих руках, а не *удержит* ее на более долгое время. Что будет, если революционеры последуют указаниям Ткачева, а не Тихомирова, если оправдается мнение П. Л. Лаврова, который уже десять лет тому назад говорил, что «диктатуру вырывает из рук диктаторов только новая революция»?

5. Вероятные последствия захвата власти социалистами.

Что будет тогда? О, тогда произойдет позорнейшее фиаско русской социалистической партии! Она вынуждена будет взяться за дело такой «организации», для которой у нее не хватит ни сил, ни понимания. Все соединится для того, чтобы нанести ей поражение: собственная неподготовленность, вражда высших сословий и сельской буржуазии, равнодушие народа к ее *организаторским* планам, общая неразвитость наших экономических отношений. Русская социалистическая партия даст лишь новый исторический пример для подтверждения мысли, высказанной Энгельсом по поводу крестьянской войны в Германии. «Самым худшим из всего, что может предстоять вождю крайней партии, является вынужденная необходимость овладеть властью в то время, когда движение

еще не достаточно созрело для господства представляемого им класса и для проведения мер, обеспечивающих это господство. *Возможное* для такого вождя зависит не от его воли, а от уровня, достигнутого противоположностью интересов различных классов, уровня, в свою очередь, зависящего от степени развития материальных условий существования, отношений производства и обмена. С другой стороны, то, что такой вождь *должен* делать, то, чего требует от него его собственная партия, также зависит не от него, но в то же время и не от степени развития классовой борьбы и не от ее условий; он остается связанным своими прежними доктринами и требованиями, которые также вытекают не из взаимного положения общественных классов в *данный момент,* не от *временных*, более или менее случайных отношений производства и обмена,—но обусловливаются способностью этого вождя к пониманию общих результатов социального и политического движения. Таким образом, перед ним неизбежно вырастет неразрешимая дилемма: что он *может* сделать — противоречит всем его предыдущим поступкам, его принципам и непосредственным интересам его партии; что он *должен* был бы делать—оказывается неисполнимым. Словом, он будет вынужден отстаивать не свою собственную партию, не свой собственный класс, а тот класс, для господства которого уже созрело движение. Он должен будет в интересах именно этого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделываться от своего собственного класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными интересами. Кто раз попал в это ложное положение—тот пропал безвозвратно».

Отсюда следует, что очень заблуждается г. Тихомиров, воображающий, что захват власти революционерами послужил бы «исходным пунктом революции». Совершенно наоборот: такой «захват» послужил бы лишь сигналом реакции. Он не упрочил бы влияния передовых сил страны, но, истощивши их первой, бесплодной попыткой, он обеспечил бы торжество консервативных и реакционных партий. Русская революция не только отклонилась бы от дорогого и единственно понятного нашим якобинцам образца французской революции, но представляла бы, своим ходом, прямую противоположность этой последней. Между тем, как, до известного времени, каждая новая волна французской революции выносила на историческую арену новую, более крайнюю партию—наши доморощенные якобинцы свели бы к нулю соответствующий период русской революции. Разбитые и дискредитированные, они удалились бы со сцены под градом вражеских обвинений и насме-

шек, а оставшиеся без руководителей, нестройные и несплоченные массы народа не смогли бы одолеть систематического сопротивления своих неприятелей. Народные восстания, в самом лучшем случае, окончились бы лишь низвержением остатков старого режима, не принеся трудящемуся классу тех реформ, которые касаются его интересов прямым и непосредственным образом.

По замечанию Маркса, великие события дважды повторяются в истории: в первый раз они являются трагедией, во второй—фарсом. История французских якобинцев представляет собою величественную, полную жгучего интереса, трагедию. История же заговорщицких планов новейших бланкистов (русских и иностранных), *несмотря на героизм* отдельных личностей, остается фарсом, трагикомизм которого заключается в полной неспособности действующих лиц понять смысл и характер предстоящей рабочей революции.

ГЛАВА V

Истинные задачи социалистов в России.

1. Социал-демократы и «зуботычины».

Итак, «русский социализм, как он выразился в партии Народной Воли», до тех пор останется чуждым великим задачам европейского социализма, пока он не покинет безвозвратно своего промежуточного положения между анархизмом Бакунина и бланкизмом Ткачева, т.-е. пока он не признает бесплодности теоретических построений г. Тихомирова.

Но так как эти построения представляют собою последнюю, отчаянную попытку оживить наши революционные теории доброго старого времени, то, возвысившись до такого признания, наш социализм перестанет быть «*русским*» и сольется со всемирным социализмом, «как он выразился» в сочинениях Маркса, Энгельса и отчасти Лассаля.

Его сторонники поймут тогда, что:

1) *Коммунистическая* революция рабочего класса никоим образом не может вырасти из того мещанско-крестьянского социализма, проповедниками которого являются в настоящее время почти все наши революционеры.

2) По внутреннему характеру своей организации, сельская община

прежде всего стремится уступить место буржуазным, а не коммунистическим формам общежития.

3) При переходе к этим последним, ей предстоит не *активная*, а *пассивная* роль; она не в состоянии *двинуть* Россию на путь коммунизма; она может только *менее сопротивляться* такому движению, чем мелкое подворное землевладение.

4) Инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс наших промышленных центров,—класс,

5) Освобождение которого может быть достигнуто только путем его собственных сознательных усилий.

Раз понявши эти простые истины, русские социалисты «из привилегированной среды» оставят помыслы о захвате власти, предоставляя его нашей рабочей социалистической партии будущего. Их усилия направятся тогда лишь *к созданию такой партии и к устранению всех условий, неблагоприятных для ее роста и развития.*

Само собою понятно, что такого рода деятельность не может иметь ничего общего с тем об'единением рабочего класса посредством «обезземеления, штрафов и зуботычин», о котором говорит т. Тихомиров, как об исходе, единственно возможном в настоящее время для русских социал-демократов. Одной этой выдумки было бы достаточно для увековечения литературного имени нашего автора, если бы она, подобно всем прочим его выводам, не отличалась полным отсутствием оригинальности. Наш автор и в этом случае повторил лишь то, что давно уже говорилось и печаталось нашими легальными и нелегальными народниками. Даже беллетристы «мужиковствующего» направления отводили марксистам в своих произведениях роль каких-то приспешников капитализма. Года два тому назад г. Эртель поместил в «Вестнике Европы» повесть «Волконская барышня». В этом забавном произведении фигурируют и либеральный землевладелец, и просвещенный буржуа, и народник—занимающийся отчасти собиранием песен, а отчасти амурами с героиней повести,—и, наконец, марксист, посвятивший свои силы на усовершенствование земледельческой культуры в имении либерала-помещика. Эртелевский марксист не любит, правда, «штрафов и зуботычин», но он приходит в восторг при одной мысли о приобретении помещиком какой-нибудь новой машины, не говорим уже завода или фабрики. Он так проникся интересами капитализма, что немедленно заключает тесный и братский союз с упомянутым уже просвещенным буржуа, как только последний приезжает в гости к его патрону. Такая «программа», действительно, не заключает в себе ничего привле-

кательного, но в этом не виноват ни марксизм вообще, ни упомянутый марксист в частности. Этот последний мог придумать лишь такую программу, какой угодно было наградить его г. Эртелю. Давно уже замечено, что яблоко не далеко падает от яблони, и что герои беллетристических произведений не бывают догадливее их авторов. В подтверждение этой старой истины можно было бы привести то новое доказательство, что сам эртелевский народник говорит целый ряд ни с чем не сообразных вещей, например, в разговоре с марксистом, которого он уверяет, что теперь Марксу «пришел карачун», вследствие появления каких-то новых статей в каких-то русских журналах (уж не статей ли г. В. В. в «Отеч. Записках»?). Если читатель примет в соображение эту истину, то, снимая вину с «марксиста», он тем более снисходительно должен будет отнестись к самому марксизму, преступление которого заключается лишь в том, что его не в силах были понять и оценить русские самобытники.

При сколько-нибудь внимательном отношении к вопросу, очевидно, что социал-демократы не только никогда и нигде не могут быть союзниками буржуазии в деле порабощения рабочих, но, наоборот, только они и могут организовать серьезный отпор капиталистической эксплоатации. Для наглядности опять обратимся к практическому примеру. Припомним современное положение ткачей-кустарников и посмотрим, как могут и должны отнестись к ним различные социалистические фракции.

Об анархистах говорить много нечего. Они рекомендовали бы кустарям «пропаганду действием», посоветовали бы им взорвать тот или другой трактир, изувечить того или другого фабриканта. Никакого систематического образа действий не может указать программа, главной особенностью которой является отрицание всякой логической последовательности, всякой системы. Для нас интереснее бланкисты. На родине Бланки, во Франции, последователи этого замечательного человека представляют собою людей систематического образа действий лишь постольку, поскольку программа их утрачивает свои отличительные свойства и сливается с программой «рабочей партии», как это мы видим в выборной агитации, в пропаганде классовой борьбы и т. д., и т. д. В тех же случаях, когда бланкисты сохраняют во всей неприкосновенности свой «особый отпечаток», их образ действий теряет всякую руководящую нить и сводится к формуле—«шумим, братец, шумим!». Сегодня они агитируют в пользу поднесения почетного револьвера Березовскому, завтра требуют уничтожения постоянной армии, послезавтра горячатся по поводу «Искупительной Капеллы» и т. п. Такого рода

«шумная» деятельность, разумеется, невозможна для русских последователей Бланки, т.-е. для явных или тайных сторонников «Набата». В России агитационная деятельность бланкистов по необходимости сводится, главнейшим образом, к «террору»; организационная—к созданию тайных обществ заговорщиков. Спрашивается, какую роль может играть при этом кустарь, как таковой, т.-е. не затерявшийся среди интеллигенции, а остающийся при своем ремесле и при всех тех отношениях к капиталу, которые навязаны ему историей? В террористической борьбе могут принимать участие только отдельные личности. Приглашать же кустарей к сплочению в одну рабочую партию теперь несвоевременно, так как «рабочий», способный к классовой диктатуре, почти не существует, стало быть, политической власти ему «не доставишь» и т. д. Ткачам остается уповать на будущее и поддерживать революционную партию в ее стремлении к захвату власти, в той надежде, что результатом такого захвата будет «начало социалистической организации России»:

Вот приедет барин.
Барин нас рассудит!

Но «барин» может опоздать своим приездом, он может совсем не приехать, может подвергнуться изгнанию тотчас по приезде, не успевши положить знаменитое «начало». Какую же практическую, непосредственную пользу принесет кустарям революционное движение? Уяснит ли оно им их собственное положение, научит ли оно их дружному, организованному отстаиванию своих интересов?

Нет, не научит! А если и научит, то лишь случайно и мимоходом, так как главные усилия бланкистов направляются вовсе не в сторону социалистической пропаганды между рабочими. Мы уже видели, что тихомировская революция надеется собрать народные силы вокруг таких «пунктов», для уяснения которых «не нужно никакой особенной пропаганды». А между тем, для серьезной и действительно успешной борьбы кустарей с их эксплоататорами, необходима именно «особенная пропаганда». Отсюда следует, что при всем своем желании «брать народ, как он есть», русские бланкисты не могут не игнорировать целого ряда его практических нужд и потребностей.

В какое положение станет к кустарям русский социал-демократ, так часто и так настойчиво обвиняемый в фантазерстве и непрактичности? Зная, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, и что степень капиталистической эксплоатации определяется, между прочим, уровнем потребностей и развития эксплоатируемых, он

постарается побудить рабочих к самостоятельной борьбе против капитала. Так как разрозненные усилия рабочих отдельных фабрик и мастерских не могут обеспечить удачного исхода такой борьбы, то ему нужно будет сообщить ей классовый характер. Для этого ему придется энергично и настойчиво вести «ту особенную пропаганду», которая называется пропагандой социализма. Но мы знаем уже, что всякая классовая борьба есть борьба политическая. Поэтому пропаганда нашего социал-демократа должна будет немедленно принять *социально-политический* характер. Он скажет рабочим: «возвышение уровня вашего материального благосостояния возможно лишь при решительном вмешательстве со стороны государства. Одним из вас, именно тем, которые почти окончательно стали уже фабричными рабочими, оно может и должно помочь, прежде всего, путем законодательного ограждения интересов взрослых работников, женщин и детей; те же из вас, мелкое самостоятельное производство которых еще борется против капитализма, могут упрочить свое положение лишь посредством кредита, выдаваемого государством рабочим ассоциациям. Но не всякое государство возьмет на себя роль вашего союзника. Государство будет всецело на вашей стороне лишь тогда, когда оно всецело будет вашим, рабочим государством. К этой цели и должны быть направлены все ваши усилия. А пока эта цель не достигнута, вы должны *заставлять* делать вам уступки даже враждебное вам государство. Не забывайте при том, что уступки эти будут тем решительнее, чем решительнее вы будете их требовать, чем сильнее будет ваша партия. Создавайте же такую партию, сплачивайтесь в одну грозную и дисциплинированную силу. Когда вам удастся одержать окончательную победу, тогда вы совсем сбросите иго капитала, а до той поры вы будете держать его хоть в какой-нибудь узде и предохраните, по крайней мере, себя и своих детей от физического, нравственного и умственного вырождения. У вас есть только два выхода из вашего современного положения: или борьба, или полное подчинение капиталу. Я зову с собою тех, которые хотят бороться!»

Как вы думаете, читатель, не будет ли такого рода деятельность наиболее практичною из всех возможных? Вы скажете, что успехи ее будут слишком медленны и неверны. Допустим, что так; но другие роды деятельности сулят еще менее верные успехи. Ни анархическая «пропаганда действием», ни бланкистские заговоры — ни на шаг не подвинут классовой борьбы в России, а от хода этой борьбы только и зависит эмансипация рабочих.

Социал-демократ, конечно, сделает лишь то, что *может;* но пре-

имущество его положения заключается в том, что *он может сделать для рабочего класса гораздо больше,* чем всякий другой «социалист-революционер». Он внесет в рабочий класс *сознание,* без которого невозможно начало серьезной борьбы с капиталом. А раз внеся это сознание, он придаст революционному движению такую силу, прочность и интенсивность, о каких невозможно и мечтать, оставаясь при старых «программах».

И заметьте, что нашему социал-демократу вовсе не нужно «хлопотать (характерное для русского человека выражение!) о создании класса, во имя которого он хочет действовать». Только при полном незнании экономических отношений современной России можно быть в неведении относительно того бесспорного обстоятельства, что класс этот частью создан, частью все скорее и скорее *создается* неумолимым ходом общественного развития. Только при полном непонимании исторической роли всенивеллирующего капитала — можно сравнивать положение нашего рабочего класса с более или менее исключительным положением нашего «дворянства». Французским англоманам конца прошлого и начала нынешнего столетия не удалось пересадить на свою почву аристократических учреждений Англии; но французская рабочая партия может, ни мало не впадая в утопию, держаться той же самой программы, что и английская демократическая федерация. Откуда такое различие? Это секрет, который, впрочем, без труда откроет сам г. Тихомиров, если он внимательно прочтет хотя бы «Манифест Коммунистической партии». Рекомендуя ему это замечательное произведение, мы, с своей стороны, скажем еще несколько слов о задачах социалистов того «направления, которое считает историческою неизбежностью русский капитализм», и к которому принадлежим мы сами.

Наиболее обыкновенным доводом против этого направления, — доводом, если не «от разума», то *от сердца,*—является указание на невозможность быстрого развития революционного движения в России, в том случае, если шансы его будут приурочены лишь к силе и росту русского рабочего класса. Это-то соображение и возбуждает—с одной стороны, склонность к самобытным программам, а с другой—уже упомянутое опасение того, что самим революционерам придется, пожалуй, определиться на службу русскому капиталу. Этот довод не замедлят, конечно, выставить и против нашей аргументации.

Мы считаем, поэтому, нелишним обратить внимание читателей на странную непоследовательность людей, от которых приходится слышать возражения, подобные только что приведенному. Именно эта непосле-

довательность наглядно показывает, что многие из так называемых учеников Чернышевского усвоили одни результаты его исследований, не составивши себе ни малейшего понятия о методе своего учителя.

Когда заходит речь о вероятной судьбе русского капитализма или об его влиянии на наши политические отношения, то народники начинают обыкновенно с указания на то, несомненное будто бы, обстоятельство, что капитализм наш находится на той же ступени развития, на какой стоял он «в западной Европе» более века тому назад. Из этого делается тот вывод, что целое столетие должно пройти прежде, чем капитализм сослужит нашей истории ту же «службу», которую он сослужил истории «Запада». Это долго; а так как наша интеллигенция давно уже привыкла подставлять на место революционного развития свою революционную волю, то она обращает свои взоры на общину и ссылается на доказанную Чернышевским возможность непосредственного перехода ее в социалистическую форму общежития. Таким образом, она апеллирует к вероятности *полного устранения* одной из фаз общественного развития — в значительной степени потому, что не понимает возможности *сокращения продолжительности* этой фазы. Ей и на мысль не приходит, что полное устранение данного исторического периода есть лишь частный случай его сокращения, и что, доказывая возможность первого, мы тем самым, и притом в гораздо более сильной степени, подтверждаем вероятность—второго.

Мы видели уже выше, на примере П. Н. Ткачева, что эта грубая логическая ошибка легла в основание программы наших бланкистов. Но, к сожалению, ее повторяют не одни бланкисты.

Очень и очень многие думают, что социальная революция может совершиться в России «теперь, или очень нескоро, быть может, никогда», т.-е., другими словами, или на основе наших современных экономических отношений, или на основе того строя, создание и упрочение которого отходит в самую туманную даль. Но мы знаем уже,—и этому учит нас история той же западной Европы,—что для капитализма труден был только первый шаг, и что его непрерывное движение от «Запада» к Востоку совершается с постоянно возрастающим ускорением. Не только развитие русского капитализма не может быть так же медленно, как было оно, например, в Англии, но и самое существование его не может иметь такой продолжительности, какая выпала на его долю в «западно-европейских странах». Наш капитализм отцветет, не успевши *окончательно* расцвесть, за это ручается нам могучее влияние международных отношений. Но что дело подвигается, тем не менее, к его более

или менее полному торжеству—в этом также невозможно сомневаться. Ни голословные отрицания уже существующего факта, ни скорбные возгласы по поводу распадения старых, «вековых» форм народного общежития—ничто не остановит страны, «ступившей на след естественного закона своего развития». Но это развитие может быть более или менее медленным, роды окажутся более или менее мучительными—в зависимости от комбинации всех общественных и международных отношений данной страны. Более или менее благоприятный для рабочего класса характер такой комбинации, в свою очередь, зависит от поведения людей, понявших смысл предстоящей их стране эволюции. Развитие капитализма в Германии застало рабочий класс на более высокой ступени развития, чем в Англии или во Франции, а потому и отпор капиталистической эксплоатации в этой стране был быстрее и решительнее. Немецкие коммунисты и не думали определяться на службу капитализму. Они знали, что более или менее близкая победа рабочего класса зависит, между прочим, от влияния на этот класс людей, понявших смысл исторического развития. Они деятельно взялись за пропаганду в рабочей среде, и успех превзошел их ожидания. Почему бы нам нельзя было последовать их примеру?

Фабрикант так же не мыслим без рабочего, как античный «господин» был, по замечанию Аристотеля, не мыслим без раба. Развитие буржуазии предполагает развитие рабочего класса; исторический рост капитализма представляет собою двусторонний процесс, при чем на каждой из его сторон группируется соответствующий общественный класс. В целом, каждый из этих классов прикован к своему месту «крепче, чем цепи Вулкана приковывали Прометея к скале». В капиталистическом обществе товар господствует над производителем и предписывает ему его поведение. Но для отдельных личностей есть возможность сознательного выбора между каждым из противоположных полюсов. К таким личностям принадлежат наши так называемые «интеллигентные люди». От их собственного нравственного и умственного развития будет зависеть то или другое отношение их к делу рабочего класса. И никакие софизмы не могут дать нравственного оправдания социалисту, перебежавшему в лагерь эксплоататоров. Да и софизмы-то, возможные в этом случае, настолько жалки и бессильны, что ни на минуту не могут показаться убедительными человеку, умеющему правильно построить хоть один силлогизм.

Лишь при свойственной нашим самобытникам прямолинейности и угловатости воззрений, возможны толки о логической необходимости

личного участия социалиста в процессе капиталистического развития страны. Самобытник привык подставлять на место исторического развития свою собственную волю, привык довольствоваться догматическим миросозерцанием, вместо критического. Он рассуждает так: капитализм неизбежен, как переходная фаза; поэтому необходимы люди, которые создавали бы капиталистические отношения. А между тем я не могу уже служить рыцарям первоначального накопления, я не могу «грабить рабочего с чистой совестью и энергией». Что — если будет много подобных мне людей? Что—если все проникнутся моими взглядами? Тогда не будет капитализма, который неизбежен, как переходная фаза, и т. д. Бедный самобытник попадает, таким образом, в настоящий логический круг посылок, за которым следуют новые концентрические круги умозаключений. Не лучше ли «временно отречься от социализма и приложить свои силы к расширению и укреплению капитализма, если он так безусловно необходим»! «С какой стати,—говорит г. Тихомиров,—мы будем самого рабочего напитывать социалистическими идеями, отвлекающими в этом классе лучшие силы от стремления к капиталистической карьере, которую никто не совершает успешнее, чем выходцы из самих рабочих?» Мы успеем вернуться к социализму, когда капитализм исполнит свою историческую миссию, и т. д. Самобытник вечно живет в мире готовых и резко определенных фактов и понятий, не имея ни малейшего представления *о процессе возникновения* этих фактов и понятий. Поэтому, управляясь кое-как с каждым из них в отдельности, он совершенно теряет из виду их взаимную связь и зависимость.

Он исходит из того предположения, что без развития капитализма невозможно успешное распространение социалистических идей. Но, стремясь, как можно скорее, привести к абсурду взгляды своих противников, он немедленно забывает это предположение и начинает толковать о том, что быстрое распространение социалистических идей помешает развитию капитализма. Он соглашается признать одно явление следствием, другое — причиной; но он опасается, что следствие явится раньше причины и тем помешает ей обнаружить свое действие, т.-е. вызвать это самое следствие. Наш самобытник попадает, таким образом, в ту самую яму абсурда, которую он так старательно рыл своим противникам. Этим последним остается лишь вытаскивать его на божий свет с помощью следующего, весьма простого, рассуждения.

Они скажут ему: если бы успешное распространение социалистических идей во всей массе народа мыслимо было без того коренного

переворота в жизненных отношениях, который вызывается капитализмом, то не нужно было и толковать о каких бы то ни было переходных фазах нашего общественного развития. Эти фазы имеют для нас значение именно потому, что расчищают почву для социалистической пропаганды. Поэтому смешно было бы опасаться того, что нынешняя наша пропаганда остановит развитие капитализма в нашей стране. Но, с другой стороны, нелепо было бы и оставлять эту пропаганду, так как самая возможность ее есть указание на то, что история уже подготовила для нее некоторую часть почвы. Чем скорее возделаем мы эту часть, тем скорее совершится наше историческое развитие, тем меньше жертв и усилий будет стоить нашему народу окончание предстоящего ему пути. Мы не хотим итти против истории, но мы не хотим и отставать от нее ни на один шаг. По выражению Чернышевского, мы не жалеем ни о чем, отживающем свое время; но мы ни на минуту не хотим откладывать дело, которое теперь уже оказывается своевременным и возможным. Мы беремся за пропаганду наших идей, будучи в состоянии математически доказать, что каждый шаг на пути общественного развития России приближает время торжества этих идей и облегчает нашу дальнейшую работу.

Мы различаемся с вами в том, что, между тем как развитие современных экономических отношений все более и более удаляет вас от ваших общинных идеалов, *наши коммунистические* идеалы все более и более приближаются к нам, благодаря тому же самому развитию. Вы напоминаете человека, который, отправляясь на север, попал в поезд, везущий его на юг, мы же знаем свою дорогу и садимся в тот исторический поезд, который на всех парах везет нас к нашей цели. Правда, вас смущает принятое нами направление, вам кажется, что социалист не может сочувствовать развитию буржуазных способов производства. Но это происходит от того, что ваша логика слишком уже самобытна.

Вы воображаете, что, оставаясь верным своим идеалам, социалист везде и всюду должен препятствовать развитию капитализма. В этом случае вы опять рассуждаете самым примитивным образом: помешать развитию капитализма,—говорите вы, — значит повредить интересам предпринимателей; а так как интересы последних диаметрально противоположны интересам рабочих, то все, вредящее капиталу, принесет пользу труду. Вы и не подозреваете, что капитализм противоположен не только следующему за ним, но и предыдущему звену в цепи исторического развития, что он ведет борьбу не только с революционными попытками пролетариата, но также и с реакционными стремлениями

дворянства и мелкого мещанства. Вы горите ненавистью к капиталу и готовы нападать на него, где и когда угодно. Это усердие часто заставляет вас сочувствовать тем поражениям капитализма, которые могут быть выгодны *одним только реакционерам*. Программа вашего «русского социализма» совпадает, в таком случае, с программой немецких «социал-консерваторов», и от прогрессивных ее тенденций не остается и следа. Чтобы избежать таких жалких метаморфоз, вам нужно, наконец, проникнуться диалектическим взглядом на историю. Вы, одновременно, должны поддерживать капитализм в его борьбе с *реакцией* и быть непримиримыми врагами того же капитализма в борьбе его с рабочей *революцией* будущего. Только такая программа достойна партии, считающей себя представительницей самых передовых стремлений своего века. Чтобы стать на эту точку зрения, вам опять-таки нужно оставить свое нынешнее положение какого-то промежуточного вещества между различными классами и слиться с рабочими.

2. Пропаганда в рабочей среде.

Но возможно ли такое слияние в настоящее время? Возможна ли, вообще, пропаганда в рабочей среде при современных политических условиях?

Невозможность есть частный случай трудности. Трудности же, переходящие по временам и в невозможность, бывают двух родов. Один род трудности зависит от личных свойств деятелей, от преобладающего характера их стремлений, взглядов и наклонностей. Этот род трудностей создается общественной средой через посредство индивидуумов, и потому оттенки его так же разнообразны, как разнообразны свойства отдельных личностей. *Трудное* для Гольденберга было *легким* для Желябова, невозможное для человека с одним складом характера и убеждений кажется необходимым, а потому возможным, хотя, быть может, и трудным, для другого человека, с иными привычками, иными воззрениями. Невозможным об'является часто не то, что невозможно само по себе, а то, что, по мнению данного лица, приносит выгоды, не вознаграждающие сделанных усилий. Оценка же выгод, приносимых данным политическим делом, целиком зависит от взгляда на это дело самого деятеля. Г. В. В., убежденный в том, что само правительство возьмется за желательную для него, г-на В. В., организацию национального производства, естественно будет считать излишними и нецелесообразными те

жертвы и усилия, которых будет стоить в настоящее время пропаганда в рабочей среде. Точно так же заговорщик, рассчитывающий, главным образом, на тот или другой «комитет», без большой внутренней борьбы об'явит невозможной пропаганду среди рабочих, только *важных*, по его мнению, «для революции», но далеко не представляющих собою исключительных представителей революции. Не так будет рассуждать социал-демократ, убежденный в том, что не рабочие нужны для *революции*, а революция нужна *для рабочих*. Для него пропаганда в рабочей среде будет главной целью его усилий, и он не откажется от нее, не испытавши всех средств, которые находятся в его распоряжении, не сделавши всех усилий, на которые он способен. И чем более будет проникаться истинно-социалистическими взглядами наша революционная интеллигенция, тем возможнее и легче будет казаться ей деятельность между рабочими по той простой причине, что тем сильнее будет стремиться она к такого рода деятельности.

Мы не хотим, да и не могли бы, обманывать кого бы то ни было. Всем известно, сколько трудностей и преследований ожидает теперь у нас пропагандиста и народного агитатора. Но не нужно преувеличивать этих трудностей. Все без исключения роды революционной деятельности сильно затруднены у нас теперь полицейскими преследованиями, но это еще не значит, что белый террор достиг своей цели, т.-е. «вырвал крамолу с корнем». Действие вызывает противодействие, преследование порождает самоотверженность, и, как бы ни были энергичны реакционные меры правительства, революционер сумеет всегда обойти их, если только направит в эту сторону надлежащую долю энергии. Было время, когда взрыв Зимнего дворца и подкоп на Малой Садовой показались бы вещью несбыточною и неосуществимою самим революционерам... Но нашлись люди, которые совершили невозможное, осуществили неосуществимое. Неужели проявление подобной же настойчивости немыслимо в других сферах революционной деятельности? Неужели шпионы, преследующие «террористов», менее искусны и многочисленны, чем шпионы, охраняющие нашу рабочую среду от «лжеучений социализма и коммунизма»? Это может утверждать только тот, кто решил, во что бы то ни стало, отговориться от неприятной для него работы.

Что касается свойств самой рабочей среды, то они вовсе не оправдывают мрачных предсказаний наших пессимистов. Собственно говоря, за пропаганду в рабочей среде у нас почти никогда не брались сколько-нибудь последовательно и систематически. Опыт показал, однако, что даже разрозненных усилий нескольких десятков человек

было достаточно для сообщения сильного толчка революционной самодеятельности нашего рабочего класса. Пусть читатель припомнит Северно-Русский Рабочий Союз, его социал-демократическую программу и его организацию, очень обширную для тайного общества. Этот союз распался, но, прежде чем винить в этом рабочих, наша интеллигенция должна припомнить, много ли было сделано ею для его поддержания. А поддержать его было возможно и вовсе не так трудно. В своем «Письме в редакцию Земли и Воли», представители Союза даже определяли вид желательной и необходимой для них помощи. Они просили содействия при устройстве тайной типографии для издания рабочего органа. Исполнение этой просьбы признано было несвоевременным со стороны «интеллигентного» общества «*Земля и Воля*». Главные усилия наших «интеллигентных» социалистов были тогда направлены совсем в другую сторону. Результатом этих усилий было не поддержание рабочих, а усиление полицейских преследований, обрушившихся, между прочим, и на рабочие организации. Мудрено ли, что, предоставленный исключительно своим силам в непривычном для него деле конспирации, Рабочий Союз был разбит на более мелкие части, не связанные между собою единством плана и действия. Но эти мелкие кружки и кучки социалистов-рабочих до сих пор не переставали существовать в наших промышленных центрах; нужно только немного убежденности, энергии и настойчивости, чтобы опять сплотить их в одно внушительное целое.

Само собою понятно, что тайные рабочие общества не составляют еще рабочей партии. В этом смысле совершенно правы те люди, которые говорят, что наша программа рассчитана более на будущее, чем на настоящее. Но что же из этого следует? Значит ли это, что мы не должны немедленно же браться за ее выполнение? Рассуждающие так самобытники опять попадают в безвыходный круг умозаключений. Широкое рабочее движение предполагает хоть временное торжество в данной стране хоть отчасти только свободных учреждений. Но завоевать эти учреждения, в свою очередь, невозможно без политической поддержки наиболее передовых слоев народа. Где же выход? Западно-европейская история разрывала этот заколдованный круг путем медленного политического воспитания рабочего класса. Но наши революционеры как нельзя более боятся медленности кропотливой старухи. Они хотят революции как можно скорей и во что бы то ни стало. Ввиду этого, остается только удивляться, как не вспомнят они пословицы—любишь кататься, люби и саночки возить, пословицы, политический смысл которой сводится к тому бесспорному положению, что всякий, желаю-

щий поскорее добиться свободы, должен стараться заинтересовать рабочий класс в борьбе с абсолютизмом. Развитие политического смысла рабочего класса есть один из главных видов борьбы против «главного врага, мешающего сколько-нибудь рациональному приступу» к делу создания у нас рабочей партии на западно-европейский манер. В самом деле, что значат уверения историков в том, что в такой-то исторический период буржуазия или, — что почти то же самое, — общество боролось в такой-то стране против абсолютизма? Ни более, ни менее, как то, что буржуазия толкала и вела рабочий класс на борьбу или, по крайней мере, рассчитывала на его поддержку. До тех пор, пока ей не была обеспечена такая поддержка, она была труслива, потому что была бессильна. Что сделала против Наполеона III республиканская буржуазия, заслуженным образом лишенная поддержки рабочего класса? Ей оставалось выбирать между безнадежным героизмом и лицемерным одобрением совершившемуся факту. Когда являлось мужество у революционной буржуазии 1830 и 1848 годов? Когда рабочий класс уже одерживал верх на баррикадах. Наше «общество» не может еще рассчитывать на такую поддержку рабочих; оно не знает даже, на кого направит свое ружье рабочий-инсургент: на защитников абсолютной монархии или на сторонников политической свободы? Отсюда его робость и нерешительность, отсюда овладевшее им теперь тяжелое и безнадежное уныние. Но измените положение дел, обеспечьте нашему «обществу» поддержку одних только городских предместий,—и вы увидите, что оно знает, чего хочет, и умеет говорить с властью языком, достойным гражданина. Припомним петербургские стачки 1878—1879 годов. Слух об этих стачках интересовал далеко не одних социалистов. Они стали событием дня, ими интересовался чуть ли не весь интеллигентный и мыслящий Петербург. Вообразите теперь, что в стачках выразился не только антагонизм интересов нанимателей и рабочих данной фабрики, но также и начинающийся политический разлад петербургского рабочего *класса* с абсолютной монархией. Обращение полиции со стачечниками дало немало поводов к проявлению такого разлада. Представьте же себе, что рабочие Новой Бумагопрядильни требовали не только повышения заработной платы для себя, но также известных политических прав для всех русских граждан. Буржуазия увидела бы тогда, что ей нужно серьезнее, чем прежде, считаться с требованиями рабочих. Кроме того, все те ее либеральные слои, экономическим интересам которых успех стачечников не грозил бы прямым и непосредственным образом, почувствовали бы, что их политические требования приобрели, наконец, твер-

дую почву, и что поддержка рабочего класса делает гораздо более вероятным счастливый исход борьбы с абсолютизмом. Политическое движение рабочих вдохнуло бы новую уверенность в сердца всех сторонников политической свободы. Сами народники обратили бы, может быть, свое внимание на новых бойцов из народной среды и перестали бы, пожалуй, бесплодно и безнадежно ныть по поводу разрушения дорогих им «устоев» [1]).

Спрашивается теперь, кто же, если не революционная интеллигенция, мог бы способствовать политическому развитию рабочего класса? Во время стачек 1878—1879 г.г. сама эта, уверенная в себе, интеллигенция не могла похвалиться ясностью своего политического сознания. Поэтому и стачечники не могли услышать от нее чего-нибудь поучительного насчет связи экономических интересов рабочего класса с его политическими правами. Много и теперь путаницы в головах нашей «революционной молодежи». Но будем надеяться, что путаница эта уступит, наконец, место теориям современного научного социализма и перестанет парализовать успехи нашего революционного движения. А раз придет такое счастливое время, то и рабочие кружки не замедлят стать на правильную политическую точку зрения. Борьба с абсолютизмом войдет тогда в новый и последний фазис; поддержанные рабочей массой, политические требования передовой части нашего «общества» получат, наконец, столь давно ожидаемое удовлетворение.

Если бы смерть Александра II сопровождалась волнением рабочих в главных городах России, то результаты его, наверное, были бы гораздо более решительными... Но широкая агитация в рабочей среде немыслима без помощи предварительно созданных в ней и возможно более многочисленных тайных организаций, которые подготовляли бы умы рабочих и руководили бы их движением. Поэтому можно сказать, что без серьезной деятельности в рабочей среде, а следовательно, и без сознательной поддержки со стороны тайных рабочих организаций,—самые смелые подвиги террористов останутся не более, как блестящими вылазками. «Главный враг» будет только поражен, но не уничтожен ими; а это значит, что *террористическая* борьба не достигнет своей цели, так как единственной ее целью должно быть полное и беспощадное уничтожение абсолютизма.

---

[1]) Примечание ко 2-му изданию. События последнего года служат блестящим подтверждением всему здесь сказанному—пролетариат разбудил политическое сознание русского «общества».

Итак, политическое положение современной России не только не вынуждает нас к отказу от деятельности среди рабочих, но, наоборот, *лишь посредством такой деятельности можем мы избавиться от невыносимого гнета абсолютизма.*

Взглянем теперь на дело с другой стороны. Предыдущее изложение лишний раз подтвердило нам ту истину, что рабочий класс очень важен «для революции». Но социалисту нужно подумать прежде всего о том, чтобы революция была полезна для трудящегося населения его страны. Оставляя пока в стороне крестьянство, мы заметим, что рабочий класс извлечет тем большую пользу из своей политической борьбы, чем яснее будет для него связь между его экономическими нуждами и политическими правами. В «западно-европейских странах» пролетариат очень часто боролся против абсолютизма под знаменем и под верховным руководством буржуазии. Отсюда являлась умственная и нравственная зависимость его от вожаков либерализма, вера в исключительную святость либеральных девизов, убеждение в неприкосновенности буржуазного порядка. В Германии понадобилась вся энергия и все красноречие Лассаля, чтобы только *подорвать* духовную связь рабочих с прогрессистами. Наше «общество» лишено такого влияния на рабочий класс, и социалистам нет ни нужды, ни выгоды создавать его заново. Они должны указать рабочим их собственное, рабочее знамя, дать им вожаков из их собственной, рабочей среды, короче, должны позаботиться о том, чтобы не буржуазное «общество», а тайные рабочие организации приобрели господствующее влияние на умы рабочих. Этим в значительной степени ускорится образование и рост русской рабочей социалистической партии, которая сумеет завоевать себе почетное место среди других партий, после того, как она еще в пеленках способствовала падению абсолютизма и торжеству политической свободы.

Чтобы содействовать, таким образом, умственной и политической самостоятельности русского рабочего класса, нашим революционерам не нужно прибегать к каким-либо искусственным мерам, становиться в сколько-нибудь ложное или двусмысленное положение. Им нужно только проникнуться принципами современной социальной демократии, и, не ограничиваясь политической пропагандой, постоянно внушать своим слушателям, что «экономическое освобождение есть великая цель, которой всякое политическое движение подчинено, как средство». Усвоивши эту мысль, наш рабочий класс сам уже сумеет пройти между Сциллой и Харибдой, между политической реакцией государственного социализма и экономическим шарлатанством либеральной буржуазии.

Способствуя образованию рабочей партии, наши революционеры будут делать самое плодотворное, самое важное дело, какое только можно указать «передовому человеку» современной России. Одна лишь рабочая партия способна разрешить все те противоречия, которые осуждают теперь нашу интеллигенцию на теоретическое и практическое бессилие. Мы уже видели, что наиболее осязательным из этих противоречий является, в настоящее время, необходимость низвержения абсолютизма и невозможность сделать это без поддержки народа. Тайные рабочие организации разрешат это противоречие, привлекая к политической борьбе наиболее развитые слои народа. Но этого мало. Возрастая и укрепляясь под защитой свободных учреждений, русская рабочая социалистическая партия разрешит другое, не менее важное противоречие, на этот раз экономического свойства. Всем известно, что современная сельская община должна уступить место коммунизму, или окончательно разложиться. В то же время экономическая организация общины не имеет тех пружин, которые толкали бы ее на путь коммунистического развития. *Облегчая* переход нашего крестьянства к коммунизму, община не может, однако, сообщить ему необходимой для такого перехода *инициативы*. Напротив, развитие товарного производства все более и более подрывает старый общинный принцип. И нет у нашей народнической интеллигенции возможности одним решительным движением устранить это коренное противоречие. На ее глазах некоторая часть сельских общин падает, разрушается, становится «бичом и тормозом» беднейшей части общинников. Как ни печально для нее это явление, но она решительно не в силах помочь ему в настоящее время. Между «народом» и народолюбцами нет решительно никакой связи. Разлагающаяся община остается сама по себе, ее интеллигентные печальники—сами по себе, и ни та, ни другие не в состоянии положить конец этому печальному положению дел. Как же выйти из этого противоречия? Неужели нашей интеллигенции приходится махнуть рукой на всякую попытку практической деятельности и утешаться «утопиями» во вкусе г. Г. Успенского? Ничуть ни бывало! Наши народники могут спасти, по крайней мере, некоторую часть сельских общин, если только они пожелают апеллировать к диалектике нашего общественного развития. Но и такая апелляция возможна только при посредстве рабочей социалистической партии.

Разложение нашей общины представляет собою бесспорный и несомненный факт. Но быстрота и интенсивность этого процесса различны в различных местностях России. Чтобы совершенно остановить его там,

где община сохранила наибольшую свежесть и прочность, наши народники должны воспользоваться теми силами, которые освобождаются при распадении общины в наиболее промышленных губерниях. Силы эти суть не что иное, как силы нарождающегося пролетариата. Они, и только они, могут послужить связующим звеном между крестьянством и социалистической интеллигенцией; они, и только они, могут пополнить историческую пропасть, отделяющую «народ» от «образованной» части населения. Через них и с их помощью социалистическая пропаганда проникнет, наконец, во все закоулки деревенской России. Кроме того, своевременно сплоченные и организованные в одну рабочую партию, они могут послужить главным оплотом социалистической агитации в пользу экономических реформ, предохраняющих общину от повсеместного разложения. А когда придет час окончательной победы рабочей партии над высшими сословиями, то опять-таки она, и только она, возьмет на себя инициативу социалистической организации национального производства. Под ее влиянием, — а при случае и давлением, — сохранившиеся сельские общины действительно начнут переходить в высшую, коммунистическую форму. Тогда выгоды, представляемые общинным землевладением, станут *действительными,* а не только *возможными,* и народнические мечты о самобытном развитии нашего крестьянства осуществятся по отношению, по крайней мере, к некоторой его части.

Таким образом, *силы, освобождающиеся при разложении общины в некоторых местностях России, могут предохранить ее от полного разложения в других местностях.* Нужно только уметь правильно и своевременно утилизировать и направить эти силы, т.-е. как можно скорее организовать их в социал-демократическую партию.

Но мелкие поземельные собственники окажут сильное сопротивление социалистическим тенденциям рабочей партии, — возразят самобытники. — Всего вернее, что — да; но зато будет кому и бороться с этим сопротивлением. Появлению класса мелких собственников соответствует возрастание численности и силы революционного пролетариата, который придаст, наконец, жизнь и движение нашей тяжеловесной государственной машине. Сопротивление не страшно там, где есть способная победить его историческая сила; точно так же, как и наоборот, предполагаемое отсутствие сопротивления—далеко не радостная вещь там, где народ неспособен начать социалистическое движение, где героические усилия отдельных личностей разбиваются об инерцию темной и невежественной массы.

Кроме того, нужно иметь в виду, что та же самая рабочая партия будет служить у нас проводником для западных влияний. Рабочий не останется глух к движению европейского пролетариата, как это легко могло бы случиться с крестьянином. Соединенные же силы внутреннего и международного движения будут более, чем достаточны для победы над реакционными стремлениями мелких собственников.

Итак, еще раз: *возможно-более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России.* На этой дороге нас ждут успех и победа; все же другие пути ведут лишь к поражению и бессилию.

А террор?—восклицают народовольцы. А крестьянство?—кричат, с другой стороны, народники. Ради ваших отдаленных планов вы готовы помириться с существующей реакцией, — умозаключают одни; как узкий доктринер, вы жертвуете реальными интересами, ради торжества вашей доктрины—ужасаются другие. Но мы попросим у своих противников несколько минут терпения и постараемся ответить хоть на некоторую часть сыплющихся на нас упреков.

Во-первых, мы нисколько не отрицаем важной роли террористической борьбы в современном освободительном движении. Она естественно выросла из наших социально-политических условий. И так же естественно должна способствовать изменению их в лучшую сторону. Но взятый сам по себе, так называемый, террор только разрушает силы правительства, очень мало способствуя сознательной организации сил его противников. Террористическая борьба не расширяет сферы нашего революционного движения; напротив, она сводит его к георическим действиям небольших партизанских кучек. После нескольких блестящих успехов, наша революционная партия видимо ослабела от сильного напряжения, и не может уже оправиться без притока свежих сил из новых слоев населения. Мы рекомендуем ей обратиться к рабочему классу, как самому революционному из всех классов современного общества. Значит ли это, что мы советуем ей прекратить на-время активную борьбу с правительством? Не только—нет, но, напротив, мы указываем ей возможность сделать эту борьбу более широкой, более разносторонней, а потому и более успешной. Но само собою разумеется, что мы не можем смотреть на дело рабочего движения лишь с точки зрения важности рабочих «для революции». Мы хотим обратить самое торжество революции на пользу рабочего населения нашей страны, а потому считаем необходимым содействовать его умственному развитию, его спло-

чению и организации. Мы вовсе не хотим, чтобы тайные рабочие организации превратились в тайные питомники для разведения террористов из рабочей среды. Но мы хорошо понимаем, что политическое освобождение России совершенно совпадает с интересами рабочего класса, и потому думаем, что существующие в его среде революционные кружки должны содействовать политической борьбе нашей интеллигенции путем пропаганды, агитации, а подчас, и открытой уличной борьбы. Несправедливо было бы целиком взваливать на плечи рабочего класса все трудности освободительного движения, но вполне справедливо и целесообразно было бы привлечь к нему, между прочим, и рабочих.

Есть другие слои населения, которые с гораздо большим удобством могут взять на себя террористическую борьбу с правительством. Но, помимо рабочих, нет другого такого слоя, который в решительную минуту мог бы повалить и добить раненное террористами политическое чудовище. Пропаганда в рабочей среде не устранит необходимости террористической борьбы, но за то она создаст ей новые, небывалые до сих пор шансы [1]).

Сказанное относится к террористам. Побеседуем теперь с народниками.

Их огорчают все те программы, в которых не отводится главного места революционной деятельности в крестьянской среде. Но хотя такого рода деятельность и составляет все содержание их собственной программы, однако от этого обстоятельства

Немного выиграл народ
И легче нет ему покуда!

Начиная с конца семидесятых годов, т.-е. со времени разделения общества «Земля и Воля», революционная деятельность в крестьянской среде не только не расширялась, но суживалась все более и более. В настоящее время ее без большой ошибки можно приравнять к нулю. А между тем, за все это время не было недостатка в людях, полагающих, что центр тяжести всего нашего революционного движения немедленно

[1]) Примеч. ко 2-му изд. На основании этого места говорили впоследствии, что группа «Освобождение Труда» сочувствовала «терроризму». Но эта группа, с самого начала своего существования, находила, что рабочим терроризм неудобен; высказываться против террористической борьбы интеллигенции было тогда безусловно бесполезно: интеллигенция верила в террор, как в бога.

должен быть перенесен в крестьянскую среду. Откуда это противоречие? Несправедливо было бы подозревать народников в бездеятельности, трусости и нерешительности. Остается думать, что они поставили себе задачу, неисполнимую при настоящих условиях, что не с крестьянства должна начинать наша интеллигенция свое революционное слияние с народом. И мы действительно так думаем. Но это далеко не значит, что мы *не придаем значения* революционной деятельности в крестьянской среде. Мы констатируем факт и стараемся понять его истинный смысл, убежденные в том, что, поняв причину своей неудачи, наши народники сумеют избежать ее в будущем. Нам кажется, что именно образование рабочей партии избавит нас от того противоречия, благодаря которому, в течение последних семи лет, в России могли существовать только совершенно чуждые народу народники.

Каким образом сделает это рабочая партия — видно уже из предыдущего изложения. Но не мешает сказать еще несколько слов по этому поводу.

Чтобы влиять на многочисленную темную массу—необходим известный минимум сил, без которого все старания отдельных личностей не пойдут дальше самых ничтожных результатов. Наша революционная интеллигенция не обладает таким необходимым минимумом сил, потому-то ее революционные усилия в крестьянской среде и не оставили по себе почти ровно никакого следа. Мы указываем ей на промышленных рабочих, как на промежуточный слой, способный помочь ее слиянию с «народом». Значит ли это, что мы игнорируем крестьянство! Нисколько. Это значит, напротив, что мы ищем более действительных способов для воздействия на него.

Далее. Кроме известного минимума сил, для влияния на данную среду необходима хоть некоторая общность между характером этой среды и характером обращающихся к ней деятелей. Ни по привычкам мысли, ни по способности к физическому труду наша революционная интеллигенция не имеет ничего общего с крестьянством. Промышленный рабочий и в этом случае составляет середину между крестьянином и «студентом». Он должен, поэтому, послужить связующим звеном между нами.

Наконец, не нужно упускать из виду и еще одно, далеко не маловажное обстоятельство. Что бы ни говорили об исключительно будто бы земледельческом характере современной России, несомненно, однако, что «деревня» не может привлечь к себе всех сил нашей революционной

интеллигенции. Это немыслимо уже по одному тому, что не в деревне, а в городе вербуются силы этой интеллигенции, что не в деревне, а в городе ищет убежища революционер, подвергшийся полицейским преследованиям, хотя бы даже за пропаганду в крестьянской среде. Наши главные города являются, поэтому, центрами, в которых всегда находится на-лицо более или менее значительный контингент сил революционной интеллигенции. Само собою понятно, что интеллигенция не может не испытывать на себе влияний города, что она не может не жить его жизнью. С некоторых пор жизнь эта стала принимать политический характер. И мы знаем, что, несмотря на самые «народнические» программы, наша интеллигенция не могла удержаться против течения, вынуждена была взяться за политическую борьбу. Пока у нас нет рабочей партии, «городские» революционеры поневоле обращаются «к обществу», так что фактически они являются его революционными представителями. Народ отодвигается на задний план, а этим не только замедляется установление связи между ним и интеллигенцией, но нарушается и существовавшая прежде связь между «сельскими» и «городскими» революционерами из самой интеллигенции. Отсюда — взаимное непонимание, разногласия, расхождения. Не то было бы, если бы политическая борьба в городах приняла, главным образом, рабочий характер. Тогда городские и сельские революционеры различались бы между собою лишь *по месту,* а вовсе не *по сущности* своей деятельности, и те, и другие были бы представителями *народного* движения, в различных его видах, и социалистам не было бы необходимости жертвовать своею жизнью в интересах чуждого их взглядам «*общества*».

Такое согласие не представляет собою несбыточной утопии. Его очень нетрудно осуществить на деле. Если в настоящее время нельзя насчитать десятка народников, поселившихся в деревне в силу своей программы, по долгу службы *революции,* то немало образованных и искренних демократов живет в деревне по долгу службы *государству,* в силу своей профессии. Многие из этих людей не сочувствуют нашей политической борьбе, в *ее нынешнем виде,* и в то же время не берутся за систематическую революционную работу в крестьянстве, по той простой причине, что не видят партии, с которой они могли бы соединить свои усилия, один же, как известно, в поле не воин. Начните социально-политическое движение в рабочей среде, и вы увидите, что эти сельские демократы мало-по-малу перейдут на точку зрения социал-демократии и, в свою очередь, послужат связующим звеном между городом и деревней.

Тогда наши революционные силы будут распределяться следующим

весьма простым образом: в деревню пойдут все те, кого вынуждают к этому профессиональные обязанности. Само собою разумеется, что таких будет немало. В то же время люди, имеющие возможность поселиться в городах или промышленных центрах, направят свои усилия на рабочую среду и постараются сделать из нее авангард русской социал-демократической армии.

Такова наша программа. Она не жертвует деревней в интересах города, не игнорирует крестьянства ради промышленных рабочих. *Она ставит своей задачей организацию социально-революционных сил города для вовлечения деревни в русло всемирно-исторического движения.*

ГЛАВА VI.

Заключение.

Теперь мы позволим себе сказать несколько заключительных слов читателю.

Во всем, что касается защиты нашей *точки зрения*, мы хотели бы апеллировать к его уму, а не к чувству. Дорожа исключительно интересами истины, мы сумеем примириться с нею даже в том случае, если она разойдется с самыми дорогими нам убеждениями. Поэтому мы просим читателя только об одном: пусть критикует он наши доводы с тем вниманием, которого заслуживают затронутые нами революционные вопросы. Одобрит или не одобрит он предложенное нами решение этих вопросов, — во всяком случае, русская революционная мысль только выиграет от нового пересмотра достигнутых ею результатов.

Но есть другая сторона дела, касающаяся не сущности наших взглядов, а избранной нами формы изложения. Нас — или лучше сказать *меня* — могут обвинить в излишней резкости, во враждебном отношении к фракциям, сослужившим немаловажную службу революционному делу, и, потому, несомненно, заслуживающим уважения.

Знакомые уже мне «баккалавры» могут пойти еще далее и обвинить меня во враждебном отношении ко всей русской революции.

Во всем, что касается *этого* вопроса, я считаю не лишним обратиться к тому чувству читателя, которое называется чувством справедливости и беспристрастия.

Теперь в заключительной главе, как и в начале, в «Письме к П. Л. Лаврову», я могу с полной искренностью повторить, что желаю «На-

родной Воле» не неудач, а дальнейших успехов. И если я так резко отнесся к литературным упражнениям одного из ее представителей, то на это были свои достаточные причины, не имеющие решительно ничего общего с враждебным отношением к революции или к какой-либо из революционных фракций [1]).

Прежде всего нужно иметь в виду, что революционер не есть революция, и что *теории революционеров* далеко не всегда и не во всех своих частях могут быть названы *революционными теориями*.

Я нисколько не отрицаю важного и полезного значения совершенных народовольцами революционных действий; но я истолковываю их не так, как делают это официальные представители «партии». Я вижу их в том свете, который неприятно раздражает глаза «народовольских» публицистов. Мой взгляд на значение этих действий достаточно выяснился еще в брошюре «Социализм и политическая борьба», где я говорил, что «Народная Воля» не может найти оправдания, да и не должна искать его помимо современного научного социализма».

Г. Тихомирову угодно было высказать на этот вопрос другой взгляд, по его мнению, более правильный и революционный.

Огорченный тем, что «в некоторых слоях социалистов»... «политическая демократическая идея»... «приняла формы, которые извращают самую сущность ее», он решился поправить дело, и в статье «Чего нам ждать от революции?» постарался приурочить деятельность своей партии к теориям Бакунина и Ткачева. Благодаря такому обороту, официальные теории «партии Народной Воли» перестали быть революционными теориями и без малейшего вреда для революции могли быть подвергнуты такой же резкой критике, как и все другие проявления все более и более усиливающейся теперь русской литературной реакции.

Реакционные теории вообще непривлекательны; но они не опасны до тех пор, пока выступают под своим собственным знаменем. Вредной отравой, настоящим умственным ядом они становятся лишь тогда, когда начинают прикрываться революционным знаменем. В таком случае, противником революции является не тот, кто сдергивает с них ре-

[1]) Примечание ко 2-му изданию. Надо заметить еще вот что. Мне было хорошо известно, что г. Тихомиров уже задолго до появления его статьи «Чего нам ждать от революции?» совершенно «разочаровался» в программе «Народной Воли». Поэтому ее отстаивание им принимало характер крайне возмутительного лицемерия.

волюционную маску, а тот, кто остается равнодушным зрителем вольной или невольной литературной подделки.

Я неспособен, да и не стремлюсь к такому равнодушию. Ненавидя реакцию вообще, я тем более ненавижу ее, когда она призывает к себе людей во имя революции. И я не могу признать себя виновным в излишней резкости по отношению к г. Тихомирову, до тех пор, пока мне не докажут следующих двух положений:

1) Что теории г. Тихомирова не представляют собою нового издания учений Бакунина и Ткачева.

2) Что эти последние учения не могут быть признаны реакционными, по сравнению с научным социализмом Карла Маркса.

Пусть же противники мои постараются доказать эти положения, не торопясь обвинять меня в оскорблении величества русской революции. Я сам об'явлю свою резкость неуместной, если доводы их будут убедительны.

Но для этого необходимо, между прочим, чтобы за основу спора были взяты те самые положения г. Тихомирова, которые послужили поводом к моей полемике против него. Общее направление «*Вестника Народной Воли*» так неясно и неопределенно, что бакунинско-ткачевские тенденции статьи «Чего нам ждать от революции?» не могут помешать появлению марксистских тенденций в статьях других сотрудников, а пожалуй,—как ни трудно ожидать этого,—и в новых статьях г. Тихомирова. Нет ничего невозможного в том, что наш автор вспомнит о той части программы «Вестника», которая лежит по ту сторону рокового «но», и напишет несколько красноречивых страниц об *единственном* пути, ведущем к достижению общих «социалистических целей». Но такая перемена фронта не ослабит реакционного значения разобранной нами статьи и докажет только, что наш автор не имеет никаких определенных воззрений.

Читателей, более беспристрастных, чем защитники г. Тихомирова, я прошу помнить, что можно от души сочувствовать не только революции вообще, но и революционной «партии Народной Воли» в частности, и в то же время думать, что насущнейшей задачей этой партии, первым, самым необходимым ее успехом должен быть *безусловный разрыв с ее нынешними теориями*.

Напрасно думают сторонники «Народной Воли», что такого рода разрыв был бы изменой памяти героев русской террористической борьбы. Наиболее выдающиеся террористы начали с критического отно-

шения к общепризнанным в их время «программам» революционеров. Почему же люди, идущие по их стопам, не могут предпринять дела такой же критики по отношению к «программам» своего времени; почему думают они, что критическая мысль Желябова должна остановиться перед догматическим миросозерцанием г. Тихомирова?

Вот вопрос, о котором стоит подумать нашим молодым народовольцам [1]).

---

[1]) Примечание ко 2-му изданию. Я так и не дождался серьезного ответа на свою книгу. В пятом номере «Вестника Народной Воли» появилась, правда, маленькая библиографическая заметка, в которой говорилось, что возражать мне значило бы прежде всего говорить о моей личности. Кроме этого намека, который, очевидно, хотел быть злым, редакция «Вестника» не сказала ровно ничего в защиту тихомировских ожиданий от революции, а спустя несколько лет сам г. Тихомиров заявил, что эти ожидания несбыточны и признался, что уже со времени своего приезда за границу он считал свою «партию» трупом. Это было неожиданным, но весьма многознаменательным заключением всего нашего спора. Мне оставалось только подвести итог, что я и сделал в статье: «Неизбежный поворот», напечатанной в сборнике «Социал-демократ», и в брошюре: «Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова», Женева 1889 г.

Программа социал-демократической группы «Освобождение Труда» [1]).

Группа «*Освобождение труда*» задается целью пропаганды социалистических идей в России и выработки элементов для организации русской *рабочей социалистической партии.*

Сущность ее воззрений может быть выражена в следующих немногих положениях:

I. Экономическое освобождение рабочего класса будет достигнуто лишь путем перехода в коллективную собственность трудящихся всех средств и продуктов производства и сообразной с общественными потребностями организации всех функций социально-экономической жизни.

II. Современное развитие техники в цивилизованных обществах не только дает *материальную возможность* такой организации, но и делает ее *необходимою и неизбежною* для разрешения противоречий, препятствующих спокойному и всестороннему развитию этих обществ.

III. Эта радикальная экономическая революция повлечет за собою самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Устраняя борьбу классов—путем уничтожения самих классов; делая невозможной и ненужной экономическую борьбу индивидуумов—путем устранения товарного производства и связанной с ним конкуренции; короче, устраняя борьбу за существование между личностями,

---

[1]) Примечание 1. Предлагаемая нами на суд товарищей программа отнюдь не рассматривается нами, как нечто совершенно законченное, не подлежащее никаким частным изменениям и дополнениям. Напротив, мы готовы ввести в нее всякие поправки, если только они не противоречат основным понятиям научного социализма и соответствуют практическим выводам, вытекающим из этих понятий по отношению к деятельности социалистов в России.

классами и целыми обществами,—она делает излишними все те общественные органы, которые развились в многовековый период этой борьбы за существование, в качестве ее орудий.

Не вдаваясь в утопические фантазии относительно общественной и международной организации будущего, можно теперь уже предсказать уничтожение важнейшего из органов хронической борьбы внутри обществ—именно *государства, как политической организации, противостоящей обществу,* и охраняющей, главным образом, интересы его господствующей части. Точно так же и теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. Современное развитие международного обмена продуктов делает необходимым участие в этой революции всех цивилизованных обществ.

Поэтому социалистические партии всех стран признают международный характер современного рабочего движения и провозглашают принципы международной солидарности производителей.

Группа «*Освобождение труда*» также признает великие принципы бывшей «*Международной Ассоциации Рабочих*» и тождество интересов трудящихся всего цивилизованного мира.

IV. Внося *сознательность* туда, где господствует ныне *слепая экономическая необходимость,* заменяя современное господство *продукта* над *производителем*—господством *производителя* над *продуктом,* социалистическая революция упрощает и осмысливает все общественные отношения, предоставляя вместе с тем каждому гражданину реальную возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведывании всеми общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замены ее *прямым народным законодательством.*

В своей современной борьбе социалисты должны иметь в виду эту необходимую политическую реформу и всеми зависящими от них средствами добиваться ее осуществления.

Это тем более необходимо, что политическое самовоспитание и господство рабочего класса составляют необходимое предварительное условие его экономического освобождения. Только вполне *демократическое* государство может свершить экономический переворот, сообразный с интересами производителей и требующий разумного участия их в организации и регулировании производства.

В настоящее время рабочий класс передовых стран все более и более выясняет себе необходимость указанного социально-политического переворота и организуется в особую партию труда, враждебную всем партиям эксплоататоров.

Совершаясь на началах *«Международной Ассоциации Рабочих»*, организация эта имеет, однако, прежде всего в виду завоевание рабочими политического господства внутри каждого из соответствующих государств. «Пролетариат каждой страны естественно должен прежде всего покончить с своей собственной буржуазией».

Это вносит элемент разнообразия в программы социалистических партий различных государств, заставляя каждую из них сообразоваться с общественными условиями своей страны.

Само собою понятно, что практические задачи, а следовательно, и программы социалистов должны иметь более своеобразный и сложный характер в тех странах, в которых капиталистическое производство не сделалось еще господствующим и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства.

В этих странах социалистам приходится одновременно организовывать рабочий класс для борьбы с буржуазией и вести войну против вредных—как для развития рабочего класса, так и для благосостояния всего народа—остатков старых, до-буржуазных общественных отношений.

Русские социалисты находятся именно в таком положении. Трудящееся население России непосредственно несет на себе всю тяжесть огромной машины полицейско-деспотического государства и в то же время переживает все бедствия, свойственные эпохе капиталистического *накопления,* а местами—в наших промышленных центрах—оно испытывает уже гнет капиталистического *производства*, не ограниченный еще ни сколько-нибудь решительным государственным вмешательством, ни организованным противодействием самих рабочих. Современная Россия страдает,—как говорил когда-то Маркс о западе европейского континента,—не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка этого развития.

Одним из вреднейших следствий этого отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который неспособен у нас взять на себя *инициативу* борьбы с абсолютизмом.

Социалистической интеллигенции пришлось, поэтому, стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей кото-

рого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, при чем социалисты, с своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России.

Первым средством для достижения этой цели должна быть агитация в пользу демократической конституции, обеспечивающей:

1) Право быть избирателем и избираемым как в Законодательное Собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом *позорные* действия к потере политической правоспособности [1]).

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

3) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

4) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

5) Свободу передвижения и занятий.

6) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения [2]).

7) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

8) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместных с достоинством человека.

Но цель эта останется недостигнутой, политическая самодеятельность рабочих будет немыслима, если падение абсолютизма застанет их в совершенно неподготовленном и неорганизованном состоянии.

Поэтому на социалистической интеллигенции лежит обязанность организации рабочих и посильной *подготовки* их к борьбе, как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями.

Она должна *немедленно взяться за организацию* рабочих наших промышленных центров, как передовых представителей всего трудяще-

[1]) Примечание 2. К числу таких действий могут быть отнесены, например, подкупы при выборах, вопиющие притеснения нанимателем своих работников и т. п.

[2]) Примечание 3. Этот пункт логически заключается в 4 §, требующем, между прочим, полной свободы совести; но мы считаем нужным оттенить его ввиду того, что теперь существуют у нас целые слои населения, как, напр., евреи, не пользующиеся даже теми жалкими «правами», которые предоставлены другим «обывателям».

гося населения России, в связанные между собою тайные кружки с определенной социально-политической программой, соответствующей современным нуждам всего русского производительного класса и основным задачам социализма.

Понимая, что подробности такой программы могут быть выработаны лишь в будущем и при том самим рабочим классом, призванным к участию в политической жизни и сплотившимся в особую партию, группа «*Освобождение труда*» полагает, что главнейшими пунктами *экономического отдела* рабочей программы должны быть *требования:*

1) Радикального пересмотра наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.

2) Устранение современной податной системы и установление прогрессивного подоходного налога.

3) Законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей *инспекции с представительством от рабочих.*

4) Государственной помощи производительным *ассоциациям,* организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Группа «*Освобождение труда*» убеждена, что не только успех, но и самая возможность такого осмысленного движения русского рабочего класса в огромной степени зависит от указанной выше работы интеллигенции в его среде.

Но названная группа полагает, что сама интеллигенция должна предварительно стать на точку зрения современного научного социализма, лишь постольку удерживая народнические традиции, поскольку они не противоречат его положениям.

Ввиду этого, группа «Освобождение труда» задается целью пропаганды современного социализма в России и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению; этой цели она и посвящает все свои силы, призывая нашу революционную молодежь к помощи и содействию.

Преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами, группа «Освобождение труда» в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией «Нар. Воли» лишь по вопросам о так называемом захвате вла-

сти революционной партией и о *задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса.*

Группа «Освобождение труда» нимало не игнорирует крестьянства, составляющего огромнейшую часть трудящегося населения России. Но она полагает, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитый слой этого населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социалистическая интеллигенция может с гораздо большею надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, в особенности, если она добьется к тому времени свободы агитации и пропаганды. Само собою, впрочем, разумеется, что распределение сил наших социалистов *должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение,* и что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Группа «Освобождение Труда» не только не отталкивает от себя таких людей, но приложит все старание, чтобы согласиться с ними в основных положениях программы.

Женева, 1884 г.

Современные задачи русских рабочих [1]).

(Письмо к петербургским рабочим кружкам.)

Дорогие товарищи! Я получил приглашение сотрудничать в журнале «Рабочий» и охотно принимаю это приглашение, чтобы побеседовать с вами о задачах нашей нарождающейся социал-демократии.

Я потому обращаюсь с письмом именно к вам,—к кружкам рабочих,—что у нас в России, как везде и всюду, социал-демократическая партия должна быть партией по преимуществу рабочей. Это не значит, что социал-демократическая партия должна отталкивать от себя людей из других классов общества. Такая исключительность была бы совершенно несправедливой, создала бы ей целый ряд неудобств и даже поставила бы ее в почти безвыходное положение.

Называя ее партией рабочей по преимуществу, я хочу только сказать, что наша революционная интеллигенция должна итти с *рабочими*, а наше крестьянство должно итти *за ними*. При такой постановке вопроса, наша социал-демократическая партия может сохранить свой рабочий характер, вовсе не впадая во вредную исключительность.

После этой оговорки я прямо перехожу к вопросу о том, каковы современные задачи русских рабочих.

В чем заключаются эти задачи, задачи тех рабочих кружков, которые уже существуют в России и которые должны, постепенно умножаясь и расширяясь, составить грозную силу русской социал-демократии?

Одно из двух: или эти задачи фантастичны, *придуманы* кем-нибудь из вас или ваших друзей, или они представляют собой прямой вывод из вашего современного положения. В первом случае все рассуждения о них были бы бесплодными и праздными, потому что на место одной

---

[1]) Напечатано впервые в № 2 нелегального журнала «Рабочий» в 1885 году в Петербурге.

выдумки всегда можно поставить другую, столь же интересную и привлекательную. Споры были бы бесконечны, и русская социал-демократия превратилась бы в общество фантазеров и болтунов, людей слова, а не дела. Но если ваши задачи вытекают изо всего вашего положения, то они определяются сами собою; из того, *что есть*, не трудно судить о том, *что может и должно быть*.

Едва ли нужно спрашивать о том, какой путь определения задач рабочего класса лучше, серьезнее и основательнее. Дело говорит само за себя, и хотя мы с вами можем ошибаться, как и все другие люди, но мы не можем и не должны отказываться от попытки построить задачи русской социал-демократии на твердом фундаменте действительности.

Что же представляет собою эта действительность? Каково ваше современное положение?

Во-первых, вы—рабочие; а—во-вторых, вы—граждане или, так как граждан у нас пока нет, вы—обыватели русского государства.

В качестве рабочих вы продаете свою рабочую силу хозяину и обязаны трудиться на него с утра до вечера. Своим упорным, тяжелым, изнурительным трудом вы другим создаете огромные богатства, а сами имеете лишь ту скудную *заработную плату*, которая не всегда достаточна даже для того, чтобы позволить вам восстановить свои силы и предохранить своих детей от преждевременного изнурения.

Но и эта скудная плата не целиком попадает в ваши карманы. Получивши ее от хозяина, вы должны еще платить из нее налоги и подати, которые поступают в государственную казну. В этом случае вы являетесь в качестве «обывателей», обязанных платить, не рассуждая о том, куда идут собранные с них деньги.

В качестве рабочих вы вступаете в договор с вашим хозяином. Вы обещаетесь работать, он обещается платить вам известную сумму денег поденно или поштучно. Но вот ваш хозяин находит, что платить вам условленную сумму ему невыгодно. Он вывешивает об'явление, в котором доводит до вашего сведения, что с такого-то числа ваша поденная или поштучная плата будет понижена на столько-то. Вы не соглашаетесь на такое понижение и об'являете ему, что не станете работать. Приходит назначенный день, фабрика или завод пустеет. Тогда хозяин идет в полицию и говорит, что вы «бунтуете». На место действия спешат городовые, жандармы, казаки, многих из вас хватают, сажают в тюрьмы или высылают, а остальных насильно заставляют итти на ра-

боту. В этом случае вы опять-таки являетесь в качестве «обывателей», отданных в жертву полицейского произвола и насилия.

В качестве рабочих вы испытываете теперь многочисленные бедствия. Если вы задумаетесь о том, как избавиться от этих бедствий, если вы станете собираться и обсуждать ваше положение, если вы начнете читать книги, которые зовут вас на борьбу с вашими притеснителями—вас опять об'явят бунтовщиками, вас будут обыскивать, арестовывать и жестоко наказывать по суду или даже без всякого суда, «*административным порядком*». И в этом случае вас преследуют не как рабочих такой-то фабрики или такого-то завода, а просто, как бесправных «обывателей», которым запрещено думать, как они хотят, и говорить, как они думают.

Во всем, мною сказанном, нет, как вы знаете по собственному опыту, ни малейшего преувеличения. Напротив, изображая ваше положение лишь в общих чертах, я не мог коснуться многих таких подробностей, перед которыми побледнело бы все выше сказанное.

Но для моей цели довольно и сказанного. Уже из него видно, что ваши задачи также должны иметь две стороны, как имеет их ваше современное положение.

Вы должны бороться: во-первых, ради своего освобождения от гнета хозяев, от *экономической эксплоатации,* а во-вторых,—ради приобретения тех прав, которые положат конец полицейскому произволу и сделают из вас,—пока еще бесправных обывателей,—*свободных граждан свободной страны.* Другими словами, вы должны бороться *во имя политической свободы.*

И не думайте, что эти две задачи могут быть отделены одна от другой, что они могут быть решены порознь и независимо друг от друга.

Каждый из вас одновременно является и эксплоатируемым рабочим, и бесправным обывателем. Поэтому и все вы в совокупности,—весь русский рабочий класс,—должны одновременно преследовать как политическую, так и экономическую цель. Вы должны одновременно стремиться низвергнуть как тех, которые являются его господами на фабрике, так и тех, которые полновластно распоряжаются теперь в русском государстве.

Одно немыслимо без другого. Без экономической независимости вы никогда не будете в состоянии воспользоваться во всей полноте вашими политическими правами; без политических прав вы никогда не добьетесь экономической независимости. И если бы даже нашлось такое правительство, которое захотело бы и могло бы,—не давая вам политических

прав,—обеспечить ваше материальное положение, то вы все-таки были бы не более, как *сытыми рабами, хорошо откормленным рабочим скотом.* Ваше умственное развитие, ваше нравственное достоинство пострадали бы от этого даже более, чем теперь, когда правительственный гнет толкает вас на борьбу и наполняет негодованием ваше сердце.

Ваши западно-европейские братья давно уже поняли тесную взаимную связь названных задач. Они видят в своих политических правах могучее средство борьбы за экономическое освобождение и не променяют этих прав ни на какие подачки существующих правительств.

Мало того. Когда в 1878 году петербургские рабочие-социалисты организовались в «Северно-Русский Рабочий Союз», они также выразили в своей программе убеждение в том, что экономическое освобождение трудящихся неразрывно связано с их политическим освобождением, они думали так, *несмотря на то,* что социалисты из так называемой интеллигенции говорили им, что рабочим вовсе не следует интересоваться политическими вопросами,—до такой степени эта мысль естественно вытекает из всего положения рабочего класса, до такой степени основывается она на *самой бесспорной действительности.*

Если вы признаете,—как я в этом уверен,—справедливость этой мысли, то мы, сговорившись в главном, без труда сговоримся и в подробностях.

Мы знаем теперь, что пред русским рабочим классом стоят две задачи: одна—экономическая, другая—политическая. Только разрешивши обе задачи, он достигнет своего *социального* (общественного) освобождения, т.-е. создаст новый общественный строй, удовлетворяющий все его потребности и не противоречащий никаким его интересам.

Чем же могут быть разрешены эти задачи?

Они могут быть разрешены только силой.

Современное правительство не даст вам добровольно политических прав; землевладельцы, фабриканты, заводчики, банкиры, словом те, в руках которых скопляются теперь богатства, не откажутся добровольно от этих богатств и не передадут их добровольно в ваше распоряжение. Между тем вам необходимо как то, так и другое. Вам остается поэтому припомнить, что *народное благо есть высший закон,* и во имя этого блага *силой* заставить ваших врагов сделать то, к чему вы не склоните их никакими просьбами, никакими увещаниями.

Итак, только силой можете вы добиться своего освобождения. Значит вам нужна сила, нужно очень много силы. В чем же она заключается?

Сила рабочего класса зависит от трех условий: 1) от его сознательности, т.-е. от ясного понимания того, к чему он стремится; 2) от его сплоченности, и 3) от его тактики, т.-е. от умения во-время нападать на своих врагов и пользоваться каждой, даже и самой ничтожной победой для облегчения своих дальнейших действий.

Я не говорю о смелости, о той бесповоротной решимости во что бы то ни стало добиться своих целей, без которой нечего и начинать борьбу. Это четвертое условие подразумевается само собою и может быть выражено русской пословицей: «волков бояться, так и в лес не ходить».

Рассмотрим каждое из этих условий.

В настоящее время огромное большинство крестьян и рабочих недовольны своим положением. Местами недовольство это выходит наружу, ведет к так называемым «бунтам» и «беспорядкам» в среде крестьян и рабочих. «Беспорядки» эти бесспорно вызываются теми коренными недостатками современного общественного устройства, устранения которых требуют социал-демократы. Но сами замешанные в «беспорядках» рабочие и крестьяне не видят этих недостатков. Их недовольство обрушивается по большей части на какой-нибудь отдельный частный случай, на одно какое-нибудь «злоупотребление» теми порядками, которые уже сами по себе, без всяких частных злоупотреблений, представляют вопиющее зло. Правда, страдающие от малоземелья крестьяне приходят к той мысли, что земля должна быть отобрана от тех, кто не обрабатывает ее собственным трудом. Но дальше этого отобрания земли они ничего не видят и не знают, а ведь им нужно распоряжаться землею, так чтобы она опять не перешла в руки кулаков и эксплоататоров. Да и этого отобрания земли, этого «черного передела» крестьяне ждут от царя, который, разумеется, никогда его не сделает. Следовательно, наши крестьяне, хотя и думают, что должен произойти важный переворот во всех поземельных отношениях, но не знают ни—*как* надо сделать этот переворот, ни—*кто* его сделает. А это почти равносильно тому, что они ничего не знают. То же и с рабочими. Во время стачки 1878 г. на Новой Бумагопрядильне (на Обводном канале) рабочие поговаривали между собою о том, что казна должна была бы отобрать фабрику и уж от себя вести все дело. В этой мысли есть некоторый зачаток истины. Фабрики, действительно, должны быть отобраны у частных владельцев и перейти в собственность всего государства, которое уж и будет ими управлять и заведывать. Но рабочие не знали ни того, как должно поступать государство с теми продуктами, которые будут производиться

на отобранных фабриках, ни того, какое государство может все это сделать. Им казалось, что нынешнее государство, с царем во главе и со всем его чиновничеством, может это сделать. Они хотели только быть «казенными» рабочими, вместо того, чтобы служить собственникам бумагопрядильни. Но от такой перемены они ровно бы ничего не выиграли. Здесь опять недостаток сознательности помешал им выставить настоящие, действительно важные требования. И так во всем.

Вот этот-то недостаток сознательности вы и должны устранять всеми возможными для вас путями. Более развитые рабочие должны помнить, что на них лежит огромный долг по отношению к их более темным братьям. Социалистическая пропаганда, т.-е. распространение социалистических мыслей и,—как средство для этого,—распространение социалистических книг, брошюр и воззваний (теперь у вас есть уже газета), такая пропаганда составляет прямую их обязанность. А так как в одиночку заниматься такими вещами неудобно, то вы должны озаботиться созданием как можно большего числа социалистических кружков в своей среде. Такие кружки удесятеряют силы каждого из вас в отдельности.

Эти же кружки сослужат вам и другую службу. Они дадут вам возможность образовать в своей среде стройную, сплоченную организацию. Когда вы будете иметь такую организацию в Петербурге и Москве, когда столичные организации войдут в постоянные сношения с кружками в провинциях, когда будут многочисленны эти провинциальные кружки,—тогда вы станете такой прочной революционной силой, какой у нас еще никогда не бывало. Тогда у нас будет много частных успехов и не далек будет общий успех, первая в высшей степени важная победа над вашими врагами.

Какой же именно успех, какая именно победа?

Я сказал уже вам, что ваша сила будет зависеть, между прочим, и от вашей тактики, т.-е. от вашего уменья из каждого вашего успеха извлекать всю ту пользу, которую можно извлечь из него.

Остановимся прежде всего на уменьи пользоваться своими успехами.

Вы задаетесь целью организовать социалистические кружки в своей среде. Вы будете иметь право сказать, что имеете успех, если кружки эти будут многочисленны, связаны между собою и приобретут влияние на остальную массу рабочих, не входящих в организацию. Спрашивается, как воспользуетесь вы этим успехом? Вы будете развивать в рабочей массе сознательное отношение к ее современному положению и к ее задачам в будущем. Вы будете распространять социалистические

мысли, т.-е. вести *пропаганду,* вы будете возбуждать недовольство против нынешних порядков, т.-е. вести *агитацию* [1]). Это очень хорошо, необходимо и полезно, но это еще не все, что вы можете извлечь из вашего успеха. Если ваши кружки будут расти и развиваться, то неизбежно придет время, когда, кроме всего выше перечисленного, вы в состоянии будете извлечь из вашего успеха и другие важные выгоды. Какие, например?

В настоящее время ваши кружки организуются тайно. За принадлежность к этим кружкам вам грозит строгое наказание; за каждую книгу, найденную у вас на столе, за каждое слово неудовольствия, высказанное открыто и громко, вас карают и преследуют. Вообразите теперь, что вы получили бы право вести ваше дело, ни от кого не скрываясь, что вам предоставлена была бы *свобода слова, печати, сходок* и всяческих *обществ;* представьте себе, что все то, что вы теперь делаете в тайне, было бы так же законно, как покупка новой одежды или прогулка по Царицыну лугу. Не было ли бы это для вас огромным преимуществом? Не расли ли бы тогда ваши силы вдесятеро скорее? Представьте себе, кроме того, что у вас есть не только эти «отрицательные» права, что вас не только не преследуют за вашу пропаганду и агитацию, но что вы имеете также положительное право участвовать—через ваших представителей в законодательстве, что вы свободно выбираете этих представителей, обсуждаете действия правительства, открыто выражаете свое неудовольствие на него, отстаиваете проекты выгодных для вас законов. Разве все это не способствовало бы вашим дальнейшим успехам? Разве все это не давало бы вам новых сил в борьбе с врагами?

Конечно, да,—конечно, давало бы! Из союза тайных рабочих кружков вы превратились бы тогда, наконец, *в открытую рабочую социал-демократическую партию.* А если это так, то вы сделали бы большую ошибку, не воспользовавшись силами своих тайных организаций для достижения этой цели.

Но как достичь ее? Хватит ли ваших сил на исполнение такой важной задачи?

Прежде чем ответить на этот вопрос, я напомню вам, что разумная тактика всякой партии требует, чтобы ее нападения на врагов совершались именно в моменты наиболее благоприятные. Своевременность нападения в весьма значительной степени облегчает победу. Поэтому мы

[1]) Примечание ко 2-му изданию. Как видит читатель, мысль об агитации не была для нас новостью, когда появилась,—в половине 90-х годов,—брошюра по вопросу о ней («Об агитации»).

и должны спросить себя, своевременно ли было бы для вас добиваться политических прав в настоящее именно время?

На этот вопрос, не колеблясь, отвечаю утвердительно. Между вашими врагами, которые так часто соединяются против вас, между правительством и высшими классами нет единодушия. Царь не хочет отказаться от своей деспотической власти, он не хочет поделиться ею с высшими сословиями. Он желает остаться полновластным, абсолютным монархом, во что бы то ни стало сохранить весь блеск, все азиатское величие своего сана. А между тем, у него для этого нет ни силы, ни возможности. Преследуемый революционерами, он уже не правит страною, а думает только о том, как бы спасти свою жизнь от ударов революционеров. На деле вся власть перешла в руки кучки крепостников, ханжей, или корыстолюбцев, думающих только о своей наживе.

Упиваясь своей минутной победой, не думая о завтрашнем дне, эта кучка ханжей, корыстолюбцев и честолюбцев потеряла всякий смысл и всякую меру. Она бьет направо и налево, не отличает друзей от врагов и мечтает о том, чтобы вернуться к временам крепостнического права. Но такой поворот невыгоден даже для огромной части лиц, принадлежащих к высшим классам. Они видят, что эта реакционная политика правительства вредит их собственным интересам, и все более и более задумываются о том, чтобы положить предел самовластью царских любимцев. Они хотят ограничить царскую власть, ввести у нас *конституционное устройство*. Чем более распространяется подобное стремление, тем более возрастает недовольство современным правительством, а следовательно тем менее может это правительство рассчитывать на сочувствие и поддержку. А пока оно продолжает терять кредит в глазах высших классов, в глазах так называемого *общества*, все государственные дела приходят в упадок: долги растут, казна пустеет, а вместе с тем уменьшаются и средства ее пополнения. Все эти средства брались до сих пор с народа, но народ все более и более беднеет и скоро дойдет до такого положения, что взять с него будет нечего. Тогда правительству волей-неволей придется обратиться к обществу, чтобы с его помощью избавиться от необходимости об'явить себя банкротом. *Абсолютная* монархия уступит место монархии *ограниченной*. Царь должен будет разделить свою власть с Земским Собором, с парламентом или вообще законодательным собранием, как бы его ни называли.

Вот этот-то раздор в лагере ваших врагов, вот эта-то необходимость ограничения царской власти и облегчит вам завоевание политических прав и политической свободы. Придет время, когда сами высшие

классы будут просить вашей помощи в борьбе с царем, когда они сами будут толкать вас на борьбу за свободу. Но, пользуясь этим выгодным для вас обстоятельством, вы все-таки должны начать эту борьбу на свой собственный страх и для достижения своих собственных целей. Не забывайте, что в политике нет благодарности, и если вы не будете думать сами о себе, то другие будут думать о вас лишь до тех пор, пока им нужно будет пользоваться вашей силой. Но как только дело дойдет до *выгод*, принесенных борьбою, то высшие классы будут помнить *только о себе*, да разве еще о том, чтобы держать вас в узде и в повиновении. Но если вы будете сильны и сплочены, если вы сознательно пойдете к своей цели, то вы сумеете отстоять свои права и недаром затратите свои силы.

Вы добьетесь тогда для всех вас, т.-е. для всех крестьян и рабочих, права выбирать представителей в Законодательное Собрание и быть выбираемыми в такие представители, вы добьетесь свободы слова, печати, сходок, собраний, образования рабочих обществ,—короче, вы завоюете себе *политические права и политическую свободу*. А мы знаем уже, что такая удача была бы в высшей степени полезна для ваших дальнейших успехов.

Значит, разумная тактика требует, чтобы вы при первой же возможности постарались завоевать себе политические права и политическую свободу, а современное положение России показывает вам, что возможность эта очень недалека уже в настоящее время.

Недостаток места заставляет меня лишь кратко коснуться в этом первом письме того употребления, которое вы сделаете из своей политической победы. Но дело ясно и само по себе.

Опираясь на завоеванные вами права, вы сумеете также хоть немного улучшить свое материальное положение. Ваши представители потребуют от Законодательного Собрания целого ряда экономических реформ в пользу бедных и трудящихся классов. Конечно, нельзя ожидать серьезных реформ от Собрания, в котором большинство будет состоять из представителей высших классов. Но, во-первых, вы все-таки получите таким образом несравненно больше, чем получили бы вы, сидя сложа руки. А во-вторых—упорство высших классов также пойдет вам на пользу, хотя и в другом отношении. Оно возбудит неудовольствие народа, оно толкнет в ваши революционные ряды тех, которые, по своей слабости и нерешительности, надеялись на мирный исход, на милосердие царя, на благоразумие высших классов. Оно послужит новым, самым убедительным доводом в пользу ваших идей, в подтверждение той

истине, что полное освобождение трудящегося класса возможно будет лишь тогда, когда класс этот захватит *всю* государственную власть в свои руки и провозгласит *республику социальную и демократическую*.

Итак, что же вам предстоит теперь делать?

1) Развивать сознательность в среде ваших товарищей, 2) организовать и сплачивать их силы, 3) направлять эти силы на завоевание тех политических прав, которые дали бы вам возможность добиться некоторых экономических реформ уже в настоящее время, а главное облегчили бы вам вашу окончательную победу в будущем.

Ведите же настойчивее это дело! Мы живем накануне важных событий, и русскому рабочему классу необходимо явиться сознательным участником в этих событиях, а не жалкой массой рабов, над которой не издевается только ленивый!

Предисловие к брошюре

«Кто чем живет?» С. Дикштейна.

Предлагаемая брошюра была написана по-польски и для польских рабочих. Поэтому могут сказать, пожалуй, что все изложенное в ней не применимо к положению русских рабочих и что русским людям не следует читать книги, написанные польскими «бунтовщиками». Мудрецов, способных сделать такое замечание, немало даже между писателями, газетчиками и журналистами, а потому мы и хотим заранее сказать об этом несколько слов.

Во-первых, рабочим неприлично, да и нерасчет, так же враждебно относиться к польским «бунтовщикам», как относятся к ним царь, полицейские и чиновники.

Царю, конечно, и приятно и выгодно сохранить свою власть над Польшей: чем больше у него подданных, тем он «могущественнее», тем больше податей собирается в его казну, тем больше ему уважения от соседних государей.

Чиновники служат царю за деньги, «по вольному найму», и уже по одному этому должны поддерживать хозяйские интересы; за усердие в усмирении бунтовщиков царь награждает крестами, деньгами и землями, отнятыми у владельцев, получивших их законным путем, по наследству или покупкой, но так или иначе замешанных в восстании. Мало ли земель розворовали русские чиновники в Польше!

Полиция... ну та за тем и существует, чтобы «тащить и не пущать», как выражается один русский писатель. Те из рабочих, которым приходилось участвовать в стачках, на себе испытали, как охотно «усмиряет» полиция не только польских, но и русских бунтовщиков. Для полицейского бунтовщиком является всякий человек, восстающий против какой-

нибудь несправедливости: крестьянин, не поладивший с кулаком или помещиком, рабочий, не желающий работать за слишком низкую плату, точно так же, как и поляк, задумавший освободить свою родину.

Все это понятно. Но непонятно, какая может быть выгода русскому рабочему народу от угнетения Польши и поляков. Разве благодаря этому увеличивается крестьянский надел? Или возрастает заработок фабричного или всякого другого рабочего? Или уменьшаются подати и налоги? Ничуть не бывало. Напротив, подати увеличиваются, потому что для «усмирения» поляков нужны войска, а для содержания войск нужны деньги, а деньги берутся опять-таки с крестьян и рабочих. То, что выгодно царю и чиновникам, приносит один только убыток рабочему народу.

Но это не все. Чем больше у нашего царя средств угнетать другие народы, тем больше у него возможности притеснять свой собственный народ. В случае надобности, он легко может обратить против русского народа всех тех солдат и всех тех чиновников, которые привыкли бить, грабить и разбойничать в завоеванных землях. Русские рабочие должны помнить, что ни один народ не может быть свободен до тех пор, пока он не перестанет угнетать другие народы.

Не ненависть, а сочувствие должно возбуждать в них стремление угнетенных народов к своему освобождению. «Бунт»—не преступление, а великое и святое дело, когда отдельный класс или целый народ восстает против насилия, за свое счастье, за свою свободу и независимость.

Но и это не все. Книжечка, которую мы предлагаем теперь читателям, написана человеком, который стремился не только к освобождению Польши от царского гнета. Этого ему было мало. Он был социалист, то-есть он хотел освободить рабочий народ от гнета кулаков, фабрикантов и помещиков. Он затем и написал свою книжечку, чтобы выяснить рабочим, откуда берется такой общественный порядок, при котором десятки, сотни и тысячи мужчин, женщин и даже детей должны надрывать себя тяжелым трудом для обогащения одного какого-нибудь «предпринимателя». Прочтите эту книжечку, и вы увидите, что такие порядки в Польше происходят от тех же причин, как и в России. А придется вам прочесть перевод подобной же книги с немецкого или с французского языка, — вы увидите, что те же самые причины существуют и в Германии, и во Франции. Во всех цивилизованных (образованных) странах рабочий класс страдает от одних и тех же причин, а потому, когда социалисты указывают, как устранить эти причины, то указания их применимы ко всем цивилизованным странам. Конечно, в

каждой стране есть свои местные особенности; но главное, коренное средство освобождения рабочего класса везде одно и то же.

Вот почему рабочие всех стран должны считать,—а отчасти уже и считают,—себя братьями. Полное, окончательное и всестороннее освобождение труда есть та общая, великая цель, для достижения которой рабочие всех стран должны соединиться вместе, позабывши ту нелюбовь к людям другого языка и других обычаев, которая свойственна лишь диким и необразованным народам.

Русским рабочим пора уже отказаться от таких предрассудков, пора им откликнуться на тот призыв, который в среде всех цивилизованных народов раздается уже с 1848 года:

Пролетарии [1]) всех стран, соединяйтесь!

Теперь читатель видит, почему мы сочли нужным напечатать эту книжечку. Она написана очень хорошо, а этого достаточно, чтобы перевести социалистическое сочинение на русский, как и на всякий другой, язык. Переводчица хотела было несколько изменить выражения автора [2]), имея в виду русских читателей. Там, где автор, описывая положение рабочих в других странах, прибавляет, что это—совсем «как в Польше», она хотела поставить—«совсем как в России». Но нам показалось это излишним. Русский рабочий и сам увидит, что его положение ничем не лучше,—если еще не хуже,—положения рабочих других стран. Постоянные же указания на бедствия польских рабочих не бесполезны для русского читателя. Они лишний раз напомнят ему, что русский рабочий должен видеть в польском рабочем не врага, а брата.

В заключение два слова о самом авторе этой брошюры.

Звали его Симон (по-польски Шимон) Дикштейн. Но этим именем он не подписывался под своими сочинениями, а выбрал, как это часто бывает между писателями, другое имя (псевдоним). Он называл себя Яном Млотом (Иваном Молотом). Он родился в 1858 году в Варшаве от очень бедных родителей. С детства он отличался большими способностями, пятнадцати лет окончил уже гимназический курс, а еще через пять лет получил уже степень кандидата университета. Тогда перед ним открылась дорога если не к богатству, то, по крайней мере, к спокойной и обеспеченной жизни ученого. Трудолюбивый и даровитый, он мог приобрести громкое имя в науке. Но не это привлекало его. Как раз к

[1]) Пролетарием называется человек, не имеющий ни земли, ни орудий труда, ни капитала и вынужденный продавать свою рабочую силу, наниматься к хозяину, чтобы не умереть с голоду.

[2]) Автором сочинения называется человек, его написавший.

тому времени, когда он окончил курс в университете, в Варшаве очень усилилась социалистическая пропаганда между рабочими. Дикштейн (или просто Дик, как называли его товарищи) оставил свою зоологию [1]) и целиком отдался делу рабочего класса. Это, разумеется, навлекло на него полицейские преследования, так что он должен был бежать за границу. Здесь наступила новая пора в его жизни. Не имея возможности лично распространять социалистические идеи между рабочими, он стал писать. Писал он много и прилежно, переводил социалистические книги, составлял статьи для социалистических журналов и, между прочим, написал брошюру «*Кто чем живет?*». Кроме того, ему нужно было писать еще и для заработка, так как он, подобно всякому пролетарию, сам должен был зарабатывать свой хлеб насущный. Тут ему и помогло его образование. Он переводил ученые сочинения с английского на польский язык и жил на заработанные таким образом деньги. В то же время он сам занимался учеными зоологическими работами и готовил к печати очень серьезное сочинение.

Казалось, что этот ученый, честный и даровитый молодой человек нашел, как говорится, свое призвание. Он учился и работал на пользу дорогого ему дела; а это все, что ему было нужно. Но в его характере была одна черта, не позволявшая ему успокоиться на сделанном. Он никогда не был доволен собой. У очень многих людей такое недовольство ведет лишь к новым успехам: постоянно стремясь к лучшему, они действительно становятся лучше, чище, возвышеннее. Но у Дикштейна эта черта была развита до такой степени, что превратилась в болезнь. Вечно недовольный собой, он переставал верить в свои силы, переставал считать полезной свою писательскую деятельность, а жить без пользы для дела он не хотел, да и не мог. Под влиянием такого настроения он принял яду и умер 6 июля (н. ст.) 1884 года в Берне, откуда его перевезли потом для похорон в Женеву.

Нужно ли говорить, что об его безвременной смерти горько пожалели все, хоть немного его знавшие. Тело его провожали на кладбище социалисты самых различных народностей. Поляки и немцы, русские и французы со слезами опускали в могилу гроб честного и скромного Дика. Один старый французский революционер рыдал, как ребенок, повторяя, что он любил его как сына. Польская социалистическая партия лишилась таким образом очень полезного деятеля. Но мы думаем, что, прочитавши предлагаемую брошюру, русские рабочие также по-

[1]) Зоологией называется наука о животных.

мянут добром ее автора. Такие люди, как *Дикштейн,* живут не для себя, а для счастья рабочего класса. Вот почему рабочие должны свято чтить их память.

Женева. 20 марта 1885 года.

Приложение к брошюре С. Дикштейна «Кто чем живет?»

Стоимость всякого продукта определяется количеством труда, затраченного на его производство (т.-е. на его изготовление). Это признано всеми учеными. Но у человека, не знакомого с наукой, может явиться такая мысль: если стоимость всякого продукта будет тем больше, чем больше труда потрачено на его производство, то неумелый и неловкий сапожник, провозившийся над своими сапогами гораздо больше, чем нужно, получит за них больше, чем опытный мастер, работающий хорошо и скоро. Но такое рассуждение ошибочно.

Наука говорит не о той излишней трате времени и труда, которая происходит от неловкости рабочего. Этот излишний труд есть труд ненужный, затраченный им *без надобности,* только по неумению. Наука говорит о труде *необходимом,* без которого обойтись невозможно. А этот *необходимый труд* также бывает не всегда одинаков. Всякому известно, что на швейной машине скорее можно шить, чем без машины. Пока не было швейных машин, трудом, необходимым на шитье, скажем, рубашки, был труд средней (т.-е. не самой хорошей и не самой плохой) швеи, работающей с помощью иголки. Когда же были изобретены швейные машины, труд, *необходимый* для шитья рубашки, стал меньше, потому что на машине ее можно сшить скорее. Швея, у которой нет машины, конечно, так же долго, как и прежде, провозится над рубашкой; но теперь некоторая часть ее труда уже не будет считаться *необходимой.* Какая именно часть? А вот какая. Если на машине можно шить втрое скорее, чем без машины, то только третья часть труда нашей швеи будет *трудом необходимым.* Положим, что она провозилась с рубашкой *шесть часов,* а на машине можно было бы сшить ее в два часа. Тогда *шесть часов труда нашей швеи* будут равняться только двум часам необходимого труда. Вот почему введение машин всегда разоряет ремесленников, работающих ручными инструментами.

Но это еще не конец. Чтобы мой труд был трудом необходимым, нужно, чтобы произведенные мною продукты были нужны обществу, *чтобы на них был спрос,* как говорят ученые. Возьмем хоть ткацкое дело. Полотно и всякие ткани, конечно, нужны людям; это такой про-

дукт, без которого могут обходиться только дикари. Поэтому на полотна есть *спрос;* труд ткача есть *труд необходимый.* Но и тут дело зависит от того, работает ли ткач на машине или на ручном станке. В настоящее время *необходимым трудом* ткача считается только тот труд, который необходим при тканье машинами. Тот *излишний* труд, который потребуется при ручном станке, не считается уже необходимым. Оттого-то наши ткачи-кустари так бедствуют в настоящее время.

Но положим, что нужно было десять тысяч штук полотна, а приготовили их двадцать тысяч. Выходит, что полотна приготовили вдвое больше, чем требовалось, значит, и труда на его производство истратили вдвое больше, чем нужно. *Излишний* труд не есть *необходимый* труд. Если половина всех сработанных кусков была приготовлена без надобности, то и труд, затраченный на производство этой половины, будет трудом *излишним,* а вовсе не *необходимым.* Если люди, приготовившие полотно (сами ткачи или их хозяева), станут продавать полотно все разом, то стоимость полотна будет вдвое меньше, чем должна была бы быть по настоящему. Каждый из них понесет убыток, каждый из них увидит, что половину своего времени истратил даром, что его труд только на половину был трудом необходимым. Если же половина людей, изготовивших полотно, ухитрится вывезти его на рынок прежде, чем привезет его другая половина, то им, пожалуй, удастся продать его именно сообразно с количеством труда, затраченного на его производство. Но тогда другая половина «производителей» полотна совсем не найдет покупщиков, их *труд* окажется совершенно *излишним;* значит и *стоимость* их полотна будет равна нулю, потому что на производство этого полотна вовсе не затрачено *необходимого труда.* Но их может отчасти выручить дешевизна их товаров. И вот каким образом.

Видя, что нет спроса на их полотно, они будут, что называется, навязывать его покупателям, будут все больше и больше понижать его цену. Тогда многие из тех людей, которые из бедности не могли покупать полотна, когда оно продавалось по настоящей цене, купят его теперь за бесценок. Кроме того, некоторые из зажиточных людей пожелают купить его в запас опять-таки потому, что соблазнятся дешевизной. Благодаря этому, наши запоздавшие продавцы полотна вернут кое-что из своих «издержек производства», но без убытка, и без большого убытка, дело все-таки не обойдется.

Но кому же охота работать в убыток, задаром? Видя, что спрос на полотно упал, люди, занимающиеся его производством, будут приготовлять его меньше. Тогда поднимется его цена. Если полотна приго-

товят на этот раз ровно столько, сколько его требуется, то весь труд, затраченный на его производство, будет *трудом нобходимым*. А если полотна приготовят *меньше,* чем требуется, то цена его возрастет *еще больше,* так что производители получат больше, чем следует. Тогда вместо убытков они получат огромные барыши. Но на большие барыши охотников много. Явятся другие производители полотна; они также вывезут его на рынок. Тогда цена его опять упадет, и т. д.

Вот эти-то *колебания цены* полотна и приводят к тому, что если мы возьмем не один год и не один случай, а много лет и много случаев продажи полотна на рынке, то увидим, что *стоимость его определяется количеством труда, необходимым* на его *производство.*

То же самое можно сказать обо всяком другом продукте.

Следует только помнить, что под количеством труда, необходимого на производство какого-нибудь продукта, нельзя понимать труд рабочего одного какого-нибудь ремесла. Так, например, в замке заключается труд не только слесаря, но также и рудокопа, добывающего железную руду, рабочих, занимающихся выплавкою руды, изготовлением полосового железа, перевозкой и т. д., и т. д. Все эти рабочие способствовали приготовлению если не самого замка, то *материала* для него. А потому труд всех этих рабочих должен итти в расчет при определении стоимости замка.

Точно также, когда мы сравнивали труд швеи, не имеющей такой машины, то для полноты нужно было упомянуть еще вот о чем.

Сама швейная машина приготовлена *трудом рабочих.*

Поэтому она также имеет стоимость. Стоимость эта уменьшается от употребления машины; *подержанная машина* всегда дешевле новой. Но та стоимость, которая утрачена швейной машиной, переносится на сшитые, с ее помощью, вещи. И это понятно. В рубашке, сшитой на машине, заключается, между прочим, труд рабочих, сделавших машину. Значит, если говорить совсем точно, то шесть часов труда швеи, работающей без машины, не будет равняться,—как мы сказали,—2 часам *необходимого труда.* Работая без машины, она не переносит на сшитую ею рубашку той стоимости, которую теряет эта машина от употребления. Поэтому, хотя она шьет втрое медленнее, чем шила бы на машине, но шесть часов ее труда будут равняться уже не двум, а скажем, 2 с четвертью или двум с половиною часам *необходимого труда.* Само собою разумеется, что эта маленькая разница не улучшит ее бедственного положения, происходящего от введения машин.

Предисловие к «Речи о свободе торговли» К. Маркса.

Предлагая читателям русский перевод «Речи о свободе торговли», мы находим не лишним сделать несколько предварительных замечаний.

Перевод сделан нами с нового немецкого издания «Речи», так как французский оригинал ее, вышедший в 1847 году в Брюсселе, давно уже стал библиографическою редкостью, и мы не могли достать его у книгопродавцев. Мы знаем, конечно, что всякое произведение удобнее всего переводить с того языка, на котором оно было написано. Но, кроме упомянутой уже невозможности достать французский подлинник, нас оправдывает, в данном случае, и то обстоятельство, что немецкое издание «Речи» сделано было при участии Фридриха Энгельса. Этого довольно, чтобы поручиться за точность немецкого перевода.

В немецком издании «Речь о свободе торговли» составляет приложение к переводу другого, более известного, сочинения Маркса «Нищета философии, Ответ на Философию нищеты» г. Прудона». Сочинение это также переведено на русский язык и составит следующий, пятый, выпуск «Библиотеки Современного Социализма». Но нам не хотелось откладывать издания «Речи», и потому мы решились выпустить ее отдельной брошюрой.

Едва ли нужно опираться на какие-нибудь частные сообщения для доказательства «своевременности» русского издания того или другого из сочинений автора «Капитала». Заметим, впрочем, что в настоящее время вопрос о покровительственной системе и свободе торговли принадлежит к числу самых важных вопросов русской экономической политики.

Мы боялись не того, что читатели найдут «Речь о свободе торговли» неинтересной, а того, что для некоторых из них она будет непонятной, вследствие малого знакомства с теми историческими собы-

тиями, по поводу которых она была произнесена. Поэтому мы позволили себе предпослать своему переводу краткий очерк истории этих событий, т.-е. *истории отмены хлебных законов в Англии.*

Законодательное регулирование хлебной торговли в Англии, как и в других странах, проходит через весь период господства так называемой меркантильной системы. Но нам нет надобности начинать свой очерк с этого отдаленного времени. История хлебных законов интересует нас теперь лишь постольку, поскольку она является отражением борьбы классов в новейшем, капиталистическом обществе. Эта сторона дела может быть изложена в немногих словах.

По мере того, как росло и развивалось торговое и промышленное значение Англии, возрастало также и ее население. Вместе с этим увеличивался, разумеется, и спрос на хлеб и другие земледельческие продукты. Естественно также, что предложение этих продуктов стремилось притти в соответствие со спросом и английское земледелие, получив новый толчок от развития промышленности, делало весьма значительные успехи. Само сельское хозяйство все более и более принимало капиталистический характер. Это вело к увеличению цен на землю, к возрастанию доходов землевладельцев. Чтобы вполне воспользоваться таким благоприятным стечением обстоятельств, землевладельческой партии нужно было лишь оградить себя от иностранной конкуренции, которая могла бы повести к понижению хлебных цен, а следовательно, и поземельной ренты. Само собою понятно, что английская аристократия хорошо понимала эту опасность и, не смущаясь учением буржуазной экономии о свободе торговли, постаралась ограничить ввоз иностранного хлеба в Англию. Не входя в излишние подробности, мы напоминаем читателю, что уже в 1791 году землевладельцам удалось провести закон, на основании которого свободный ввоз хлеба в страну допускался только в том случае, когда цена пшеницы на внутреннем рынке поднималась выше 55 шиллингов за квартер. В 1801 году эта минимальная норма была возвышена до 63 шиллингов.

Политические события начала текущего столетия, казалось, сами шли навстречу экономическим стремлениям английской землевладельческой партии. В 1806 году (21 ноября) Наполеон декретировал так называемую континентальную блокаду, в силу которой континентальные государства должны были прекратить всякие торговые сношения с

Англией. Волей или неволей, вследствие угроз или даже прямого насилия, бóльшая часть европейских государств должна была подчиниться условиям этой блокады. Прямым последствием ее для Англии была потеря континентальных рынков, на которых она сбывала свои мануфактурные изделия и закупала сырье. Теперь английским землевладельцам нечего было бояться конкуренции, по крайней мере, европейских государств. Страна вынуждена была довольствоваться своими собственными земледельческими продуктами. Это дало новый толчок английскому земледелию. К нему обратились многие из тех капиталов, которые уже не находили себе выгодного приложения в лишившейся сбыта промышленности. Интенсивная культура сделала огромные успехи; самые плохие участки земли подвергались теперь тщательной обработке. Но это усовершенствованное земледелие требовало больших затрат и для своего процветания необходимо предполагало высокие цены на хлеб. Поэтому, когда рушилось господство Наполеона, а с ним вместе пала и континентальная система, то английские землевладельцы снова должны были подумать о новом, еще более действительном ограждении своих интересов путем законодательства. Не далее, как в 1812 году, цена пшеницы в Англии доходила до 155 шиллингов за квартер. В 1814 году она спустилась до 66 шиллингов. Землевладельческая партия не нуждалась в повторении такого урока и уже в следующем году, пользуясь своим преобладающим влиянием в обеих палатах парламента, она провела новый хлебный закон, по которому свободный ввоз хлеба в Англию допускался лишь в том случае, когда цена на пшеницу стояла не ниже 80 шиллингов за квартер. Хлебные цены, обеспеченные таким образом английским землевладельцам, более чем в два раза превышали цены, существовавшие в то время на континенте.

Теперь поземельная аристократия могла уже не опасаться за свои доходы, но это законодательное ограждение ее интересов привело ее к столкновению с буржуазией.

С тех пор, как буржуазная экономия стала систематически заниматься вопросами о распределении, одним из самых общепризнанных в науке учений было учение о том законе заработной платы, который Лассаль называл «железным и жестоким законом». Этот закон, одинаково принимаемый как Тюрго, так и Смитом, как Сэем, так и Рикардо, гласит, что высота заработной платы всегда определяется уровнем тех потребностей рабочего, без удовлетворения которых он не мог бы существовать и «поддерживать свою расу». Отсюда ясно, что чем дороже обходится удовлетворение насущных потребностей рабочего, тем более

возрастает заработная плата. А так как хлеб служит главным средством удовлетворения потребности в пище, этой главнейшей из всех потребностей, то ясно также, что высота заработной платы находится в прямой зависимости от высоты хлебных цен.

Возвышая эти последние, хлебные законы, тем самым возвышали и заработную плату. Само собою разумеется, что, будучи нарушено в ту или другую сторону, равновесие между ценами жизненных припасов и заработной платы никогда не восстановляется немедленно. «Жестокость» закона заработной платы, между прочим, именно в том и заключается, что при возрастании цен жизненных припасов сама заработная плата только тогда начинает подниматься, когда бедствия и лишения уменьшат предложение рабочих рук на рынке. Поэтому в нашей метафоре не будет никакого преувеличения, если мы скажем, что заработная плата *поднимается* лишь по трупам рабочих — в том случае, когда увеличение цен жизненных припасов не сопровождается соответствующим ему возвышением спроса на рабочую силу. Но это последнее представляет собою лишь редкое исключение из общего правила.

Таким образом, возвышение пошлин на хлеб необходимо должно было повести за собою многие бедствия в среде рабочего класса. Но не эти бедствия смущали английскую буржуазию. И теория, и практика говорили ей, что при прочих равных условиях высота прибыли на капитал обратно пропорциональна высоте заработной платы, и что при низкой плате можно дешевле продавать товары, не понижая этим уровня прибыли. Чтобы повысить уровень прибыли на капитал, нужно было, следовательно, понизить заработную плату, т.-е. удешевить содержание рабочего. Хлебные законы были главными препятствиями к достижению этой цели, а потому английская буржуазия естественно должна была добиваться их отмены. Но как могла она сделать это? Хорошо понимая свои интересы, землевладельцы плохо поддавались на теоретические доводы в пользу свободы торговли. Оставалось *принудить* их к тому, на что они не соглашались добровольно. И так как английская буржуазия не была заражена предрассудками, характеризующими наших народников, то она и решилась употребить политические средства для достижения своих экономических целей. Борьба против хлебных законов приняла характер политической борьбы между поземельной аристократией и торгово-промышленной буржуазией. «Бесполезно было нападать на эту вредную меру (т.-е. на хлебные законы) до тех пор, пока заведывание всеми делами страны целиком находилось в руках людей, в интересах которых мера эта была принята, — справедливо замечает Мольз-

уорт [1]), — поэтому все громче и громче стал раздаваться старый клич в пользу парламентской реформы». И действительно, агитация в пользу реформы парламента немедленно приняла весьма грозные размеры; она послужила даже поводом ко многим кровавым столкновениям народа с властями. Но только в 1830 году, в значительной степени под влиянием Июльской революции во Франции, общественное мнение настолько склонилось в пользу реформы, что происшедшие в этом году выборы дали ее сторонникам перевес в Нижней палате. Первого марта 1831 года лорд Джон Россель внес билль о реформе, а в июне 1832 года билль этот, несмотря на ожесточенное сопротивление аристократии, получил, наконец, силу закона.

Как ни мало соответствовала совершившаяся реформа ожиданиям народа, который во многих местах и давно уже требовал *всеобщего избирательного права*, — но буржуазии она развязала руки. Преобладающее влияние поземельной аристократии в парламенте было подорвано, и попытка добиться отмены хлебных законов перестала быть безнадежною.

Попытка эта удалась, конечно, не сразу. Первоначально даже и в реформированном парламенте огромное большинство членов было против отмены хлебных законов. Но сторонники свободной торговли не унывали.

Они знали силу общественного мнения в Англии, и потому прежде всего позаботились о том, чтобы склонить его на свою сторону. С этой целью в разных местах страны они образовывали ассоциации против хлебных законов, а в 1838 году, по инициативе манчестерской торговой палаты, парламенту была уже представлена петиция, в которой говорилось, что «без немедленной отмены хлебных законов английским мануфактурам грозит неминуемое разорение» и что «только полнейшая свобода торговли могла бы обеспечить процветание промышленности и спокойствие страны». И так как Нижняя палата отвергла эту петицию, то фритрэдеры (сторонники свободной торговли) решились доказать, что в стране действительно не будет спокойствия до тех пор, пока их требование не будет исполнено. «Из наших больших городов мы составим Лигу для борьбы против гнусностей нашей феодальной аристократии,—воскликнул Ричард Кобден на одном собрании,—и пусть развалины замков на Рейне и Эльбе напоминают нашим противникам о судьбе,

[1]) «The History of England from the year 1830—1874», p. 5.

которая ждет их в том случае, если они будут упорствовать в борьбе против промышленных классов страны!»

— «An anti-corn Law-League!» (Лигу против хлебных законов),— подхватил один из присутствующих.

— «Yes, an anti-corn Law-League!» (Да, Лигу против хлебных законов),—отвечал Кобден.

Предложение было принято, и уже в самом начале 1839 года «Лига против хлебных законов» получила прочную организацию. Манчестер был избран центром, в котором сосредоточивалось все управление Лиги. Во главе всего дела стоял исполнительный совет из пятидесяти членов. Каждый из членов этого совета, в свою очередь, руководил какой-нибудь ветвью организации. Один заведывал избирательным комитетом, другой — торговым, третий — финансовым, четвертый — комитетом для переписки и т. д. С этими комитетами связывались рабочие и даже дамские под-комитеты, которые вели агитацию в самых различных слоях общества. Наконец, всевозможные местные ассоциации распространяли влияние лигистов по всей стране. И так как Лига возникла по мысли богатых промышленников, то ей никогда не приходилось страдать от того недостатка в денежных средствах, который парализует иногда самые энергические усилия рабочих обществ. Напротив, она имела возможность затрачивать огромные суммы на свою агитацию, и действительно не отступала ни перед какими издержками. Газеты, книги, брошюры, листки, воззвания, митинги, избирательная агитация — все было пущено в ход для борьбы с неприятелем. Сила и значение Лиги возрастали с каждым годом.

На ее сторону стали переходить не только политические деятели, но даже духовные лица. В 1841 году в Манчестере собралось до 700 священников различных вероисповеданий, которые об'явили в своей резолюции, что «хлебные законы нарушают законы Спасителя и суживают благодеяния Провидения».

Не довольствуясь всем этим, Лига придумала еще одно средство, которое должно было дать ей новую силу в парламенте. Именно, Кобден предложил членам и сторонникам Лиги приобретать земельные участки, которые давали бы им право голоса при парламентских выборах. Мысль эта приводилась в исполнение так энергично, что вскоре во многих избирательных округах большинство состояло из противников хлебных законов. Тогда уже невозможно было сомневаться в исходе начатого лигистами дела. Их ряды стали пополняться перебежчиками из лагеря протекционистов. Сам Роберт Пиль, глава тогдашнего торийского ми-

нистерства, понял, что дальнейшее упорство было бы бесполезно. 27 января 1846 года он внес билль, в котором, рядом с другими мерами в пользу свободной торговли, предлагал сперва понизить хлебные пошлины, а затем и совсем отменить их по прошествии 3 лет, т.-е. в феврале 1849 г. Несмотря на сопротивление протекционистов, билль этот прошел в обеих палатах [1]) и уже в июне 1846 года получил силу закона.

Таким образом пали хлебные законы в Англии, и буржуазия беспрепятственно могла понизить заработную плату соответственно понижению цены хлеба. Но спрашивается, было ли понижение заработной платы в интересах тех пролетариев, которых буржуазия всеми силами старалась привлечь на свою сторону в борьбе с поземельной аристократией? Какую пользу могла принести рабочим одержанная буржуазией победа? На этот-то вопрос и отвечает «Речь о свободе торговли». С своей стороны, мы заметим здесь, что хотя некоторая часть рабочего класса и поддерживала усилия лигистов, но в среде его уже существовала тогда партия, ясно сознававшая, что не в свободе торговли нужно искать средств для эмансипации трудящихся. Такова была партия чартистов.

Мы уже говорили, что парламентская реформа 1832 года во многом не удовлетворила народных ожиданий. Она дала избирательное право средним, но не низшим классам английского населения. Отсюда возникло стремление пролетариата сложиться в особую политическую партию. Между тем, как буржуазия, опираясь на свои политические права, могла непосредственно взяться за осуществление своих экономических целей,— пролетариату нужно было еще завоевать себе те права, без которых нечего было и думать о необходимых для него экономических реформах. Вот почему, почти одновременно с возникновением «Лиги против хлебных законов», началось движение *чартистов* или сторонников *народной хартии*. Чартисты требовали всеобщего избирательного права, избрания членов парламента лишь на один год (annual parlaments), тайной подачи голосов, отмены того ценза, с которым связывалось право быть избранным в депутаты; законного денежного вознаграждения депутатам, которое позволяло бы выбирать их из рабочих, наконец, нового, более равномерного разделения страны на избирательные округа. Когда все эти требования были формулированы, вожаки движения сказали себе: «Вот наша хартия; мы будем агитировать в ее пользу и никогда не удовольствуемся чем-нибудь меньшим». Держась этого правила, они, есте-

[1]) Большинством 98 голосов в Нижней и 47—в Верхней палате.

ственно, не могли перейти на сторону лигистов, добивавшихся лишь свободы торговли. Ни мало не желая поддерживать привилегии поземельной аристократии, чартисты понимали в то же время, что рабочие не должны быть слепым орудием в руках буржуазии. Они хотели, напротив, в своих собственных интересах воспользоваться междоусобием, возникшим в среде имущих классов. На все предложения лигистов они отвечали, что решение вопроса о свободе торговли должно быть отсрочено до тех пор, пока «народная хартия» не ляжет в основу английской конституции. С своей стороны, вожаки Лиги отлично сознавали, что когда наступит такой момент, то рабочий класс потребует от парламента не только свободы торговли, но и целого ряда других, очень невыгодных для буржуазии реформ. Они привыкли смотреть на рабочих, как на послушное орудие в руках высших классов, чартисты же договаривались с ними, как равные с равными, и соглашались продать свою поддержку лишь за очень дорогую цену. Удивлению и негодованию либеральной буржуазии не было пределов, и соглашение оказалось невозможным.

Таково было, в общих чертах, взаимное положение различных партий в Англии в период агитации против хлебных законов.

Зная это положение, не трудно уже следить за аргументацией нашего автора, и мы тотчас же закончили бы свое предисловие, если бы не считали нужным обратить внимание читателей еще на одно обстоятельство, касающееся уже чисто формальной стороны рассуждений Маркса.

Русские социалисты хорошо знают, что интересы рабочего класса диаметрально противоположны интересам буржуазии. Но из этого бесспорного положения они делали и делают до сих пор не всегда правильные выводы. Так, например, применяя его к политике, многие из наших социалистов были когда-то убеждены, что падение абсолютизма принесло бы вред русскому «народу», так как оно было бы «выгодно буржуазии». Тяжелые уроки жизни заставили их отказаться от этого грубого предрассудка. Но относительно экономических явлений он и до сих пор сохранил еще всю свою силу. До сих пор еще огромное большинство русских социалистов рассуждает приблизительно таким образом: так как, при настоящих условиях, каждый шаг на пути промышленного развития нашей страны пойдет прежде всего на пользу буржуазии, то мы не желаем этого развития, и готовы лучше поддерживать существующий по-

рядок экономических отношений, чем изменят его в невыгодном для народа направлении. Таким образом, наши социалисты становятся на сторону экономического застоя. И хотя они, по их мнению, симпатизируют ему лишь до поры до времени, лишь до тех пор, пока у них не будет достаточно силы для социалистического переустройства всего общественного здания, но это обстоятельство не устраняет из их воззрений некоторого оттенка консерватизма и даже реакционности. Они забывают, что с точки зрения современного социализма освобождение рабочего класса может быть лишь результатом исторического развития, а не плодом усилий отдельных личностей или хотя бы целых «организаций», игнорирующих общий ход этого развития и даже поступающих наперекор ему. Не умея согласовать своих революционных планов с предстоящими теперь переменами во всем складе русских общественно-экономических отношений, наши революционеры признают тем самым, что они не умели еще открыть реальных условий освобождения трудящихся классов России. И в этом-то смысле для них может быть весьма поучительной точка зрения, с которой Маркс смотрит на вопрос о свободе торговли. Никто удачнее Маркса не разбивал всех аргументов приверженцев этой свободы, никто еще не показывал с такою очевидной ясностью, что свобода торговли означает не что иное, как беспрепятственное порабощение труда капиталом. Но в то же время, когда убежденный неотразимыми доводами автора читатель готовится уже признать, что социалист должен сочувствовать скорее протекционизму, чем свободной торговле, Маркс спешит оговориться. «Не думайте, однако, господа,—замечает он,—что, критикуя свободу торговли, мы намерены защищать покровительственную систему. Можно нападать на конституционализм, не становясь через это сторонником абсолютизма». Что же означает эта оговорка? Ни более, ни менее как то, что в каждом историческом явлении Маркс прежде всего видит его революционную сторону. По его мнению, есть страны или, лучше сказать, такие периоды в развитии различных стран, когда сама протекционная система является в руках буржуазии революционным «оружием против феодалов и абсолютной власти». Но, говоря вообще, покровительственная система является теперь консервативной, между тем как система свободной торговли действует разрушительно. Она разлагает прежние национальности и доводит до крайности противоположность между пролетариатом и буржуазией. Словом, система свободной торговли ускоряет социальную революцию. И только в этом революционном смысле, господа, я высказываюсь за свободную торговлю».

Оказывается, что явления, сами по себе весьма непривлекательные, могут, однако, «ускорять социальную революцию», т.-е. приближать время освобождения труда от гнета капитала. Именно с точки зрения этой истины мы и должны рассматривать совершающееся на наших глазах разложение старых «устоев» русского народного хозяйства. Россия не имеет *ни нужды, ни возможности возвращаться назад* по пути, однажды уже пройденному; точно также и *задержать* ее на этом пути не может никакая человеческая сила. Русским передовым деятелям остается, поэтому, одно из двух: или оплакивать *существующий* факт, бесплодно сожалея о том, что историческое развитие совершается вопреки их симпатиям,—или принять этот факт за исходную точку своих действий и постараться употребить на пользу рабочего класса все новые силы, создаваемые самим процессом исторического развития. В первом случае они отойдут в разряд тех «лишних людей», которых и без того уже было у нас более чем достаточно; во втором—увидят перед собою широкий путь самой плодотворной революционной деятельности. Можно ли хоть на минуту поколебаться в выборе?

Женева, 20 апреля 1885 года.

Забастовка в России.

(Морозовская стачка) [1])

Две недели тому назад происходил во Владимире (центральная Россия) процесс, к которому привлечено было около тридцати рабочих по обвинению в участии в забастовке, имевшей место в январе 1885 года на ткацкой фабрике миллионера *Морозова,* который один занимает свыше двадцати тысяч рабочих в разных местностях Владимирской губернии.

Этот образцовый капиталист, пользуясь свирепствующим промышленным кризисом, ухитрился понизить заработную плату 6.000 ткачей упомянутой фабрики, подвергая их штрафам, часто превосходящим 50% более чем скромного «дохода» рабочих.

Измученные притеснениями и потеряв всякое терпение, ткачи об'явили забастовку и заявили, что возобновят работу лишь при условии некоторого повышения заработной платы и отмены практиковавшейся на фабрике системы штрафов. При этом они, однако, отнюдь не требовали полной отмены штрафов,—они ограничивали свое требование назначением арбитражной комиссии, составленной наполовину из рабочих и на половину из мастеров и уполномоченной выносить постановления о штрафах.

Директор фабрики отказался удовлетворить скромные требования рабочих, и телеграфировал *Морозову*, находившемуся в Москве. Последний тотчас же обратился к генерал-губернатору этого «священного» города с просьбою предоставить в его распоряжение войска. Нечего говорить, что князь Долгоруков (генерал-губернатор) пошел навстречу желанию Морозова: батальон пехоты был немедленно послан во Владимир.

Владимирский губернатор, со своей стороны, примчался на место забастовки, в сопровождении прокурора, жандармов, казаков и целой стаи

[1]) „Le Socialiste“, organe du parti ouvrier, 26 июня 1886 г.

шпионов. Прежде всего он спросил у стачечников, чего они хотят. Два человека, *Волков* и *Мосеенко,* тотчас же выступили вперед и от имени своих товарищей представили записку, в которой перечислены были все жалобы стачечников. Но вопрос губернатора был лишь традиционным манером русской администрации, чтобы установить «зачинщиков». И действительно, губернатор, даже не ознакомившись с содержанием поданной ему записки, приказал арестовать обоих делегатов «и их сообщников».

Но рабочие не могли отнестись спокойно к этой гнусности. Сообщение об аресте товарищей распространяется среди рабочих, возмущение охватывает всех стачечников, бьют в набат—и толпа набрасывается на жандармов. Арестованные были освобождены, а толпа стачечников, мстя за насилие, разгромила квартиру директора фабрики и лавку, в которой г. Морозов, практикуя truck-system, продавал своим рабочим всякого рода товары.

Испуганный губернатор велит подтянуть подкрепления, и возмущение рабочих усмиряется вооруженной силой. Несколько времени спустя администрация фабрики уступает рабочим в некоторых пунктах—и работы возобновляются. По окончании забастовки сотни рабочих были арестованы и затем высланы на родину. Около пятидесяти из них предстали в январе этого года пред судом и присуждены были, на основании русского закона, воспрещающего стачки, к тюремному заключению на сроки от 15 дней до 2 месяцев.

Не довольствуясь этим, прокурор, сверх того, привлек к суду 33 стачечников по обвинению в том, что они «ограбили» квартиру директора и лавку г. Морозова, а также и в оказании сопротивления вооруженной силе. В своем обвинительном акте прокурор особенно подчеркнул, что *Волков* и *Мосеенко,* два главных вожака забастовки, уже давно принадлежали к социалистической партии и что они уже в 1878 г. организовали забастовку в Петербурге,—обстоятельство, за которое они поплатились ссылкой в Сибирь, откуда они лишь недавно возвратились. Несмотря, однако, на все рвение, проявленное прокурором, чтобы добиться примерного осуждения обвиняемых, присяжные заседатели, на которых, видимо, произвела глубокое впечатление обнаруженная на суде картина подлостей, совершавшихся администрацией фабрики, ответили *отрицательно* на все 101 (сто один) вопрос обвинения. Председатель окружного суда приказал тогда отпустить обвиняемых на свободу.

Процесс вызвал к себе огромный интерес в России, где он несомненно явится исходным пунктом нового фазиса рабочего движения. При-

падки бешенства, вызванные оправданием наших мужественных товарищей у царских борзописцев, могут служить хорошим указанием. Пресловутый Катков (заправила современной реакции) пишет в своей газете («Московские Ведомости»), что «рабочий вопрос народился в России». Со своим обычным цинизмом и бесстыдством он заявляет, что, вместо того, чтобы терять время на судебное разбирательство, нужно было административно сослать обвиняемых (Роши и Дюк-Керси) из Владимира в Сибирь, «которая им уже хорошо знакома».

Принимая во внимание жестокий режим, которому подвержена Россия, можно, к несчастью, предсказать, что все оправданные будут сосланы в Сибирь и что социалисты *Волков* и *Мосеенко* не избегнут рук царских жандармов.

Предисловие и примечания к брошюре «Чего хотят социал-демократы».

Предисловие к первому изданию.

Содержание предлагаемой брошюры само говорит за себя и не нуждается в похвалах со стороны издателей. Оно заимствовано нами из замечательного сочинения Геда и Лафарга «Programme du parti ouvrier». Нами сделаны лишь примечания, которыми мы хотели показать, что все посылки современного социализма признаются и буржуазными учеными. Таким образом, спорить можно только о выводах, но и здесь спор едва ли может быть продолжителен: противники современного социализма, т.-е. марксизма, неоднократно сами печатно заявляли, что раз признана правильность лежащих в его основании посылок, то необходимо согласиться с выводами.

Примечания.

1. «Необходимость совокупных усилий в борьбе как с органической, так и с неорганической природой... ведет к аппроприации *как движимой*, так с течением времени, по мере оседания племен, и недвижимой собственности не частными лицами или семьями, а целыми группами индивидуумов разного пола, ведущими хозяйство сообща». Максим Ковалевский, «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения», Москва 1879, стр. 4—5. «Вопреки тому, что можно было бы допустить a priori, важнейший и необходимейший вид движимого имущества—*пища*, вместо того, чтобы быть об'ектом индивидуального присвоения со стороны того или другого из дикарей, принадлежит совокупности членов племени в общую собственность». Ibid. стр. 29.

«При слабом развитии земледелия и одновременном занятии первобытными промыслами, ведение хозяйства сообща является весьма обычным явлением. Занятие каждого определяется племенным старейшиной... Продукты общего хозяйства поступают к племенному старейшине, который принимает меры для приготовления из них количества пищи, необходимой для прокормления всех семейств, равно и нужной их членам одежды и т. д.». Ibid., стр. 37—38. Раз установилась частная собственность на движимые предметы, лично употребляемые самим владельцем: оружие, орудия звериной и рыбной ловли и т. д., она переходит мало-по-малу и на то, что добыто с помощью этих орудий. Таким образом личный труд продолжает лежать в основе частной собственности. В правовых воззрениях дикарей играет, следовательно, не малую роль то «трудовое начало», которое наши народники считают особенностью крестьянского обычного права. «Трудовое начало»—дело, бесспорно, хорошее. Но увы! Его собственная внутренняя диалектика превращает его в его собственную противоположность. В силу этого пресловутого «начала» дикарь пред'являет право собственности на взятого *лично им* «трудами рук своих», если говорить языком г. Г. Успенского, в плен врага: а когда раб начинает работать на своего господина, то в основу собственности этого последнего ложится уже *не личный,* а *чужой* труд. В силу того же «начала», наш крестьянин, имея полное право собственности на лично им заработанные деньги, покупает на них рабочую силу батрака; а когда батрак работает на хозяина, то, трудовое начало также немедленно переживает вышеуказанную метаморфозу. Пора бы нашим народникам понять, что первобытный коммунизм в самом себе носит элементы своего разложения и что нельзя, поэтому, искать в нем опоры для общественной организации будущего.

2. Просим читателя не забывать того, что сказано нами в конце предыдущего примечания. Первобытный коммунизм разлагается в силу своего собственного несовершенства. Насилие и обман только ускоряют тот ход вещей, который неизбежен по причинам чисто экономическим. «Даже в том случае, если мы исключим всякую возможность грабежа, насилия и обмана, если мы допустим, что всякая частная собственность первоначально основывалась на личном труде ее обладателя и затем во все дальнейшее время только равные стоимости обменивались на равные, то тем не менее, с дальнейшим развитием производства и обмена, мы необходимо придем к современному капиталистическому способу производства, к монополизированию производительных средств и средств существования в руках одного малочисленного класса, к пригнетению

другого, составляющего огромное большинство, класса до положения лишенных всякой собственности пролетариев и т. д.», см. второй выпуск Библиотеки Современного Социализма. Развитие научного социализма Фр. Энгельса, стр. 57—58.

3. «Естественная цена труда есть такая цена, которая необходима для того, чтобы дать рабочему возможность существовать и поддерживать свою расу без увеличения или уменьшения». Рикардо, Works, London 1881, Principles of Political Economy, ch. V, p. 50. Под ценою *труда* Рикардо понимает здесь *цену рабочей силы*, т.-е. заработную плату. Такие же точно определения «естественной цены труда» можно найти и у Тюрго, и у Смита, и у Сэя, и у всякого «серьезного экономиста», как выражается Луйо Брентано. Но со времени агитации Лассаля буржуазные экономисты поняли, что вышеприведенный закон заработной платы должен являться в глазах рабочих одним из важнейших обвинительных пунктов против буржуазных общественных отношений. Вот почему в настоящее время «серьезные экономисты» делают «серьезные» усилия... не для изменения общественных отношений в более благоприятном для рабочих смысле, а для новой, менее откровенной и резкой *формулировки* этого закона.

4. «В 1879 году английскому парламенту был представлен список состава рабочих на всех фабриках волокнистых веществ»; из этого списка видно, что «шелковые, полотняные и джутовые ткани почти на ¾ являются продуктом женского труда, а миткаль, ланкарт и другие бумажные материи в размерах ²/₃ всего производства вырабатываются женщинами, и только в производстве бумажной пряжи, шерстяных, бумажных и пеньковых материй число рабочих мужчин приближается к женщинам, и лишь в одном—в механическом производстве кружев, в этом старинном, par excellence, женском занятии, мужской труд превышает женский. Если же к процентному отношению женского труда приложить таковое же детей обоего пола, то участие взрослых мужчин в означенных производствах окажется еще более ничтожным. Например, на 100 человек всех рабочих в шелковом производстве приходится 18,6 взрослых мужчин (свыше 18 лет), в джутовом—19,4, в бумаготкацком и суконном—21,3. В обработке неволокнистых веществ и других производствах женский труд играет меньшую роль, но и тут встречаются довольно крупные исключения: на фабриках консервов, например, 47% составляют женщины, *не включая девочек*, в фарфоро-фаянсовом производстве женский труд составляет 30%, в гуттаперчевом производстве—55%; при этом *везде замечается быстрое увеличение*

числа рабочих женщин насчет мужчин». Янжул, «Женский фабричный труд», «Вестник Промышленности», Апрель 1884, стр. 4—5.

«Численность женщин на наших фабриках вообще менее, чем на английских, но гораздо более, чем публика предполагает». Янжул, Ibid., стр. 6. И действительно, из осмотренных г. Янжулом 158 фабрик Московской губернии по 24 производствам, отношение рабочих женского пола к общему числу рабочих достигает: в бумаго-ткацком производстве—52,5%, в писчебумажном—46,5%, в бумагопрядильном—43%, в рогожном—42%, в табачном—40%, в шелковом—38%, в ситцевом—25,8% и т. д. Что касается отношения малолетних обоего пола к общему числу рабочих, то в производстве обоев оно достигает 38,1%, в мебельном и рояльном производстве—27,3%, в шерсто-прядильном—22,4%, на стеклянных заводах—25,5%, на фарфорово-фаянсовом—12%. На прядильных фабриках Владимирской губернии «отношение малолетних обоего пола к общему числу рабочих» равняется: на спичечных фабриках 55,55%, на прядильных 20,11%, на фарфоровых, хрустальных и стеклянных заводах—14,74% и т. д. (Фабричный быт Владимирской губ., Отчет за 1882—83 г. фабричного инспектора над занятиями малолетних рабочих Владимирского округа П. А. Пескова. СПБ. 1882, стр. 6 и 22). Г. Янжул замечает, что если в России цифра женского и детского труда «ниже английской, то такое явление следует приписать исключительно одной причине: низкой заработной плате наших рабочих». «Чем более будет расти в будущем мужская заработная плата и чем более будет совершенствоваться техника производства и ручная выделка будет заменяться механическими способами, тем более будет возрастать на наших фабриках спрос на женский и детский труд, а мужской будет соответственно уменьшаться. Этот процесс довольно быстро совершается, и его можно заметить ныне на некоторых производствах». Но если это так, если спрос на мужской труд будет уменьшаться, то мужская плата едва ли имеет много шансов «увеличиваться в будущем».

5. «Высказываемое рабочим классом убеждение в том, что введение машин часто вредит их интересам, основывается не на заблуждении или предрассудке, но соответствует истинным принципам политической (читай — буржуазной политической) экономии». Рикардо, Principles of Political Economy, XXXI, p. 239.

6. «Таким образом, прогресс промышленности, прогресс производства... стремится увеличить неравенство между людьми. Чем более преуспевает данная нация в искусствах (здесь подразумеваются техниче-

ские искусства) и в мануфактурах, тем более возрастает различие в судьбе тех, которые работают, и тех, которые наслаждаются; чем более трудятся одни, тем более проявляют роскоши другие». Сисмонди, Nouveaux Principles d'Economie Politique, Paris 1827, Tome premier, p. 80. В этом обстоятельстве заключается, между прочим, одно из замечательных противоречий капитализма. «Рабочий необходим для рынка в качестве покупщика товаров. Но в качестве *продавца своего товара*—рабочей силы—он постоянно наталкивается на тенденцию капиталистического о-ва довести цену этого товара до минимума, а следовательно, и уменьшить его покупательную силу» (Маркс, Das Kapital, том второй, примечание к стр. 303). На *возможность появления* такого противоречия указывал еще Кенэ, его *действительное* появление оплакивал Сисмонди. Но об'ективная логика вещей всегда была сильнее суб'ективной логики людей, и не указания благоразумных экономистов, а лишь устранение капиталистического способа производства может повести к устранению указанного противоречия.

7. Из этого не нужно, однако, заключать, что социал-демократы высказываются *против* профессионального и общего образования народа. Они говорят только, что *общее образование не улучшит*, а профессиональное *ухудшит* материальное положение рабочего класса. Но если таково *непосредственное экономическое* влияние образования, то *посредственное*, историческое влияние его, напротив, в высшей степени полезно для рабочего класса. Чем образованнее и развитее будет пролетариат, тем успешнее будет борьба его с буржуазией. Общее образование не улучшит положения *наемного работника*, но оно будет способствовать *устранению тех экономических отношений*, при которых существует *наем рабочих*, т.-е. продажа труда на рынке. С этой точки зрения общее образование имеет огромную важность, и хорошая школа должна быть одним из первых и самых дорогих завоеваний пролетариата. Что же касается профессионального образования, то оно также может послужить весьма действительным средством для освобождения пролетариата, хотя нужно заметить, что развитие машинного производства сильно подрывает значение этого рода образования. Давая рабочим возможность «производить данный продукт в более короткое время», профессиональное образование увеличивает производительность труда, а чем более увеличивается производительность труда, тем более облегчается социалистическая организация производства и приближается время ее осуществления. Поэтому социал-демократы и не могут восставать против профессионального образования, каковы бы ни были его

непосредственные экономические следствия. К вопросу об образовании социал-демократы относятся так же, как к вопросу о машинах. Развитие машинного производства несомненно ухудшает положение рабочего класса. Оно уменьшает спрос на рабочую силу и тем вызывает падение заработной платы. Кроме того, машины всегда были «оружием капиталистов против возмущений работников»... self acting mule (самоткацкий станок), величайшее изобретение новейшей промышленности, прогнал с поля битвы возмутившихся прядильщиков (Маркс). Тем не менее, социал-демократы и не думают восставать против изобретения и введения машин. Напротив, в развитии машинного производства они видят необходимое материальное условие социалистической революции. Этим-то и отличаются социал-демократы от русских народников. Замечая вредные для рабочего класса следствия развития капитализма, введения машинного производства, относительного перенаселения и т. д., народник пугается прогрессивного движения общественных отношений и апеллирует к экономическому застою, к сохранению старых патриархальных форм производства. Подобно социалистам-утопистам, он «видит в зле только зло, вместо того, чтобы обратить внимание на его революционную, разрушительную сторону, которая низвергнет старое общество». Но именно поэтому и было бы увековечено рабство трудящегося класса, если бы история пошла так, как этого хочется народникам. Иначе поступают социал-демократы. Они не складывают рук перед злом, создаваемым прогрессивным развитием экономических отношений. Они борются против этого зла, но в своей борьбе апеллируют *не к застою, а к дальнейшему прогрессу.* Так, например, мы уже сказали, что социал-демократы нисколько не восстают против развития машинного производства. Но, с другой стороны, они не ограничиваются тем утешением, что «в более или менее отдаленном будущем» социалистическая революция с избытком вознаградит рабочего за все бедствия, принесенные ему введением машин. В своих ближайших требованиях они указывают практические, теперь уже осуществимые меры, могущие уравновесить вредное для рабочих влияние машинного производства. Так, например, они стремятся к возможно большему сокращению рабочего дня, к ограничению женского и детского труда, а известно, что такие меры способны в значительной степени ограничить указанные выше вредные стороны развития машинного производства. Если бы в один прекрасный день труд рабочих в Англии «был рациональным образом ограничен и распределен между различными слоями населения сообразно полу и возрасту,—говорит Маркс,—то существующего рабочего населения

было бы совершенно недостаточно для продолжения национального производства в существующих размерах. Бо́льшая часть «непроизводительных» теперь работников должна была бы стать «производительной». Das Kapital, 2 Auflage, S. 662. Подобная мера, которая не была еще надлежащим образом осуществлена ни в одном из современных государств, принесла бы гораздо больше пользы рабочему классу, чем донкихотская борьба против неотвратимого хода развития экономических отношений.

8. Важная роль, приписываемая здесь промышленному развитию Америки и в особенности Австралии, должна удивить тех из русских читателей, которые придерживаются экономической теории г. В. В. По этой теории появление на всемирном рынке новых конкурентов, в лице новых стран, должно считаться отныне невозможным, так как рынок этот окончательно завоеван более передовыми государствами. Поэтому г. В. В. сомневается в будущности русского капитализма, и по той же самой причине последовательный читатель должен усомниться в будущности капитализма австра́лийского. Теория г. В. В. не лишена известной доли остроумия, но, к сожалению, обнаруживает полнейшее незнакомство с историей. Было время, когда на всемирном рынке почти исключительно господствовала Англия, и это господство отсрочивало решительное столкновение английского пролетариата с буржуазией. Монополия Англии была разрушена появлением на всемирном рынке Франции и Германии, а теперь монополия Западной Европы подрывается конкуренцией Америки, Австралии и даже Индии, что, конечно, поведет к заострению взаимных отношений между пролетариатом и буржуазией в Европе. Мы видим отсюда, что теория г. В. В. совсем не подтверждается действительным ходом событий. Г. В. В. думает, что, раз добившись господства на всемирном рынке, более развитые в промышленном отношении страны окончательно закрывают доступ к нему менее развитым странам, и *тем толкают эти последние на путь социальной реформы,* каковая *реформа* и *должна быть предпринята* будто бы стоящим выше классовых интересов *правительством,* например, правительством Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского. Факты же показывают совсем обратное. Они говорят нам, что менее развитые страны не стоят на одном месте, а постепенно расчищают себе путь на всемирный рынок, и своею конкуренцией *толкают более развитые страны на путь социальной революции, которая будет совершена сознавшим свою классовую задачу пролетариатом,* опирающимся на свои собственные силы и захватившим политическую власть в свои собственные руки.

Второй проект программы русских социал-демократов [1]).

Русские социал-демократы, подобно социал-демократам других стран, стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала. Такое освобождение может быть достигнуто путем перехода в общественную собственность *средств и предметов* производства, перехода, который повлечет за собою:

а) устранение современного товарного производства (т.-е. купли и продажи продуктов на рынке) и

б) замену его новой системой общественного производства по заранее составленному плану, ввиду удовлетворения потребностей как целого общества, так и каждого из его членов, в пределах, допускаемых состоянием производительных сил в данное время.

Эта коммунистическая революция вызовет самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Заменяя современное господство продукта над производителем—господством производителя над продуктом, она внесет сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая все общественные отношения, она вместе с тем предоставит каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведывании общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее *прямым народным законодательством.*

Кроме того, теперь уже можно предвидеть международный харак-

---

[1]) Впервые напечатан, как приложение к брошюре «Чего хотят социал-демократы?» Женева 1888. Составлен в 1887 г.

тер предстоящей экономической революции. При современном развитии международного обмена, упрочение этой революции возможно лишь при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ. Отсюда вытекает *солидарность интересов производителей всех стран*, признанная и провозглашенная еще Международным Товариществом Рабочих.

Но так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, так как интересы труда в общем диаметрально противоположны интересам эксплоататоров и так как поэтому высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений,—то неизбежным предварительным его условием является *захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран.* Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контр-революционеров и положить конец существованию классов и их борьбе.

Эта политическая задача вносит элемент разнообразия в программы социал-демократов различных государств, сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности.

Практические задачи, а следовательно, и программы социал-демократов естественно должны иметь более сложный характер в тех странах, где современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующим и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства. В таких странах социал-демократам приходится добиваться, как переходных ступеней, таких форм общественного устройства, которые уже теперь существуют в передовых странах и необходимы для дальнейшего развития рабочей партии. Россия находится именно в таком положении. Капитализм сделал в ней громадные успехи со времени крепостного права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству и тем самым открывает огромный внутренний рынок для крупной промышленности. Патриархальные, общинные формы крестьянского землевладения быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплоатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций. Русское революционное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на

пользу крестьянства, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства. Необходимым следствием этого является бессилие и робость тех образованных слоев высших классов, материальным и умственным интересам которых противоречит современная политическая система. Возвышая голос во имя народа, они с удивлением видят, что он равнодушен к их призывам. Отсюда — неустойчивость политических воззрений, а временами уныние и полное разочарование нашей интеллигенции.

Такое положение дел было бы вполне безнадежно, если бы указанное движение русских экономических отношений не создавало новых шансов успеха для защитников интересов трудящегося класса. Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижной и развитой, класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население. Между тем как идеал общинника лежит назади, в тех условиях патриархального хозяйства, необходимым политическим дополнением которых было царское самодержавие, участь промышленного рабочего может быть улучшена лишь благодаря развитию новейших, более свободных форм общежития. В лице этого класса народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии. Рост и развитие такой партии встретит, однако, в современном русском абсолютизме очень сильное препятствие.

Поэтому борьба против него обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собой теперь зачатки будущей русской рабочей партии. Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей.

Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в нем социалистических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собой в одно целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему, решительному на него нападению, при чем не остановятся и перед так

называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы.

Целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом является завоевание демократической конституции, обеспечивающей:

1) Право быть избирателем и избираемым как в Законодательное Собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом позорные действия к потере политической правоспособности.

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

3) Всеобщее, светское, даровое и обязательное образование, при чем государство должно снабжать бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями.

4) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

5) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

6) Свободу передвижения и занятий.

7) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения.

8) Замена постоянного войска всеобщим вооружением народа.

9) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

Опираясь на эти основные политические требования, рабочая партия выдвигает ряд ближайших экономических требований, как, напр.:

1) Радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себу удобным, и т. п.

2) Устранение современной податной системы и установление прогрессивного подоходного налога.

3) Законодательное регулирование отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей *инспекции с представительством от рабочих.*

4) Государственная помощь производительным *ассоциациям*, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Эти требования настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия проложит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением. Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины, пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение неотвратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такой силой явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства.

Примечание. Как видно из вышесказанного, русские социал-демократы полагают, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитой слой трудящегося населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социал-демократы могут, с гораздо большей надеждой на успех, распространить свое воздействие на крестьянство, в особенности в то время, когда они добьются свободы агитации и пропаганды. Само собой, впрочем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Предисловие редактора 3
Приветствие Немецкой Социалдемократии в Копенгагене 9
А. П. Щапов 10
Об издании „Библиотеки Современного Социализма“ 21

СОЦИАЛИЗМ и ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА.

Предисловие 27
Социализм и политическая борьба 29

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ.

Письмо к П. Л. Лаврову (Вместо предисловия) 91

Введение.

1. В чем нас упрекают 108
2. Постановка вопроса 111
3. А. И. Герцен 113
4. Н. Г. Чернышевский 115
5. М. А. Бакунин 134
6. П. Н. Ткачев 142
7. Результаты 148

Глава I. Некоторые исторические справки.

1. Русский бланкизм 153
2. Л. Тихомиров 156
3. Группа „Освобождение Труда“ 165
4. Л. Тихомиров в борьбе с группой „Освобождение Труда“ 171
5. Историческая роль капитализма 175
6. Развитие капитализма на Западе 185

Глава II. Капитализм в России.

1. Внутренний рынок 199
2. Число рабочих 205
3. Кустари 214
4. Кустарный промысел и земледелие 222
5. Кустарь и фабрика 225
6. Успехи русского капитализма 227
7. Сбыт 230

Стр.

Глава III. Капитализм и общинное землевладение.

1. Капитализм в земледелии 232
2. Община 236
3. Разложение нашей общины 239
4. Идеальная община народников. 249
5. Выкупная операция. 260
6. Мелкое землевладение. 269
7. Вывод 270

Глава IV. Капитализм и наши задачи.

1. Характер предстоящей революции 272
2. „Захват власти". 294
3. Вероятные последствия „народной" революции 302
4. Колебания Л. Тихомирова между бланкизмом и бакунизмом. 318
5. Вероятные последствия захвата власти социалистами 329

Глава V. Истинные задачи социалистов в России.

1. Социал-демократы и „зуботычины" 331
2. Пропаганда в рабочей среде. 341

Глава VI. Заключение. 353

Программа группы „Освобождения Труда". 357
Современные задачи русских рабочих 363
Предисловие к брошюре „Кто чем живет". 373
Предисловие к „Речи о свободе торговли". 380
Морозовская стачка. 390
Предисловие к брошюре „Чего хотят социал-демократы". 394
Второй проект программы русск. соц.-демокр. 400

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Главное Управление Москва 1923